

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://baratynsky.ru/> Приятного чтения!

Полное собрание сочинений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящим томом, продолжающим Полное собрание сочинений и писем Е. А. Боратынского, завершается публикация корпуса его лирических стихотворений. Том включает в себя последний сборник Боратынского «Сумерки» (1842), печатаемый с сохранением авторской композиции (Раздел I), тексты 1835–1844 гг., не включенные в сборник или написанные после его выхода (Раздел II), юношеское стихотворение (Раздел III), стихотворения, сочиненные в соавторстве с другими поэтами (Раздел IV), а также тексты, принадлежность которых Боратынскому не может быть признана безоговорочно (Раздел V).

Каждое стихотворение сопровождается комментарием, включающим сведения об источнике, по которому воспроизводится текст, об известных автографах и авторитетных копиях, обо всех прижизненных публикациях, а также о публикациях в авторитетных посмертных собраниях сочинений. Комментарии также содержат обоснование предлагаемой датировки; ссылки на те издания и исследования, в которых были введены текстологические инновации, впервые даны библиографические и хронологические уточнения, или, наоборот, сообщена неточная или прямо ошибочная информация (в аппарат не включались сведения о Справочном томе [2003], поскольку помещенный там текстологический комментарий к поздней лирике Боратынского отразил начальную стадию работы над настоящим томом). Историко-литературный и реальный комментарий к публикуемым текстам составит второй полум том третьего тома ПССИП.

В сопроводительной статье излагаются принципы, в соответствии с которыми был осуществлен выбор источника публикации, а также содержатся сведения об истории составления и цензурования сборника «Сумерки», об обстоятельствах поздних прижизненных и первых посмертных публикаций стихотворений, не вошедших в сборник, о формировании корпуса авторитетных семейных копий и истории первых посмертных собраний сочинений Боратынского.

В томе помещены фотокопии всех ныне доступных автографов публикуемых текстов и некоторых наиболее авторитетных списков, а также фотокопия первой рукописи сборника 1842 г., поданной на рассмотрение в Московский цензурный комитет. В дополнение к этому публикуется роспись содержания альбомов и тетрадей жены поэта – Н. Л. Боратынской, представляющих первостепенное источниковое значение.

Стихотворения Боратынского печатаются с сохранением орфографии и пунктуации источников. Исправления сделаны только в тех случаях, когда правописание слов в источниках может быть квалифицировано как описка или опечатка. Изменения пунктуации носят минимальный характер и были продиктованы исключительно смыслообразительными соображениями. Все исправления и изменения, сделанные в тексте источника, оговорены в текстологических примечаниях.

Тексты стихотворений проверены по всем доступным рукописным и печатным источникам. При составлении сводки вариантов, помимо автографов и прижизненных публикаций, учитывались также авторитетные копии из архивов Боратынского и его ближайших родственников, копии, предшествовавшие первой публикации и/или послужившие ее источником, а также посмертные издания, в которых тексты печатались по ныне утраченным автографам. В справочном аппарате не учитывались нерелевантные в текстологическом отношении позднейшие копии и копии, сделанные с печатных источников.

При наличии черновых автографов стихотворений дается сводка вариантов, отражающая последовательность авторской работы над текстом. Принцип подачи вариантов ориентирован на принятый в новейшем Академическом Полном собрании сочинений и писем А. С. Пушкина в 20-ти томах (см. Пушкин 2004. С. 123–128). В тех случаях, когда черновик дает законченное связное чтение, сначала приводится финальный вариант строки или строфы, а предшествующие и отброшенные варианты конкретных строк последовательно даются под соответствующей строкой, начиная с самых ранних (последовательность вариантов обозначена литерами а, б, в и т. д.). В случаях неоконченной правки, а также для выделения правки, производившейся «блоками» из нескольких строк, варианты также записываются в последовательности от ранних к позднейшим (но без вынесения финального варианта в начало сводки), и обозначаются прописными литерами: А, Ё, В и т. д.

В отличие от первого и второго тома настоящего издания, где тексты публиковались в хронологическом порядке, стихотворения, вошедшие в сборник «Сумерки» (Раздел I), помещены в соответствии с авторской композицией книги. В качестве основной

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
редакции для всех текстов этого раздела выбран печатный текст «Сумерек». Подробная мотивировка этого выбора дана в сопроводительной статье. В других разделах тома сохранен хронологический порядок расположения стихотворений – по времени их создания или прижизненной публикации.

6

Все предлагаемые датировки мы старались основывать только на документированных фактах (собственных указаниях Боратынского, эпистолярных свидетельствах, цензурных документах и т. д.); гипотетические уточнения этих датировок, основанные на содержательной интерпретации текстов, будут предложены в историко-литературном комментарии.

В томе продолжена сплошная нумерация стихотворений, принятая в предшествующих томах настоящего издания, однако проведенные разыскания позволили уточнить датировки ряда публикуемых здесь стихотворений и заставили внести изменения в нумерацию, опубликованную в первом томе (Боратынский 2002. Т. 2. Ч. 1. С. 19–21).

Под каждым номером печатаются все редакции данного стихотворения в порядке, принятом в предшествующих томах: первой помещается последняя редакция стихотворения (для текстов, составивших Раздел I, это редакция «Сумерек»), затем тексты более ранних редакций полностью – в порядке их создания и публикации. В отличие от предшествующих томов, мы датируем каждую редакцию отдельно. Если стихотворение подвергалось переработке значимой, но недостаточной для выделения отдельной редакции, под текстом в ломаных скобках указывается двойная датировка – время создания и время переработки. Если переработка носила точечный и несущественный характер, сообщение о времени ее появления помещается в комментариях к стихотворению.

При подготовке настоящего тома использованы материалы следующих архивов: Рукописный отдел ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Российский государственный архив литературы и искусства, научный архив музея-усадьбы «Мураново», Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Российский государственный исторический архив, Центральный исторический архив г. Москвы, Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, Отдел редких книг Научной библиотеки СПбГУ.

Данный том не мог бы быть подготовлен без многолетней помощи и заинтересованного участия коллег и друзей.

Особая признательность – сотрудникам Рукописного отдела ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) Н. Н. Колесовой, Т. И. Краснобородько, Е. Р. Обатниной, М. М. Павловой, сотрудникам РГАЛИ Т. М. Горяевой, Д. В. Неустроеву, Е. Е. Чугуновой, сотрудникам Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ И. Л. Великодной, П. В. Кузнецову и А. И. Любжину.

7

За благожелательное внимание, практические советы и научную поддержку от души благодарим Д. П. Бака, А. С. Белоусову, В. В. Варганову, М. Б. Велижева, М. Н. Виролайнен, Н. М. Войнову, К. А. Головастикова, Т. П. Гончарову, С. А. Долгополову, А. А. Долинина, И. В. Завьялову, Г. В. Зыкову, М. А. и А. В. Климковых, А. А. Кобринского, А. В. Ковех, А. А. Костина, Е. О. Ларионову, Р. Г. Лейбова, Е. Э. Лямину, В. Ляпунова, А. Л. Осповата, С. И. Панова, И. А. Пильщикова, В. С. Полилову, Н. П. Сабадаш, Н. М. Сперанскую, Д. М. Хитрову, Е. В. Шаульского, Е. П. Шумилову, А. А. Щербакову.

Подготовка этого тома началась при непосредственном участии инициатора и вдохновителя всего издания, Алексея Михайловича Пескова, безвременно покинувшего нас 22 октября 2009 года. Заканчивать работу нам пришлось без него, а значит, ответственность за все возможные ошибки и недочеты лежит только на нас. Однако самим фактом своего существования этот том обязан прежде всего А. М. Пескову.

I

Сумерки.

Сочинение Евгения Боратынского

190

Князю

Петру Андреевичу Вяземскому

Как жизни общие призывы,

Как увлеченья суеты,

Понятны вам страстей порывы и обаяния мечты;

Понятны вам все дуновенья, которм, в море бытия, Послушна наша ладия:

Вам приношу я песнопенья,

Где отразилась жизнь моя: Исполнена тоски глубокой, Противоречий, слепоты,

И между тем любви высокой, Любви добра и красоты.

Счастливым сын уединенья, Где сердца ветреные сны,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын

И мысли праздныя стремленья Разумно мной усыплены;
Где, другу мира и свободы,
Пи до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мне нужды нетъ; Где я простил безумству, злобе, И позабыл, какъ-бы
во гробе,
По добровольно шумный светъ: Еще, порою, покидаю Я Лету созданную мной,
И степи мира облетаю С тоскою жаркой и живой:
Ищу я васъ; гляжу: что с вами? Куда вы брошены судьбами,
Вы озарявшие меня

И
И дружбы кроткими лучами,
И светом вышаго огня?
Что вам дарует провидинье?
Чем испытует небо васъ?
И возношу молящий гласъ:
Да длитя ваше упоенье,
Да скоро минет скорбный час!
Звезда разрозненной Плеяды!
Так, из глуши моей, стремлю Я к вам заботливые взгляды,
Вам высшей благодати молю,
От вас отвлечь судьбы суровой Удары грозные хочу,
Хотя вам прозою почтовой Лениво дань мою плачу.

<Не позднее начала ноября 1834 (?); начало ноября 1836>
190. Князю Петру Андреевичу Вяземскому («Как жизни общие призывы...»)
Печатается по: Сумерки. С. 5–13; с исправлениями: ст. 36 упоенье → упоенье, --
ст. 42 судьбы → судьбы

Оформление текста в сборнике (заглавие вынесено на отдельную страницу, текст набран курсивом) знаменует дополнительную функцию стихотворения – оно исполняет роль посвящения ко всей книге.

В цензурной тетради (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 2–3 об.) текст под заглавием «К. Вяземскому» с ошибками в ст. 22 («в гробе») и ст. 25 («Летою»); с иным написанием одного слова в ст. 38 («плеяды») – и с разночтением:

44 Хоть вам я прозою почтовой
Автограф неизвестен.

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 141–142 (заглавие: «К. Вяземскому»).

Впервые опубликовано: Современник. 1836. Т. IV (ценз. разр. И ноября; ценз, билет 22 декабря – летопись. С. 335). С. 216–218 (подпись: Е. Баратынский) – под заглавием «К князю П. А. Вяземскому» с иным написанием одного слова в ст. 33 («Провиденье») и с разночтением:

16 И мысли мрачныя стремленья
12

Копия С. Л. Энгельгардт (Путята), возможно, сделанная на основании текста, посланного ей Боратынским в ноябре 1834 г. (см. ниже; факт посылки не подтвержден), и отражающая раннюю стадию работы над стихотворением: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. л. 53 об.–54 (заглавие «К. Вяземскому») – с описками в ст. 16 («празные» вместо «праздныя»), ст. 17 («усыпены» вместо «усыплены»), ст. 18 («мира» вместо «мира»), ст. 38 («разрозненной» вместо «разрозненной») и с разночтениями:

3 Знакомы вам страстей порывы 3 и все глухия дуновенья 11 Полна безумства, слепоты 14 Из моего уединенья 37 Да скоро минет горькой час!

43 Вниманье грозное хочу,

Завершение работы над ранним вариантом послания предположительно датируется на основании фразы в письме Е. А. Боратынского к С. Л. Энгельгардт от начала ноября 1834 г.: «По будущей почте пришлю тебе послание к Вяземскому...» (Летопись. С. 324); время переработки текста ограничивается датой первой публикации. Новый вариант ст. 16, вошедший в «Сумерки», был введен в текст до первого представления сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не позднее 10 января 1842 г.), внесенная в то же время поправка в ст. 44 (см. разночтение цензурной тетради) была затем отменена – в период между возвращением рукописи из первой цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (не ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 142–143 и Изд. 1884. С. 228–229 (текст «Сумерек» – так же во всех последующих изданиях; в ст. 33 «Провиденье», в ст. 34 «Небо» с заглавной буквы – так же в Изд. 1884, изд. 1914–1915; датировка: 1835–1842). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 147–148 (датировка: 1836 – повторено в Изд. 1951), 292–293 (отмечена публикация в «Современнике»). – Изд. 1936. Т. I. С. 199–200 (текст набран курсивом – так же в Изд. 1982; в ст. 13 некорректное чтение «Любви, добра и

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский «красоты» – повторено в Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000] в ст. 16 некорректное чтение «Мысли праздные стремленья» – повторено во всех последующих изданиях; в ст. 38 «плеяды» со строчной буквы – так же во всех последующих изданиях); Т. II. С. 266 (датировка: не позднее ноября 1834 г. на основании письма Боратынского к С. Л. Энгельгардт – так же во всех последующих изданиях, кроме Изд. 1951). – Изд. 1951. С. 269–270 (заглавие: «К князю П. А. Вяземскому»), 580 (источником публикации назван текст «Современника», но не учтено разночтение в ст. 16; датировка: не позднее ноября 1836). – Изд. 1982. С. 271–272, 480 (вариант цензурной тетради в ст. 44 – повторено в Изд. 2000).

13

191

Последний Поэт

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта Час от часу насущным и полезным Отчетливей,
безстыдной занята.

Исчезнули при свете просвещения Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья, Промышленным заботам преданы.

Для ликующей свободы Вновь Эллада ожила,

Собрала свои народы И столицы подняла:

В ней опять цветут науки,

Дышет роскошь,, блещет вкусъ;

Но не слышны лиры звуки В первобытном рае муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,

Блестит! Суров и бледен человекъ;

Но зелены в отечестве Омира Холмы, леса, берега лазурных рекъ;

Цветет Парнас! пред ним, как в оны годы, Кастальской ключь живой струею бьетъ:

Нежданный сын последних сил природы Возник поэтъ: идет он и поет.

Воспеваает простодушной Он любовь и красоту,

И науки, им ослушной,

Пустоту и суэту:

14

Мимолетная страданья Легкомыслием целя,

Лучше смертный, в дни незнанья, Радость чувствует земля.

Поклонникам Урании холодной Поет, увы! он благодать страстей:

Как пажити, Эол бурнопогодной,

Плодотворят оне сердца людей; Живительным дыханием развита,

фантазия подымлетса от них,

Как некогда возникла Афродита Из пенистой пучины вод морских.

И за чем не предадимся Снам улыбчивым своимъ?

Жарким сердцем покоримся Думах хладным, а не им!

Верьте сладким убежденьям Вас ласкающих очес И отрадным откровеньям

Сострадательных небес!

Суровый смех ему ответомъ; персты Он на струнах своих остановил,

Сомкнул уста вещать полу отверсты,

Но гордые главы не преклонилъ:

Стопы свои он в мыслях направляет В немую глушь, в безлюдный край; но свет Уж

празднаго вертепа не являет,

И на земле уединенья нет!

Человеку не покорно Море синее одно:

И свободно, и просторно,

И приветливо оно;

И лица не изменило С дня, в который Аполлон Поднял вечное светило В первый раз на небосклон.

Оно шумит перед скалой Левкада.

На ней, певец, мятежной думы полн, Стоит.... в очах блеснула вдруг отрада:

Сия скала тень Сафо!... голос волн...

Где погребла любовница Фаона Отверженной любви несчастной жар,

Там погребет питомец Аполлона Свои мечты, свой бесполезный дар!

И по прежнему блистает Хладной роскошию светъ:

Серебрит и позлащает Свой безжизненный скелеть;

Но в смущение приводит Человека глас морской,

И от шумных вод отходит Он с тоскующей душой!

<Не позднее февраля 1835; не позднее 6 марта 1842>

191. Последний Поэт («Век шествует путем своим железным...»)

Печатается по: Сумерки. С. 15–20; с исправлением ст. 66: мятежный → мятежной в соответствии с копиями Н. Л. Боратынской, а также с учетом чтения этой строки в автографе и первой публикации: «На ней Певец, неясной думы полнь» (см. ниже).

Заглавие стихотворения набрано, как и прочие заглавия «Сумерек», прописными

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынскими буквами; в тексте слово «поэтъ» напечатано со строчной буквы; в оглавлении – с прописной: «Последний Поэтъ»; так же написано заглавие в цензурной тетради (л. 4) и в копиях Н. Л. Боратынской (см. ниже).

Текст в цензурной тетради (л. 4–7; заглавие: «Последний Поэтъ») с ошибкой в ст. 15 («не слышень»), с иным написанием отдельных слов в ст. 5 («Просвещенья») и ст. 62 («в которой») и с разночтениями:

16

23 Последний сын Аттической природы,

31 Лучше смертный! в дни незнанья 40 От пенистой пучины вод морских.

49 Суровый смех ему ответом. Персты 66 На ней певец мятежной думы полнь

В ст. 34 цензором В. П. Флеровым отмечено к исключению слово «благодать», однако в «Сумерках» этот стих был напечатан без изменений.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 92 об.–94 (ст. 32 пропущена, в ст. 66 «На ней певец мятежной думы полнь»); № 38 (альбом «Souvenir»). л. 48–49 (в ст. 66 «На ней, певец мятежной думы полн,»); № 40. л. 33–36 (в ст. 66: «На ней, певец мятежной думы полн,»).

Копия Л. Е. Боратынского: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 54. л. 5–6 (заглавие: «Последний Поэтъ»; в ст. 18 «хладень» вместо «бледень», в ст. 30 «ценья» вместо «целя», в ст. 69 «погребло» вместо «погребла»).

Последние три копии записаны параллельно с автопереводом стихотворения на французский язык под заглавием «Le dernier Poete».

В тексте «Последнего Поэта» Боратынским были сделаны поправки уже после выхода «Сумерек» – в экземпляре сборника, который, по указанию Верховского, принадлежал Н. В. Путяте (Верховский 1935. С. 107), а затем хранился в Муранове. Этот экземпляр, очевидно, был в распоряжении сыновей Боратынского, когда они готовили Изд. 1869 и Изд. 1884, затем перешел к Н. И. Тютчеву (см.: Изд. 1936. Т. II. С. 267), впоследствии – к К. В. Пигареву (см.: Изд. 1951. С. 580; Изд. 1957. С. 366; Изд. 1982. С. 641), а сейчас находится во владении его наследников и для верификации недоступен.

Со ссылкой на этот экземпляр, но без указания на то, какие поправки учтены, стихотворение печаталось в Изд. 1936 (Т. I. С. 201–203), Изд. 1951 (С. 271–273), Изд. 1957 (С. 173–175), Изд. 1982 (С. 274–276; текст Изд. 1982 воспроизведен в Изд. 1989). М. Л. Гофману книга, вероятно, известна не была – в Изд. 1914–1915 она не упомянута. На мурановский экземпляр «Сумерек» как на источник авторских поправок и, соответственно, разночтений Изд. 1869 и Изд. 1884 впервые указал Г. О. Винокур (Винокур 1927. С. 105) со ссылкой на «Каталог выставки в ознаменованье столетия со дня <...> рождения Баратынского (Каталог 1925. С. 63). Перечень разночтений мурановского экземпляра «Сумерек» приведен в неопубликованном комментарии Ю. Н. Верховского (Верховский 1935. С. 107).

Согласно сообщению Л. Г. Фризмана (Изд. 1982. С. 571–572), «подлинный текст» «Последнего Поэта», с учетом всех поправок в этом экземпляре «Сумерек», был опубликован К. В. Пигаревым в издании: Баратынский Е. А. Стихотворения и поэмы / Сост., предисл. и примечания К. В. Пигарева. Рис. Н. Н. Побединской. М., «Детская литература», 1975 (к 175-летию со дня рождения Е. А. Баратынского). С. 106–108.

За недоступностью мурановского экземпляра «Сумерек» приводим разночтения по публикации К. В. Пигарева, с указанием тех изданий, где соответствующие строки были напечатаны также с учетом этой правки.

2 – 5341

17

14 Носит понт торговли груз,

(так же – в основном корпусе текстов Изд. 1869; Изд. 1884; Изд. 1936; Изд. 1931; Изд. 1957; Изд. 1982; Изд. 1989; Изд. 2000)

43 Бодрым сердцем покоримся

(так же – в основном корпусе текстов Изд. 1982; Изд. 1989; Изд. 2000)

44 Думаю робким, а не им!

(так же – в основном корпусе текстов Изд. 1869; Изд. 1884; Изд. 1982; Изд. 1989; Изд. 2000)

68 Сия скала... тень Сафо! песни волн...

(так же – в основном корпусе текстов Изд. 1869; Изд. 1884; Изд. 1982; Изд. 1989; Изд. 2000)

78 Человека вал морской,

(так же – в основном корпусе текстов Изд. 1936; Изд. 1951; Изд. 1957; Изд. 1982; Изд. 1989; Изд. 2000; в разделе «Варианты» Изд. 1869 и Изд. 1884 с неверным

указанием: «в „Сумеркахъ“»)

Кроме того, в комментариях Верховского (Верховский 1935. С. 107) отмечен другой вариант ст. 43, затем, по-видимому, исправленный (см. также Изд. 1982.

С. 481):

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын

43 [Вещим] Бодрым сердцем покоримся

в основном корпусе Изд. 1869 и Изд. 1884 имеется еще одно разночтение (см. также Изд. 1982. С. 481):

43 Гордым сердцем покоримся

О хронологии поправок в мурановском экземпляре и их статусе см. подробнее в сопроводительной статье.

Впервые опубликовано: Московский наблюдатель. 1835. Ч. I. Март. Кн. 1 (ценз! разр. 19 февраля; ценз, билет 12 марта – летопись. С. 326; вышел 16 марта – Московские ведомости. 1835. № 22. 16 марта. С. 1080). С. 30–32 (подпись: Е. Баратынский) – под заглавием «Последний поэт», с иным написанием отдельных слов: в ст. 16 («Музь»), ст. 22 («Кастальский»), ст. 24 («Поэть»), ст. 25 («простодушный»), ст. 28 («суету»), ст. 41 («зачем»), ст. 70 («несчастный»), опечаткой в ст. 71 («Такъ» вместо «Тамъ») и с разночтениями:

5 Исчезнули пред светом просвещения

6 Поэзии младенческие сны,

14 Дышет роскошь, дышет вкусъ;

23 Последний сын Аттической природы,

31 Лучше смертный! в дни незнанья

18

40 От пенистой пучины вод морских.

49 Суровый смех ему ответом... Персты 52 Но пред толпой главы не преклонилъ:

54 В безлюдный край, в немую глушь... но свет 66 На ней, Певец, неясной думы

полн 77 Но в смятение приводит

Беловой автограф, соответствующий первой публикации, в тетради С. Л. Энгельгардт (путята): РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. л. 32–33 об. – без заглавия, с описками в ст. 43 («предадимся» вместо «покоримся»), ст. 62 («Аполонъ» вместо «Аполлонъ»), пропуском предлога «въ» в ст. 53, иным написанием отдельных слов (в ст. 5 «Исчезнули», в ст. 66 «певецъ») и с разночтением:

49 Холодный смех ему ответом... персты

Автограф был впервые учтен в комментариях Ю. Н. Верховского (Верховский 1935. С. 107).

Датируется по первой публикации и по времени повторного представления сборника в Московский цензурный комитет.

Изд. 1869. С. 143–146 (стихотворение напечатано по мурановскому экземпляру

«Сумерек» – с указанными выше разночтениями; а также с иным написанием слова в

ст. 28 [«суету»] – повторено во всех последующих изданиях; и с ошибками в ст. 31

«Лучше смертный, в дни незнанья!»; ст. 35 «Как пажити Эол бурноподобной»; иным

написанием окончаний в ст. 22 «Кастальский», ст. 70 «несчастный жаръ» –

повторено во всех последующих изданиях; датировка: 1835–1842), 211–212 (варианты

«Московского наблюдателя» в ст. 6, 40, 52, 54, 66, 77; варианты «Сумерек»: ст.

14, 23 отмечены также как наличествующие «в рукописи», ст. 43, ст. 44 [ошибочно

приведен вариант основного текста «Думам робкимъ» вместо «Думам хладнымъ» –

повторено в Изд. 1884), ст. 68; вариант ст. 78 по мурановскому экземпляру [«вал

морской»] ошибочно назван вариантом «Сумерек» – повторено в Изд. 1884). – Изд.

1884. С. 230–233 (текст Изд. 1869 с разночтением в ст. 31 «лучше, смертный, в

дни незнанья» – повторено во всех последующих изданиях, кроме Изд. 1914–1915 – и

с исправлением ошибки в ст. 35; разночтение в ст. 66 «На ней, певец мятежный,

думы полнъ» исправлено в списке опечаток: «певец, мятежной думы полнъ»; в ст. 69

опечатка: «любовница фаона»). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 140–142 (текст

«Московского наблюдателя» с исправлениями по тексту «Сумерек» – в ст. 5

«Исчезнули при свете просвещения», в ст. 14 «Дышит роскошь, блещет вкусъ», в ст.

40 «Из пенистой пучины»), 289–290 (варианты «Сумерек» в ст. 6, 23, 52, 54, 66 [с

исправлением: «мятежной думы полнъ»], 77; отмечены разночтения по тексту Изд.

1869 в ст. 14, 43, 44, 68; датировка: 1834). – Изд. 1936. Т. I. С. 201–203

(текст по мурановскому экземпляру «Сумерек»; в ст. 52 некорректно воспроизведено

окончание прилагательного «Но гордые главы не преклонил»; в ст. 66 исправлена

опечатка: «На ней певец, мятежной думы иули,» – повторено во всех последующих

изданиях). – Изд. 1951. С. 211–213 (в ст. 25 «простодушный» вместо

«простодушной» – повторено в Изд. 1951, Изд. 1989, Изд. 2000). – Изд. 1951.

2*

19

С. 173–175 (датировка: <1835> – так же во всех последующих изданиях). – Изд.

1982. С. 274–276 (в ст. 48 ошибка: «Сострадальных небес» – повторено в Изд.

2000), 481–482 (варианты автографа ранней редакции в ст. 3–6, 14, 31–32

[ошибочно приведена пунктуация «Сумерек»], 40 [с ошибочным чтением «ненастной»

вместо «пенистой»], 43–44, 49 [с ошибочным чтением «хладный» вместо «холодный»],

32, 34, 66, 68 [приведена только первая часть строки «Сия скала!»], 77; варианты

«Московского наблюдателя» в ст. 6, 23, 32, 34, 66, 77; «Сумерек» в ст. 14

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын [ошибочно назван также представленным в «Московском наблюдателе»], 43, 44, 68, 78; чтение «автографа на экземпляре Сумерек» в ст. 43 «Вещим сердцем покоримся»; варианты основного текста изд. 1884 в ст. 43, ст. 78), 641 (отмечен автоперевод стихотворения на французский язык). – Изд. 1989. С. 179–181 (с ошибкой в ст. 13 «и не слышны лиры звуки»).

20

192

1

Предразсудок! он обломок Давней правды. Храм упаль;
А руин его потомок Языка не разгадал.
Гонит в нем наш век надменной, Не узнав его лица,
Нашей правды современной Дряхлолетняго отца.
Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Как уснет он, предку дай.
<Не позднее 10 января 1842>

2

Ранняя редакция Предразсудокъ
Предразсудок! Он обломок Давней правды. Храм упал,
Праг остался, а потомок Смысл его не разгадал.
Гонит в нем наш век надменной, Не признав его лица,
Нашей правды современной Дряхлолетняго отца!

21

Воздержи младую силу!
Дней ему не сокращай,
Но пристойную могилу,
Как уснет он, предку дай.
<Не позднее середины марта 1841>

192.1. «Предразсудок! он обломок...»

Печатается по: Сумерки. С. 21–22.

Текст в цензурной тетради (л. 7 об.–8) соответствует напечатанному в «Сумерках». Автограф неизвестен.

Копии, соответствующие тексту «Сумерек», с параллельной записью автоперевода на французский язык: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). л. 49 об.–50 (французский текст под заглавием: «Le préjugé»); № 40. л. 36 об. – рукой Н. Л. Боратынской; № 54. л. 6 об. – рукой Л. Е. Боратынского.

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет.

192.2. Предразсудок («Предразсудок! Он обломок...») Ранняя редакция Печатается по тексту первой публикации: Отечественные записки. 1841. Т. XV.

№ 4 (ценз. разр. 28 марта; вышел 29 марта – Бюроград 1985. С. 117–118). Отд. III: Словесность. С. 258 (3-й пагинации; подпись: Е. Баратынский).

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Отечественных записок»: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. л. 12 об.–13 (в ст. 5 «холодный» исправлено на «надменной»).

Датируется по первой публикации.

Изд. 1869. С. 146 и изд. 1884. С. 234 (текст «Сумерек»; датировка: 1835–1842);

изд. 1869. С. 212 и изд. 1884. Приложения. С. 36 (варианты «Отечественных записок» в ст. 3–4, 6, 10). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 162 (текст «Сумерек», но под заглавием «Предразсудокъ»; датировка: 1841 – так же во всех последующих

изданиях), 302 (варианты «Отечественных записок», совпадающие, по указанию М. Л. Гофмана, с чтением «автографа Боратынского, хранящегося в бумагах И. Ф. Тютчева [Мурановский архив]»; по всей видимости, «автографом» ошибочно названа копия Н. Л. Боратынской). – Изд. 1936. Т. I. С. 204 (текст «Сумерек» – так стихотворение напечатано в основном корпусе всех последующих изданий). – Изд. 1951. С.

175–176. 367 (отмечена публикация в «Отечественных записках», но номер журнала и дата цензурного разрешения указаны неверно – повторено в Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000). – Изд. 1982. С. 277, 482 (варианты «Отечественных записок» с необоснованной конъектурой в ст. 3 «Прах»; как источник тех же разночтений безосновательно указан «недошедший автограф», отмеченный в Изд. 1914–1915, – повторено в Изд. 2000), 642 (отмечен французский автоперевод стихотворения). – Изд. 2000. С. 252. 432 (в списке разночтений ошибочное указание на источник публикации ст. 10 ранней редакции – альманах «Денница»).

22

193

1

Новинское.

А. С. Пушкину
Она, улыбкою своей,
Поэта в жертвы пригласила,
Но не любовь, ответом ей,
Взор ясный думой осенила.
Нет, это был сей легкой сон,
Сей тонкой сон воображенья,
Что посылает Аполлон Не для любви, для вдохновенья.
<Середина января – не позднее 6 марта 1842>

2
Ранняя редакция
Как взоры томные свои,
Ты на певце остановила,
Не думай, чтоб мечта любви В его душе заговорила!
Нет, это был сей легкий сон,
Сей чудный сон воображенья,
Что посылает Аполлон Не для любви, для вдохновенья.
<Середина 1820-х>

23
3
Промежуточная редакция
А. С. П у
Когда, поэта, красота Своей улыбкой оживила,
Не думай, чтоб любви мечта Его глаза одушевила;
Нет: это был сей легкой сон,
Сей тонкой сон воображенья,
Что посылает Аполлон Не для любви, для вдохновенья.
<Не позднее 10 января 1842>
193.1. Новинское. А. С. Пушкину («Она, улыбкою своей...»)
Печатается по: Сумерки. С. 23–24.
В «Сумерках» опубликовано впервые.
Текст цензурной тетради см. ниже (№ 193.3).
Автограф неизвестен.

Датируется временем между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет.

193.2. «Как взоры томные свои...» Ранняя редакция
Печатается по копии в альбоме неустановленного лица («кузины Натальи»): РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 234. л. 3 (подтекстом подпись: Е. Vorat<insky>); с исправлениями: в ст. 1 томные свои, —■> томные свои -- ст. 2 остоновила —■> остановила, :- ст. 3 Не думай —> Не думай, -- мичта —> мечта -- ст. 5 Нет —> Нит, -- сон —> сон, -- ст. 6 воображенья —> воображенья, -- ст. 7 Аролон —> Аполлонъ

Стихотворение записано рукой владелицы альбома; в ст. 6 рукой поэта (?) слово «чудный» вписано вместо зачеркнутого «тонкий». В этом же альбоме – записи стихотворений «Я был любим, твердила ты...» (с датой: «31 ноября <так!> 1825» – см. примеч. к № 110) и «Судьбой наложенные цепи...» (с датой: «Мара. 1827. Juil-Tet» – см. примеч. к № 129.1), а также списки стихотворений Пушкина и Языкова 1819–1825 гг.

Ст. 1–4 впервые опубликованы в Изд. 1869. С. 212 (раздел «Варианты»).

М. Л. Гофман, первым указавший в печати источник ранней редакции («альбом <...> кузины Натали»), считал запись автографом Боратынского (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 295). Ю. Н. Верховский, публикуя материалы Татевского архива, напротив, полагал, что это список и лишь поправка в ст. 6 принадлежит руке поэта (М. С. 4), но впоследствии ученый изменил свою точку зрения: «Печатаемая этот текст среди ма-

териалов татевского архива, мы не решились признать в нем автограф <...>; однако и конфигурации отдельных букв, и в особенности конечные слова 6 и 7 стихов <...> убеждают нас в том, что мы имеем дело с несомненным автографом, относительно ранним, несколько торопливым и небрежным» (Верховский 1935. С. 107). В позднейших изданиях эта атрибуция поддержки не получила: начиная с Изд. 1936 (Т. II. С. 268–269) запись в альбоме «кузины Натали» неизменно квалифицировалась как список.

Датируется предположительно, на основании датированных записей в том же альбоме.

193.3. А.С.П у («Когда, поэта, красота...») Промежуточная редакция
Печатается по цензурной тетради: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 8 об.; с исправлениями: в ст. 2 оживила —■> оживила, -- ст. 3 Не думай —> Не думай,
Автограф неизвестен.

Ст. 1–4 впервые опубликованы в Изд. 1869. С. 212 (раздел «Варианты»).

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет.

Изд. 1869. С. 146 и Изд. 1884. С. 235 (текст «Сумерек», в ст. 3–6 иное написание окончаний: «легкий», «тонкий» – повторено во всех последующих изданиях, кроме Изд. 1951; датировка: 1833–1842); Изд. 1869. С. 212 и Изд. 1884. Приложения. С. 36 (варианты ст. 1–4 по цензурной тетради и альбомной редакции, источник не указан; со ссылкой на Изд. 1869 повторено в Изд. 1989). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 154 (текст цензурной тетради, заглавие «(Новинское). А. С. Пушкину»; в ст. 3–6 иное написание окончаний: «легкий», «тонкий»; датировка: предположительно 1837), 295 (варианты «Сумерек» и альбомной записи, названной автографом). – Изд. 1936. Т. I. С. 205 (текст «Сумерек» – так же во всех последующих изданиях); Т. II. С. 136 (текст ранней редакции с ошибкой в ст. 3: «сладкий» вместо «легкий»; источник публикации – «Список в „Альбоме Натали“»), 268–269 (датировка ранней редакции: предположительно 1826, переработка: 1841–1842). – Изд. 1951. С. 182, 561 (датировка: предположительно 1826). – Изд. 1951. С. 116 (датировано: 1826, 1841), 361 (источник ранней редакции назван «Альбом кухни Наталии»). – Изд. 1982. С. 211, 482 (варианты цензурной тетради и альбомной редакции с некорректными ссылками на «недошедший автограф» и «список из Мурановского архива»; датировка: предположительно 1826). – Летопись. С. 189 (датировка ранней редакции: 1827, февраль 8–14 или апрель, после 3). – Изд. 2000. С. 253, 432–433, 481 (источник «вариантов в рукописи» Изд. 1869 и Изд. 1884 безосновательно назван «недошедшим автографом»; неверно указано местонахождение источника ранней редакции – Музей-усадьба Мураново; датировка ранней редакции: предположительно 1827).

23

194

1

Приметы

Пока человек естества не пытал Горнилом, весами и мерой;
Но детски вещаньям природы внимал, Ловил ее знаменья с верой;
Покуда природу любил он, она Любовью ему отвечала:
О нем дружелюбной заботы полна, Язык для него обретала,
Язык для него обретала.
Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой, Воздерживал он дерзновенье.
На путь ему выбежав из лесу волк, Крутясь и подъявля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк Бросал он на вражью дружину.
Чета голубиная вея над ним,
Блаженство любви прорицала:
В пустыне безлюдной он не был одним, Нечуждая жизнь в ней дышала.
Но чувство презрев, он доверил уму; Вдался в суету изысканий....
И сердце природы закрылось ему И нет на земле прорицаний.
<нс позднее 10 января 1842>

26

2

Ранняя редакция

Приметы

Пока человек естества не пытал Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал, Ловил ее знаменья с верой;
Покуда природу любил онъ: она Любовью ему отвечала;
О нем дружелюбной заботы полна, Язык для него обретала;
Со древа, пред тайно-грозящей бедой, Вран каркал ему в опасенье;
Ширясь над ним в высоте голубой, Орел ободрял дерзновенье;
На путь ему выбежав из лесу волк, Крутясь и подъявля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк Бросал он на вражью дружину.
Чета голубиная, вея над ним, Блаженство любви предрекала;
В пустыне безлюдной он не был одним, Приветная жизнь в ней дышала.
Но, чувство презрев, он доверил уму, Вдался в суету изысканий –
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

<Не позднее начала октября 1839>

194.1. Приметы («Пока человек естества не пытал...»)

Печатается по: Сумерки. С. 25–27.

Текст цензурной тетради (л. 9 об. –10 об.) совпадает с напечатанным в «Сумерках» – в ст. 22 иначе написано одно слово: «в суэту».

Автограф неизвестен.

27

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский. Копия Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 86–86 об. (описка в ст. 12: «его» вместо «онъ»).

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет.

194.2. Приметы («Пока человек естества не пытал...»). Ранняя редакция печатается по тексту публикации в альманахе В. А. Владиславлева: Утренняя Заря, альманах на 1840 год. СПб., 1840 (ценз. разр. 14 октября; ценз. билет 28 октября 1839 – Летопись. С. 352; в продажу поступил 2 января 1840 – Северная пчела. 1840. № 1. 2 января. С. 4). С. 117–118 (подпись: Е. Баратынский). В отличие от текста «Сумерек» текст «Утренней Зари» набран без пробелов между строфами и с иным чередованием отступов в строках.

Печатается с исправлением: ст. 15 прочил → пророчил (отмечено в списке опечаток).

Автограф неизвестен.

Датируется по первой публикации.

Изд. 1869. С. 141 и Изд. 1884. С. 236–237 (текст «Сумерек»; датировка: 1835–1842); Изд. 1869. С. 212 и Изд. 1884. Приложения. С. 36 (варианты «Утренней Зари» с ошибкой в ст. и: «с высоты голубой» вместо «в высоте голубой»). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 156–157 (текст ранней редакции; датировка: не позднее 1839), 298 (варианты «Сумерек»). – Изд. 1936. Т. I. С. 206 (текст «Сумерек» – так же в основном корпусе всех последующих изданий); Т. II. С. 269 (варианты «Утренней Зари»). – Изд. 1957. С. 176–177 (датировка: <1839> – повторено в Изд. 1989), 367 (дата цензурного разрешения «Утренней Заре»).

28

195

Всегда и в пурпуре и злате,
В красе негаснущих страстей,
Ты не вздыхаешь об утрате какой-то младости твоей:
И юных Граций ты прелестней!
И твой закат пышней чем день! Ты сладострастней, ты телесней живых,
блистательная тень!

<Не позднее начала апреля 1840>

195. «Всегда и в пурпуре и злате...»

Печатается по: Сумерки. С. 28.

Текст цензурной тетради (Л. 36 об.) совпадает с напечатанным в «Сумерках».

Запись стихотворения в тетради, вероятнее всего, была сделана уже после возвращения рукописи из первоначальной цензуры, о чем свидетельствует пробельная страница, отделяющая л. 36–36 об. от других текстов. Первоначально стихотворение было, вероятно, записано на одном из вырезанных листов в середине тетради.

Первая строка: «Всегда и в пурпуре и злате» – была, кроме того, вписана рукою Н. Л. Боратынской на л. 10 об., вслед за текстом «Примет», в соответствии с местом стихотворения в «Сумерках», однако затем она была зачеркнута, а на свободном месте теми же чернилами был записан полный текст стихотворения «Ахилль» (№ 205). По всей видимости, запись строки была внесена в цензурную тетрадь уже после смерти Боратынского (подробнее см. в сопроводительной статье).

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 76 (под заглавием: «С. Ф. Т.»); № 38. Л. 47; № 40. Л. 33 об. (две последние – с параллельным текстом автоперевода на французский язык).

Копия Л. Е. Боратынского, также соответствующая тексту «Сумерек» и с параллельным текстом французского автоперевода: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 54. Л. 3 об. Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1840. Т. IX. № 4 (ценз. разр. И апреля; вышел 12 апреля – Бюроград 1985. С. 81). Отд. III: Словесность. С. 150 (3-й пагинации; подпись: Е. Баратынский) – с иным написанием одного слова в ст. 5 («граций») и с разночтениями:

1 Всегда, и в пурпуре и в злате,

6 И ночь твоя светлей чем день:

29

Датируется по первой публикации. Изменения, вошедшие в «Сумерки», были сделаны не позднее повторного представления сборника в Московский цензурный комитет (6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 148 и Изд. 1884. С. 238 (текст «Сумерек» с конъектурой в ст. 1. «Всегда и в пурпуре и в злате»; датировка: 1835–1842). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 159 (текст «Сумерек»), 300 (отмечена публикация в «Отечественных записках», приведены варианты журнальной редакции в ст. 1, 6; датировка: 1840 – так же датировано во всех последующих изданиях). – Изд. 1936. Т. I. С. 201 (текст «Сумерек»); Т. II. С. 269–210 (отмечена копия Н. Л. Боратынской под заглавием «С. Ф. Т.»). – Изд. 1951. С. 293 (текст «Сумерек» с конъектурой в ст. 1. «Всегда и в пурпуре и в злате» – так же в основном корпусе всех последующих изданий). –

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
Изд. 1951. С. 111, 361 (неверно указан номер «Отечественных записок» – повторено
в изд. 1982, изд.: 1989, изд. 2000). – Изд. 1982. С. 280, 483, 643 (отмечен
автоперевод на французский язык). – Летпотшс. С. 365 (гипотетическая расшифровка
инициалов в заглавии одной из копий Н. Л. Боратынской: С. Ф. Т.<имирязева>).

30

196

Увы! Творец непервых сил!

На двух статейках утомил Ты кой какое дарованье!

Лишенный творческой мечты,

Уже, в жару нездравом, ты Коверкать стал правописанье!

Неаполь возмутил рыбарь И власть прияв, как мудрый царь Двенадцать дней он

градом правилъ; Но что же? непривычный ум,

Устав от венценосных дум,

Его в тринадцатый оставил!

<Не позднее 10 января 1842>

196. «Увы! Творец непервых сил!..»

Печатается по: Сумерки. С. 29–30.

В «Сумерках» стихотворение опубликовано впервые.

В цензурной тетради (л. 11), а также в копиях Н. Л. Боратынской (см. ниже) иное
написание одного слова в ст. 12 («тринатцатый») и разночтение:

11 Уставши от державных думъ

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской – с тем же разночтением в ст. И, что и в цензурной
тетради: Пд. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). л. 53; № 40. л. 58 об.

(датировано: «в 1838, 1839»); № 41. л. 47 (помещено в разделе «Эпиграммы»).

В Изд. 1869 (с. 213) и Изд. 1884 (Приложения. С. 36) со ссылкой на неизвестную

ныне рукопись («В рукописи читаем варианты»), а также в Изд. 1914–1915 (Т. I. С.
301) и Изд. 1936 (Т. II. С. 270) со ссылкой на копии Н. Л. Боратынской, наряду с
указанным разночтением в ст. И, приведено еще одно:

2 На двух романах утомилъ

Вероятно, «рукописью» в Изд. 1869 и Изд. 1884 названа копия Н. Л. Боратынской,
которая была доступна М. Л. Гофману и Е. Н. Купреяновой и хранилась в Пушкинском
Доме (тетрадь малого формата, 14 листов, под заглавием «Эпиграммы»,

31

старый шифр Пд. № 21733 – см. Изд. 1936. Т. II. С. 270; роспись содержания в
материалах М. Л. Гофмана: Пд. Ф. 33. Оп. 1. № 73. л. 175–176), но была утрачена
не позднее 1957 г. (см. Изд. 1957. С. 368).

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный
комитет.

Изд. 1869. С. 148 и Изд. 1884. С. 239 (текст «Сумерек; датировка: 1835 –1842);

Изд. 1869. С. 213 и Изд. 1884. Приложения. С. 36 (варианты в ст. 2 и 11). – Изд.

1914– 1915. Т. I. С. 161 (текст цензурной тетради; датировка: предположительно

1840), 301 (варианты ст. И по «Сумеркам» и ст. 2 по неизвестным ныне копиям Н.

Л. Боратынской, а также Изд. 1869). – Изд. 1936. Т. I. С. 208 (текст «Сумерек» –
так же в последующих изданиях); Т. II. С. 210 (вариант ст. 2 по утраченной копии
Н. Л. Боратынской). – Бух- штаб 1956. С. 233–235 (адресатом назван И. И.

Лажечников и высказано предположение о датировке: конец 1838 – начало 1839). –

Изд. 1951. С. 111–118 (датировка: 1838(?), на основании гипотезы Бухштаба), 368

(копия Н. Л. Боратынской с вариантом в ст. 2 названа утраченной). – Изд. 1982.

С. 280, 483 (неизвестная ныне рукопись, послужившая источником вариантов Изд.

1869 и Изд. 1884, безосновательно названа недошедшим автографом – повторено в

Изд. 1989, изд. 2000; некорректно указан ЦГАЛИ как место хранения копии Н. Л.

Боратынской с вариантом в ст. 2; отмечено разночтение в ст. 11 по цензурной

тетради – повторено в Изд. 1989, изд. 2000), 642 (датировка: 1838). – Мазур

2002. С. 285–300 (оспорена гипотеза Бухштаба, предложена датировка: не ранее
ноября 1835 – 1841).

32

197

1

Недоносокъ

Я из племени духов,

Но не житель Эмпирея,

И едва до облаков Возлетев, паду слабея.

Как мне быть? я мал и плохъ; Знаю: рай за их волнами И ношусь, крылатый вздох,
Межь землей и небесами.

Блещет солнце: радость мне!

С животворными лучами Я играю в вышине И веселыми крылами Ластюсь к ним как
облачко; Пью счастливо воздух тонкой: Мне свободно, мне легко,

И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревет И до облак свод небесный Омрачивших, вознесет Прах земной и лист древесный: Бедный дух! ничтожный дух! Дуновенье роковое Вьет, крутит меня как пух, Мчит под небо громовое.

Бури грохот, бури свист! Вихорь холодный! вихорь жгучий! Бьет меня древесный лист, Усушает прах летучий!

3 – 5341

33

Обращусь-ли к небесам, Оглянусь-ли на землю:

Грозно, черно тут и тамъ;

Вопль унылый я подъямлю.

Смутно слышу я порой Кличь враждующих народов, Поселян безпечных вой Под грозой их переходов,

Гром войны и крик страстей,

Плачь недужного младенца...

Слёзы льются из очей:

Жаль земнаго поселенца!

Изнывающий тоской,

я мечусь в полях небесных Надо мной и подо мной Безпредельных – скорби тесных! В

тучу прячусь я, и в ней Мчуся чужд земнаго края, Страшный глас людских скорбей

Гласом бури заглушая.

Мир я вижу как во мгле;

Арф небесных отголосок Слабо слышу.... На земле Оживил я недоносок.

Отбыл он без бытия:

Роковая скоротечность!

В тягость роскошь мне твоя,

В тягость твой простор, о вечность!

<Середина января – 6 марта 1842>

34

2

Ранняя редакция

Недоносокъ

Я из племени духовъ;

Но не житель Эмпирея:

Долетев до облаков,

Опускаюсь я слабей.

Как мне быть? я мал и плох! Знаю, рай за их волнами И ношусь – крылатый вздох –

Межь землей и небесами.

Весел я небес красой,

Но слепец я. В разуменье Мне завистливой судьбой Не дано их провиденье!

Духи высшие, не я,

Постигают тайны мира:

Мне лишь чувство бытия Средь пустых полей эфира.

Солнце блещет – радость мне! С животворными лучами Я играю в вышине,

И, веселыми крылами,

Ластюсь к ним как облачко;

Пью счастливо воздух тонкой:

Мне свободно, мне легко,

И пою я птицей звонкой!

Но ненастье заревет И до облак, свод небесный Омрачивших, вознесет Прах земной и

лист древесный.... Бедный дух! ничтожный дух! Дуновенье роковое Вьет, крутить

меня как пух, Мчит под небо громовое!

3*

35

Бури грохот! бури свист! Вихорь холодный! вихорь жгучий, Бьет меня древесный

лист, Усушает прах летучий: Обращусь-ли к небесам, Оглянусь-ли на землю,

Грозно, черно тут и там....

Вопль унылый я подъямлю.

Смутно слышу я порой....

Плачь недужного младенца....

Слезы льются из очей;

Жаль земнаго поселенца!

Изнывающий тоской,

я мечусь в полях небесных Надо мной и подо мной Безпредельных – скорби тесных! В

тучу прячусь я, и в ней Мчуся чужд земнаго края, Страшный глас людских скорбей,

Гласом бури заглушая.

Мир я вижу как во мгле;

Арф небесных отголосок Слабо слышу. На земле Оживил я недоносок.

Отбыл он без бытия:

Роковая скоротечность!

<Не позднее второй, половины апреля 1835>

3

Промежуточная редакция

Недоносокъ

Я из племени духов, Но не житель Эмпирея, И едва до облаков, Возлетев, паду
слабея.

36

Как мне быть? я мал и плохъ; Знаю: рай за их волнами И ношусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.

Блещет солнце: радость мне!

С животворными лучами Я играю в вышине И веселыми крылами Ластюсь к ним как
облачко; Пью счастливо воздух тонкой: Мне свободно, мне легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревет И до облак, свод небесный Омрачивших, вознесет Прах земной и
лист древесный: Бедный дух! ничтожный дух! Дуновенье роковое Вьет, крутит меня
как пух, Мчит под небо громовое.

Бури грохот, бури свист! Вихорь холодный, вихорь жгучий! Бьет меня древесный
лист, Усушает прах летучий! Обращусь ли к небесам, Оглянуся ли на землю:

Грозно, чёрно тут и тамъ;

Вопль унылый я подъямлю.

Смутно слышу я порой Кличь враждующих народовъ; Поселян безпечных вой Под бичем
их переходовъ;

37

Гром войны и крик страстей;

Плачь недужнаго младенца...

Слезы льются из очей,

Жаль земнаго поселенца!

Изнывающий тоской,

Я мечусь в полях небесных Надо мной и подо мной Безпредельных – скорби тесных. В
тучу прячусь я, и в ней Мчуся, чужд земнаго края, Страстный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.

Мир я вижу как во мгле;

Арф небесных отголосок Слабо слышу.... На земле Оживлял я недоносокъ:

Отбыл он без бытия,

Роковая скоротечность!

В тягость роскошь мне твоя О, бессмысленная вечность!

<Не позднее 10 января 1842>

197.1. Недоносок («Я из племени духов...»)

Печатается по: Сумерки. С. 31–35; с исправлением в ст. 19 Омрачившись →

Омрачившихъ

Текст цензурной тетради см. ниже (№ 197.3).

Автограф неизвестен.

По указанию Ю. Н. Верховского (Верховский 1935. С. 109), в мурановском
экземпляре «Сумерек» (см. примечания к «Последнему Поэту» – № 191) рукой
Боратынского были сделаны карандашные поправки: исправлена опечатка в ст. 19
(Омрачившись → Омрачившихъ; ср. ст. 27 ранней редакции), а также изменен ст.
45:

4 7 в тучу [прячусь] кроюсь я, и в ней

К этому источнику, по всей видимости, восходит разночтение в ст. 45 в основном
корпусе изд. 1869 (С. 148–150) и изд. 1884 (С. 240–242).

38

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Сумерек» (включая опечатку в
ст. 19): 11д. ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 44–46 – с описками в ст. 35 («безпечный»
вместо «безпечныхъ»); ст. 39 («ихъ» вместо «изъ») и иным написанием окончания в
ст. 32 («унылой»).

Датируется временем между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и
повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет.

197.2. Недоносок («Я из племени духов...») Ранняя редакция

Печатается по тексту первой публикации: Московский наблюдатель. 1835. ч. 1.

Апрель. Кн. 1 (ценз. разр. 30 апреля; ценз, билет 20 мая – ЦИАМ. ф. 31. Оп. 5. №
89. л. 113 об. –114; вышел 22 мая – Московские ведомости. 1835. № 41. 22 мая. С.
2047). С. 526–528 (подпись: Е. Баратынский).

Отсутствие двух заключительных строк (ср. редакции «Сумерек» и цензурной
тетради), вероятно, объясняется цензурными причинами; другой пропуск (4 строки
между ст. 41 и ст. 42 – ср. ст. 34–37 других редакций), скорее всего, следствие
типографского недосмотра (выпавшие строки – на стыке страниц).

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын

Автограф неизвестен.

Копия С. Л. Энгельгардт (Путята), соответствующая редакции «Московского наблюдателя»: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 47 об.–48 об. – с разночтениями:

6 Презрен мощными духами,

7 Я несус крылатый вздох,

10 Не слепец я. в разуменье 17 Блещет солнце – радость мне:

27 Омрачившись, вознесеть

32 мчит под небо гробовое.

Бьет меня [летучий <?>] дубровный лист,

Между ст. 41–42:

Шум враждующих народов,

Поселян безумных вой Под бичем их переходов,

Гром войны и крик страстей,

4э Унывающей тоской,

49 в тучу прячуся и в ней ,4 и природы отголосок эб Оживлял я недоносок.

?7 Отжил он без бытия:

49–60 тягость роскошь МИИЕ ТВОЯ

0, [безжизненная <?>] бессмысленная вечность!

датируется по первой публикации.

39

197.3. Недоносок («Я из племени духов...») Промежуточная редакция

Печатается по первоначальному тексту копии в цензурной тетради: ПД. Ф. 33. Оп.

1. № 43. Л. 11 об. –13 об.; с исправлениями: в ст. 10 лучами, –» лучами -- ст.

18 небесный, –» небесный -- ст. 19 Омрачившись –» Омрачивших -- ст. 23 вьет –>

вьет, -- ст. 33 Поселян –» Поселянь

Автограф неизвестен.

В текст цензурной копии в два этапа были внесены авторские поправки,

различающиеся по своему характеру и хронологии появления в рукописи.

Правка в ст. 3–4 (Л. 11 об.) была внесена светлыми чернилами и в окончательный

текст «Сумерек» не вошла:

3 Подымусь до облаков,

4 И паду крылом слабея.

В ст. 4 сначала было внесено другое исправление, вписанное над зачеркнутым

словом «Возлетевъ»: «И тотчас <?>» (см. Изд. 1914–1915. Т. I. С. 290) или «И

потом <?>».

Датировка этой группы поправок затруднительна: нельзя исключить, что они могли

быть сделаны непосредственно перед первым цензурным просмотром (ср. исправления

светлыми чернилами в стихотворениях «Были бури, непогоды...» [№ 203] и «Здрас-

твуй отрок сладкогласной...» [№ 209]), но вероятнее, что эта правка была внесена

уже после возвращения рукописи из первоначальной цензуры (т. е. не ранее

середины января), когда Боратынский перерабатывал сборник для повторной подачи в

Московский цензурный комитет. Исходя из этого, вносить эти изменения в

первоначальную редакцию цензурной тетради представляется некорректным.

В последней строке (ст. 56) цензором В. П. Флеровым было отчеркнуто слово

«бессмысленная» (Л. 13 об.), Боратынский здесь же над строкой, темными

чернилами, вписал новый вариант, перенесенный затем в текст «Сумерек»: «В

тягость твой простор, о вечность!» (см. № 197.1). Эту поправку, несомненно,

можно датировать периодом между возвращением рукописи из первоначальной цензуры

и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не

ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.).

Всеми издателями Боратынского, начиная с Изд. 1914–1915, исправление в ст. 56

последовательно трактовалось как вынужденно-цензурное, а следовательно,

подлежащее отмене в критическом тексте. На этом основании в текст «Сумерек»

вводилось чтение финального стиха по цензурной тетради. Вследствие такого

решения в качестве основного текста «Недоноска» устойчиво печатался

контаминированный текст, так как отличия текстов «Сумерек» и цензурной тетради к

единственной поправке в ст. 56 не сводятся (ср. ст. 36, 47, 52 в № 197.1 и №

197.3, а также см. ниже правку в цензурной тетради в ст. 3–4). Учитывая факт

цензурного влияния на правку, принятую в «Сумерках», и исходя из принципа

воспроизведения «исторически подлинного» текста, в настоящем издании

воспроизводим текст цензурной тетради как самостоятельную редакцию.

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный

комитет.

40

Изд. 1869. С. 148–150 и изд. 1884. С. 240–242 (текст «Сумерек» с разночтением в

ст. 45 «в тучу кроюсь я, и в ней»; датировка: 1835 –1842); Изд. 1869. С. 213 и

Изд. 1884. Приложения. С. 31 (варианты «Московского наблюдателя»; вариант ст. 45

по «Сумеркам»). – Изд. 1914 –1915. Т. I. С. 143–144 (текст «Московского

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский наблюдателя; с сохранением опечатки «Сумерек» в ст. 27: «Омрачившись, вознесет»; в ст. 17 вариант «Сумерек» [«Блещет солнце»], после ст. 41 вставка 4-х строк по цензурной тетради [в ст. 43 опечатка: «безпечный» вместо «безпечных»], в ст. 56 вариант цензурной тетради: «оживляль» вместо «оживиль»; Гофман считал вариант «оживиль» опечаткой [Изд. 1914–1915. Т. I. С. 291]; ст. 59–60 восстановлены по цензурной тетради; датировка: 1835 – так же датируется во всех последующих изданиях), 290–291 (варианты цензурной тетради в ст. 3–4, 56; варианты «Сумерек» в ст. 3–4, 36, 56; датировка: не позднее 1835). – Изд. 1936. Т. I. С. 209–210 (текст «Сумерек» с восстановлением ст. 56 по цензурной тетради – так же во всех последующих изданиях; с исправлением в ст. 19: «омрачивших» вместо «омрачившись»; вариант «Сумерек» квалифицирован как опечатка [Изд. 1936. Т. II. С. 270] – повторено в Изд. 1951; в ст. 45 «кроюсь» вместо «прячусь» – повторено в Изд. 1951 и Изд. 1957). – Изд. 1957. С. 178–179 (датировка: <1835> – повторено в Изд. 1989). – Изд. 1982. С. 281–282 (в ст. 34 ошибочно: «клик» вместо «клич» – повторено в Изд. 1989, Изд. 2000), 483 (вариант цензурной тетради в ст. 47). – Изд. 2000. С. 254–256 (в ст. 19 ошибка: «Омрачивши, вознесет»).

41

198

Алкивиадъ

Облокотись перед медью образ его отражавшей,
Дланью слегка приподняв кудри златяя чела,
Юный красавец сидел горделиво задумчив, и смехом Горьким смеясь, на него мужи
казали перстомъ;
Девы, тайно любуясь челом благородно открытым,
Нехотя взор отводя, хмурили брови свои.
Он же и глух был, и слепъ; он не в меди глядясь, а в грядущем Думаль: к лицу-ли
ему будет лавровый венокъ?

<Не позднее февраля 1836>

198. Алкивиад («Облокотись перед медью образ его отражавшей...»)

Печатается по: Сумерки. С. 36–37.

Текст цензурной тетради (л. 14) соответствует опубликованному в «Сумерках». Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано (вместе со стихотворением «Бокаль» – № 202): Московский наблюдатель. 1833. Часть V. Ноябрь. Кн. 1 (ценз. разр. 16 февраля; ценз, билет 21 февраля 1836 – летопись. С. 331; вышел 26 февраля – Московские ведомости. 1836. № 17. 26 февраля. С. 371). С. 27 (подпись: Баратынский) – под тем же заглавием и с разночтениями (опечатками?): в ст. 1 «Облокочень»; в ст. 3 «гордозадумчивъ»; в ст. 6 «жмурили».

Датируется по первой публикации. Изменения, вошедшие в «Сумерки», были сделаны не позднее первого представления сборника в Московский цензурный комитет (10 января 1842 г.).

Изд. 1869. С. 150 и Изд. 1884. С. 243 (текст «Сумерек» – так же во всех последующих изданиях; датировка: 1833–1842); Изд. 1869. С. 213 и Изд. 1884. Приложения. С. 31 (варианты «Московского наблюдателя» в ст. 1, 3). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 146 (датировка: 1833 – так же во всех последующих изданиях), 291 (варианты «Московского наблюдателя» в ст. 3, 6). – Изд. 1936. Т. I. С. 211; Т. II. С. 211 (ошибочно указано разночтение в ст. 2 вместо ст. 3). – Изд. 1982. С. 283 (в ст. 7 пропуск союза «и»: «Он же глух был и слеп...» – повторено в Изд. 1989, Изд. 2000).

42

199

Ропоть

Краснаго лета отрава, муха досадная, что ты
Вьется терзая меня, льнешь то к лицу, то к перстамъ? кто одарил тебя жалом
властным прервать самовольно Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцалуй?
Ты из мечтателя мирнаго, нег Европейских питомца, Дикаго Скифа творишь, жаднаго
смерти врага.

<Не позднее конца июня 1841>

199. Ропот («Краснаго лета отрава, муха досадная, что ты...»)

Печатается по: Сумерки. С. 38–39.

В цензурной тетради (л. 14 об.) – без заглавия и с разночтением:

30 Кто одарил тебя жалом властным прервать своеволью

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1841. Т. XVII. № 7 (ценз. разр. 30 июня; вышел 2 июля – Бюроград 1985. С. 127). Отд. III: Словесность. Стихотворения. С. 153 (3-й пагинации; подпись: Е. Баратынский) – без заглавия, с тем же разночтением в ст. 3 («своеволью»), что и в цензурной тетради, и с иным

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын написанием отдельных слов (в ст. 4: «жаркий» вместо «жаркой», ст. 5: «европейскихъ» вместо «Европейскихъ», ст. 6: «Скиоа» вместо «Скифа»). Датируется по первой публикации. Вариант ст. 3, вошедший в «Сумерки», был внесен в период между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.). Изд. 1869. С. 151 и изд. 1884. С. 244 (текст «Сумерек», в ст. 2 «Вьешься» – так же во всех последующих изданиях; датировка: 1835–1842). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 163 (в ст. 4 «поцелуй» вместо «поцалуи»; датировка: 1841 – так же во всех последующих изданиях), 302 (вариант «Отечественных записок» в ст. 3). – Изд. 1936. Т. I. С. 212 (в ст. 4 «поцелуй», в ст. 5, 6 «европейских» и «скифа» со строчной буквы – так же во всех последующих изданиях). – Изд. 1982. С. 283, 484 (вариант цензурной тетради в ст. 3 – повторено в Изд. 2000).

43

200

Мудрецу

Тщетно, межь бурною жизнью и хладною смертью, философ Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей: покой.

Нам, изволением Зевеса брошенным в мир коловратный, Жизнь для волнения дана: жизнь и волнение одно.

Тот, кого миновали общия смуты, заботу Сам вымышляет себе: лиру, палитру, резецъ;

Мира невежда, младенец, как будто закон его чуя, Первым стенаньем качать нудит свою колыбель!

<Не позднее начала 1840>

200. Мудрецу («Тщетно, межь бурною жизнью и хладною смертью, философ...»)

Печатается по: Сумерки. С. 40–41.

В цензурной тетради (л. 15; без заглавия) ст. 3 имел иное чтение:

3 Нам, из ничтожества вызванным творчества словом тревожным,

Цензор В. П. Флеров отметил к исключению словосочетание «словом тревожнымъ». В «Сумерках» этот стих был полностью изменен.

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Современник. 1840. Т. XVIII. № 2 (ценз. разр. 6 марта; ценз. билет 18 апреля – Летопись. С. 365). Раздел V: Стихотворения. С. 253 (2-й пагинации; подпись: Е. Баратынский) – без заглавия, с тем же чтением ст. 3, что и в цензурной тетради. Напечатано в разделе «Антологическая стихотворения» вместе с «Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!..» (№ 211).

Датируется по первой публикации. Поправка в ст. 3, принятая в «Сумерках», была сделана в период между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 151 и изд. 1884. С. 245 (текст «Сумерек»; датировка: 1835–1842);

Изд. 1869. С. 213 и изд. 1884. Приложения. С. 31 (вариант «Современника» в ст.

3). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 160 (текст «Сумерек» с исправлением ст. 3 по цензурной тетради – так же во всех последующих изданиях), 300 (разночтение в ст.

3 по «Сумеркам»; изменение ст. 3 квалифицировано как вынужденное цензурными

требованиями; датировка: не позднее 1840). – Изд. 1957. С. 180 (датировка:

<1840> – повторено в Изд. 1989).

44

201

Филида, с каждою зимою, Зимою новою своею,

Пугает большей наготою Своих старушечьих плечей:

И, Афродита гробовая, Подходить, словно к ложу сна, За ризой ризу опуская,

К одру последнему она.

<Не позднее 10 января 1842>

201. «Филида, с каждою зимою...»

Печатается по: Сумерки. С. 42.

В «Сумерках» опубликовано впервые.

Текст в цензурной тетради (л. 15 об.) соответствует напечатанному в «Сумерках».

Автограф неизвестен.

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет.

Изд. 1869. С. 151 и изд. 1884. С. 246 (текст «Сумерек» – так же во всех последующих изданиях; датировка: 1835–1842). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 162, 302

(датировка: предположительно 1840). – Изд. 1936. Т. I. С. 214; Т. II. С. 271–272

(прототипом героини стихотворения названа Е. М. Хитрово – повторено в Изд. 1957,

Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000; датировано временем до ее смерти, однако год

указан неверно: 1838 – повторено в Изд. 1957). – Изд. 1945. С. 230 (датировка:

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын (1842). – Изд. 1957. С. 180–181 (датировка: 1838? – повторено в Изд. 1989). – Хетпосо 1973. С. 215–216 (оспорена адресация Хитрово; предположение об ином адресате – Е. Э. Лазарева; датировка: 1840 – по времени возможного знакомства). – Изд. 1982. С. 284 (текст разбит на две строфы – так же в Изд. 2000), 645 (датировка: до смерти Хитрово – 3. V. 1839). – Летопись. С. 383 (подвергнута сомнению связь героини стихотворения с Хитрово, оспорена адресация Лазаревой).
45
202

Бокаль

Полный влагой искрометной, Зашипел ты мой бокал!

И покрыл туман приветной

Твой озябнувший кристалл

Ты не встречен братьей шумной Буйных оргий властелинь: Сластолюбец вольнодумной Я сего дня пью один.

Чем душа моя богата Все твое, о друг Аи!

Ныне мысль моя не сжата И свободны сны мои;

За струю вдохновенной Не рассеян данник твой Безтолково оживленной,

Разногласною толпой:

Мой восторг неосторожный Не обидит никого;

Не откроет дружбе ложной Таин счастья моего;

Не смутит глупцов ревнивых И торжественных невежд, Излияньем горделивых Иль святых моих надежд!

Вот теперь со мной беседуй Своенравная струя!

Упоенья проповедуй,

Иль отравы бытия;

46

Сердцу милья преданья Благодатно оживи,

Или прошлая страданья Мне на память призови!

О, бокал уединенья!

Не усилены тобой Пошлой жизни впечатленья Словно чашей круговой: Плодородней, благородней, дивной силой будишь ты Откровенья преисподней,

Иль небесныя мечты.

И один я пью отныне!

Не в людском шуме, пророк, В немотствующей пустыне Обретает свет высок!

Не в бесплодном развлеченьи Общежительных страстей,

В одиноком упоеньи,

Мгла падет с его очей!

<Не позднее февраля 1836>

202. Бокал («Полный влагой искрометной...»)

Печатается по: Сумерки. С. 43–46; с исправлением: ст. 38 будешь –> будишь

Текст цензурной тетради (л. 16–17 об.) соответствует напечатанному в «Сумерках», в ст. 38 «будишь»; в ст. 17 иное написание окончания: «неосторожной», в ст. 33 иное написание: «впечатленья».

Под стихотворением (л. 17 об.) помета Боратынского: «Напечатано в Московском вестнике» – место первой публикации указано неверно (см. ниже).

Цензор В. П. Флеров требовал исключить в ст. 30 слово «Благодатно», в ст. 39

слово «Откровенья» и полностью ст. 42 («Не в людском шуме, пророкъ») и ст. 44

(«Обретает свет высокъ»), однако в «Сумерках» стихотворение появилось без изменений (см. подробнее в сопроводительной статье).

Автограф неизвестен.

47

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 89–90.

Впервые опубликовано (вместе со стихотворением «Алкивиадъ» – № 198): Московский наблюдатель. 1835. Ч. V. Ноябрь. Кн. 1 (ценз. разр. 16 февраля; ценз, билет 21 февраля 1836 – Летопись. С. 331; вышел 26 февраля – Московские ведомости. 1836.

№ 17. 26 февраля. С. 371). С. 24–26 (подпись: Баратынский) – с иным написанием окончаний в ст. 7 («вольнодумный») и ст. 17 («неосторожной») и с разночтениями:

27 Упоенье проповедуй, Пошлой жизни ощущенья,

39 Или грезы преисподней,

4э Не в безпутном развлеченьи

Датируется по первой публикации. Изменения, появившиеся в «Сумерках», были сделаны до первого представления сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не позднее 10 января 1842 г.).

Изд. 1869. С. 152–153 и изд. 1884. С. 241–248 (текст «Сумерек» с исправлением печатки в ст. 38: «будишь» – так же во всех последующих изданиях; датировка: 1835 –1842); изд. 1869. С. 213 и изд. 1884. Приложения. С. 31 (варианты

«Московского наблюдателя» в ст. 35, 39, 45 – приведены также в Изд. 1914–1915,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
Изд. 1982, Изд. 2000). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 145–146 (в ст. 17:
«неосторожной» вместо «неосторожный» – повторено в Изд. 1936; датировка: 1835 –
так же в последующих изданиях), 291 (указаны цензорские пометы в ст. 30, 39). –
Изд. 1945. С. 231–232 (в ст. 3 «кристалл» – так же во всех последующих изданиях,
кроме Изд. 1951; в ст. 3 и 7 иное написание окончаний: «приветный»,
«вольнодумный» – повторено в последующих изданиях). – Изд. 1982. С. 285–286
(иное написание окончаний в ст. 45, 47: «развлеченье», «упоенье» – повторено в
Изд. 1989, Изд. 2000). – Изд. 1989. С. 182–183 (в ст. 16 опечатка: «разногласою»
вместо «разногласною»).

48

203

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!
В день ненастный, час гнетучий Грудь подымет вздох могучий;
Бойкой песнью разольется: Скорбь-невзгода распоеется!
А как век то, век то старой Обручится с лютой карой;
Груз двойной с груди усталой Уж не сбросит вздох удалой:
Не положишь ты на голос С черной мыслью белый волос!

<Не позднее середины февраля 1839>

203. «Были бури, непогоды...»

Печатается по: Сумерки. С. 47–48.

В тексте цензурной тетради (л. 18–18 об.), помимо иного написания в ст. 3
(«гнетучий»), разночтения (ср. ниже варианты первой публикации):

3 Вольной песнью разольется 9 Крупный груз, с груди усталой,
Написание «Крупный» вместо «Купный», скорее всего, является ошибкой переписчика
(ср. в автографе и в первой публикации). В ст. 3 и 9 рукой Боратынского сделаны
исправления:

5 [Вольной] Бойкой песнью разольется 9 [Крупный груз,] Груз двойной с груди
усталой,

Над текстом (л. 18) – помета Боратынского: «Напечатано в Современнике 1841
года»; указание года ошибочно (см. ниже).

4 – 5341

49

Вес стихотворение было отмечено цензором В. П. Флеровым к исключению, однако
цензурный характер исправлений, сделанных Боратынским, остается сугубо
предположительным.

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. №
42. л. 70 об. (под заглавием: «Молодые годы»).

Впервые опубликовано: Современник. 1839. Т. XV. № 3 (ценз. разр. 27 июня; ценз,
билет 8 июля – Летопись. С. 331). Раздел VIII: Стихотворения. С. 138 (3-й
пагинации) – с разночтениями:

5 Вольной песнью разольется –

9 Купный груз с груди усталой

Напечатано вторым в подборке из трех стихотворений – вместе с «Благословен
святое возвестивший!..» (№ 214) и «Еще как Патриарх не древен я; моей...» (№
207) – под общим заглавием «Антологическая стихотворения». Под последним
стихотворением подборки подпись: Ев. Баратынский.

Беловой автограф, послуживший источником публикации в «Современнике», – в письме
Боратынского к П. А. Плетневу от конца февраля – начала марта 1839 г. («Посылаю
тебе несколько небольших пьес набросанных мною на прошедшей неделе»): ПД. Ф.
234. Оп. 3. № 83. л. 2–2 об. (в ст. 3 иное написание: «гнетучий»); обоснование
датировки письма см. Летопись. С. 350–351.

Датируется по письму к Плетневу от конца февраля – начала марта 1839 г.

Авторская правка в цензурной тетради, перешедшая в «Сумерки», скорее всего, была
внесена в период между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и
повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не ранее
середины января и не позднее 6 марта 1842 г.), однако нельзя исключать, что
поправки могли быть сделаны и непосредственно перед первым представлением
рукописи в цензуру, т. е. около 10 января 1842 г. (подробнее см. в
сопроводительной статье).

Изд. 1869. С. 153–154 и Изд. 1884. С. 249 (текст «Сумерек»; датировка:
1835–1842); Изд. 1869. С. 213 и Изд. 1884. Приложения. С. 31 (варианты цензурной
тетради в ст. 5 и 9 ошибочно названы представленными в «Современнике»; год
выхода журнала указан ошибочно: 1838). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 155 (текст
цензурной тетради), 291 (варианты «Сумерек» в ст. 5 и 9; отмечены претензии
цензора Флерова и исправления Боратынского в цензурной тетради, учтена копия Н.
Л. Боратынской; датировка: не позднее 1839). – Изд. 1936. Т. I. С. 211 (текст
«Сумерек» с конъектурой по цензурной тетради в ст. 5: «Вольной песнью

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
разольется» – так же в последующих изданиях); Т. II. С. 212 (датировано 1839 г.
на основании письма к Плетневу – так же во всех последующих изданиях; конъектура
в ст. 5 мотивирована «цензурным искажением» в «Сумерках» – так же в Изд. 1951,
Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000). – Изд. 1951. С. 285 (в ст. 7 и 10 иное
написание окончаний: «старый», «удалый» – повторено в Изд. 1951, Изд. 1989, Изд.
2000). – Изд. 1951. С. 182– 183, 369 (источником публикации названа цензурная
тетрадь). – Изд. 1982. С. 281, 484 (описка цензурной тетради в ст. 9 «Крупный
груз» ошибочно отнесена к «Сумеркам»), 646 (год выхода «Современника» указан
неверно – 1838).

50

204

На что вы дни! Юдольный мир явленья Свои не изменить!
Все ведомы, и только повторенья Грядущее сулить.
Не даром ты металась и кипела Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела Безумная душа!
И тесный круг подлунных впечатлений Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений Ты дремлешь; а оно
Безмысленно глядит, как утро встанет Без нужды ночь сменя;
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет, Венец пустаго дня!
<Не позднее начала марта 1840>

204. «На что вы дни! Юдольный мир явленья...»

Печатается по: Сумерки. С. 49–50; с исправлением в ст. 13 глядит –> глядит,
в тексте цензурной тетради (л. 19–19 об.) – иное написание одного слова в ст. 7
(«прежде») и разночтения (ср. ниже варианты первой публикации):

1 На что вы дни! Знакомый свет явленья 3 Все теж они, и только повторенья 9 и
бедный круг подлунных впечатлении

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. №
42. Л. 47–47 об. – с заглавием: «На что вы дни!»; № 38 (альбом «Souve-
nir»). Л. 48 и № 40. Л. 34 об. – без заглавия, с параллельным текстом автоперевода на
французский язык.

51

Копия Л. Е. Боратынского, также с параллельным текстом французского
автоперевода: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 54. Л. 4 об. (текст «Сумерек», с разночтением
в ст. 3: «Все ведомо...»).

Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1840. Т. IX. № 3 (ценз. разр. 14
марта; вышел 15 марта – Боград 1985. С. 78–79). Отд. III: Словесность. С. 1 (3-й
пагинации; подпись: Е. Баратынский) с опечаткой в ст. 15 («Как мракъ» вместо
«Как в мракъ») и разночтениями:

1 На что вы, дни? – знакомый свет явленья 3 Все ведомо, и только повторенья 9 и,
бедный круг подлунных впечатлений

Датируется по первой публикации. Финальные изменения в тексте, вошедшие в
«Сумерки», сделаны в период между возвращением рукописи из первоначальной
цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет
(середина января – 6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 154 и Изд. 1884. С. 250 (текст «Сумерек»; датировка: 1835–1842);

Изд. 1869. С. 213 и Изд. 1884. Приложения. С. 37 (варианты «Отечественных
записок» в ст. 1, 3, 9). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 158–159 (текст

«Отечественных записок»), 299 (варианты «Сумерек» в ст. 1, 3, 9; варианты
цензурной тетради в ст. 3 и 9 приведены с неточностями; датировка:

предположительно 1840). – Изд. 1936. Т. I. С. 218 (текст «Сумерек» – так же в
основном корпусе всех последующих изданий). – Изд. 1945. С. 234 (датировка:
1840; так же во всех последующих изданиях). – Изд. 1982. С. 288, 485 (варианты
«Отечественных записок» и цензурной тетради; в варианте ст. 1 по цензурной
тетради ошибочное чтение «Юдольный» вместо «Знакомый» – так же в Изд. 2000), 646
(отмечен автоперевод на французский язык). – Изд. 2000. С. 259, 435 (в варианте
ст. 3 по цензурной тетради ошибочно «Всё» вместо «Все»).

52

205

Ахилль

Влага Стикса закалила Дикой силы полноту,
И кипящаго Ахилла Бою древнему явила Уязвимым лишь в пяту.
Обречен борьбе верховной,
Ты –ли, долею своей
Равен с ним, боец духовной,
Сын купели новых дней?

Омовен ея водою,

Знай, страданью над собою Волю полную ты дал И одной пятой своею Невредим ты,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский

если ею На живую веру стал!

<Не позднее июня 1841>

205. Ахилл («Влага Стикса закалила...»)

Печатается по: Сумерки. С. 51–52.

В оглавлении сборника заглавие набрано курсивом и снабжено примечанием: «Ахилл (напечатана 1841 года, в Современнике, издаваемом Г. Плетневым, в Санктъ-Петербурге)».

В цензурной тетради стихотворение первоначально было записано на л. 196 об.– 20, на что указывают сохранившиеся на л. 20 ст. 12–15 и отпечаток записи с предыдущего листа (л. 196 об.), скорее всего, содержащей указание на место первой публикации стихотворения (ср. аналогичные пометы Боратынского под текстом «Бокала» (л. 17 об.) и над стихотворениями «Были бури, непогоды...» (л. 18), «Еще, как Патриарх не древен я; моей...» (л. 21), «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» (л. 21 об.), «Рифма» (л. 34), а также примечание к заглавию «Ахилль» в оглавлении «Сумерек»). Два листа перед л. 20, по-видимому, были вырезаны еще до подачи рукописи в цензуру, о чем свидетельствуют карандашные пометы цензора на полях л. 20 (см. подробнее в сопроводительной статье).

53

Запись полного текста «Ахилла» (совпадающая с напечатанным в «Сумерках») на свободном месте л. 10 об., после стихотворения «Приметы», рукой Н. Л.

Боратынской, судя по всему, позднейшего происхождения.

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Современник. 1841. Т. XXIII. № 3 (ценз. разр. 10 июня; ценз. билет 27 июня – Летопись. С. 373). Раздел VI: Стихотворения. С. 180 (3-й пагинации; подпись: Е. Баратынский) – без заглавия (в оглавлении, вместе со следующим за ним стихотворением Н. М. Языкова «Из бездны морской белоглавая встала...» значится под заглавием «Два стихотворения. / Е. А. Баратынского. / Н. М. Языкова»), с ошибочным написанием в ст. 3 «Ахила» и с разночтениями:

2 Древней силы полноту –

4 Сопротивникам явила

В том же номере «Современника» (с. 182) опубликовано стихотворение «Скульпторъ» (№ 212).

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту первой публикации, на одном листе с записью ранней редакции «Скульптора»: РГАЛИ. Ф., 51. Оп. 1. № 198. л. 80 об. (без заглавия; в ст. 3 «кипящего» исправлено из «счастливаго»).

Датируется по первой публикации в «Современнике». Изменения, принятые в «Сумерках», сделаны не позднее повторного представления сборника в Московский цензурный комитет (6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 154–155 и Изд. 1884. С. 251 (текст «Сумерек» – так же во всех последующих изданиях; датировка: 1833–1842); Изд. 1869. С. 214 и Изд. 1884. Приложения. С. 38 (вариант «Современника» в ст. 4). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 164, 302–303 (варианты «Современника» в ст. 2, 4; датировка: предположительно 1841). – Изд. 1945. С. 235 (иное написание окончания в ст. 8 «духовный» – так же в Изд. 1951, Изд. 1951, Изд. 1989, Изд. 2000; датировка: 1841 – так же в последующих изданиях). – Изд. 1982. С. 289, 485 (варианты «Современника» с неверной нумерацией стихов и ошибкой: в ст. 4 «Сопротивником» вместо «Сопротивникам» – так же в Изд. 2000), 641 (указано местоположение записей стихотворения в цензурной тетради).

54

206

Сначала, мысль, воплощена В поэму сжатую Поэта,

Как дева юная темна Для невнимательнаго света; Потом осмелившись, она Уже увертлива, речиста,

Со всех сторон своих видна, Как искушенная жена В свободной прозе романиста; Болтунья старая за тем Она, подъяемля крик нахальной, Плодит в полемике журнальной Давно уж ведомое всем.

<Не позднее конца марта 1838>

206. «Сначала, мысль, воплощена...»

Печатается по: Сумерки. С. 53–54.

Текст стихотворения в цензурной тетради (л. 20 об.) соответствует напечатанному в «Сумерках» – в ст. 2 иное написание одного слова: «поэта».

Впервые опубликовано: Современник. 1838. Т. IX. № 1 (ценз. разр. 29 марта; ценз. билет 27 марта – ОРКИР НБ СПбГУ, шифр J II 94, инв. 169586). С. 154 (3-й пагинации; подпись: Е. Баратынский) – под заглавием «Мысль»; в ст. 2 «поэта» со строчной буквы.

Беловой автограф, послуживший источником журнальной публикации, на отдельном листке: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 47. л. \ (в ст. 2: «поэта»). Заглавие «Мысль» и

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
подпись подтекстом: «Е. Баратынский» – рукой П. А. Плетнева, более темными чернилами.

Датируется по первой публикации.

Изд. 1869. С. 155 и изд. 1884. С. 252 (текст «Сумерек» – так же во всех последующих изданиях, кроме изд. 1914–1915; датировка: 1835–1842). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 154 (текст «Современника»; датировка: 1837 – повторено в Изд. 1957, изд. 1989), 296 (год выхода «Современника» указан неверно: 1837). – Изд. 1936. Т. / . С. 220 (в ст. 2 «поэта» со строчной буквы – так же во всех последующих изданиях); Т. II. С. 273 (год выхода «Современника» указан верно: 1838). – Изд. 1945. С. 236 (в ст. и иное написание окончания: «нахальный» – так же в изд. 1951, изд. 1957, изд. 1989, изд. 2000; датировка: 1838). – Изд. 1982. С. 290, 648 (отмечен автограф ПД).

55

207

Еще как Патриарх не древен я; моей Главы не умастил таинственный елей:
Непосвященных рук бездарно возложение! И я даю тебе мое благословенье Во
знаменьи ином, о дева красоты!

Под этой розою главою склонись, о ты Подобие цветов Царицы ароматной,
В залог румяных дней и доли благодатной.

<Не позднее середины февраля 1839>

207. «Еще как Патриарх не древен я; моей...»

Печатается по: Сумерки. С. 55.

Текст в цензурной тетради (Л. 21) соответствует напечатанному в «Сумерках», в ст. 5 иное написание: «знаменьи». Над стихотворением помета Боратынского: «Напечатано в Современнике 1841» – указание года ошибочно (см. ниже). Все стихотворение было отмечено цензором В. П. Флеровым к исключению, однако в «Сумерках» оно появилось без изменений.

Беловой автограф, соответствующий тексту «Сумерек», – на отдельном листке, вклеенном в альбом княгини З. И. Юсуповой: ПД. Ф. 524. Оп. 1. № 50. Л. 38. В ст. 4 пропущено «я», в ст. 1 «патриархъ» вместо «Патриархъ»; над текстом рукой Боратынского римская цифра «V». На обороте листа – автограф стихотворения «Благословен святое возвестивший!..» (№ 214); обе записи, по всей видимости, сделаны в период между первой публикацией текстов (июль 1839; см. ниже) и подготовкой рукописи сборника для подачи в первую цензуру (10 января 1842 г.; обоснование датировки см. в примеч. к № 214).

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 75 об. (под заглавием: «К. Г.»; стихотворение перечеркнуто), л. 76 (текст записан карандашом).

Впервые опубликовано: Современник. 1839. Т. XV. № 3 (ценз. разр. 27 июня; ценз, билет 8 июля – Летопись. С. 351). Раздел VIII: Стихотворения. С. 158 (3-й пагинации; подпись: Ев. Баратынский) – с иным написанием отдельных слов в ст. 5 («во знаменье»), в ст. 7 («царицы») и с разночтениями:

1 Еще как патриарх не древен я. Моей 6 Под этой розою челом склонись, о ты,
56

Напечатано последним в подборке из трех стихотворений – вместе с «Благословен святое возвестивший!..» (№ 214) и «Были бури, непогоды...» (№ 203) – под общим заглавием «Антологическая стихотворения».

Беловой автограф, соответствующий тексту «Современника», – в письме Боратынского к П. А. Плетневу от конца февраля – начала марта 1839 г. («Посылаю тебе несколько небольших пьес набросанных мною на прошедшей неделе»): ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 83. Л. 3; обоснование датировки письма см. Летопись. С. 350–351.

Датируется по письму Плетневу от конца февраля – начала марта 1839 г. Изменения, внесенные в «Сумерки», были сделаны не позднее первого представления сборника в Московский цензурный комитет (10 января 1842 г.).

Изд. 1869. С. 155–156 и изд. 1884. С. 253 (текст «Сумерек»; в ст. 1

«патриархъ», в ст. 7 «царицы» со строчной буквы – так же во всех последующих изданиях, кроме изд. 1914 – 1915; датировка: 1833–1842). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 155–156 (текст «Сумерек», но в ст. 6 вариант «Современника»), 291 (вариант «Сумерек» в ст. 6; датировка: не позднее 1839). – Изд. 1936. Т. I. С. 221 (текст «Сумерек» – так же во всех последующих изданиях); Т. II. С. 213 (датировка: 1839, по письму к Плетневу – так же во всех последующих изданиях; отмечена копия Н. Л. Боратынской под заглавием «К. Г.»). – Вацура 1919. С. 31 (описание альбома Юсуповой; отмечен автограф Боратынского). – Изд. 1982. С. 290 (в ст. 3 иная форма окончания: «Во знаменье» – повторено в Изд. 1989, изд. 2000).

37

208

1

Толпе тревожный день приветен, но страшна ей ночь безмолвная. Бойтся в ней она

Раскованной мечты видений своевольных.

Не легкокрылых грёз, детей волшебной тьмы, Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот юдольных.

Ощупай возмущенный мракъ:

Изчезнет, с пустотой сольется Тебя пугающий призрак И заблуждёнью чувств твой
ужас улыбнется.

О сын фантазии! ты благодатных Фей Счастливым баловень, и там, в заочном мире
Веселый семьянин, привычный гость на пире Неосязаемых властей:

Мужайся, не слабей душою Перед заботою земною:

Ей исполинской вид дает твоя мечта;

Коснися облака нетрепетной рукою,

Изчезнет; а за ним опять перед тобою Обители духов откроются врата.

<Не позднее 10 января 1842>

2

Ранняя редакция

Толпе – стогласный день приветень; но страшна Ей ночь безмолвная. Боится в ней
она Раскованной мечты видений своевольных,

Не легкокрылых грёз, детей волшебной тьмы, –

58

Видений дня боимся мы,

Земных сует, забот юдольных. Ощупай возмущенный мракъ:

Изчезнет, с пустотой сольется Тебя пугающий призрак,

И заблуждёнью чувств твой ужас улыбнется. О, сын фантазии! ты, благодатных Фей
Счастливым баловень, и там, в духовном мире, Веселый семьянин, привычный гость
на пире Неосязаемых властей!

Перед заботою земною Мужайся, не робей изнеженной душою;

Ей исполинский вид дает твоя мечта.

Призрака грубаго коснись твоей рукою, – Изчезнет, а за ним – опять перед тобою
Заочной области откроются врата.

<Не позднее начала февраля 1839>

208.1. «Толпе тревожный день приветен, но страшна...»

Печатается по: Сумерки. С. 56–57; с исправлениями: в ст. 4 грёз → грёз, -- ст.

14 Неосязаемым → Неосязаемыхъ

В цензурной тетради (л. 21 об.–22) разночтение:

18 Виденья грознаго коснись твоей рукою

В ст. 14 – исправное чтение (неосязаемыхъ).

Над текстом помета Боратынского (л. 21 об.): «Напечатана в Утренней Заре изд.

Г-м Владиславлевымъ» – указание ошибочно (см. ниже примечание № 208.2).

В ст. и цензором Флеровым было отмечено к исключению слово «благодатныхъ»,
однако в «Сумерках» этот стих был напечатан без изменения.

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Сумерек», с исправлением
опечатки в ст. 14 (неосязаемых вместо неосязаемыхъ): ПД. ф. 33. Оп. 1. № 42. л.
90 об. (под заглавием: «Виденья дня»); № 38 (альбом «Souvenir»). л. 49 об.; №
40. л. 36–36 об. – последние две копии с разночтением в ст. 18 («нетрепетной»
вместо «нетрепетной») и с параллельным текстом автоперевода на французский
язык.

59

Копия Л. Е. Боратынского: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 54. л. 6 об. – также с
исправлением опечатки в ст. 14, тем же разночтением в ст. 18 (см. выше) и с
параллельным текстом французского автоперсвода.

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный
комитет. Вариант ст. 18, вошедший в «Сумерки», датируется временем между
возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением
сборника в Московский цензурный комитет.

208.2. «Толпе стогласный день приветень; но страшна...» Ранняя редакция

Печатается по тексту первой публикации: Отечественные Записки. 1839. Т. II. № 2

(ценз. разр. 14 февраля; вышел 15 февраля – Бюро 1985. С. 36). Отд. III:

Словесность. Стихотворения. С. 1 (3-й пагинации; подпись: Е. Баратынский).

Печатается с исправлениями опечаток: в ст. 1 стогласый → стогласный -- ст. 3

владений → видений -- ст. 7 прах → мрак по копии Н. Л. Боратынской (см. ниже)

и тексту поздней редакции.

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Отечественных записок», на
отдельном листе синей плотной бумаги: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 48. л. 1 – с исправным
чтением ст. 1, 3, 7 (см. выше), а также с иным написанием отдельных слов: в ст.
4 «грёзь», в ст. 17 «исполинской», в ст. 19 «Изчезнет». На другой стороне листа
– черновой автограф стихотворения «Обеды» (№ 218); внизу современным почерком
карандашная запись: «Из черн. <?> альб<ома> Souvenir».

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын Автограф неизданных.

Баратынский писал об этом стихотворении П. А. Плетневу в конце февраля – начале марта 1839 г.: «Пьеса, напечатанная в „Отечественных Записках“ была у меня вырвана из-под пера братом моим Сергеем, <...> оттого-то она и несколько слаба слогом» (Летопись. С. 350). С. А. Баратынский был проездом в Москве несколько дней, начиная со 2 февраля 1839 г. (см. его письмо жене – ПД. Ф. 33. Оп. 2. № 2. л. 29–29 об.), что служит основанием для датировки ранней редакции. Изд. 1869. С. 156 (текст «Сумерек» с исправлением в ст. 4 и 14, в ст. 17 иное написание окончания: «исполинский» – так же во всех последующих изданиях, в ст. И «фантазии» со строчной буквы – также в Изд. 1884; датировка: 1835–1842), 214 (варианты «Отечественных записок» в ст. 1 [«стогласный» вместо «стогласый»], 3, 6, 7, 12, 15–16, 18, 20 [с опечаткой: «За этой» вместо «Заочной» – отмечено в списке опечаток]; разночтение в ст. 18 по «рукописи», совпадающее с вариантом цензурной тетради). – Изд. 1884. С. 254; Приложения. С. 38 (исправлена опечатка Изд. 1869 в варианте ст. 20). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 156, 298 (вариант цензурной тетради в ст. 18; среди разночтений «Отечественных записок» не учтен вариант ст. 7: «прахь»; датировано: не позднее 1839). – Изд. 1945. С. 238 (датировка: 1839 – также в изд. 1957, изд. 1989). – Изд. 1957. С. 185–186 (в ст. 11 «фантазии» и «фей» со строчной буквы – так же во всех последующих изданиях), 371 (ошибочно указано место первой публикации: Отечественные записки. 1839. Т. 11 – повторено в изд. 1982, изд. 2000). – Изд. 1982. С. 291 (введена отбивка перед ст. 17 – повторено в изд. 1989), 485–486 (разночтения «Отечественных записок» с пропуском

60

варианта в ст. 7; вариант ст. 18 по цензурной тетради некорректно назван представленным также в «недошедшем автографе» со ссылкой на Изд. 1884; вариант «Отечественных записок» в ст. 20 также ошибочно отмечен как имеющийся в «недошедшем автографе» – повторено в изд. 2000), 649 (отмечен автоперевод на французский язык). – Изд. 1989. С. 192–193, 423 (в обоснование датировки приведено письмо Баратынского к Плетневу от начала 1839 года).

61

209

Здравствуй отрок сладкогласной! Твой разсвет зарей прекрасной Озаряет Аполлон!
Честь возникшему Пииту! Малолетную Хариту Ранней лирой тронул он.
С утра дней счастлив и славен, Кто тебе мой мальчик равень? Только жавронок живой,

Чуткой грудью своею,
С первым солнцем, полный всею Наступающей весной!

<Не позднее 10 января 1842>

209. «Здравствуй отрок сладкогласной!..»

Печатается по: Сумерки. С. 58–59; с исправлением в ст. 6 он → он.

В «Сумерках» опубликовано впервые.

В цензурной тетради (л. 22 об.) текст первоначально был записан с разночтениями:

4 Честь разцветшему Пииту!

8 Кто тебе мой отрок равень?

В ст. 8 рукой Баратынского сделано исправление, вошедшее в печатный текст:

8 Кто тебе мой [отрокъ] мальчик равень?

Автограф неизвестен.

Копия Н. Л. Баратынской, соответствующая тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 77.

В Изд. 1869 (С. 214) и Изд. 1884 (Приложения. С. 38) со ссылкой на неизвестную ныне рукопись («Вар.<ианты> в рукописи»), наряду с указанным разночтением цензурной тетради в ст. 4, приведено еще одно:

4 Честь грядущему Пииту!

62

Согласно примечанию Н. Е. Баратынского, стихотворение адресовано старшему сыну поэта Льву – «по поводу первой его стихотворной этюды» (Изд. 1884. С. 255).

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный комитет. Правка, вошедшая в «Сумерки», по-видимому, была внесена в период между возвращением сборника из первоначальной цензуры и повторным представлением рукописи в Московский цензурный комитет (т. е. не ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.), однако нельзя исключать, что авторское изменение ст. 8 в цензурной тетради могло быть сделано и непосредственно перед первым представлением рукописи в цензуру, т. е. около 10 января 1842 г. (подробнее см. в сопроводительной статье).

Изд. 1869. С. 156–157 (текст «Сумерек», в ст. 1 «Здравствуй» – так же во всех последующих изданиях; датировка: 1835–1842), 214 (варианты цензурной тетради и

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский, неизвестной ныне рукописи в ст. 4 – повторено в Изд. 1884). – Изд. 1884. С. 255 (текст без разделения на строфы). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 165–166 (датировка: 1841 – так же в Изд. 1957, Изд. 1989), 303–304 (варианты цензурной тетради в ст. 4 и ст. 8; со ссылкой на Изд. 1869 приведено еще одно разночтение в ст. 4). – Изд. 1945. С. 239 (в ст. 1 иное написание окончания: «сладкогласный» – повторено в Изд. 1951, Изд. 1957, Изд. 1989, Изд. 2000; датировка: 1842). – Изд. 1957. С. 186 (в ст. 4 «пииту» и ст. 5 «хариту» со строчной буквы – повторено в Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000). – Изд. 1982. С. 292, 486 (источник варианта ст. 4, отмеченного в Изд. 1884, безосновательно назван «недошедшим автографом» – повторено в Изд. 2000). – Изд. 1989. С. 200 (в ст. 5 некорректное написание: «Малолетнюю»).

63

210

Что за звуки? мимоходом,
Ты поешь перед народом
Старец нищий и слепой!
И как псов враждебных стая,
Чернь тебя обстала злая
Издаваясь над тобой.
А с тобой издавна тесен
Был союз камены песен,
И беседовал ты с ней
Безимьянной, роковую,
С дня как в первый раз
Тобою был услышан соловей.
Бедный старец! слышу чувство
В сильной песни Но искусство....
Старцев старее оно:
Эти радости, печали,
Музыкальные скривали
Выражают их давно!
Опрокинь-же свой треножник!
Ты избранник, не художник!
Попеченья Гений твой
Да отложит в здешнем мире:
Там, быть может, в горнем клире
Звучен будет голос твой!
<Не позднее середины апреля 1841>

210. «Что за звуки? мимоходом...»

Печатается по: Сумерки. С. 60–62.

Текст в цензурной тетради (л. 23–24) соответствует опубликованному в «Сумерках», но сопровождается эпиграфом: «Vanitas Vanitatum» <Суета Сует>. В ст. 8 «Камены» – с заглавной буквы, в ст. 22 «здешнем».

64

Автограф неизвестен.

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 42 об.–43 об. (заглавие: «Бедный старец»).

Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1841. Т. XVI. № 3 (ценз. разр. 30 апреля; вышел 1 мая – Бюроград 1885. С. 121). Отд. III: Словесность. С. 71 (3-й пагинации; подпись: Е. Баратынский) – под заглавием «VANITAS VANITATUM» с иным написанием отдельных слов: в ст. 8 («Камены»), ст. 10 («Безимьянной»), в ст. 14 («искусство»), ст. 17 («скривали»), ст. 21 («Гений») – и с разночтениями:

I Что за звуки! Мимоходом,

II С дня, как первый раз тобою

13 Бедный старец! чую чувство

В части тиража «Отечественных записок» (см., например, экземпляр библиотеки ИРАН, шифр 495; экземпляр РЫБ, шифр 1/317) ст. II напечатана как в «Сумерках».

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту первой публикации: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. л. 13–13 об. – без заглавия, но с эпиграфом: «Vanitas Vanitatum...»; в ст. II: «С дня, как в первый раз тобою».

Датируется по первой публикации. Изменения, вошедшие в текст «Сумерек», были внесены до первого представления рукописи в Московский цензурный комитет (10 января 1842 г.), эпиграф снят в период между возвращением рукописи из цензуры и повторной подачей сборника в цензурный комитет (6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 157 (текст «Сумерек» с иной пунктуацией в ст. 1–2: «Что за звуки мимоходом, / Ты поешь перед народом,» – повторено в Изд. 1884; в ст. 8 «Камены» с заглавной буквы – повторено в Изд. 1884, Изд. 1914–1915; в ст. 10

«Безимьянной» – также в Изд. 1884; в ст. 4 опечатка «вреждебных», отмеченная в списке опечаток; датировка: 1835–1842), 214 (заглавие «Vanitas vanitatum!...» по «Отечественным запискам» приведено с искажением пунктуации). – Изд. 1884. С. 256–257 (в ст. 17 «скривали» вместо «скры-жали» – так же в Изд. 2000). – Брюсов

1899. С. 445 (отмечено изменение пунктуации в ст. 1–2 в Изд. 1869 и Изд. 1884). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 163 (текст «Сумерек» под заглавием «Vanitas

vanitatum»; в ст. 10 «Безимьянной» – так же во всех последующих изданиях), 302 (указаны год и номер тома «Отечественных записок»; датировка: предположительно 1841). – Изд. 1936. Т. I. С. 224 (текст «Сумерек», но в ст. 8 «Камены» с

заглавной буквы – так же в Изд. 1945, Изд. 1951, Изд. 1957). – Изд. 1945. С. 210 (датировка: 1841 – так же в Изд. 1957, Изд. 1989). – Изд. 1951. С. 299 (в ст. 10

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
«Безыменной» вместо «Безымянной»; в ст. 23 «в горном клире» вместо «в горнем
клире» – повторено в Изд. 1957, Изд. 1982). – Изд. 1982. С. 292–293 (текст
«Сумерек», но в ст. 14 «песне» вместо «песни» – повторено в Изд. 1989, Изд.
2000), 649–650 (эпифаф «Vanitas Vanitatum» в цензурной тетради некорректно
обозначен как «заглавие»; в комментарии в ст. 23 верное правописание: «в горнем
клире»). – Изд. 1989. С. 198 (в ст. 21 ошибка: «Попеченья гений злой»).

5 – 5341

65

211

Все мысль, да мысль! Художник бедный слова! О жрец ея! тебе забвенья неть;
Всё тут, да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покров. Резец, орган, кисть! счастлив кто
влеком К ним чувственным, за грань их не ступая! Есть хмель ему на празднике
мирском!

Но пред тобой, как пред нагим мечём, Мысль, острый лучь! бледнеет жизнь земная.

<Не позднее февраля 1840>

211. «Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!..»

Печатается по: Сумерки. С. 63–64.

Текст стихотворения в цензурной тетради (л. 24 об.) соответствует
опубликованному в «Сумерках».

Автограф неизвестен.

Копии, соответствующие тексту «Сумерек», с параллельным текстом автоперевода на
французский язык: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 45 об.; № 40.
Л. 30 об. – рукой Н. Л. Боратынской, № 54. Л. 1–1 об. – рукой Л. Е.

Боратынского.

Впервые опубликовано: Современник. 1840. Т. XVIII. № 2 (ценз. разр. 6 марта;
ценз, билет 18 апреля – Летопись. С. 365). Раздел V: Стихотворения. С. 254 (2-й
пагинации; подпись: Е. Баратынский) – с иным написанием отдельных слов в ст. 3
(«Все») и ст. 8 («мечем») – и с разночтениями:

4 И жизнь, и смерть, и правда без покров.

3 Резец, клавир, кисть! счастлив, кто влекомь

Напечатано в разделе «Антологическая стихотворения» вместе со стихотворением
«Тщетно, меж бурною жизнью и хладною смертью, философ...» (№ 200).

Датируется по первой публикации. Изменения, вошедшие в текст «Сумерек», были
внесены до первого представления рукописи в Московский цензурный комитет (10
января 1842 г.).

Изд. 1869. С. 158 и Изд. 1884. С. 258 (текст «Сумерек» – так же во всех
последующих изданиях; датировка: 1835–1842); Изд. 1869. С. 214 и Изд. 1884.
Приложения. С. 38 (варианты «Современника» в ст. 4, 5). – Изд. 1914–1915. Т. I.
С. 159. 300 (в сведениях о первой публикации неточно указана страница: 253
вместо 254; датировка: не позже 1840). – Изд. 1945. С. 241 (датировка: 1840 –
так же в Изд. 1957, Изд. 1989). – Изд. 1982. С. 293, 486, 650 (отмечен
автоперевод стихотворения на французский язык).

66

212

Скульпторъ

Глубокой взор вперив на камень, Художник нимфу в нем прозрел и пробежал по жилам
пламень,

И к ней он сердцем полетел.

Но бесконечно вожделенной,

Уже он властвует собой: Неторопливой, постепенной Резец, с богини сокровенной

Кору снимает за корой.

В заботе сладостно туманной Не час, не день, не год уйдет,

А с предугаданной, с желанной Покров последний не падет.

Покуда страсть у разуменя Под лаской вкрадчивой резца, Ответным взором Галатея Не
увлечет, желаньем рдея,

К победе неги мудреца.

<Середина января – 6 марта 1842>

2

Ранняя редакция

Скульпторъ

Глубокой взор вперив на камень, Художник нимфу в нем прозрел – и пробежал по
жилам пламень,

И к ней он сердцем полетел.

67

Но, бесконечно вожделенной, Уже он властвует собой: Неторопливой, постепенной
Резец с богини сокровенной Кору снимает за корой.

И в неге сладостно туманной Не час, не день, не год уйдет, А с предугаданной, с

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын

желанной Покров последний не падет –
Пока, невольню пламенея Под лаской вкрадчивой резца, Ответным взором Галатея
Осмелит страстного творца.

<Не позднее начала июня 1841>

212.1. Скульптор («Глубокой взор вперив на камень...»)

Печатается по: Сумерки. С. 65–66.

В цензурной тетради (л. 25–25 об.) текст записан с разночтениями,
соответствующими ранней редакции стихотворения:

10 И в неге сладостно-туманной 14 Пока невольню пламенея 17–18 Осмелит
страстного творца.

Рукой Н. Л. Боратынской последний стих вычеркнут и ниже вписаны две
заключительные строки по тексту «Сумерек». Однако эта запись, по всей видимости,
позднейшего происхождения (см. подробнее в сопроводительной статье).

Автограф неизвестен.

Датируется временем между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и
повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет.

212.2. Скульптор («Глубокой взор вперив на камень...») Ранняя редакция

Печатается по тексту первой публикации: Современник. 1841. Т. XXIII. № 3

(ценз. разр. 10 июня; ценз, билет 27 июня – Летопись. С. 373). Раздел VI:
Стихотворения. С. 182 (3-й пагинации; подпись: Е. Баратынский). В том же номере
«Современника» напечатано стихотворение «Влага Стикса закалила...» (вошло в
«Сумерки» под заглавием «Ахилль» – № 205).

68

Печатается с исправлением в ст. 5 возделанной → вожделинной Автограф
неизвестен.

Копия Н. Л. Боратынской, соответствующая тексту первой публикации: РГАЛИ. Ф. 51.
Оп. 1. № 198. Л. 80; ниже на этом же листе тем же почерком записано
стихотворение «Влага Стикса закалила...» (№ 205).

Датируется по первой публикации.

Изд. 1869. С. 158 и изд. 1884. С. 259 (текст «Сумерек», в ст. 1 иное написание
окончания «глубокий» вместо «глубокой» – так же во всех последующих изданиях;
датировка: 1835 –1842); изд. 1869. С. 241 и изд. 1884. Приложения. С. 38
(варианты «Современника»). – Изд. 1914 – 1915. Т. I. С. 164–165 (в ст. 7 иное
написание окончания «неторопливый» вместо «неторопливой» – так же во всех
последующих изданиях; датировка:

1841 – повторено в изд. 1945, изд. 1951, изд. 1989). – Изд. 1936. Т. I. С. 226
(с изменением строфического деления: пробелом разделены ст. 8 и 9). – Изд. 1945.
С. 242 (в ст. 7 иное написание окончания «постепенный» – так же в изд. 1951,
изд. 1957, изд. 1989, изд. 2000). – Изд. 1957. С. 187–188 (в ст. 2 «нимфу» со
строчной буквы – так же во всех последующих изданиях). – Изд. 1982. С. 294, 486
(варианты в ст. 10, 14 по цензурной тетради и «Современнику»; разночтения в ст.
17–18 отмечены как представленные только в тексте «Современника»). – Изд. 2000.
С. 263–264, 436 (разночтения в ст. 10, 14, 17–18 по цензурной тетради и
«Современнику»).

69

213

I

Осень

I

И вот Сентябрь! замедля свой восход, Сияньем хладным солнце блещет и луч его, в
зерцале зыбком вод, Неверным золотом трепещет. Седая мгла виется вокруг холмовъ;
Росой затоплены равнины; Желтеет сень кудрявая дубовъ
И красен круглый лист осины; Умолкли птиц живые голоса, Безмолвен лес, беззвучны
небеса!

II

И вот Сентябрь! и вечер года к нам Подходит. На поля и горы уже мороз бросает по
утрам Свои серебристые узоры:

Пробудится ненастливый Эоль;

Пред ним помчится прах летучий, Качаяся завоет роща: дол Покроет лист ея
падучий,

И набегут на небо облака,
И потемнев запенится река;

III

Прощай, прощай сияние небес!

Прощай, прощай краса природы!

70

Волшебнаго шептанья полный лес, Златочешуйчатая воды!
Веселой сон минутных летних нег!

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
Вот эхо, в рощах обнаженных, Секирою тревожит дровосек И скоро, снегом
убеленных,
Своих дубров и холмов зимний вид Застылый ток туманно отразит.

IV

А между тем досужий селянинъ
Плод годовых трудов собираетъ: Сметав в стога скошенный злак долин, С серпом он в
поле поспешает. Гуляет серп. На сжатых бороздахъ
Снопы стоят в копнах блестящих Иль тянутся, вдоль жнивы, на возах Под тяжелой
ношею скрипящих И хлебных скирд золотоверхий град Подъемлется кругом
крестьянских хат.

V

Дни сельскаго, святаго торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова Ожившей мельницы крутятся:
Иди зима! на строги дни себе Припас оратай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлебъ-соль и пенистая брага:

С семьей своей вкусит он без забот, Своих трудов благословенный плод!

71

VI

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненнаго поля И пред тобой во благостыне всей Является земная доля;
Когда тебе житейския бразды Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее собираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты;

VII

Ты также-ли как земле дел богатъ?
И ты как он с надеждой сеялъ;
И ты как он о дальнем дне наград Сны позлащенные лелеял...
Любуйся-же, гордись воставшим им!
Считай свои приобретенья!...
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским Тобой скопленныя презренья, язвительный,
неотразимый стыд Души твоей обманов и обид!

VIII

Твой день взошел и для тебя ясна Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель, Блистательных туманов царь, и вдруг Безплодных
дебрей созерцатель,

72

80

Один с тоской, которой смертный стон Едва твоей гордыней задушон.

IX

Но если-бы негодованья крик,
Но если-б вопль тоски великой из глубины сердечныя возник Вполне торжественный и
дикой: Костями-бы среди своих забав Содроглась ветреная младость, Играющий
младенец, зарыдавъ
Игрушку-б выронил, и радость Покинула-б чело его на век,
И заживо-б в нем умер человек!

X

Зови-ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тароватый!
Проси, сажай гостей своих за пир Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен Блится он!... Но вкус один во всех И как могила
людям страшень: Садись один и тризну соверши По радостям земным твоей души!

XI

Какое-же потом в груди твоей Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней Последнее вихревертенье:

73

Пусть в торжестве насмешливом своем Ум бесполезный сердца трепет Угломнит, и
тщетных жалоб в нем Удушит запоздалый лепет И примешь ты, как лучший жизни клад,
110 Дар опыта, мертвящий душу хлад.

XII

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,

Ея предел завидя невдали,
Цветущий брег за мглюю черной, возмездий край, благовестящим снам Доверясь
чувством обновленным И, бытия мятежным голосамъ
В великом гимне примиренным, внимающий как арфам, коих строй 120 Превыспренний,
не понят был тобой;

XIII

Пред Промыслом оправданным ты ниц Падешь с признательным смиреньем, С надеждою
не видящей границ И утоленным разуменьемъ:

Знай, внутренней своей во веки ты Не передашь земному звуку И легких чад
житейской суеты Не посвятишь в свою науку:

Знай, горняя, иль дольная она 130 Нам на земле не для земли дана.

XIV

Вот буйственно несется ураганъ
И лес подьметлет говор шумной,

74

И пенится, и ходит Океан,

И в берег бьет волной безумной: Так иногда толпы ленивый ум Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум И звучный отзыв в ней находит,

Но не найдет отзыва тот глагол,

что страстное земное перешол.

XV

Пускай, приняв неправильный полет И вспять стези не обретая,

Звезда небес в бездонность утечетъ;

Пусть заменит ее другая:

Не явствует земле ущерб одной,

Не поражает ухо мира Падения ея далекой вой,

Равно как в высотах Эфира Ея сестры новорожденный свет И небесам восторженный
привет!

XVI

Зима идет, и тощая земля

В широких лысинах безсилья И радостно блиставшия поля Златыми класами обилья:

Со смертью жизнь, богатство с нищетой, Все образы години бывшей Сравняются под
снежной пеленой Однообразно их покрывшей:

Перед тобой таков отныне свет,

Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

<Не позднее 10 января 1842>

75

2

Ранняя редакция

Осень

И вот Сентябрь! Замедля свой восход, Сияньем хладным солнце блещет И лучь его, в
зерцале зыбком вод, Неверным золотом трепещет. Седая мгла виется вокруг холмов,

Росой затоплены равнины,

Желтеет сень кудрявая дубовъ

И красен круглый лист осины; Умолкли птиц живые голоса,

Безмолвен лес, безмолвны небеса.

И вот Сентябрь! И вечер года к нам Подходить: на поля и горы Уже мороз бросает
по утрам Свои сребристые узоры.

Подыметя ненастливый Эоль:

Пред ним помчится прах летучий, Качаяся завоюет роща, дол Покроет лист ея падучий

И набегут на небо облака,

И потемнев, запенится река!

Прощай, прощай, сияние небес!

Прощай, прощай, краса природы, Волшебнаго шептанья полный лес, Златочешуйчатая
воды!

Веселый сон минутных летних нег!

Вот эхо в рощах обнаженных Секирою тревожит дровосек,

И скоро снегом убеленных Своих холмов и рощей зимний вид Свинцовый ток туманно
отразит.

76

А между тем, досужий селянинъ

Плод годовых трудов собираетъ: Сметав в стога скошенный злак долин, С серпом он в
поле поспешает, Гуляет серпъ; на сжатых бороздах,

Снопы стоят в копнах блестящих, Иль тянутся вдоль жнивы на возах Под тяжелой
ношею скрипящих,

И хлебных скирд, золотоверхий град Подьметлетя кругом крестьянских хат.

Дни сельскаго святаго торжества!

Овины весело дымятся,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
И цеп стучит, и с шумом жернова Ожившей мельницы крутятся.
Иди зима! на строги дни себе Припас орадай много блага;
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб – соль и пенистая брага.
С семьей своей вкусит он без забот Своих трудов благословенный плод.
А ты, когда вступаешь в осень дней, Орадай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей Является земная доля;
Когда тебе житейския бразды,
Твой дольний подвиг награждая, Готовятся подать свои плоды,
И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее собираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты.
Ты так же ли, как земле дел богатъ?
Как он, и ты с надеждой сеяль; Как он, и ты о дальнем дне наград Сны позлащенные
лелеял.

77

Любуйся же, гордись возставшим им!
Считай свои приобретенья....
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским, Тобой скопленные презренье,
Язвительный, неотразимый стыд Души твоей, обманов и обид.
Твой день взошел, и для тебя ясна Вся дерзость юных легковерий;
Изведена тобою глубина
Людских безумств и лицемерий. Алкаемых неопытным тобой,
Сердечных нет вкусив отраву,
Ты, может быть, любовью мировой Пылая, звал и ведал славу?
О для тебя уже призраков нет,
Их разогнал неодолимый свет!
Кругом себя взор отрезвель ты С недоумением обводишь;
Где прежний миръ? Где мир твоей мечты?
Где он! ты ищешь, не находишь!
Ты некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель, Блистательных туманов царь – и вдруг Бесплодных
дебрей созерцатель!
Один с тоской, которой смертный стон Едва твоей гордыней задушон.
Но если бы негодованья крик,
Но если-б вопль тоски великой Из глубины сердечная возник,
Вполне торжественной и дикой;
Костями бы среди своих забав Содрохла ветренная младость,
Играющий младенец зарыдав,
Игрушку-б выронил, и радость

78

Покинула-б чело его навек,
И заживо-б в нем умер человек.
Зови-ж теперь на праздник честный мир, Спеши, хозяин тароватый,
Проси, сажай гостей своих за пир Затеиловый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен Блится он! Но вкус один во всех И как могила людям
страшень;
Садись один и тризну соверши По радостям земным твоей души.
Какое-же потом в груди твоей Ни водворится озаренье;
Чем дум и чувств не разрешится в ней Последнее вихревертенье;
Пусть в торжестве насмешливом своем Ум, бесполезный сердца трепет Угомонит, и
поздних жалоб в нем Удушишь недостойный лепет,
И примешь в грудь, как лучший жизни клад, Ты дар его, мертвящий душу хлад.
Иль отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ея предел завидя не вдали,
Вдруг умиленной, вдруг покорной, Возмездий край благовестящим снам, Доверясь
чувствам обновленным,
И бытия мятежным голосам,
Всесильным гласом, примиренным, Внимающий в весельи и тиши,
Лучам небес раскрывшейся души,

79

Пред Промыслом оправданным, ты ниц Падешь с признательным смиреньем, С надеждою,
не видящей границ,
И утоленным разуменьем;
Знай, внутренней своей во веки ты Не передашь земному звуку;
И темных чад житейской суеты Не посвятишь в свою науку;

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын

Знай, дольная, иль горняя она 140 Нам на земле не для земли дана.

Вот буйственно несется ураган,
И лес подъемлет говор шумной И пенится, и ходит океань
и берег бьет волной безумной:

Так иногда толпы ленивый ум Из усыпления выводит Глас, дикий глас, вещатель
общих дум,

И страстный отзыв в ней находит,
Но высшаго понятия глагол 150 Дол носится, не отзываясь дол.

Пускай, приняв неправильный полет,
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонный мрак падеть;

Пусть загорится в них другая.
Не явствует земле ущерб одной;
Не поражает ухо мира Далекаго ея паденья вой;

Как в безпредельности эфира,
Ея сестры новорожденный свет 160 И небесам восторженный привет.

Зима идет, и тощая земля
В широких лысынах безсилья,
И радостно блиставшия поля Златыми класами обилья

80

Со смертью жизнь, богатство с нищетой, Все образы години бывшей Сравняются под
снежной пеленой, Однообразно их покрывшей,
Перед тобой таков отныне светъ; Познай, тебе грядущей жатвы нет.

<Не позднее начала июня 1837>

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедли свой восход...»)

Печатается по: Сумерки. С. 67–83; с исправлениями: в ст. 34 поспешает →
поспешает. -- ст. 115 край → край, -- ст. 126 звуку → звуку -- ст. 137 глас →
глас,

В цензурной тетради (л. 26–33 об.) текст записан без нумерации строф и с
разночтениями:

30 Недвижный ток туманно отразить.

1ь Знай, внутренней твоей, во веки, ты

126 Не передашь живому звуку

ы Зима идет, а тощая земля

В ст. 136 ошибка переписчика: «Из умиления выводить» – поправлена Боратынским:
«Из усыпления выводить» (л. 32 об.). В ст. 1 и И «сентябрь» со строчной буквы, в
ст. 10 иное написание: «безъзвучны», в ст. 18 «ея» рукой переписчика исправлено
из «его», в ст. 33 иное написание «Сметавъ», в ст. 34 иное написание окончания
(а следовательно, иная грамматическая форма) «в поле», в ст. 59 «ея» вместо
«ее», в ст. 64 «позлащенные», в ст. 91 «миръ» вместо «миръ», в ст. 114 иное
написание: «чор- ной» вместо «черной», в ст. 121 и 133 «промысломъ» и «океань»
со строчной буквы.

Автограф неизвестен.

Копия Н. А. Боратынской, соответствующая тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. №
42. л. 94 об.–98 – с пропуском строфы VI (ст. 51–60) и с разночтениями в ст. 80
(«заглушонъ» вместо «задушонъ»), ст. 84 («торжественной» вместо «торжественный»)
и ст. 116 («чувствамъ» вместо «чувствомъ»).

Датируется по времени первого представления сборника в Московский цензурный
комитет. Незначительные изменения, вошедшие в «Сумерки», были внесены в период
между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением
сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не ранее середины января и не
позднее 6 марта 1842 г.).

213.2. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...») Ранняя редакция
Печатается по тексту первой публикации: Современник. 1837. Т. V. № 1 (ценз,
билет 15 июня 1837 – Летопись. С. 340; вышел 19 июня – Литературные прибав-
6 – 5341

81

лствия к Русскому инвалиду. 1837. № 25. 19 июня. С. 245). С. 279–286 (подпись: Е.
Баратынский).

Печатается с исправлениями: ст. 23 лес → ./гбс,

Автограф неизвестен.

Датируется по первой публикации. Дата цензурного разрешения V тому
«Современника» неизвестна, поскольку на оборот титула ошибочно перенесено
цензурное разрешение предыдущему, IV тому: 11 ноября 1836 г. Цензурский билет V
тому выдан 15 июня 1837 г. – ср. в письме Вяземского П. В. Нащокину 24 мая 1837
г.: «1-я книжка „Современника“ подходит к концу» (Пушкин в прижизненной
критике.

[Вып. 4]. 1834–1837. спб., 2008. с. 524).

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын

Определить начало работы над стихотворением затруднительно: известно, что она заняла не один месяц (ср. в письме Боратынского Вяземскому: «Известие о смерти Пушкина застало меня на последних строфах этого стихотворения. <...> Брошенную на бумагу, но далеко на написанную, я надолго оставил мою элегию» – Л стопись. С. 337); ранний вариант поэт прочел в начале февраля 1837 г. на свадебном обеде у Н. Ф. Павлова (ср. сообщение Е. М. Хомяковой в письме Н. М. Языкову от 9 февраля 1837 г.: «Баратынский написал, говорят, стихи „Осень⁴⁴ чудесные, он читал их на обеде у Павлова» – Шапошников 1928. С. 165–166); см. также более позднее сообщение С. П. Шевырева в письме к В. Ф. Одоевскому от 19 апреля 1837 г.: «Баратынский написал славную вещь: „Осень⁴⁴, но я не знаю, для чего он ее назначает. Знаю только, что она будет прочтена публично в заседании Общества любителей русской словесности» (Русская старина. 1904. Т. 118. № 5. С. 370). Изд. 1869. С. 159–164 (текст «Сумерек» с поправкой в ст. 34 [повторено во всех последующих изданиях] и ст. 115 [так же во всех изданиях, кроме Изд. 1936] и иным написанием окончаний в ст. 25 и 147: «Веселый» и «далекий»; с опечатками в ст. 2 «хладных» вместо «хладным», ст. 7 «дубровъ» вместо «дубовъ», ст. 153 «радосто» вместо «радостно» [исправлена в списке опечаток]; датировка: 1835–1842), 215 («варианты в рукописи» ст. 125–126, ст. 151, совпадающие с разночтениями цензурной тетради; варианты «Современника» [нумерация ранней редакции] в ст. 15, 29–30, 56, 73, 75–84 [пропущены ст. 79–80]; ст. 117, ст. 118 [«Удушить» вместо «Удушишь»], ст. 119–120, ст. 124 [«умиленный» вместо «умиленной»], ст. 128–130, ст. 137, ст. 139, ст. 147–150, ст. 153–154; ст. 157–158; тот же список разночтений – в Изд. 1884). – Изд. 1884. С. 260–266 (текст Изд. 1869 с исправлением опечаток в ст. 2 и 153; в ст. 38 «скрипящихъ» вместо «скрыпящихъ» – так же в Изд. 1914–1915). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 149–153

(текст ранней редакции с непоследовательными многочисленными заменами по «Сумеркам»: в ст. 10 «Безмолвен лес, беззвучны небеса!»; в ст. 56 контаминация двух редакций: «Труд, дольний подвиг награждая,»; в ст. 70 конъектура: «Души твоей обманов и обид!»; в ст. 94 «торжественный» вместо «торжественной»; в ст. 125–126: «Возмездий край, благовестящим снам / Доверясь чувством обновленным» [с конъектурой: доставлена запятая], в ст. 144: «И в берегъ», в ст. 170 «Но в нем тебе грядущей жатвы нет.»; с исправлением в ст. 125: «Возмездий край, благовестящим снамъ», в ст. 102 «тороватый» – так же в Изд. 1957 и Изд. 1989; в ст. 158 «эвира» вместо «эфира»), 293 (варианты цензурной тетради, совпадающие с «Сумерками» с многочисленными неточностями и пропусками), 294 (отмечена правка в ст. 30, 135–136 в «Сумерках» относительно цензурной тетради; отмечена опечатка Изд. 1869 и Изд. 1884 в ст. 7; датировка: не позднее января 1837). – Изд. 1936. Т. I. С. 229–233 (текст «Сумерек»; с ошибкой в ст. 63

82

«И так, как он»; в ст. 1 и 11, ст. 121, 133, 148 со строчной буквы: «сентябрь» [так же во всех последующих изданиях], «промыслом» [так же во всех изданиях, кроме Изд. 2000], «океан» [так же во всех изданиях, кроме Изд. 1951], «эфира» [так же во всех изданиях, кроме Изд. 1951]; в ст. 25 иное написание окончания «Веселый» – повторено во всех последующих изданиях); 71II. С. 136–141 (текст ранней редакции с опечатками в ст. 61 [«Та так же ли, как земледел, богат?»]; ст. 79 [«признаков» вместо «призраков»]; ст. 136 [«предашь» вместо «передашь»] и иным написанием окончания в ст. 94 [«торжественный»] и ст. 124 [«умиленный»]; в ст. 93 некорректно модернизировано окончание: «сердечные», в ст. 118 [«Удушит» вместо «Удушишь» – как в вариантах Изд. 1869 и Изд. 1884]; в ст. 131 «промыслом» со строчной буквы), 214–215 (датировка: конец 1836–1837 – так же в Изд. 1945, Изд. 1951). – Изд. 1951. С. 219–283 (текст «Сумерек», с иным написанием в ст. 80 «задушен», в ст. 132 «шумный» и ст. 140 «перешел» – повторено во всех последующих изданиях). – Изд. 1951. С. 188–193 (текст «Сумерек»; в ст. 92 «тороватый» – повторено в Изд. 1989; в ст. 147 «далекий» – повторено во всех последующих изданиях). – Изд. 1982. С. 295–301 (текст «Сумерек»), 481–488 (варианты «Современника» в ст. 56 контаминированный вариант «Труд, дольний подвиг награждая» [как в Изд. 1914–1915]; в ст. 108 «Удушит» вместо «Удушишь» [как в вариантах Изд. 1869 и Изд. 1884, в Изд. 1936]; ст. 126 приведена по цензурной тетради; разночтения цензурной тетради: в ст. 30 ошибочно «в тумане» вместо «туманно»; в ст. 112 не соответствующее источнику чтение «Порывом муки животворной»; разночтение в ст. 160 [опечатка нумерации – 150; повторено в Изд. 2000], имеющееся в редакции «Современника», неверно отмечено как наличествующее в цензурной тетради; разночтения в ст. 125–126 и ст. 151, приводимые по Изд. 1884, безосновательно названы вариантами «недошедшего автографа»). – Изд. 1989. С. 185–189 (текст «Сумерек», в ст. 84 «торжественной», в ст. 100 и из ошибочные чтения: «своей души» и «издали»; датировка: конец 1836 – начало февраля 1837; < 1841 >). – Изд. 2000. С. 264–269, 431–438, 491 (неизвестная ныне рукопись,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский, послужившая источником вариантов, напечатанных в Изд. 1884, безосновательно названа «не дошедшим до нас автографом»; датировка: февраль 1837).

6*

83

214

Благословен святое возвестивший!

Но в глубине разврата не погиб какой нибудь несправедливый изгиб Сердеч людских
пред нами обнаживший. Две области: сияния и тьмы Исследовать равно стремимся мы.

Плод яблони со древа упадет:

Закон небес постигнул человек!

Так в дикой смысл порока посвящает Нас иногда один его намек.

<Не позднее середины февраля 1839>

214. «Благословен святое возвестивший!..»

Печатается по: Сумерки. С. 84–85.

В цензурной тетради (л. 36) разночтение:

10 Нас, в страх ему, один его намек

Из-за обрыва края листа не читается несколько последних букв в ст. 9 и не виден конечный знак препинания в ст. 10.

Запись стихотворения, по всей видимости, была сделана уже после возвращения рукописи из первоначальной цензуры, о чем свидетельствует пробельная страница, отделяющая л. 36–36 об. от других текстов, и отсутствие цензорских помет при явно уязвимой начальной строке (ср. запретительные пометы цензора Флерова в других стихотворениях). Очевидно, в раннем варианте сборника текст был записан на одном из вырезанных листов в середине тетради, а его итоговое место определено при окончательной подготовке книги (см. подробнее в сопроводительной статье).

На л. 33 об. вслед за текстом «Осени» записано начало первой строки:

«Благословень», однако, вероятно, эта помета, сделанная рукой Н. Л. Боратынской, как и ряд других ее записей, – позднейшего происхождения.

Впервые опубликовано: Современник. 1839. Т. XV. № 3 (ценз. разр. 27 июня; ценз. билет 8 июля – летопись. С. 351). Раздел VIII: Стихотворения. С. 157 (3-й пагинации) – с другой формой окончания в ст. 9 («дикий» вместо «дикой») и с разночтением:

10 Нас иногда чуть явственный намек.

84

Напечатано первым в подборке из трех стихотворений – вместе с «Были бури, непогоды...» (№ 203) и «Еще как Патриарх не древен я; моей...» (№ 207) – под общим заглавием «Антологическая стихотворения». Под последним стихотворением подборки подпись: Ев. Баратынский.

Беловой автограф, соответствующий чтению «Современника» и послуживший источником публикации, – в письме Боратынского к П. А. Плетневу от конца февраля – начала марта 1839 г. («Посылаю тебе несколько небольших пьес набросанных мною на прошедшей неделе»): ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 83. Л. 2 (в ст. 3 иная форма окончания: «несправедной»); обоснование датировки письма см. Летопись. С. 351.

Беловой автограф, переходящий в черновик, на отдельном листке, вклеенном в альбом княгини З. И. Юсуповой: ПД. Ф. 524. Оп. 1. № 50. Л. 38 об. Над текстом рукой Боратынского римская цифра «VI», на обороте листа (л. 38) – автограф стихотворения «Еще как Патриарх не древен я; моей...» (№ 207).

Первые восемь строк записаны набело и совпадают с печатными, ст. 9–10 подверглись интенсивной правке, не закончив которую Боратынский перечеркнул текст целиком.

Сводка вариантов ст. 9–10:

А Так в дикой смы<с>л порока посвящает Нас только нам значительный намек.

Б Так в дикой смы<с>л порока посвящает Пре<нрзб> один его намек.

В Так в дикой смы<с>л порока посвящает Нас иногда один его намек.

Г Так в дикой смы<с>л порока посвящает Талант <?> ему лишь <?> явственный намек

Д Начато Так Гению Порок разоблачает

Е Так к трепету <?> Порока, посвящает Нас, в смысл его, один его намек.

Ж Так в дикой смысл Порока, посвящает Нас, в страх ему, один его намек.

З Так в дикой смысл Порока, посвящает Нас, в казнь ему, один его намек.

Автограф из альбома Юсуповой был учтен в Изд. 1936, где Е. Н. Купрянова предложила наиболее точную транскрипцию черновых строк (Изд. 1936. Т. II. С. 275), и в готовившемся одновременно издании Ю. Н. Верховского, который дал его характеристику: «недовершенная переработка, <...> позднейшая, предпринятая уже по окончании, а может быть, и по напечатании пьесы» (Верховский 1935. С. 115). Автограф может быть датирован временем между первой публикацией

85

стихотворения и подготовкой первой цензурной рукописи, поскольку первоначальное

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын чтение финальной строки «Нас только нам значительный намек» синтаксически и ритмически наиболее близко к тексту «Современника», а последние варианты ее переработки («Нас, в [страхъ] казнь ему, один его намек») соотносимы с чтением цензурной тетради.

Указания, что в РГАЛИ хранится еще один автограф стихотворения (Изд. 1982. С. 651, Изд. 1989. С. 422, Изд. 2000. С. 492), новейшими разысканиями не подтверждаются.

Датируется по письму к Плетневу от конца февраля – начала марта 1839 г. Изменение в ст. 10, вошедшее в «Сумерки», было сделано в период между возвращением рукописи из первоначальной цензуры и повторным представлением сборника в Московский цензурный комитет (т. е. не ранее середины января и не позднее 6 марта 1842 г.).

Изд. 1869. С. 164 и Изд. 1884. С. 261 (текст «Сумерек», в ст. 9 иное написание окончания: «дикий» – также во всех последующих изданиях; датировка: 1835–1842); Изд. 1869. С. 216 и Изд. 1884. Приложения. С. 39 (разночтение в ст. 10 по тексту «Современника»). – Брюсов 1899. С. 10 (предложена пунктуационная конъектура в ст. 3: «Какой-нибудь неправедный, изгибъ»; поддержана в Изд. 1914–1915; оспорена в Изд. 1936). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 155 (текст «Современника» с конъектурой в ст. 3), 296–291 (отмечены разночтения в ст. 10 по цензурной тетради и «Сумеркам»; датировка: не позднее 1839). – Изд. 1936. Т. I. С. 234 (текст «Сумерек» – так же в основном корпусе последующих изданий); Т. II. С. 215 (отмечен автограф из альбома Юсуповой; на его основании отвергнута конъектура Брюсова и Гофмана в ст. 3), вклейка между С. 212–213 (воспроизведение автографа из альбома Юсуповой). – Изд. 1945. С. 248 (датировка: 1839 – повторено во всех последующих изданиях). – Изд. 1951. С. 193, 312 (обоснование датировки – письмо Боратынского Плетневу от начала 1839 года). – Изд. 1982. С. 301, 488 (вариант цензурной тетради в ст. 10 воспроизведен с ошибкой: «Нас в страх ему один намек» – так же в Изд. 2000), 651 (отмечен не подтвержденный разысканиями автограф РГАЛИ – повторено в Изд. 1989, Изд. 2000).

86

215

1

Рифма

Когда на играх Олимпийских,
На стогнах Греческих недавних городов,
Он пел, питомец муз, он пел среди валов Народа жадного восторгов мусикийских:
В нем вера полная в сочувствие жила: Свободным и широким метром,
Как жатва зыблемая ветром Его гармония текла.

Толпа вниманием окована была

Пока, могучим сотрясеньем Вдруг побежденная, плескала без конца И струны звучная

певца Дарила новым вдохновеньем.

А ныне кто у наших лир Их дружелюбной тайны просить?

Кого за нами в горный мир Опальный голос их уносить?

Меж нас не ведает поэт Его полет высок иль нет!

Сам судия и подсудимый,

Пусть молвить: песнопевца жар Смешной недуг иль высший даръ? Решит вопрос не

разрешимый!

Среди безжизненного сна,

Средь гробового хлада света,

Своею ласкою поэта Ты, рифма! радуешь одна.

Подобно голубю ковчега,

Одна ему, с родного брега,

87

Живую ветвь приносишь ты;

Одна с божественным порывом Миришь его твоим отзывом И признаешь его мечты!

<Не позднее декабря 1840>

2

Редакция издания 1869 г.

Рифма

Когда на играх Олимпийских,

На стогнах Греческих недавних городов,

Он пел, питомец Муз, он пел среди валов Народа жадного восторгов мусикийских:

В нем вера полная в сочувствие жила. Свободным и широким метром,

Как жатва, зыблемая ветром,

Его гармония текла.

Толпа вниманием окована была Пока, могучим сотрясеньем Вдруг побежденная,

плескала без конца И струны звучная певца Дарила новым вдохновеньем.

Когда на Греческий амвон,
Когда на Римскую трибуну Оратор восходил, и славословил он,
Или оплакивал народную Фортуну,
И устремлялись все взоры на него,
И силой слова своего
Вития властвовал народным произволомъ:
Он знал, кто онъ; он ведать мог, какой могучий правит бог Его торжественным
глаголом.

88

Но нашей мысли торжищ нет, Но нашей мысли нет форума!.. Межь нас не ведает
поэт, Высок полет его иль нет, Велика-ль творческая дума?

Сам судия и подсудимый,
Скажи: твой безпокойный жар – Смешной недуг иль высший дар, Реши вопрос
неразрешимый. Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света,
Своею ласкою поэта

Ты, Рифма! радуешь одна.

Подобно голубю ковчега,

Одна ему, с роднаго берега,

Живую ветвь приносишь ты;

Одна с божественным порывом Миришь его твоим отзывом И признаешь его мечты!

<?>

215.1. Рифма («Когда на играх Олимпийских...»)

Печатается по: Сумерки. С. 86–88.

Текст стихотворения в цензурной тетради (А. 34–35) соответствует напечатанному в
«Сумерках», но в ст. 3 иное написание: «Музь», в ст. 15 разночтение (описка?):
«Имь». В ст. 12 рукой Боратынского дописан недостающий последний слог в слове
«струны». Над стихотворением – помета Боратынского: «Напечатано в Современнике
1841-го года» (Л. 34).

Цензор В. П. Флеров предлагал к исключению ст. 28–30: «Подобно голубю ковчега, /
Одна, ему, с роднаго берега / Живую ветвь приносишь ты» – и слово «божественнымъ»
в ст. 31. Однако в «Сумерках» «Рифма» была напечатана без изменений.

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Сумерек»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. №
42. Л. 88–88 об. (заглавие: «Риѳма»); с параллельным текстом автоперевода на
французский язык под заглавием «La Rime»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 31 об.

Копия Л. Е. Боратынского, также с параллельным французским текстом: ПД. Ф. 33.
Оп. 1. №54. Л. 2 об.–3.

89

Впервые опубликовано: Современник. 1841. Т. XXI. № 1 (ценз. разр. 24 декабря
1840; ценз. билет 13 января 1841 – летопись. С. 372; вышел 13 января – Северная
пчела. 1841. № и. 15 января. С. 44). Раздел VII: Стихотворения. С. 241– 242 (2-й
пагинации; подпись: Е. Баратынский) – в ст. 3 «Музь», в ст. 15 «Имь» вместо
«Ихъ» (ср. текст цензурной тетради), в ст. 27 опечатка: «родуешь»; в ст. 12
разночтение:

12 и лиру звучную певца

Копия Н. В. Путяты, соответствующая тексту «Современника» (но в ст. 15 «Ихъ») и
послужившая источником публикации: ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 22–22 об. Наверху
л. 22 – запись П. А. Плетнева: «Стихи для новой последней четвертки, где они
будут с оглавлениемъ». Стихотворение было напечатано в последнем номере XXI тома
«Современника», на одном развороте с оглавлением.

Копия Н. Л. Боратынской, также соответствующая тексту «Современника»: РГАЛИ. Ф.
394. Оп. 1. № 73. Л. 12 (заглавие: «Риѳма»; в ст. 15 «Ихъ»). Датируется по
первой публикации.

215.2. Рифма («Когда на играх Олимпийских...») Редакция издания 1869 г.

Печатается по тексту публикации: Изд. 1869. С. 165–166; с исправлением: ст. 16
словословил → славословиль

в Изд. 1869 (С. 216) и Изд. 1884 (Приложения. С. 40) суказанием «Вар. <ианты> в
рукописи» приведены разночтения, рукописный источник которых ныне неизвестен:

2 На стогнах древних городов 6 И вольным и широким метром 41 Одна с восторженным
порывомъ

Копия Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). л. 46 об. –
с описками в ст. 17 («судьбину» вместо «Фортуну») и ст. 22 («какъ» вместо
«какой»), иным написанием отдельных слов в ст. 3 («музь»), ст. 14 («Греческой
Амвонъ»), ст. 15 («Трибуну»), ст. 22 («Богъ»), ст. 36 («рифма») и с
разночтениями:

18 И обращались все взоры на него

Вместо ст. 24–25

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский

А ныне кто у наших лир Их дружелюбной тайпы просить?

Кого за нами в горний мир Опальный голос их уносить?

Вместо ст. 27–28

Его полет высок иль нет!

30 Пусть молвить: песнопевца жар 32 Решит вопрос неразрешимый!

90

Текст стихотворения, размещенный параллельно с его автопереводом на французский язык (заглавие: «La Rime»), изначально был записан в редакции «Сумерек» (см. выше). После ст. 13 («Дарила новым вдохновеньем») Н. Л. Боратынская сделала помету (более светлыми чернилами), обозначив вставку в текст: «* (пропущенные стихи ценсурой)». Сам текст вставки (см. ст. 14–23 комментируемой редакции) записан внизу страницы в две колонки, теми же светлыми чернилами, начало текста отмечено звездочкой.

Известные факты не позволяют прийти к однозначному выводу о датировке этой редакции и ее соотношении с редакцией 215.1. Ни прижизненные публикации, ни их рукописные источники (см. выше, примеч. к № 215.1) не дают оснований считать, что Боратынский предполагал печатать выпущенный фрагмент в «Современнике» 1841 г. (см. копию Н. В. Путяты) или в первом варианте итогового сборника (см. цензурную тетрадь). Если не подвергать сомнению указание Н. Л. Боратынской о цензурном изъятии, можно предположить, что текстовые новации могли быть внесены в рукопись «Сумерек», подготовленную для повторного представления в Московский цензурный комитет, но не были пропущены вторым цензором сборника И. М. Снегиревым. Однако это предположение, не подтвержденное никакими иными источниками, плохо согласуется с известными сведениями о характере претензий Снегирева-цензора. Более того, теоретически нельзя исключить и другие «цензурные» версии событий: (а) Боратынский собирался печатать «Рифму» (начало работы над которой неизвестно) еще до 1841 г., но наткнулся на цензурные препоны и внес соответствующие изменения в текст, предназначенный для «Современника»; (б) Боратынский исправил текст стихотворения уже после публикации в «Современнике» (т. е. в течение 1841 г.) и, пытаясь напечатать новую редакцию в периодике, столкнулся с цензурными трудностями; (с) Н. Л. Боратынская собиралась напечатать отвергнутую по творческим причинам редакцию «Рифмы» уже после смерти поэта, но эта публикация не прошла цензуру, etc. Кроме того, может быть поставлено под сомнение и само показание Н. Л. Боратынской о цензурном изъятии (абберрации в ее свидетельствах нередки). Косвенным подтверждением внецензурного характера обсуждаемой правки является, например, тот факт, что выпущенный фрагмент никак не отразился во французском автопереводе, выполненном в Париже зимой 1843–1844 гг., когда Боратынский был полностью свободен от цензурного давления.

Таким образом, по поводу происхождения, датировки и статуса текста «Рифмы» в редакции 215.2 можно сделать лишь одно уверенное утверждение: надежными основаниями считать текст, напечатанный в Изд. 1869, отражением «последней авторской воли» мы не располагаем (вопреки мнению публикаторов, начиная с Изд. 1914–1915).

Изд. 1869. С. 165–166 и Изд. 1884. С. 268–269 (датировка: 1835–1842); Изд. 1869. С. 216 и Изд. 1884. Приложения. С. 40 (варианты ст. 2, 6, 41 по неизвестной ныне рукописи – повторено в Изд. 1914–1915, Изд. 2000; вариант ст. 12 по редакции «Современника»). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 160–161 (текст по копии Н. Л. Боратынской в альбоме «Souvenir», заглавие «Риѳма»; с сохранением описки в ст. 17 [«судьбину» вместо «фортуну»] и с исправлением описки в ст. 22; датировка: 1840 – так же датируется во всех последующих изданиях), 301 (варианты Изд. 1869 и Изд. 1884; вариант «Современ

91

ника» в ст. 12 со ссылкой на «рукопись Е. А. Боратынского» – видимо, так названа копия Н. Л. Боратынской, ныне хранящаяся в РГАЛИ). – Изд. 1936. Т. I. С. 235–236 (текст по Изд. 1869 с исправлением ст. 16, но с опечаткой в ст. 2 «настогнах» и ст. 26 повторена дважды; написание со строчных букв: в ст. 1 «олимпийских» [повторено во всех изданиях до Изд. 1982], в ст. 2 «греческих» [повторено во всех последующих изданиях], в ст. 3 «муз» [повторено во всех последующих изданиях, кроме Изд. 1951], в ст. 14 «греческий» [повторено во всех последующих изданиях], в ст. 15 «римскую» [повторено во всех последующих изданиях], в ст. 17 «фортуну» [повторено во всех последующих изданиях, кроме Изд. 1951], в ст. 36 «рифма» [повторено во всех последующих изданиях, кроме Изд. 1951]); Т. II. С. 141 (варианты ст. 24–27 по «Современнику» и «Сумеркам»), 216–211 (отмечено несуществующее различие между основным текстом и редакцией «Сумерек» в ст. 25). – Изд. 1951. С. 193–194, 312–313 (указана дата выдачи цензурного разрешения «Современнику»; ошибочно указано различие между вариантами «Сумерек» и

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
«Современника» в ст. 2; во фрагменте ст. 24–33, приведенных по «Сумеркам»,
опечатка: «нынче» вместо «ныне»). – Изд. 1982. С. 302–303 (текст по копии Н. Л.
Боратынской в альбоме «Souvenir» с исправлением опусок в ст. 17 и 22 – так же в
Изд. 1989, Изд. 2000), 488–489 (неизвестная ныне рукопись, послужившая
источником разночтений в ст. 2, 6, 41 в Изд. 1884, безосновательно названа
«недошедшим автографом»), 651–652 (отмечен автоперевод стихотворения на
французский язык). – Изд. 1989. С. 196–191 (в ст. 14 иное написание окончания:
«греческой»). – Изд. 2000. С. 269–210, 438–439 (ст. 17 копии Н. Л. Боратынской
из альбома «Souvenir» приведена с пропуском: «Или оплакивал судьбину»).
Стихотворения 1835–1844 годов
не вошедшие в книгу «Сумерки» или написанные после ее выхода

216

Небо Италии, небо Торквата,
Праха поэтической древняго Рима, Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима? Рвется душа нетерпеньем объята К гордым
остаткам падшаго Рима! Снятся мне долы, леса благовонны, Снятся упавших чертогов
колонны!

<?>

216. «Небо Италии, небо Торквата...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Sou-
venir»). л. 19 об. (в ст. 2 «древняго» исправлено из «гордаго»).

Автограф неизвестен.

Другие копии Н. Л. Боратынской: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 57 об. (датировано:
«в 1830, 1831, 1832»); № 41. л. 48 об. (карандашом надписано: «Мелкия
стихотворенья. Тритцать пятое»); № 42. л. 76 об.

Первые опубликовано И. С. Тургеневым по копии Н. Л. Боратынской (№ 40. л. 57
об.): Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 154 (1-й пагинации)
– в ст. 2 иное написание окончания: «поэтический».

Стихотворение полностью процитировано в «Материалах для биографии Е. А.
Баратынского», составленных сыном поэта Л. Е. Боратынским (Изд. 1869. С. 399;
Изд. 1884. С. 484–485): «Италия, более прочих стран, привлекала поэта. Живые
разказы о ней дядьки Италианца <...> еще с детства глубоко запечатлелись в его
воображении и навсегда сохранились в памяти его. Исторические воспоминания,
роскошная природа и памятники искусств этой страны всегда манили его к себе.
Однажды, еще в Москве, он воскликнул экспромptomъ: <далее полностью цитируется
текст стихотворения>».

Надежными фактическими свидетельствами, позволяющими датировать стихотворение,
мы не располагаем. Согласно помете в одной из копий Н. Л. Боратынской (№ 40. л.
57 об.), оно может быть предположительно отнесено к 1830–1832 гг., однако в
комментаторской традиции, начиная с Изд. 1936, его создание прочно связывалось с
планами поездки Боратынского в Италию и датировалось второй половиной 1830-х –
началом 1840-х гг. или концом лета 1843 г.

Тургенев 1854. С. 154 (текст по копии Н. Л. Боратынской, в ст. 2: «поэтический»
– так же во всех изданиях). – Лонгинов 1864. Стб. из (отмечена публикация в
«Современнике»). – Изд. 1869. С. 116 (текст, соответствующий копиям Н. Л.

Боратынской; ука-

95

зано место первой публикации; датировка: 1831 – так же во всех последующих
изданиях до Изд. 1936). – Изд. 1894. Т. I. С. 100 (текст изд. 1869 под заглавием
«Экспромтъ»; в ст. 2 опечатка: «поэтитеский»). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 118,
282 (сообщено, что текст печатается «по копиям Н. Л. Боратынской (4 в Казанском
архиве)» [ныне – ПД]). – Изд. 1936. Т. I. С. 317; Т. II. С. 295–296 (датировка:
конец 1830-х – начало 1840-х гг.; автором «Материалов к биографии Е. А.

Баратынского» в Изд. 1869 и Изд. 1884 ошибочно назван Н. В. Путята – повторено в
Изд. 1951, Изд. 1957, Изд. 1982, Изд. 2000). – Изд. 1945. С. 80 (датировка:
1831). – Изд. 1951. С. 268, 580 (датировка: 1835). – Изд. 1957. С. 217

(датировка: 1843?), 380–381 (предположительное уточнение датировки: «незадолго
до отъезда Баратынского за границу в сентябре 1843» – так же в Изд. 1982 и Изд.
2000). – Изд. 1989. С. 219 (в конце ст. 2 – точка; такая же пунктуация в Изд.
2000; датировка: 1843?).

96

217

Мую звезду я знаю, знаю и мой бокаль
я наливаю, наливаю,
Как наливал.
Судьбы гоненью, злобе света, Смеюся я:
Живет не здесь; в звездах Мозта Душа моя!
Когдаж коснутся уст прелестных Уста мои,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын

Не помню я ни звезд небесных,
Ни звезд Аи.

<Не позднее начала октября 1839>

217. «Моя звезду я знаю, знаю...»

Печатается по цензурной тетради: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 9; с исправлениями: ст. 10 мои → мои, -- ст. 11 небесных → небесных,

Текст записан между стихотворениями «А. С. П ну» (№ 193.3) и «Приметы» (№ 194). В окончательный состав «Сумерек» стихотворение не вошло (о возможных причинах его исключения из сборника см. в сопроводительной статье).

Впервые опубликовано вместе со стихотворениями «Приметы» (№ 194) и «Обеды» (№ 218) в альманахе В. А. Владиславлева: Утренняя заря на 1840 год (ценз. разр. 14 октября; вышел 28 октября 1839 – летопись. С. 332; в продажу поступил 2 января 1840 – Северная пчела. 1840. № 1. 2 января. С. 4). С. 226 (подпись: Е. Баратынский) – под заглавием «Звезды» с разночтениями:

э Гоненьям рока, злобе света
11 Не нужно мне ни звезд небесных,
Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту цензурной тетради, с ошибками в ст. 5 («Судьбе гоненья»): ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). л. 56; № 40. л. 59 (датовано: «в 1838, 1839»); № 41. л. 50 об. (над текстом – карандашная помета: «Мелкия стихотворения. Тритцать восьмое»); № 42. л. 67 (текст, записанный на одной странице со стихотворением «В борьбе с тяжелою судьбой...» (№ 105.1), перечеркнут карандашом), л. 65 (текст вписан карандашом на одной странице со стихотворением «Когда-б избрать возможно было мне...» – № 118.1).

7 – 5341

97

Ю. Н. Верховскому была доступна еще одна копия стихотворения, ныне не разысканная, – «на особом листке, принадлежавшем П. И. Бартеневу, <...> собственность его внучки И. Ю. Бартеневой», с вариантом в ст. 5: «Гоненью рока, злобе света» (Верховский 1935. С. 128).

В редакции цензурной тетради опубликовано И. С. Тургеневым по копии Н. Л. Боратынской (№ 40. л. 59): Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 155 (1-й пагинации) – с сохранением ошибки в ст. 5 («Судьбе гоненью»).

В собраниях сочинений Боратынского текст печатается, начиная с Изд. 1894 (Т. I. С. 120; текст «Утренней зари»); в изд. 1869 (С. 383) и Изд. 1884 (С. VII) стихотворение упомянуто в библиографии сочинений Боратынского, составленной М. Н. Лонгиновым.

Датируется по первой публикации. Варианты ст. 5 и И, внесенные в текст цензурной тетради, датируются по времени первого представления рукописи в Московский цензурный комитет (т. е. не позднее 10 января 1842).

Тургенев 1854. С. 155 (текст по копии Н. А. Боратынской, с ошибкой в ст. 5: «Судьбе гоненью»). – Лонгинов 1864. Стб. 112 (отмечена публикация в «Утренней заре»). – Изд. 1894. Т. I. С. 120 (текст «Утренней зари»; датировка: 1835–1842).

– Изд. 1914–1915. Т. I. С. 157–158 (текст «Утренней зари» – так же во всех последующих изданиях до Изд. 1982), 299 (варианты копий Н. Л. Боратынской в ст. 5 и 11, отмечена перепечатка стихотворения в «Современнике» 1854 г., но не учтено ее отличие от копий в ст. 5; датировка: не позднее 1839 г.). – Изд. 1945. С. 209 (датировка: 1839 – так же в изд. 1957, изд. 1989). – Изд. 1982. С. 338

(текст «Утренней зари» без заглавия – так же в изд. 1989, изд. 2000), 492 (некорректно приведен вариант ст. 5 – чтение основного текста и варианта совпадают – так же в Изд. 2000), 665 (отмечено место стихотворения в цензурной тетради, ошибочно названной источником публикации: в основном корпусе текст напечатан по «Утренней заре» – повторено в Изд. 1989, Изд. 2000).

98

218

Обеды

Я не люблю хвастливые обеды,
Где сто обжор, не ведая беседы,
Жуют и спят. К чему такой содом? Хотите ли, чтоб ум, воображенье Привел обед в
счастливое броженье, чтоб дух играл с играющим вином, как знатоки Эллады
завещали? Старайтесь, чтоб гости за столом,
Не менее Харит своим числом,
Числа Камен у вас не превышали.

<Не позднее начала октября 1839>

218. Обеды («Я не люблю хвастливые обеды...»)

Печатается по единственной прижизненной публикации в альманахе В. А. Владиславлева: Утренняя Заря на 1840 год (ценз. разр. 14 октября, ценз, билет 28

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
октября 1839 – Летопись. С. 352; в продажу поступил 2 января 1840 – Северная
пчела. 1840. № 1. 2 января. С. 4). С. 184 (подпись: Е. Баратынский) – с
исправлением ошибки в ст. 9 и 10 по автографу (в альманахе последние строки
читались: «Не менее Камен своим числом, / Числа Харит у вас не превышали»;
ошибка в публикации впервые отмечена М. Л. Гофманом со ссылкой на указание Г. Г.
Гельда –

Изд. 1914–1915. Т. I. С. 272).

В той же книжке альманаха были опубликованы стихотворения «Приметы» (№ 194) и
«Звезды» («Мною звезду я знаю, знаю...» – № 217).

Черновой автограф на отдельном листе синей плотной бумаги, без заглавия: ПД. Ф.
33. Оп. 1. № 48. Л. 1 об.; на обороте листа – копия стихотворения «Толпе сто-
гласный день приветень; но страшна...» (№ 208.2).

Я не люблю хвастливые обеды.

Где сто гостей, не ведая беседы

а. [Содомъ] гостей, не ведая беседы

б. Где [сбродъ] гостей, не ведая беседы Зевая спит <?> но дело не об томъ

а. Жует [у васъ] [зевая полнымъ] ртомъ

б. Жует и спит <...> оплывши ртомъ

в. Жует и спит [и ничего потомъ]

7*

99

[Хотите-ли], чтоб ум, воображенье Привел обед в счастливое воображенье <так!>

Что <?> дух играл с играющим виномъ?

а. И дух играл с играющим виномъ?

Нас древности заветы руководят а. [В томъ] древности [забытой] руководят Так
ведайте-жь: Да гости за столомъ

а. [Нас знатоки]: Да гости за столомъ

б. [В том знатоки]: Да гости за столом Не менее Харит своим числомъ

Числа Камен у вас не превосходят.

Впервые автограф учтен М. Л. Гофманом (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 299).

Транскрипция чернового автографа впервые сделана Ю. Н. Верховским (Верховский
1935. С. 128); опыт построения на основе черновика связного текста

первоначальной редакции предпринят Е. Н. Купреяновой в Изд. 1936 (Т. I. С. 143):

Я не люблю хвастливые обеды:

Содом гостей, не ведая беседы,

Жует у вас, зевая полным ртом.

Хотите ли, чтоб ум, воображенье Привел обед в счастливое броженъе И дух играл с
играющим виномъ?

В том древности забытой руководят Нас знатоки: да гости за столом Не менее Харит
своим числом Числа Камен у вас не превосходят.

Копии Н. А. Боратынской, соответствующие публикации «Утренней Зари» (включая
ошибку в ст. 9–10): ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41. Л. 50 (карандашом надписано: «Смесь.
Мелкия стихотворения. Тритцать шестое»); № 42. Л. 73 об.

В собраниях сочинений Боратынского стихотворение печатается начиная с Изд. 1894
(Т. I. С. 119); в изд. 1869 (С. 383) и изд. 1884 (С. VII) оно упомянуто в

библиографии сочинений Боратынского, составленной М. Н. Лонгиновым.

В изд. 1900 (Ч. I. С. 354) стихотворение напечатано по неизвестному источнику –
заглавие: «Обеды», в ст. 9–10 исправлена ошибка первой публикации (в ст. 9
«харить» [в тексте «харишь» – отмечено в списке опечаток]; в ст. 10 «камень»), в
ст. 6–7 разночтения:

б Играла-б мысль с играющим виномъ?

7 Как знатоки Эллады завещали:

Датируется по первой публикации.

100

Лонгинов 1864. Стб. 112 (отмечена публикация в «Утренней Заре»). – Изд. 1894. Т.

I. С. 119 (текст «Утренней зари»; датировка: 1835–1842). – Изд. 1900. Ч. I. С.

354 (текст по неизвестному источнику, под заглавием «Обеды», с вариантами ст. 6,

7 и исправлением в ст. 9–10). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 157 (текст «Утренней

Зари с сохранением ошибки в ст. 9–10; датировка: 1839 – так же датируется во

всех последующих изданиях), 299 (отмечен черновой автограф); вклейка между С.

296–297 (факсимиле чернового автографа); Т. II. С. 272 (отмечена опечатка в ст.

9–10). – Изд. 1936. Т. I. С. 318 (текст «Утренней Зари» с исправлением смысловой

ошибки в ст. 9–10 – так же во всех последующих изданиях); Т. II. С. 143 (текст

первоначальной редакции по черновому автографу). – Изд. 1957. С. 195 (в ст. 9 и

10: «харит» и «камен» напечатано со строчной буквы – так же во всех последующих

изданиях). – Изд. 1982. С. 339, 492 (варианты чернового автографа в ст. 2–3,

6–8, 10 по изд. 1936 – повторено в изд. 2000), 665 (оговорено исправление ошибки

«Утренней Зари» в ст. 9–10).

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
101
219

На все свой ход, на все свои законы. Меж люлькою и гробом спит Москва. Но и до
ней глухой дошла молва,
Что скучен вист, и веселей салоны Отборные, где есть уму простор,
Где властвует не вист, а разговор.
И погналась за модой новосветской,
Но погналась старуха не путём;
Салоны есть, но этот смотрит детской, А тот, увы! глядит гошпиталем.
<?>

219. «На все свой ход, на все свои законы...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Sou-
venir»). Л. 57 об.; с исправлениями: в конце ст. 3, 5, 7, 9 проставлены запятые.
Автограф неизвестен.

Другие копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 59 об. (датировано:
«в 1838,1839»); № 41. л. 46 об.

По указанию Ю. Н. Верховского (Верховский 1935. С. 132), в архиве Боратынских
имелась еще одна копия (ныне неизвестная) рукой Н. Л. Боратынской, с

разночтением в ст. 1:

1 На всё есть ход, на всё свои законы.

Впервые опубликовано М. Л. Гофманом по копиям Н. Л. Боратынской: Изд. 1914–1915.
Т. I. С. 158.

Надежными фактическими свидетельствами, позволяющими датировать стихотворение,
мы не располагаем. Согласно помете в альбоме Н. Л. Боратынской (см. выше),
стихотворение может быть предположительно отнесено к 1838–1839 гг.

Изд. 1914–1915. Т. I. С. 158 (текст по копиям Н. Л. Боратынской – так же во
всех последующих изданиях; датировка: 1840). – Изд. 1936. Т. I. С. 241; Т. II.
С. 219 (датировка: предположительно 1841). – Изд. 1945. С. 175 (датировка:
1841). – Изд. 1951. С. 303, 584 (датировка: предположительно 1840–1841). – Изд.
1957. С. 196 (датировка: 1840 (?) – так же во всех последующих изданиях), 373
(отмечена копия в альбоме «Souve- nir»). – Летопись. С. 354 (предположительно
датировано: 1840–1843).

102

220

В руках у этого педанта Могильный заступ, не перо: Журнального негоцианта как
раз подрует он бюро: Он громогласный запевала, Да запевала похорон. Похоронил он
два журнала и третий похоронит он.

<?>

220. «В руках у этого педанта...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Sou-
venir»). Л. 55 об.

Автограф неизвестен.

Другие копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 59 (датировано: «в
1838, 1839»); РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. л. 12 об. – на одном листе с копиями
журнальных редакций стихотворений «Рифма», «Предразсудокъ» и «Что за звуки?
мимоходом...» (№№ 215, 192.2, 210), с иным написанием окончания в ст. 5:

«громогласной» и разночтением в ст. 6:

6 Но запевала похоронъ:

Впервые опубликовано И. С. Тургеневым по копии Н. Л. Боратынской (№ 40. л. 59):
Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 160 (1-й пагинации) – под
заглавием «На ***», с иным написанием отдельных слов: в ст. 1: «этого», ст. 3:
«негоцианта», ст. 5, 6: «запевало».

В собраниях сочинений Боратынского печатается, начиная с Изд. 1914–1915 (Т. I.
С. 146–147).

Надежными фактическими свидетельствами, позволяющими датировать стихотворение,
мы не располагаем. Помета Н. Л. Боратынской (см. выше) относит текст к 1838–1839
гг. Согласно гипотезе Е. Н. Купреяновой, отметившей сходство эпиграммы с
остротой в письме Н. Ф. Павлова В. Ф. Одоевскому от 20 января 1840 г. («<...>
для чего вздумалось вам <...> напярчь все силы, чтобы уничтожить плоды своего
долготерпения, ума, души и трудов. Вы выписали Белинского. <...> Этот мор- тус
отправил похороны „Телескопа** и „Наблюдателя**»), поводом к ее созданию стало
начало сотрудничества В. Г. Белинского в «Отечественных записках», что позволяет
датировать текст концом 1839 – началом 1840 гг. (Изд. 1936. Т. II. С. 296–297;
со ссылкой на наблюдение Купреяновой эта адресация впервые указана в сборнике:
103

Эпиграмма и сатира. Т. 1. С. 476). Если же считать, что эпиграмма направлена
против С. П. Шевырева и связана с основанием «Москвитянина», то ее следует
датировать концом 1840 – началом 1841 гг. (гипотеза выдвинута в: Баратынские

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын 1993. С. 257).

Тургенев 1854. С. 160 (текст по копии Н. А. Боратынской; заглавие: «На ***»). – Лонгинов 1864. Стб. 113 (отмечена публикация И. С. Тургенева в «Современнике»). – Изд. 1869. С. 384 (отмечена публикация в «Современнике»; номер страницы указан неверно: 150 вместо 160). – Изд. 1884. С. VII (упомянуто в редакторском предисловии Н. Е. Боратынского с неверным указанием на публикацию стихотворения в «Утренней заре на 1840 г.»). – Брюсов 1899. С. 448 (текст публикации в «Современнике» под заглавием «На Н***» и с неверной ссылкой на альманах «Утренняя заря на 1840 г.»). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 146–147 (текст по копии Н. Л. Боратынской [ныне копия РГАЛИ], ошибочно названной автографом, под редакторским заглавием «На Н[адежда]»), 292 (отмечены перепечатка в «Русском архиве» 1899 г. и ошибочное указание на публикацию в «Утренней заре»; датировка: предположительно 1835). – Изд. 1936. Т. I. С. 320 (текст по публикации И. С. Тургенева, под заглавием «На ***», но в ст. 3 «негоцианта» – так же во всех последующих изданиях); Т. II. С. 296 (предположение о В. Г. Белинском как адресате эпиграммы, на этом основании датировано: конец 1839 – начало 1840). – Изд. 1945. С. 174 (датировка: 1840 – так же в Изд. 1957у Изд. 1989). – Изд. 1957. С. 216 (в ст. 5 «запевала» – так же во всех последующих изданиях). – Боратынские 1993. С. 257 (предположение об адресате: С. П. Шевырев, на этом основании датировка: конец 1840 – начало 1841).

104

221

1

Братайтесь, к взаимной обороне Ничтожностей своих вы рождены,
Но дар прямой не брат у вас в притоне Бездарные писцы хлопотуны!
Наоборот союзным на благое Ременного достойные друзья,
Аминь, аминь, вещал он вам, где трое Вы будете, не буду с вами я.
<Не ранее ноября 1843 – не позднее июня 1844>

2

Ранняя редакция
Братайтесь, к заботливой защите Ничтожностей своих вы рождены Бездарные писцы
хлопотуны!
Но в свой притон таланта не зовите: Наоборот достойные друзья,
Реченного, союзным на благое Воистинну вещал он вам, где трое Вы будете, не буду
с вами я.
<Не позднее 6 марта 1842 ?>

3

Промежуточная редакция
Котерия
Братайтесь! вы бдительной защите Ничтожности своих обречены,
Бездарные писцы-хлопотуны!
Но в свой притон таланта не зовите:

105

На-обороть, достойные друзья,
Реченного союзным на благое,
Аминь, аминь, вещал он вам, где трое Вы будете, не буду с вами я.
<Не ранее 6 марта 1842 – не позднее начала ноября 1843>

221.1 «Братайтесь, к взаимной обороне...»

Печатается по цензурной тетради: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 19 об.; с
исправлениями: в ст. 1 Братайтесь → Братайтесь, -- ст. 7 вам → вам.
Стихотворение вписано в тетрадь рукой Н. Л. Боратынской, ниже текста редакции №
221.2, более убористым почерком и другими чернилами (теми же, что и записи
полного текста «Ахилла» и последних двух строк стихотворения «Скульпторъ» – см.
примеч. к № 205, 212).

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской под заглавием «Коттерие»: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом
«Souvenir»). л. 53 об.; № 41. л. 8 (карандашом вписано: «Эпиграмма»); с
параллельным текстом автоперевода на французский язык: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 38
(альбом «Souvenir»). л. 47; № 40. л. 33.

Копия Л. Е. Боратынского, также с параллельным текстом французского
автоперевода: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 54. л. 3 об. (заглавие: «Коттерие»; в ст. 5
описка: «со злыми» вместо «союзным»).

Копия А. Е. Боратынской: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 53. л. 3 (заглавие: «Коттерие»).
Устойчивое воспроизведение этой редакции в семейных копиях позволяет думать, что
именно ее Н. Л. Боратынская считала окончательной. В пользу этого предположения
свидетельствует также более позднее время внесения этой редакции в цензурную
тетрадь по сравнению с № 221.2 (обоснование хронологии записей см. ниже, в
комментарии к № 221.2) и отсутствие в ней исправлений.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
В этой редакции, но с вариантами, восходящими к неизвестному источнику, впервые опубликовано: Русский архив. 1882. Кн. III. № 6. С. 252 – без заглавия и подписи, вторым в подборке «Из стихотворений былого времени», где напечатаны, также без указания авторства, стихотворения К. К. Павловой «За деньги клясть и клясться рада...», Н. Ф. Щербины «Подражание Фету» («Руси детское незнание...»), Ф. И. Тютчева «Гуманный внук воинственного деда...».

Варианты публикации «Русского архива»:

3 Но здравый смысл не брат у вас в притоне,
ст. 5–8

*

На оборот союзным во благое Речепнаго, любезные друзья,
«Аминь, аминь», сказал Он вамъ: «где двое Вы будете, не буду с вами Я».

106

К тому же источнику, очевидно, восходит и более ранняя копия П. И. Бартенева, который сообщал текст эпиграммы М. Н. Лонгинову в письме от 30 марта 1873 г.: «Вот Вам новые стихи Баратынского на Белинского и Кю. Только пожалуста не для Семейска- го. <далее записан текст эпиграммы, совпадающий с публикацией в «Русском архиве»> Не правда ли совсем узорочно; это листок из Сумерекъ» (ПД. № 23113. л. 101; упоминание о копии рукой Бартенева см.: Филиппович П. П. Жизнь и творчество Е. А. Боратынского. Киев, 1917. С. 158). В 1873 г. публикации воспротивился Л. Е. Боратынский (см. его письмо Бартенева от 22 апреля 1873 г. -- РГАЛИ. ф. 46. Оп. 1. № 565. ч. 1. л. 251–251 об.). Бартенева также принадлежит указание, что «тогдашняя цензура не пропустила <...> Баратынскому в его стихахъ: Аминь, аминь, сказал Он вамъ: / Где двое вы будете, не буду с вами Я» (Русский архив. 1911. Кн. 2. №8. С. 512). Источник этих сведений Бартенева неизвестен.

С атрибуцией Боратынскому впервые напечатано: Русский архив. 1890. Кн. I. № 2. С. 326 – под заглавием «Е. А. Баратынский. Об одном литературном кружке» с общим указанием «Из рукописнаго стихотворнаго сборника»; текст соответствует первой публикации в «Русском архиве». Повторно перепечатано В. Я. Брюсовым в приложении к статье «О собраниях сочинений Е. А. Баратынского» (Русский архив. 1899. Кн. III. № II. С. 449) – под заглавием «Об одном литературном кружке».

В собрание сочинений Боратынского стихотворение впервые введено М. Л. Гофманом (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 166).

Датируется – на основании соотношения с редакциями № 221.2 и № 221.3 и французским автопереводом, созданным во время пребывания Боратынских в Париже зимой 1843–1844 гг. (подробнее см. в примечаниях к № 221.3), – временем между созданием автоперевода и смертью Боратынского. Запись в цензурной тетради, по-ви- димому, была сделана уже вдовой поэта, после возвращения семейства из заграничного путешествия в 1844 г.

221.2 «Братайтесь к заботливой защите...» Ранняя редакция

Печатается по цензурной тетради: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 19 об.; с исправлениями по аналогии с № 221.3: в ст. 1 Братайтесь → Братайтесь, -- ст. 3 хлопотуны → хлопотуны! -- ст. 4 не зовите → не зовите: -- ст. 7 вам → вам, Текст эпиграммы записан Н. Л. Боратынской на свободном месте под стихотворением «На что вы дни!..» (№ 204). Ст. 1 подвергнут правке ее же рукой, но более убористым почерком: «Братайтесь к [заботливой защите] взаимной обороне», ст. 3 вычеркнут, весь текст зачеркнут вертикальной линией, под ним записана редакция № 221.1.

Запись текста в цензурной тетради несомненно была сделана после возвращения сборника из первоначальной цензуры (об этом свидетельствует отсутствие запретительных помет цензора Флерова, протестовавшего против любых религиозных аллюзий – см. примеч. к № 191, 197, 200, 202, 203, 204, 207, 208, 215).

Первоначально эпиграмма могла быть записана на одном из впоследствии вырезанных листов цензурной тетради; в таком случае ее изъятие из сборника могло объясняться как автоцензурными соображениями (соответствующие листы, скорее всего, были вырезаны до подачи рукописи в цензурный комитет – см. примеч. к № 205, а также сопроводительную статью), так и запретом цензора Флерова. Эпиграмма могла

107

быть сочинена Боратынским и в промежутке между первой и второй цензурой сборника, а исключение ее из «Сумерек» также может объясняться соображениями автоцензуры или возражениями цензора Снегирева.

Верхнюю границу записи этой редакции в цензурной тетради установить невозможно; несомненно, однако, что она была записана раньше, чем № 221.1, поскольку исправления в ст. 1 и ст. 3 сделаны в соответствии с редакцией № 221.1

(вероятно, Н. Л. Боратынская попыталась внести в текст частичную правку, а затем перечеркнула его целиком и записала новую редакцию ниже).

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
Автограф неизвестен.

Текст этой редакции по цензурной тетради впервые опубликован М. Л. Гофманом
(Изд. 1914–1913. Т. I. С. 304).

Датируется по времени повторного представления сборника в Московский цензурный
комитет.

221.3 Котерия («Братайтесь! вы бдительной защите...») Промежуточная редакция
Печатается по копии С. А. Соболевского, на отдельном листе: ПД. № 16033. л. 1
об.; подпись «Е. Баратынский» и исправления отдельных букв темными чернилами –
рукой П. А. Плетнева, его же почерком вверху листа помета: «Непропущена». На
обороте листа рукой Соболевского записана копия стихотворения «Когда твой голос,
о Поэт...» (№ 226), послужившая источником публикации в «Современнике»
(1843. № 12).

По всей видимости, стихотворение было послано Боратынским из-за границы в письме
Соболевскому, который переписал его на отдельном листке для передачи в журнал
Плетневу. Судя по помете Плетнева, появлению текста в «Современнике» помешал
цензурный запрет.

Автограф неизвестен.

К этой редакции ближе всего текст французского автоперевода¹, выполненный в
ноябре 1843 – марте 1844 г.:

Fraternisez, veillez a Ia defense de vos mediocrites respectives, vous ineptes
et intri- gants ecrivassiers, mais ne conviez pas le vrai talent a boire a votre
coupe, il retour- nera contre vous les paroles du seigneur: amen, amen, vous
dira-t-il, ou vous serez trois je ne serai pas avec vous (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1.
№ 73. л. 18 об.).

[Братайтесь, заботьтесь <букв. бдите> об обороне ваших взаимных
посредственностей, вы, глупые и коварные писаки, но не приглашайте истинный
талант испить из вашей чаши, он обратит против вас <переиначит, обращаясь к вам>
слова Господа: Аминь, Аминь, скажет он вам, где вы будете трое, не буду с вами
я].

Однако мотив «взаимной обороны» – «Ia defense de vos mediocrites respectives»,
отсутствующий и в этой редакции, и в редакции № 221.2, но присутствующий в ре
1 Первая публикация французского автоперевода – одновременно самая ранняя
публикация стихотворения с атрибуцией Боратынскому: Recueil de poesies d Eugene
Varatinsky. Traduites du Russe. Cette, Izar fils, imprimeur de la Mairie, 1858.
Р. 29 (заглавие: «A une Camaraderie»).

108

дакции № 221.1, позволяет заключить, что автоперевод был создан между редакциями
№ 221.3 и № 221.1, уточняя датировку последней.

Нижняя граница датировки этой редакции определяется по соотношению с редакцией №
221.2, верхняя – по аналогии с записанным на этом же листе стихотворением «Когда
твой голос, о Поэт...» (№ 226); подробное обоснование верхней границы датировки
см. ниже, в комментариях к № 226.

Изд. 1914–1915. Т. I. С. 166 (стихотворение впервые напечатано в собрании
сочинений Боратынского; текст поздней редакции по цензурной тетради, заглавие:
«Коттерии» – так же во всех последующих изданиях), 304–305 (текст ранней
редакции по цензурной тетради; высказано предположение о том, что стихотворение
не было пропущено цензурой; отмечены копии Н. Л. Боратынской, публикация в
«Русском архиве» 1890 г.; датировка: конец 1841 – до 14 января 1842). – Изд.
1936. Т. I. С. 242; Т. II. С. 141–142 (текст ранней редакции), 219–280

(приведено сообщение Бартенева о цензурном запрете; датировка: начало 1842). –
Изд. 1945. С. 116 (датировка: 1842 – так же в Изд. 1951). – Изд. 1951. С. 306,
584–585 (датировка: конец 1841 – первые числа января 1842). – Изд. 1951. С.
183–184 (текст поздней редакции под заглавием «Коттерие» – повторено в Изд.
1982, напечатан в числе стихотворений «Сумерек» – так же в Изд. 1982, Изд.
2000). – Изд. 1982. С. 288, 485 (ранняя редакция по цензурной тетради приведена
неточно: выпущен ст. 2 – так же в Изд. 2000), 646–641 (отмечен французский
автоперевод). – Изд. 1989. С. 216–211 (заглавие: «Коттерии» – так же в Изд.
2000; датировка: <1841 >).

109

222

С книгою: Сумерки

С. н. к.

Сближеньем с вами на мгновенье Я очутился в той стране,
Где, в оны дни у воображенья Так сладко, складно лгало мне.

На ум, на сердце мне излили Вы благодатныя струи –

И чудотворно превратили В день ясный сумерки мои.

<Коней, мая – начало июня 1842>

222. С книгою: Сумерки С. Н. К. («Сближеньем с вами на мгновенье...»)

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский. Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Современник. 1842. Т. XXVII. № 3 (ценз. разр. 30 июня; ценз, билет 3 августа – Летопись. С. 387). Отд. V: Стихотворения. С. 95 (3-й пагинации) – подпись: Баратынский. Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту первой публикации: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 51 об. (заглавие: «С книгою Сумерки С. Н. Карамзиной»); № 40. Л. 57 (датировано: «в 1842 и в 1843»), № 41. Л. 1 об. (карандашом надписано: «Смесь») – обе копии под заглавием «С. Н. Карамзиной при посылке Сумерковъ»; № 42. Л. 77 об. (заглавие: «С. Н. Карамзиной при посылке Сумерекъ»).

Копия А. Е. Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 53. Л. 1 (заглавие: «С. Н. Карамзиной при посылке Сумерковъ»).

По копии Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 57) стихотворение было вторично опубликовано И. С. Тургеневым: Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 154 (1-й пагинации) – под заглавием: «С-е Н-е К-ной, при посылке „Сумерекъ“» и с разночтением (конъектура или ошибка):

4 Так сладко, складно пело мне.

Стихотворение было вписано С. Н. Карамзиной в ее альбом, ныне утраченный (описание см.: Модзалевский Б. Л. Из альбомной старины // Русский библиофил. 1916. № 6. Октябрь. С. 69). Текст альбомной копии соответствовал напечатанному 110

в «Современнике» и был снабжен примечанием Карамзиной: «Стихи присланные мне Е. Баратынским с его сочинением Сумерки в Ревель летом 1842-го года» (Там же. С. 70).

Датируется по времени выхода «Сумерек» и по письму С. Н. Карамзиной от 26 июня 1842 г., в котором она благодарит Боратынского за присылку сборника и адресованное ей стихотворение (Пд. ф. 33. Оп. 1. № 93. Л. 1–2 об.; отрывок из письма см.: Изд. 1914–1915. Т. I. С. 305; Летопись. С. 387).

Тургенев 1854. С. 154 (текст по копии Н. А. Боратынской под заглавием: «С-е Н-е К-ной, при посылке „Сумерекъ“», с разночтением в ст. 4; в ст. 3 и 8 курсив снят). – Лонгинов 1864. Стб. 112 (отмечена публикация в «Современнике» 1842 г.). – Изд. 1869. С. 161 (текст по одной из копий Н. Л. Боратынской под заглавием: «С. Н. Карамзиной. (При посылке Сумерокъ)»; в ст. 3 и 8 курсив снят; датировка: 1842–1843). – Изд. 1884. С. 270 (текст изд. 1869 под заглавием «С. Н. Карамзиной. (При посылке Сумерекъ)»; датировка: 1842–1843). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 166 (текст «Современника» под заглавием «С книгою Сумерки С. Н. Карамзиной»), 305 (отмечена перепечатка стихотворения в «Современнике» 1854 г. с разночтением в ст. 4; датировано июнем 1842 г. на основании письма Карамзиной – повторено во всех последующих изданиях). – Изд. 1936. Т. 1. С. 239 (текст «Современника», заглавие: «С книгою „Сумерки“ С. Н. Карамзиной»). – Изд. 1951. С. 308 (текст «Современника»; заглавие: «С книгою „Сумерки“ С. Н. К.» – так же в Изд. 1957). – Изд. 1957. С. 374 (место первой публикации указано неверно: № 7 «Современника» вместо № 3 – повторено во всех последующих изданиях). – Изд. 1982. С. 339 (текст «Современника», но в ст. 3 курсив снят; заглавие: «С книгою „Сумерки“ С. Н. Карамзиной») – так же в Изд. 2000). – Изд. 1989. С. 200 (текст «Современника» под заглавием «С книгою „Сумерки“ С. Н. Карамзиной»); датировка: конец мая – начало июня 1842).

111

223

Спасибо злобе хлопотливой,

Хвала вам, недруги мои!

Я не усталый, но ленивый Уж пил Летийския струи.

Слегка седеющий мой волос Любил за право на покой,

Но вот к борьбе глухой ваш голос Меня зовет и будит мой.

Спасибо вам, я не в утрате!

Как богоизбранный Еврей, Остановили на закате Вы солнце юности моей!

Спасибо! молодость вторую И человеческим сынам До сель безвестную пирую Я в зависть флакку, в славу вам!

<1842-1843 ?>

223. «Спасибо злобе хлопотливой...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 52 об.; с исправлениями: в ст. 1 хлопотливой → хлопотливой, -- ст. 6 покой → покой,

Автограф неизвестен.

Другие копии Н. Л. Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 56 (датировано: «в 1842 и в 1843»; в ст. 10 иное написание окончания: «богоизбранной»); № 41. Л. 7 об. (карандашом надписано: «Лирическое стихотворенье») – с поправкой в ст. 7: 7 Но вот к борьбе [глухой вашъ] ваш дикой голосъ

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
Эта копия впервые учтена в изд. 1914–1915 (Т. I. С. 305) и выбрана М. Л. Гофманом в качестве источника публикации (Т. I. С. 167; в ст. 7 иное написание окончания: «дикий»), так как Гофман ошибочно считал, что исправление в ст. 7 внесено рукой Боратынского.

112

Еще одна копия, неустановленным почерком: РГАЛИ. ф. 51. Оп. 1. № 195. л. 6. Стихотворение должно было войти в подборку, подготовленную И. С. Тургеневым для 10-го номера «Современника» 1854 г. (описание публикации см. в примечаниях к № 216–217, 220, 222, 224–226, 228–229), – оно упомянуто в рукописном варианте предисловия (ОПИ ГИМ. ф. 445. № 196. л. 164–165; Блинчевская М. Я. Стихотворения Боратынского // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева, Вып. 1. М.; Л., 1964. С. 239), однако, по неустановленным причинам, не было опубликовано в журнале, как и стихотворение «Когда, дитя и страсти и сомненья...» (№ 227), также упомянутое в рукописи предисловия. Ст. 1–4 и 9–12 впервые опубликованы: Русская беседа. 1859. кн. 14. № 2 (ценз., разр. 20 марта 1859). Отд. I. Изящная словесность. Стихотворения. С. 1 (1-й пагинации) – подпись: Е. Баратынский, ст. 2 и 4 – разночтения:

2 Спасибо, недруги мои!

4 Уж пил забвения струи.

Публикация сопровождалась редакторской заметкой: «Стихи эти присланы нам П. И. Б-ым из Дрездена, при следующем замечании: „Живя в Москве, Баратынский несколько месяцев сряду не мог ничего писать и все жаловался на скуку. Вдруг журнальные рецензии, в которых почти никогда не отдавалось должной цены его произведениям, или какие-то другия неприятности, пробудили его из этого усыпления. Он снова и деятельно принялся за работу, и когда его раз спросили, отчего произошла в нем такая быстрая перемена, он отвечал прилагаемым осьми- стишем, случайно уцелевшим в памяти одной дамы, которая была коротко знакома с Баратынским. С ее позволения я не преминул записать эти восемь строк, потому что и в них, хотя оне, можно сказать, обронены мимоходом, видна художественная замашка дорогаго, до сих пор еще вполне не оцененного поэта. Мне кажется, что этим стихам не следует пропасть, как пропадает многое, и потому я решился послать их вам. Пусть и они войдут в полное собрание сочинений Баратынского, так давно ожидаемое почитателями его таланта» (С. 1).

Корреспондент «Русской Беседы», приславший стихи из Дрездена, – П. И. Бартенев; «дама», сообщившая ему стихи Боратынского, очевидно, К. К. Павлова, с весны 1858 г. жившая в Дрездене и в ноябре того же года встречавшаяся с Бартеневым (отмечено Ю. Н. Верховским – Верховский 1935. С. 118).

Впервые опубликовано полностью: Изд. 1869. С. 168.

Датируется предположительно, на основании указания в альбоме Н. Л. Боратынской. Русская беседа 1859. С. 1 (публикация ст. 1–4 и 9–12 с разночтениями в ст. 2 и 4). – Изд. 1869. С. 168 и изд. 1884. С. 212 (полный текст стихотворения; датировка: 1842–1843); изд. 1869. С. 216 и изд. 1884. Приложения. С. 40 (варианты по тексту «Русской беседы» в ст. 2 и 4; в ст. 4 опечатка: «струю» вместо «струи»). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 167 (текст по копии Н. Л. Боратынской [ныне ПД. ф. 33. Оп. 1. № 41. л. 7 об.], в ст. 7: «ваш дикий» вместо «глухой ваш»), 305–306 (указан источник публикации – копия Н. Л. Боратынской; номер стиха с разночтением указан неверно: 9 вместо 7; отмечена 8 8 – 5341

Из

публикация в «Русской беседе»; при перепечатке сопроводительной заметки раскрыты инициалы П. И. Бартенева; датировка: предположительно 1842). – Изд. 1936. Т. I. С. 243 (текст по изд. 1914–1915; в ст. 7: «ваш дикий голос», в ст. 10 «еврей» – со строчной буквы – так стихотворение напечатано во всех последующих изданиях); Т. II. С. 280 (некорректные сведения о первой публикации в «Русской беседе» – в журнале стихотворение было опубликовано частично; датировка: 1841–1842). – Изд. 1945. С. 111 (датировка: 1842). – Изд. 1951. С. 196–191 (в ст. 4 «летнийские» со строчной буквы – так же во всех последующих изданиях; датировка: 1842? – повторено в изд. 1989). – Изд. 1989. С. 211, 429 (отмечено разночтение с Изд. 1869, но стих, имеющий иное чтение, указан неверно: 9 вместо 7).

114

224

Опять весна, опять смеется луг и весел лес своей молодой одеждой,
И поселян неутомимый плуг браздит поля с покорством и надеждой.
Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольной мир уходит от очей,
Пред вечным днем я опускаю вежды.
Уж та зима главу мою сребрит,

что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешел пиит,
К ея сынам еще взывает лира.
Велик Господь! он милосерд, – но правъ: Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.
Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавой,
Но подо мной сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он злобной славой!
Летел душой я к новым племенам, Любил, ласкал их пустоцветный колось;
Я дни извел, стучась к людским сердцам, Всех чувств благих я подавал им голос.
Ответа нет! отвергнул струны я,
Да кряж другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя Зародыши елей, дубов и сосен.

115

И пусть, простясь с лирою моей,
Я верую: ее заменять эти,
Поэзии таинственных скорбей Могучие и сумрачные дети!
<Вторая половина 1842– первая половина 1843 ?>

224. «Опять весна, опять смеется луг...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 34–54 об.; с исправлениями: в ст. 2 одеждой → одеждой, -- ст. 7 очей → очей, -- ст. 9 сребрит → сребрит, -- ст. 10 лира → .мира, -- ст. 11 пиит → пиит, -- ст. 17 порыв → порыв, -- ст. 21 племенам → племенам, -- ст. 23 сердцам → сердцам, (по аналогии с пунктуацией в сборнике «Вчера и сегодня») -- ст. 26 кряж → кряж (по автографу)

Последняя строфа записана отдельно под чертой, в основном тексте – вариант заключительного четверостишия с иным чтением ст. 29–30:

29 пусть [думаю] верую простясь я с лирою моей

30 что некогда ее заменять эти

В другой копии Н. Л. Боратынской (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41. л. 8 об.–9; см. ниже) к ст. 29 сделано примечание: «Этот стих невозможно было разобрать но применились ко смыслу с теми словами которые были не так связно написаны». Слова «невозможно было разобрать» относятся, очевидно, к черновому автографу стихотворения. Черновой автограф, на отдельных листах большого формата, вместе с черновыми набросками стихотворения «Над дерзновенной головою...» (№ 225.2): ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 49. л. 1–1 об., 2, 3, 4, 6. Факсимиле еще одного листа черновика – Изд. 1869, на вклейке (по указанию М. Л. Гофмана, эта, ныне утраченная, часть чернового автографа принадлежала принцу А. П. Ольденбургскому – см. Изд. 1914–1915. Т. I. С. 306).

Автограф дает связное чтение ст. 1–20 (л. 1 об.), отраженное в сохранившихся копиях; ст. 21–32 представлены несколькими черновыми вариантами.

Первые наброски Боратынский сделал на л. 1, где находится связный черновик первых трех строф (ст. 1–12), но уже в последней из них была начата интенсивная правка. Следующие две строфы, черновики которых также располагаются на л. 1, здесь окончательной обработки не получили – пять начальных строф Боратынский перебелил уже на обороте листа (л. 1 об.). Работа над последующими строфами велась на нескольких листах; сохранившиеся наброски носят следы многостройной правки, которая в большинстве случаев осталась незавершенной. Ст. 21–24 были намечены еще на л. 1 об., затем, по-видимому, перенесены на л. 4. Наиболее законченный вид последние строфы приобрели на л. 3, где Боратынский пробовал несколько связных вариантов 6-й и 7-й строф, однако, судя по всему, остался ими недово

116

лен и предпринял их новую переработку на л. 6. Еще один вариант 7-й строфы, где впервые появился образ «плодоносного кряжа», и набросок финальных строк были записаны на отдельном листе.

Подробную расшифровку чернового автографа предприняла И. Н. Медведева–Томашевская при подготовке изд. 1936 (ОР РГБ. Ф. 645. Карт. 25. № 3. л. 4 об.– 40 об.), однако в издании был опубликован лишь небольшой фрагмент черновика (варианты ст. 25–28; изд. 1936. Т. II. С. 142). Сохранились также рабочие материалы М. Л. Гофмана с расшифровкой черновика: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 73. л. 216–219 об.

В помещенной ниже сводке, опирающейся на расшифровки Медведевой и Гофмана, приводим только варианты, поддающиеся уверенному прочтению.

I. Авторская сводка ст. 1–20 (л. 1 об.), далее переходящая в черновик: Опять весна; опять смеется луг И весел лес своей молодой одеждой И поселян

неутомимый плуг Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей Но нет уже в душе моей надежды;

Ужь здешний мир уходит из очей:

Пред вечным днем я опускаю вежды

Уж та зима главу мою сребрит,

Что греет сев для будущего мира Но праг земли не перешел пиит К ея сынам еще

взывает лира

Велик Господь! он милосердъ; но прав!

Нет на земле ничтожнаго мгновенья Прощает все ли <?> оргии забав,

Но никогда утех злоумышленья!

Толкнул глупца души моей порывъ:

Он вызвать мог меня на бой кровавый,

Но подо мной сокрытый² ров изрыв Свои рога венчал он подлой славой.

II. Черновые варианты ст. 1–20 (основной черновик на л. 1): ст. 1–4

А Еще весна опять [въ] передо мной

Блится <?> лес одеждой обновленной И зелен лугъ

² Исправлено из «подземный ров изрывъ», эпитет «подземный» остался

невыверкнутым.

117

Б Еще весна опять³ и снова зелен <?> луг И весел лес своей надеждой <?>

В Еще весна опять и снова зелен <?> луг И весел лес молодой своей одеждой Браздит

поля железный плуг а. Браздит <нрзб> <нрзб> плуг Одушевлен веселою надеждой

Г Опять весна; опять смеется луг И весел лес своей молодой одеждой И поселян

неутомимый плуг а. Опять <нрзб> неутомимый плуг Браздит поля с покорством и

надеждой.

ст. 5–8

Но нет уже весны в душе моей⁴ Но нет уже в душе моей надежды Уж дольный < ? >

мир уходит от очей а. Начато До времени <?>

Пред вечным днем я опускаю вежды

ст. 9–10:

А Но бодр еще всевидящий слепец <нрзб>

Б Уж та зима главу мою сребрить

а. Мою главу сребрить уж та зима Где зреет сев уж для другога мира Но я живу

ст. 11–12:

Но праг земли не перешел пиит а. Но велика Всевышнего <нрзб>

К сынам ея еще взываетъ?> лира

ст. 13–16:

Велик Господь! он милосерд! но прав Нет на земле ничтожности <?> мгновений <?>

Прощает < ? > безумию <?> забавъ

Но никогда безумству <?> размышлений <?>

³ В рукописи это слово оставлено незачеркнутым.

⁴ Над строкой сделано исправление: «Но нет уже в душе моей весны»

118

ст. 17–19

<нрзб> врага души моей <нрзб>

Он вызвать мог меня на бой кровавой Но подо мной незримый ров изрывъ

Ш. Черновые варианты ст. 21–28

ст. 21–24

1) начальные наброски ст. 21–24 на л. 1 об. ст. 21–22:

Я дни извел стучась к сердцам людей Всех чувств благих я подавал им голось

ст. 23–24

возвышенных страстей

<нрзб> высок но пуст новейших <нрзб> колос Довольно! [может быть] еще ты

2) продолжение работы над ст. 21–24 на л. 4

А Высок, но пуст племен новейших колось

Б Им дочь небес гармония чужда а. [Имъ] [Гармония чужда]

Начато Молчи же феб! <нрзб>

Сих книжников не будет и следа;

И на земле лучи твои <нрзб>

Их не найдут, и ныне вот зачем а. Их не найдут, и вот за чем Начато Покорен им

а. Подавлен им Бросает <?> же младые племена!

О мать земля!

В Я дни извел стучась к сердцам людей

Г Меня прельстил порфирию своей

Свет новый свет <?> пустой хоть гордой кол<ось> Я дни извел стучась к сердцам

людей Всех чувств благих я подавал им голось

119

3) авторская сводка с правкой (л. 3)

А Ласкал душой все любящей моей

Я <нрзб> пусто <цветный> колос Я дни извел стучась к сердцам людей Всех лучших чувств я подавал им голос.

Б Ласкал душой все любящей моей Поэзии простой < > колось

а. Всяк на земле имущий тощий колос Извел я дни стучась к сердцам людей Всех дум благих я подавал им голось

4) варианты ст. 21–24 в утраченной части черновика (Изд. 1869)

Душой моей летел я к племенамъ: а. Я к братьям летел душой моей Любил < > колось Я дни извел стучась к людским сердцам Всех чувств благих я подавал им голось

1) начальные наброски строфы на л. 4

Ответа нѣтъ! о мать земля....

О мать земля! смотри уже....

<нрзб>

Зародыши дубов несет...

2) продолжение черновой работы на л. 3

А Ответа нет! отвергнул струны я

Но сын земли <нрзб> душой незлобный Б Ответа нет! отвергнул струны я Но <нрзб> любя любовью загробной Все полнится < ? > еще душа моя <нрзб> Эпохой преподобной В Ответа нет! отвергнул струны я Но не мечту; печальный но не злобный а. Но не мечту! Печальный, но не злобный Дождусь дождусь единый судия

а. Начато Еще живу!

б. И <нрзб> верховный судия В Элизии эпохи преподобной!

а. Начато В Элизии дождусь их <нрзб>

120

3) авторская сводка с правкой на л. 6

Понятия возвышенных страстей О мать земля! твой высший плод <?> несносен Прими ж прими ж ты из руки моей Зародыши дубов елей и сосень

Ответа нет! Отвергнул лиру я Но на земле лелея мир загробный Еще <...> живет

душа моя Понятием <?> о эре преподобной

4) другой вариант ст. 23–28 (л. 2)?

А между тем не песнями весна Мною встречена: мне лирный строй несносен Рука моя бросает семена Не спелых дум, но елей, сосень

5) варианты ст. 23–28 в утраченной части черновика (Изд. 1869)

А Отвѣта нет! отвергнул струны я....

И кряж иной мне будет плодоносен а. Век для других да будет плодоносень

Б Не песнями мною встречена весна!

В Ответа нет отвергнул струны я! а. Ответа нет отвергнул лиру я!

Г Ответа нет! отвергнул струны я

Да кряжь другой мне будет плодоносен!

И в день весны несет рука моя а. Зародыши несет рука моя Зародыши...

а. Дубов и сосен <?>

б. Медлительных <?> дубов и сосень

д Не гимнами встречаю я весну:

Зародыши бросаю елей, сосень

Е Ответа нет! отвергнул струны я Но не мечту; печальный но не злобный живу:

<нрзб>

Понятием эпохи преподобной.

5 л. 2 современной нумерации представляет собой нижнюю часть обрезанного л. 3; таким образом, этот фрагмент был записан как непосредственное продолжение черновика на л. 3 (см. выше).

121

ст. 29–32 (Изд. 1869)

Чтоб <нрзб> над лирою моей что некогда ее < > сменят <?> эти

Поэзии таинственных скорбей Могучие и сумрачные дети

Другие копии Н. Л. Боратынской, соответствующие первоначальной записи в альбоме «Souvenir»: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 56 об. (в ст. 22 «колосъ», в ст. 29–30:

«Пусть верую простясь я с лирою моей / Что некогда ее заменят эти»; – так же во всех остальных копиях); № 41. л. 8 об.–9 (заглавие: «лес. Элегия, 50» – записано карандашом; в ст. 28 разночтение: «Зародыши дубов, елей и сосень»; в ст. 19 описка: «рой» вместо «ровъ», после финальной строфы – строфа отточий); № 42. л. 47 об.–49 (заглавие: «Лесь»; в ст. 28 то же разночтение, что в предшествующей копии; в ст. 19 иное написание окончания: «сокрытой»).

Копия А. Е. Боратынской, соответствующая чтению большинства копий Н. Л.

Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 53. л. 2–2 об. (чтение ст. 22 и ст. 29–30

совпадает с предшествующими копиями; в ст. И описка: «прахъ» вместо «прагъ»; в ст. 7 и 18 иное написание окончаний: «дольный», «кровавый»).

Копия неустановленным почерком, также соответствующая чтению большинства копий

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский. Н. Л. Боратынской: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 195. Л. 5 (чтение ст. 29–30 совпадает с предшествующими копиями; в ст. 23 разночтение: «Я дни провел стучась к чужим сердцам»; ст. 29 отчеркнута; в ст. И: «прах» вместо «прагъ», в ст. 7 и 18 иное написание окончаний: «дольный», «крававый»).

Впервые опубликовано: Вчера и сегодня. Литературный сборник, составленный Гр. В. А. Соллогубом, изданный А. Смирдиным. Кн. 2. СПб., 1846 (ценз. разр. 15 февраля; ценз. билет 17 февраля – РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 278. л. 10 об.). С. 68–69 – заглавие: «Опять весна», подпись: Е. Баратынский.

Стихотворение сопровождалось примечанием: «Эти стихи были набросаны Е. А. Баратынским в то время, как он сажал в деревне сосновую рощу. – Хотя видно, что они не совсем еще были отделаны, но в них выражается та самоцветная поэзия, которая знаменовала все творения нашего поэта, и читатели верно не посетуют за помещение их в моем Сборнике. Зам.<ичание> Изд.<ателя>».

Судя по разночтениям публикации, она восходит к копиям Н. Л. Боратынской. В ст. 29–30 вариант большинства копий: «Пусть верую, простясь я с лирою моей, / что некогда ее заменят эти»; в ст. 26 «хрящ» вместо «крящ»; в ст. 7 и 18: «дольный», «крававый», в ст. 19 опечатка: «надо мной» вместо «подо мной». Из сборника «Вчера и сегодня» стихотворение было полностью перепечатано в «Русском инвалиде» (1846. № 59. 14 марта. С. 234; с сохранением заглавия и опечатки в ст. 19) и «Современнике» (1846. Т. XLII. № 4. С. 109–110; без заглавия и с исправлением ошибки в ст. 19); об этих публикациях см. также: Грот, Плетнев. Переписка. Т. 2. С. 710, 719, 728–729.

По копии Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 56 об.) повторно опубликовано И. С. Тургеневым: Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 155–156 (1-й пагинация) – текст с соответствующими разночтениями в ст. 29–30; в ст. 26: «кряжь», в ст. 7 и 18: «дольный», «крававый».

122

В собраниях сочинений Боратынского стихотворение печатается, начиная с Изд. 1869.

Датируется предположительно второй половиной 1842 – первой половиной 1843 г. Реальным поводом для написания стихотворения, судя по всему, стала посадка леса в Муранове – см. издательское примечание во «Вчера и сегодня» и указание Плетнева: «Баратынский это писал, насадивши в деревне рощу из дубов и елей...» (Грот, Плетнев. Переписка. Т. 2. С. 729). Соответствующий сюжет несколько раз возникает в письмах Боратынского весны – осени 1842 г.: «Я на хозяйстве. <...> Осенью буду садить деревья» (письмо Путятям от конца мая 1842 г.), «Этой осенью я испытаю наслаждение, прежде мне неизвестное, – буду сажать деревья» (письмо А. Ф. Боратынской лета 1842 г.); «Обстоятельства удерживают меня теперь в небольшой деревне, где я строю, сажу деревья, сею, не без удовольствия, не без любви к этим мирным занятиям и прекрасной окружающей меня природе <...>» (письмо Плетневу от 10 августа 1842 г. – летопись. С. 386, 388, 390–391). На этих основаниях нижней границей создания стихотворения следует считать осень 1842 г. Косвенным подтверждением этой датировки может служить то обстоятельство, что для черновиков стихотворения использована такая же бумага, как и для поправок к поэме «Цыганка» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 50), датированных 1842 г. на основании помет во всех известных копиях Н. Л. Боратынской (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 [альбом «Souvenir»]. л. 61 – 76; № 40. л. 47–56; № 41. л. 10–44; впервые отмечено М. Л. Гофманом). Однако нельзя исключить, что стихотворение было написано зимой 1842–1843 гг. или весной 1843 г. – до начала сборов Боратынских в заграничное путешествие.

Тургенев 1854. С. 155 – 156 (текст по копии Н. Л. Боратынской). – Лонгинов 1864. Стб. 113 (отмечена публикация во «Вчера и сегодня»). – Изд. 1869. С. 169–170 (текст по альбому «Souvenir»; последняя строфа – по варианту, приписанному ниже основного текста, со смысловыми различиями в пунктуации в ст. 29 [«И пусть! Простясь с лирою моей»]; заглавие «На посев леса»; с разночтениями: в ст. 20 «грошной» вместо «злойной», в ст. 26 «хрящ»; в ст. 7 иное написание окончания «дольный», в ст. 11 опечатка: «земле» вместо «земли» [отмечено в списке опечаток]; датировка: 1842–1843), 216 (варианты ст. 29–30 по тексту «Вчера и сегодня»). – Изд. 1884. С. 274–275 (текст Изд. 1869 с исправлением опечатки в ст. 11 и иным написанием окончания в ст. 19: «сокрытой»). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 167–168 (текст по черновому автографу; заглавие: «(На посев леса)»; в ст. 7 «Уж здешний мир уходит из очей», в ст. 17–18 «Толкнул глупца души моей порыв, / Он вызвать мог меня на бой кровавой», в ст. 20 «падшей» вместо «злойной», в ст. 26 «кряжь»; в ст. 28 «Зародыши дубов, елей и сосень», ст. 29–30 как в тексте «Вчера и сегодня»; датировка: 1842), 306–307 (указан источник публикации: черновики из Казанского архива [ныне ПД], а также часть черновиков, принадлежавшая принцу А. П. Ольденбургскому [не разысканы]; приведены варианты «Вчера и сегодня» в ст. 7, 17–18, 20; отмечены копии Н. Л.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын Боратынской, перепечатка в «Современнике» 1854 г., варианты Изд. 1869 и Изд. 1884 в ст. 20, 29–30), вклейка между С. 168–169 (факсимиле л. 1 и л. 1 об. чернового автографа). – Изд. 1936. Т. /. С. 245–246 (текст по Изд. 1884 с исправлением ст. 20: «падшей» [как в Изд. 1914–1915]; заглавие «На посев леса»; с опечаткой в ст. 5 [«в душей»] и с иным написанием отдельных слов: в ст. 7 [«дольный»]; в ст. 26 [«хрящ»], в ст. 13 «господь» со строчной буквы – так же текст

123

печатается во всех последующих изданиях); Т. II. С. 142 (варианты ст. 25–28 по черновому автографу – повторено в Изд. 1989). – Изд. 1951. С. 310–311 (текст Изд. 1936 с исправлением опечатки в ст. 5 и иным написанием окончаний в ст. 7 [«дольный»] и в ст. 18 [«кровоавый»] – так же во всех последующих изданиях), 586 (источником публикации неверно названо Изд. 1914–1915: в действительности воспроизведен текст Изд. 1936; датировка: 1842). – Изд. 1951. С. 198–199 (датировка: 1843?), 375 (отмечено местонахождение автографа – ПД), вклейка между С. 192–193 (факсимиле л. 6 чернового автографа). – Изд. 1982. С. 341–342, 492 (отдельные варианты по черновому автографу в ст. 2, 17–28 – повторено в Изд. 2000). – Изд. 1989. С. 218 (датировка: 1842?). – Изд. 2000. С. 291–298 (в ст. 17 «Господь», в ст. 19 «Он» с заглавных букв).

124

225

1

Люблю я вас Богини пенья!

Но ваш чарующий наход,

Сей сладкой трепет вдохновенья, Предтечей жизненных невзгод.

Любовь Камен с враждой фортуны

Одно. Молчу! боюсь я

Чтоб персты, падшие на струны,

Не пробудили бы перуны,

В которых спить судьба моя.

И отрываюсь полный муки От музы ласковой ко мне И говорю: до завтра звуки,

Пусть день угаснет в тишине.

<1842–1843 ?>

2

Ранняя редакция

Над дерзновенной головою,

Как над землей скопленный пар, Нависли тучи надо мною И за ударом бьют удар.

Я бросил мирную порфиру,

Боюсь явленья бога струн,

Чтоб персты, падшие на лиру,

Не пробудили бы перун.

125

И отрываюсь, полный муки,

От музы ласковой ко мне И говорю: до завтра звуки, Пусть день угаснет в тишине.

<1842–1843 ?>

225.1. «Люблю я вас Богини пенья...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 52; с исправлениями: в ст. 1 пенья → пенья! -- ст. 7 струны →

струны, -- ст. 8 перуны –* перуны,

Автограф неизвестен.

Другие копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту в альбоме «Souvenir»: ПД.

Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 56 об. (датировано: «в 1842 и в 1843»); № 41. Л. 1

(заглавие: «Перуны. Элегия» – вписано карандашом); № 42. Л. 41 (заглавие:

«Перуны»); РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 5.

Еще одна копия, также соответствующая тексту в альбоме «Souvenir», неизвестной

рукой: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 195. Л. 6 – в ст. 3: «сладкий» и в ст. 4

разночтение: «Предтеча» вместо «Предтечей».

Впервые опубликовано по копии Н. Л. Боратынской, присланной ею П. А. Плетневу:

Современник. 1844. Т. XXXVI. № 12 (ценз. разр. 1 декабря, ценз, билет 27 ноября

– РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 276. Л. 57 об.). С. 370 (подпись: Евгений Баратынский)

– с иным написанием отдельных слов: в ст. 1: «богини», ст. 5: «фортуны», ст. 11:

«Музы» и с разночтением в ст. 8:

8 Не пробудили вновь перуны,

Копия Н. Л. Боратынской, послужившая источником публикации, на отдельном листе,

прилагавшемся к письму Плетневу от 12 ноября 1844 г. (ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80.

Л. 1–2 об.; датировка по штемпелю): ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 25 (подписано:

Евгений Баратынский) – с иным написанием отдельных слов относительно

«Современника»: в ст. 5 «фортуны» и в ст. 11 «музы» – со строчной буквы (так же,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын как в остальных копиях). В верхней части листа рукой Плетнева помета «напеч<атана>», на обороте листа – запись стихотворения «Молитва» (№ 230). Рукой Н. Л. Боратынской в текст копии внесены исправления, перешедшие в печатный текст:

1 Люблю я вас [Б]богини пенья 6 Одно. Молчу[!]. [Б]Боюсь я 8 Не пробудили [бы] вновь перуны,

Исправления Н. Л. Боратынской не находят соответствия ни в одном из известных источников, а сопоставление с чтением других копий позволяет предполагать, что эта правка, носящая редакторский характер, принадлежит вдове поэта, а не восходит к утраченным рукописям Боратынского (подробнее см. в сопроводительной статье).

126

По копии Н. Л. Боратынской (№ 40. л. 56 об.) повторно опубликовано И. С. Тургеневым: Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 148–149 (1-й пагинации) – с иным написанием отдельных слов (в ст. 1 «богини», в ст. 5 «камень») и с разночтениями, вероятно, отражающими редакторское вмешательство Тургенева:

3 Сей сладкий трепет вдохновенья –

4 Предтеча жизненных невзгод.

7 чтоб персты, павшие на струны,

10 И отрываясь, полный муки,

12 Я говорю: до завтра звуки –

Датируется предположительно, по соотношению с ранней редакцией (см. ниже).

225.2. «Над дерзновенной головою...» Ранняя редакция

Печатается по тексту первой публикации: Изд. 1936. Т. II. С. 142 (сводка по черновому автографу Е. Н. Купреяновой) – с восстановлением орфографии по автографу.

Черновой автограф, среди набросков стихотворения «Опять весна, опять смеется луг...» (№ 224): ПД- ф. 33. Оп. 1. № 49. Л. 6 об.

Расшифровку чернового автографа впервые предпринял М. Л. Гофман в подготовительных материалах к Изд. 1914–1915 (ПД. ф. 33. Оп. 1. № 73. л. 216 об.– 217), однако он смог прочесть лишь ст. 6–12 и отдельные словосочетания в следующей строфе и в издание этот фрагмент не включил.

Наиболее полная расшифровка черновика была подготовлена Ю. Н. Верховским (Верховский 1935. С. 119). Чтение первых трех строф совпадает со сводкой Е. Н. Купреяновой. Последующие обрывочные фрагменты, не дающие связного чтения (ср. Изд. 1936. Т. II. С. 142):

И

Я музу

Но рядом с ней идут

я знаком

Полночный

В Изд. 1957 (С. 375) также приведена расшифровка первых двух строф чернового автографа – с иным чтением ст. 3–5:

3 Нависли тучи надо мною,

4 И за ударом бьет удар.

э я бросил лирную порфиру.

Датируется предположительно, по расположению чернового автографа, записанного на тех же листах, что и наброски стихотворения «Опять весна, опять смеется луг...» (№ 224), датируемого второй половиной 1842 – первой половиной 1843 г.

127

Тургенев 1854. С. 148–149 (текст по копии Н. Л. Боратынской с разночтениями в ст. 3–4, 7, 10, 12). – Лонгинов 1864. Стб. Из (отмечена публикация 1844 г. в «Современнике»). – Изд. 1869. С. 168–169 и Изд. 1884. С. 213 (текст по копиям Н. Л. Боратынской из семейного архива [ныне ПД. ф. 33; РГАЛИ. ф. 394]; в ст. 1 «богини», в ст. 3 «фортуны», в ст. И «Музы»; в ст. 3 «сладкий» – так же во всех последующих изданиях; датировка: 1842–1843); Изд. 1869. С. 216 и Изд. 1884.

Приложения. С. 40 (вариант «Современника» 1844 г. в ст. 8). – Изд. 1914–1915. Т. 1. С. 168–169 (текст по копии Н. Л. Боратынской [ныне РГАЛИ], ошибочно названной автографом, в ст. 3 «фортуны»), 301 (отмечены другие копии Н. Л. Боратынской под заглавием «Перуны»; датировка: предположительно 1843). – Изд. 1936. Т. I. С. 244 (текст по «Современнику» 1844 г. – так же во всех последующих изданиях, кроме Изд. 1951; в ст. И «музы» – так же во всех последующих изданиях); Т. II. С. 142 (приведены ст. 1–12 ранней редакции), 280 (описание автографа ранней редакции), вклейка между С. 144–145 (воспроизведение автографа ранней редакции). – Изд. 1945. С. 101 (текст Изд. 1936; датировка: 1844 – повторено в Изд. 1951). – Изд. 1951. С. 309 (текст по Изд. 1884). – Изд. 1951. С. 199 (текст «Современника», в ст. 3 «камен» со строчной буквы – так же во всех последующих изданиях), 315–316

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский (указано местонахождение автографа – ПД, приведена иная расшифровка двух слов в ст. 4 и 3 – повторено в разделе «Варианты» Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000). – Изд. 1982. С. 343 (в ст. 1 «Богини» с заглавной буквы). – Изд. 1989. С. 430 (датировка: предположительно 1843).

128

226

Когда твой голос, о Поэт,
Смерть в высших звуках остановит, Когда тебя во цвете лет Нетерпеливый рок
уловить;

Кого закат могучих дней во глубине сердечной тронет?

Кто в отзыв гибели твоей Стесненной грудию возстонет,

И тихий гроб твой посетит,

И над умолкшей Аонидой Рыдая пепел твой почтит Нелицемерной панихидой?

Никто! – но сложится певцу Канон намеренным Зоилом,

Уже кадящим мертвецу,

Чтобы живых задеть кадиллом.

<Не позднее начала ноября 1843>

226. «Когда твой голос, о Поэт...»

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Современник. 1843. Т.

XXXII. № 12 (ценз. разр. 30 ноября; ценз, билет 1 декабря – РГИА. ф. 777. Оп.

27. № 275. л. 60). С. 354 – подпись: Е. Баратынский, редакторское заглавие:

«Когда твой голос».

Автограф неизвестен.

Копия С. А. Соболевского, послужившая источником публикации, на отдельном листе:

ПД. № 16033. л. 1 (на другой стороне листа записано стихотворение «Котерие» –

№ 221.3). Заглавие «Когда твой голос» и подпись «Е. Баратынский» – рукой П. А.

Плетнева, более темными чернилами; ему же принадлежат чернильные исправления

отдельных букв и пунктуационные поправки: в конце ст. 1 и 15 доставлены запятые

(«Когда твой голос, о Поэт,» и «Уже кадящим мертвецу,») в ст. 6 и 8 переправлены

знаки препинания («во глубине сердечной тронет [;]?»), «Стесненной грудию возстонет

[?],»). Над текстом, также рукой Плетнева карандашная помета: «Напечатан<a>». По

всей видимости, стихотворения были посланы Боратынским 9

9 – 5341

129

из-за границы в письме Соболевскому, который переписал их на отдельном листе для

передачи в журнал Плетнева.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту «Современника»: ПД. ф. 33. Оп.

1. № 38 (альбом «Souvenir»). л. 53 (без заглавия); № 40. л. 56 (без заглавия;

датировано: «в 1842 и в 1843»); № 41. л. 1–1 об. (заглавие: «Память Поэту.

Элегия» – записано карандашом); № 42. л. 39 об. (заглавие: «Память Поэту»).

Еще одна копия, также соответствующая тексту «Современника», неустановленным

почерком: РГАЛИ. ф. 51. Оп. 1. № 195. л. 5 об. (без заглавия).

По копии Н. Л. Боратынской (№ 40. л. 56) повторно опубликовано И. С. Тургеневым:

Современник. 1854. Т* XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 147–148 (1-й пагинации) –

под заглавием «На смерть Лермонтова» и ошибочным указанием, что стихотворение

«появляется в первый раз» (С. 147).

Датируется по первой публикации с учетом времени доставки почты из Германии и

Франции, где Боратынский находился в октябре – начале ноября 1843 г., в

Петербург (подробнее см. Бодрова 2010. С. 111–112, 126).

Тургенев 1854. С. 141–148 (текст по копии Н. Л. Боратынской под заглавием «На

смерть Лермонтова»; в ст. 1 «поэт», в ст. 14 «намеренным»). – Лонгинов 1864.

Стб. 113 (отмечена первая публикация в «Современнике» 1843 г.), 115 (указано,

что стихотворение написано в 1841 году на смерть Лермонтова). – Изд. 1869. С.

167–168 и Изд. 1884. С. 271 (текст, соответствующий копиям Н. Л. Боратынской,

без разделения на строфы; заглавие: «Память Поэту»; в ст. 14 «намеренным» –

так же во всех последующих изданиях; датировка: 1842–1843). – Изд. 1914–1915. Т.

1. С. 165 (текст, соответствующий копиям Н. Л. Боратынской под заглавием «Память

Поэту»; датировка: 1841), 303 (отмечена перепечатка стихотворения в

«Современнике» 1854 г.; основание датировки – свидетельство М. Н. Лонгинова). –

Изд. 1936. Т. I. С. 240 (текст по «Современнику» 1843 г. без заглавия – так же

во всех последующих изданиях); Т. II. С. 277–278 (оспорена связь стихотворения

со смертью Лермонтова; датировано 1842–1843; неверно указано место первой

публикации: № 10 вместо № 12). – Изд. 1945. С. 178 (датировка: 1843). – Изд.

1951. С. 312, 586 (неверно указано место первой публикации: Современник. Т. XXII

вместо XX– XII). – Изд. 1957. С. 197–198 (текст по «Современнику», без заглавия,

в ст. 1 «поэт»; датировка: <1843>), 374–375 (номер «Современника» указан

неверно: № 4 вместо № 12 – повторено в Изд. 1982, Изд. 2000). – Изд. 1982. С.

340 (текст по «Современнику» 1843 г. без заглавия; в ст. 1 и ст. 14 «поэт» и

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын «зоилом» со строчной буквы – так же в Изд. 1989, Изд. 2000).

130

227

Когда дитя и страсти и сомненья Поэт взглянул глубоко на тебя – Решилась ты делить его волненья,

В нем таинство печали полюбя.

Ты смелая и кроткая со мною

В мой дикой ад сошла рука с рукою:

Рай зрела в нем чудесная любовь!

О сколько раз к тебе святой и нежной Я приникал главой моей мятежной,

С тобой себе и небу веря вновь!

<Середина ноября 1843 – коней, марта 1844>

227. «Когда дитя и страсти и сомненья...»

Печатается по копии Н. Л. Боратынской: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). Л. 38 об.; с исправлениями по аналогии с пунктуацией в «Современнике»: в ст. 2 тебя → тебя – -- ст. 3 волненья → волненья, -- ст. 4 полюбя → полюбя. -- ст. 6 рукою → рукою: -- ст. 9 мятежной → мятежной,

Автограф неизвестен.

В альбоме «Souvenir» рукой Н. Л. Боратынской была сделана вторая копия стихотворения (№ 38. Л. 51 об.), содержащая, вероятно, еще одну строфу, однако весь текст был выскоблен и затем зачеркнут, так что надежно читаются только отдельные слова.

Другие копии Н. Л. Боратынской, соответствующие записи в альбоме «Souvenir»: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 37; № 41. Л. 6 об. (с подзаголовком: «Элегия» – вписан карандашом); № 42. Л. 57 об.

Копия С. Л. Путяты (Энгельгардт) на отдельном листе: РГАЛИ. ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 8; копия А. Е. Боратынской: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 53. Л. 3; копия А. Ф.

Боратынской, на отдельном листе, вложенном в письмо В. А. Рачинской: РГАЛИ. ф. 427. Оп. 1. № 525. Л. 14–14 об. Текст всех этих копий соответствует записи в альбоме «Souvenir».

Впервые опубликовано по копии Н. Л. Боратынской, переданной П. А. Плетневу: Современник. 1844. Т. XXXVI. № 10 (ценз. разр. 1 октября; ценз, билет 30 сентября – РГИА. ф. 777. Оп. 27. № 276. Л. 49 об.). С. 109 (заглавие: «Когда дитя»; вместо подписи три звездочки: ***). Текст публикации соответствует копии в альбоме «Souvenir».

9*

131

Копия Н. Л. Боратынской, послужившая источником публикации, на отдельном листе: ПД. ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 24 (текст совпадает с записью в альбоме «Souvenir»). Наверху листа, над текстом рукой Плетнева вписано заглавие: «Когда дитя», а также сделана помета – «напечатано»; под текстом – вместо подписи «***».

В следующем номере журнала появилась редакторская заметка Плетнева, озаглавленная «Для читателей „Современника“»: «Многим из читателей наших любопытно было узнать имя автора, котораго стихи, начинающиеся словами „Когда дитя“ и помещенные на 109 стран. XXXVI т. Современника, так поразительно запечатлены глубоким и сильным талантом. Сколько для дополнения статьи нашей об Е. А. Баратынском (Т. XXXV. стран. 298–329), столько же и для удовлетворения любопытству читателей, мы за долг свой признаем объявить, что автор этих стихов тоже Е. А. Баратынский. Они были написаны им в Париже перед отъездом в Италию» (Современник. 1844. Т. XXXVI. № и. с. 255–256); в соответствии с этим сообщением Плетнева, в оглавлении XXXVI тома «Современника» указано авторство: «Когда дитя. Е. А. Баратынского» (подробнее об истории публикации см. в сопроводительной статье).

Датируется временем пребывания Боратынского в Париже – на основании указаний Н. Л. Боратынской (ср. ее письмо к матери поэта от начала сентября 1844 г.: «*Иа petite riёse pour moi a ete faite a Paris*» [небольшое стихотворение, обращенное ко мне, было написано в Париже] (ПД. ф. 33. Оп. 1. № 21. Л. 2). Скорее всего, к сообщению вдовы восходят пояснения Плетнева в редакторской заметке (см. выше), а также поздние свидетельства Л. Е. Боратынского и Н. В. Путяты: Изд. 1869. С. 395; Баратынские 1993. С. 237.

Лонгинов 1864. Стб. 113 (отмечена публикация в «Современнике»). – Изд. 1869. С. 111 (текст под заглавием «Н. Л. Боратынской», в ст. 6: «дикий»; датировка: 1844), 395–396 (стихотворение полностью приведено в «Материалах для биографии Е. А. Баратынского», в ст. 10 «Небу» с заглавной буквы – повторено в Изд. 1884. С. 480). – Изд. 1884. С. 277 (текст изд. 1869; к заглавию «Н. Л. Боратынской» сделано подстрочное примечание: «Супруге поэта»). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 169 (текст по копии С. Л. Путяты; в ст. 6 «дикий» – так же во всех последующих

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынских в изданиях; датировано: 1844), 308 (источником публикации назван «автограф, хранящийся в бумагах И. Ф. Тютчева [архив сельца Мураново]» – вероятно, автографом ошибочно названа копия С. Л. Путяты [ныне в РГАЛИ]; указано место первой публикации, но ошибочно отмечено, что стихотворение напечатано за подписью Боратынского – повторено в Изд. 1936). – Изд. 1936. Т. I. С. 247; Т. II. С. 282 (датировано: 1844). – Изд. 1957. С. 199–200, 376 (отмечено, что стихотворение было опубликовано в «Современнике» за подписью «***»). – Изд. 1982. С. 344 (в ст. 3 опечатка: «решалась» вместо «решилась» – повторена в Изд. 1989, Изд. 2000). – Изд. 1989. С. 219–220 (датировка: январь – февраль 1844). – Изд. 2000. С. 299 (в ст. 3 опечатка: «волненье» вместо «волнения»), 499 (датировка: зима 1843–1844).

132

228

Пироскафъ

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль Средиземныя волны. Вот над кормою стал капитанъ:
Визгнул свисток его. Братствуя с паром, Ветру наш парус раздался недаромъ:
Пенясь глубоко вздохнул океан!
Мчимся. Колеса могучей машины Рюют волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.
Наедине мы с морскими волнами;
Только-что чайка вьется за нами Белая, рея меж вод и небес.
Только, вдали, океана жилица,
Чайке подобно вод его птица,
Парус развив как большое крыло,
С бурной стихией в томительном споре, Лодка рыбачья качается в море:
С берегом набрежное скрылось, ушло!
Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою Радостей ложных, истинных золь;
Много мятежных решил я вопросов, Прежде-чем руки Марсельских матросов Подняли
жорь, надежды символ!
Съ-детства влекла меня сердца тревога В область свободную влажнаго бога; Жадныя
длани я к ней простирал.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская:
Пенюю здравия брызжет мне вал!

133

Нужды нет, близко ль, далеко ль до берега! В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду: мне жребий благой Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизий земной!

<Конец апреля – середина июня 1844>

228. Пироскаф («Дикою, грозною ласкою полны...»)

Печатается по тексту первой публикации: Современник. 1844. Т. XXXV. № 8 (ценз. разр. 1 августа, вышел 22 июля – РГАИ. Ф. 777. Оп. 27. № 276. л. 39). С. 215–216 (подпись: Е. Баратынский под текстом: Средиземное море. 1844).

Автограф неизвестен.

Копии Н. Л. Боратынской, соответствующие тексту первой публикации, с отличиями в написании отдельных слов: в ст. 7 «колесы», в ст. 9 «изчезъ», в ст. 10 «Наедине», в ст. 30 «здравья», в ст. 33 «фетиду», в ст. 34 «емлетъ»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). л. 50; № 40. л. 37–37 об. (в ст. 30 «здравия» переправлено из «здравья»); № 41. л. 2–2 об. (карандашом надписано: «Мелкия стихотворенья. Тритцать третье»); № 42. л. 78–78 об. (3-я строфа переписана дважды; в ст. 10 «Наедине»).

Копия А. Е. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 53. л. 3 об.–4 – с теми же отличиями, что и копии Н. Л. Боратынской за исключением варианта в ст. 9; в ст. 3 «кормой» вместо «кормою».

Копия С. Л. Путяты: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. л. 9–9 об., соответствующая публикации в «Современнике», но в ст. 30 «здравья».

Еще одна копия – неустановленным почерком: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 195. л. 5–5 об. – с многочисленными отличиями в орфографии (в том числе в ст. 30 «здравия») и разночтением в ст. 14 («Чайке подобна» вместо «Чайке подобно»).

По копии Н. Л. Боратынской (№ 40. л. 37–37 об.) повторно опубликовано И. С. Тургеневым: Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 149–150 (1-й пагинации) – под заглавием «Пароходъ»; в ст. 30: «здравья»; в ст. 11 разночтение (конъектура или ошибка):

11 Только лишь чайка вьется за нами,

Датируется по эпистолярным свидетельствам и дате первой публикации.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
Первое упоминание о стихотворении содержится в письме Боратынского к Н. В. и С. Л. Путятям из Неаполя от конца апреля – начала мая с рассказом о морском путешествии из Марселя в Италию: «На корабле, ночью, я написал несколько стихов, которые, немного переправив, вам пришлю, а вас попрошу передать Плетневу для его журнала» (Летопись. С. 409). Ср. также сообщение о том, что «Пироскаф» был написан «на пароходе, когда <...> плыли из Марселя в Неаполь...»

134

в письме Н. Л. Боратынской к матери поэта от начала сентября 1844 г. («celle qui a pour titre Пироскаф a ete ecrite sur le bateau a vapeur qui nous a conduits de Marseille a Naples» – ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 21. л. 2).

Стихотворение было отослано для публикации в «Современнике» вместе с посланием «Дядьке Итальянцу» (№ 229) в одном из писем к Путятям: «Посылаю вам два стихотворения. Отдайте их Плетневу для его журнала (Летопись. С. 410; датировка: конец мая – июнь 1844 г.). Крайний срок отправки письма, учитывая примерно месячный срок доставки почты из Неаполя в Петербург, – середина июня (соответствующий номер «Современника» был отпечатан к 19 июля 1844 г.; дата свидетельства из типографии – ОРК НБ СПбГУ, шифр] II 94, инв. номер 13239). Тургенев 1854. С. 149–150 (текст по копии Н. Л. Боратынской под заглавием «Пароходъ» с разночтениями в ст. 11 «Только лишь», в ст. 30 «здравья»). – Лонгинов 1864. Стб. ИЗ (отмечена публикация в «Современнике» 1844 г.). – Изд. 1869. С. 171–172 (текст, соответствующий первой публикации, с разночтениями: в ст. 14 «Чайке подобна, вод его птица», в ст. 30 «здравья»; датировка: 1844; в списке опечаток – конъектура Л. Е. Боратынского в ст. 14 «Чайке подобна вод, его птица»). – Изд. 1884. С. 278–279 (текст изд. 1869; конъектура Л. Е. Боратынского не принята). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 170–171 (текст, соответствующий копии С. Л. Путяты; в ст. 2 «средиземная» со строчной буквы – так же во всех последующих изданиях; в ст. 30 «здравья»), 308 (источником публикации назван «автограф, хранящийся в бумагах И. Ф. Тютчева», – по всей видимости, имеется в виду копия С. Л. Путяты [ныне в РГАЛИ]; отмечена первая публикация в «Современнике», датировка: весна 1844, в обоснование датировки приведено письмо Путятям). – Изд. 1936. Т. I. С. 248–249 (текст, соответствующий напечатанному в изд. 1914–1915, в ст. 23 «марсельских» со строчной буквы – так же во всех последующих изданиях; воспроизведена помета в «Современнике»: «Средиземное море 1844»); Т. II. С. 282 (неверно указана дата выдачи ценз. разр. «Современнику» 1844 г. – 1 июля). – Изд. 1951. С. 315–316 (в ст. 14 «чайке подобна»; в ст. 30 «здравья»). – Изд. 1957. С. 200–201 (в ст. 14 «чайке подобна», в ст. 30 «здравья» – так же во всех последующих изданиях). – Изд. 1982. С. 344–345, 668 (со ссылкой на свидетельство Ю. Н. Верховского сообщено, что «автограф <...> находился при письмах к Н. В. Путяте, которые <...> хранятся в ЦГАЛИ» [повторено в Изд. 2000], однако в сохранившихся комментариях Верховского, напротив, отмечено, что автографа в Мурановском архиве никогда не было [Верховский 1935. С. 119]; скорее всего, имелось в виду ошибочное указание Гофмана – см. выше). – Изд. 1989. С. 201–202 (датировка: апрель 1844). – Изд. 2000. С. 299–300 (в ст. 3 «Капитан» с заглавной буквы).

135

229

Дядьке Итальянцу

Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой, Янтарный виноград, лимон ея золотой Тревожно бросивший, корыстью уязвленный,
И в край, суровый край, снегами покровенный, Приставший с выбором загадочных картин,

Где что-то различал и видел ты один!

Прости наш здравый смысл: прости! мы та из наций, Где брату вашему всех меньше спекуляций:

Никто их не купил. Вздохнув, оставил ты О В глушь севера тебя привлекая мечты;
За то воскрес в тебе сей ум, на все пригодной,
Твой Итальянской ум, и с нашим очень сходной!

Ты счастлив был, когда тебе кое-что дал Почтенный, для тебя богатый Генерал,
Чтоб, в силу строгаго с тобою договора,
Имел я благодать не-Русскаго надзора.

Благодаря богов, с тобой за этим вслед Друг другу не были мы чужды двадцать лет.
Москва нас приняла, разставшихся с деревней. 20 Ты был вожатай мой в столице
нашей древней:

Всех макаронщиков тогда узнал я в ней,

Ментора моего полуденных друзей.

Увы! оставив там могилу дорогую,

Опять увидели мы вотчину степную,

Где волею небес узнал я бытие,

О сын Авзонии! для бурь, как ты свое;
Но где, хотя вдали твоей отчизны знойной,
Ты мирный кров обрел, а позже гроб спокойной.
Ты полюбил, тебя призревшую, семью –
30 И, с жизнью ея сливая жизнь свою,
136

Ея событиями в глуши чужаго края Былаго своего преданья заглушая,
Безропотно сносил морозы наших зим.
В наш краткий летний жар тобою был любим Овраг под сению дубов прохладовейных.
Участник наших слез и праздников семейных, В дни траура главой седой ты
поникаль;

Но ускорял шаги и членами дрожал,
Как в утро зимнее, порой, с пределов света,
40 Питомца твоего, недавняго корнета,
К коленам матери кибитка принесет –
И скорбный взор ея минутно оживет.

Но что! радушному пределу благодарной, Нет! ты не забывал отчизны лучезарной!
Везувий, Колизей, грот Капри, храм Петра, имел ты на устах от утра до утра;
Именовал ты нам и принцев и прелатов Земли, где зрел дивясь Суворовских
солдатом, Входящих, вопреки тех пламенных часов,
50 Что, по твоим словам, со стогонов гонят псов, В густой пыли побед, в грозе
небранных бород, Рядами стройными в классической твой городь; Земли, где, год
спустя, тебе предстал и он,

Тогда Буонапарт, потом Наполеон,
Минутный царь царей, но дивный Кондотьеры,
Уж зиждущий свои гигантския потери.

Скрывая власти глад, тогда морочил вас Он звонкой пустотой революционных фраз.
Народ ему зажег приветственные плошки;

60 Но ты, ты не забыл серебряныя ложки,
Которыя, среди блестящих общих грез,
Ты контрибуции назначенной принеси:

Едва ты узнику печальному Британца Простил военную систему Корсиканца.
137

Что на твоём веку, то ль благо, то ли зло, Возникло при тебе – в преданья
перешло.

В Алпийских молниях приемлемый опалой,
Свой ратоборный дух, на битвы не усталой,
В картечи эпиграмм Суворов испустил.

70 Злодей твой на скале пустынной опочил.

Ты сам глаза сомкнул, когда мирския сети Уж поняли тобой взлелеяныя дети;
Когда, свидетели превратностей земли,

Они глубокой взор уставить уж могли,
Забвенья чуждые за жизненную чашей,
На Итальянской гроб в ограде церкви нашей.

А я, я, с памятью живых твоих речей, Увидел роскоши Италии твоей:

Во славе солнечной Неаполь твой нагорной,

80 В парах пурпуровых, и в зелени узорной, Неувядаемой; амфитеатр дворцов Над
яркой пеленой лазоревых валовъ;

И Цицеронов дом, и злачную пещеру, Священную поднесь Камены суеверу,

Где спит великой прах властителя стихов,

Того, кто, в сей земле волканов и цветов,

И ужасов и нег, взлелеял эпопею,

Где в мраки Тенара открыл он путь Энею, Явил его очам чудесный сад утех,

90 Обитель сладкую теней блаженных тех,

Что, крепки в опытах земнаго тревоженья, Сподобились вкусить эфирных струй
забвенья.

Неаполь! до него среди садов твоих Сердца мятежныя отыскивали их.

Сквозь занавес веков еще здесь помнят виллы, Приюты отдохов и Мария и Силлы.

И кто, безчувственный среди твоих красот,
Не жаждал в их раю обрести навес, иль грот,

138

Где б скрылся не на час, как эти полубоги,

100 Здесь лету пившие, чтоб крепнуть для тревоги,

Но чтоб незримо слить в безмыслии златом Сон неги сладостной с последним, вечным
сном.

И в сей Италии, где все – каскады, розы, Мелезы, тополи и даже эти лозы,

Чей безыменный лист так преданно обник Давно из божества разжалованный лик,

Потом с чела его повиснул полусонно –

Все беззаботному блаженству благосклонно,
Ужиться ты не мог! и, помня сладкой юг,
110 Дух предал строгому дыханью наших выюг,
Не сетуя о том, что за пределы мира Он улететь бы мог на крыльях зефира!
О тайны душ! меж-тем, как сумрачный поэт, дитя Британии, влачивший столько лет
По знойным берегам груди своей отравы,
У миртов, у олив, у моря и у лавы Молил рассеянья от думы роковой,
Владеющей его измученной душой,
Напрасно (уст его, как древле уст Тантала,
120 Струя желанная насмешливо бежала) –
Мир сердцу твоему дал пасмурный навес Метелью полгода скрывааемых небес,
Отчизна тощих мхов, степей и древ иглистых!
О, спи! безгрешно спи в пределах наших льдистых! Лелей по-своему твой
подземельный сон Наш бурнодышущий полночный аквилон,
Не хуже веющий забвеньем и покоем,
Чем вздохи южные с душистым их упоем!
<Конец апреля – середина июня 1844>

139

229. Дядьке Итальянцу («Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой...»)

Печатается по тексту первой публикации: Современник. 1844. Т. XXXV. № 8 (ценз. разр. 1 августа, вышел 22 июля – РГИА. ф. 777. Оп. 27. № 276. л. 39). С. 217–221 (подпись: Е. Баратынский; под текстом: Неаполь. 1844).

Печатается с исправлениями: в ст. 7: Прости наш здравый смысл: мы та из наций, → Прости наш здравый смысл: прости! мы та из наций, ст. 100 шрего- ви → тревоги

Автограф неизвестен.

Копия С. Л. Путяты, соответствующая тексту первой публикации: РГАЛИ. ф. 394. Оп. 1. № 73. л. 9 об.–11 об. (рукой С. Л. Путяты ст. 1–82; окончание – другим, неустановленным почерком) – с разночтениями: в ст. 88 «в мраке», в ст. 96 «Сциллы», в ст. 117 «Моля»; к последнему стиху подписан вариант: «с полуденным алоем».

Копии Н. Л. Боратынской, с многочисленными разночтениями, возможно отражающими более ранний этап работы над текстом стихотворения (см. подробнее в сопроводительной статье):

Пд. ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir»). л. 30 об.–31 – с отличиями в написании отдельных слов: в ст. 8 «спекуляций», ст. 10 «Севера», ст. 17 «Боговъ», ст. 20 «вожатый», ст. 27 «Отчизны», ст. 28 «обрель», ст. 31 «чужова», ст. 35 «прохладо-вейныхъ», ст. 38 «членами», ст. 47 «и Принцев и Прелатовъ», ст. 72 «взлелеянные», ст. 81 «амѠитеатръ», ст. 87 «Эпопею», ст. 105 «безымянный», ст. 106 «Божества», ст. 109 «сладкий Югъ», ст. 122 «Мятелью», ст. 126 «Аквилонъ»;

Пд. ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 38–40: в ст. 8 «спекуляций», ст. 10 «Севера», ст. 17 «Боговъ», ст. 20 «вожатый», ст. 27 «Отчизны», ст. 28 «обрель» и «спокойный», ст. 31 «чужова», ст. 35 «прохладовейныхъ», ст. 38 «членами», ст. 47 «и Принцев и Прелатовъ», ст. 72 «взлелеянные», ст. 81 «амѠитеатръ», ст. 87 «Эпопею», ст. 94 «мятежные», ст. 105 «безымянный», ст. 106 «Божества», ст. 109 «сладкий Югъ», ст. 126 «Аквилонъ»;

Пд. ф. 33. Оп. 1. № 41. л. 3–6 (карандашом надписано: «Послание»): в ст. 8 «спекуляций», ст. 10 «Севера», ст. 17 «Боговъ», ст. 20 «вожатый», ст. 27 «Отчизны», ст. 28 «обрель», ст. 31 «чужова», ст. 35 «прохладовейныхъ», ст. 47 «и Принцев и Прелатовъ», ст. 67 «приемлемой», ст. 72 «взлелеянные», ст. 81 «амѠитеатръ», ст. 87 «Эпопею», ст. 94 «мятежные», ст. 105 «безымянный», ст. 109 «сладкий Югъ», ст. 122 «Мятелью», ст. 126 «Аквилонъ»;

Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 142 об.–145 (заглавие: «Дядьке Итальянцу из Неаполя»): в ст. 8 «спекуляций», ст. 10 «Севера», ст. 17 «Боговъ», ст. 20 «вожатый», ст. 28 «обрель», ст. 31 «чужова», ст. 35 «прохладовейныхъ», ст. 47 «и Принцев и Прелатовъ», ст. 67 «приемлемой», ст. 72 «взлелеянные», ст. 81 «амѠитеатръ», ст. 87 «Эпопею», ст. 92 «Эфирныхъ», ст. 94 «мятежные», ст. 105 «безымянный», ст. 109 «сладкий Югъ», ст. 122 «Мятелью», ст. 126 «Аквилонъ»;

Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 150–151 об.: в ст. 3 «уязвленной», ст. 4 «покро-венной», ст. 10 «севера», ст. 20 «вожатый», ст. 28 «обрель», ст. 31 «чужова», ст. 35 «прохладовейныхъ», ст. 58 «революционныхъ», ст. 72 «взлелеянные», ст. 91 «крепки», ст. 92 «эфирныхъ», ст. 94 «мятежные», ст. 105 «безымянный», ст. 106 «Божества», а также описка: « листь» вместо «ликъ», ст. 109 «сладкий Югъ», ст. 121 «Миръ», ст. 122 «Мятелью», ст. 125 «Лелей», ст. 126 «Аквилонъ».

140

Одна из копий Н. Л. Боратынской (№ 40. л. 38–40) послужила источником для повторной публикации стихотворения, подготовленной И. С. Тургеневым:

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Октябрь. Отд. I. С. 149–150 (1-й пагинации).
Отличия публикации 1854 г. от публикации 1844 г. в написании отдельных слов: в
ст. 8 «спекуляций», ст. 11 «пригодный», ст. 12 «итальянский» [так же в ст. 76] и
«сходный», ст. 14 «генераль», ст. 20 «вожатый», ст. 28 «спокойный», ст. 31
«чужова», ст. 41 «коленямъ», ст. 43 «благодарный», ст. 48 «суворовскихъ», ст. 55
«кондотъери», ст. 63 «британца», ст. 64 «корсиканца», ст. 57 «алпийскихъ», ст.
74 «глубокий», ст. 81 «амѳитеатръ», ст. 84 «камены», ст. 85 «великий», ст. 94
«мятежные», ст. 109 «сладкий», ст. 122 «Мятелью», ст. 126 «Аквилонъ».

Вариант в ст. 101 («в безсмыслии златомъ») Тургенев счел ошибочным; по его
просьбе (см. его письмо Анненкову от 18 октября 1854 г. – Тургенев И. С. Полное
собрание сочинений и писем. Письма. Т. 2: 1851–1856. М.; Л., 1987. С. 302) в
следующем номере «Современника» (1854. № XI. С. 115) на это было указано в
специальной заметке.

Под текстом копии рукой Тургенева сделано примечание к ст. 60: «По приказанию
Бонапарта, все серебро (и ложки между прочимъ) должно было быть выдано
французамъ» <записано карандашом>. «Прим. Ив. Серг. Тургенева» <записано
чернилами, рукой Л. Е. Боратынского> (№ 40. Л. 39); скорее всего, Тургеневу
принадлежат также карандашные поправки в ст. 68 («на битве» вместо «на битвы») и
ст. 88 («в мраке» вместо «в мраки»), вошедшие в текст публикации в
«Современнике».

По копиям Н. Л. Боратынской стихотворение было напечатано и в семейных изданиях
– изд. 1869 (С. 173–176) и изд. 1884 (С. 280–284), однако, по-види- мому, в
распоряжении сыновей поэта были также не дошедшие до нас рукописи – может быть,
автографы Боратынского или неизвестные ныне копии, сделанные его женой.

В изд. 1869 и изд. 1884 иное написание отдельных слов: в ст. 10 «Севера», ст. и
«пригодный», ст. 12 «Италиянский», «сходный», ст. 13 «коё-что», ст. 14
«генераль», ст. 20 «вожатый», ст. 31 «чужова», ст. 47 «и Принцев и Прелатовъ»,
ст. 52 «классический», ст. 55 «Царь Царей», ст. 58 «революционныхъ», ст. 67
«Альпийскихъ», ст. 73 «судьбы» вместо «земли», ст. 74 «глубокий»; ст. 76
«Италиянский», ст. 85 «великий», ст. 87 «Эпопею», ст. 92 «эфирныхъ» (только в
изд. 1869), ст. 105 «безымянный», «обликъ» вместо «обникъ», ст. 106 «Божества»,
ст. 109 «сладкий», ст. 112 «Зефира», ст. 126 «Аквилонъ».

Сводка текстовых разночтений по копиям С. Л. Путяты, Н. Л. Боратынской и первым
посмертным публикациям (условные сокращения: № 38 – ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л.
50 об.–51; № 40 – ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 38–40; № 41 – ПД. Ф. 33. Оп. 1. №
41. Л. 3–6; № 42а – ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 142 об.– 145; № 42б – ПД. Ф. 33.
Оп. 1. № 42. Л. 150–151 об.; Путята – РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 9 об. –И
об.; Т. 1854 – Современник. 1854. Т. XLVII. № X. Отд. I. С. 149–150; Изд. 1869 –
Изд. 1869. С. 173–176; Изд. 1884 – Изд. 1884. С. 280–284; Варианты Изд. 1869 –
Изд. 1869. С. 216; Приложение Изд. 1884 – Изд. 1884. Приложения. С. 40):

141

7

16

27

28

36

50

59

61

61

66

66

66

68

68

88

88

88

88

88

Прости наш здравый смысл: прости, мы те из наций
(Т. 1854)

Ты дал мне благодать не русского надзора.

(№ 38, № 40, № 41, № 42а, № 42б, Т. 1854, изд. 1869, изд. 1884)

Но где вдали твоей отчизны знойной

(№ 38, № 41, № 42а, № 42б, Т. 1854, изд. 1869, изд. 1884)

Ты мирный кров обрел, и позже гроб спокойной.

(Изд. 1869, изд. 1884)

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
Участник наших слёз и [праздниковъ] радостей семейныхъ
(№ 426)
Что по словам твоим со стогнов гонят псовъ;
(№ 426)
Народ зажѣг ему приветственныя плошки
(№ 426)
Которыя [среди] в чаду блестящих общих грѣзь
(ЛГго 38)
Которыя в чаду блестящих общих грѣзь
(№ 426)
Возникло, при тебе в преданья перешло.
(№ 38, № 40, № 41, № 42а, № 426)
Возникло – при тебе в преданья перешло.
(Т. 1854)
Возникло, при тебе в преданье перешло.
(Изд. 1869; Изд. 1884)
Свой ратоборный дух, на битве не усталой,
(Т. 1854, изд. 1869, изд. 1884)
Свой ратоборный дух, на битв[ы]е не усталой,
(№ 40)
Где в мрак[и]е Тенара открыл он путь Энею,
(№ 40)
Где в мраке Тенара открыл он путь Энею,
(№ 42а, пЛята, Т. 1854, изд. 1869)
Что в мраки Тенара открыл он путь Энею
(№ 426)
Где в мраки Тартара открыл он путь Энею (Изд. 1869. Список опечаток)
Где в мраке тартара открыл он путь Энею (Изд. 1884)
96 Приюты отдыхов и Мариа и С циллы.
(№ 38, № 40, № 41, № 42а, № 426, Путята, Т. 1854)
99 Где б скрылся, не на [викъ] нас, как эти полубоги,
(№ 40)
99 Где б скрылся, не на вик как эти полубоги
(№ 426)
101 Но чтоб незримо слить в безсмыслии златомъ
(№ 40, Т. 1854, изд. 1869, изд. 1884)
101 Но чтоб вполни забыв о страстном и мирскомъ
(Варианты изд. 1869; Приложение изд. 1884)
102 Дремоту лини слить с последним, вечным сном.
(Варианты изд. 1869; Приложение изд. 1884)
103 И в сей Италии, где все [фонтаны] каскады, розы,
(№ 38)
108 Все [сердца легкому] беззаботному дыханью благосклонно
(№ 38)
108 Все беззаботному дыханью благосклонно
(№ 40, № 41, № 42а, № 426, Т. 1854, изд. 1869, изд. 1884)
1ь По [тайнымъ] дальным берегам груди своей отравы
(№ 38)
115 По тайным берегам груди своей отравы
(№ 40, Т. 1854)
,ь По [тайнымъ] знойным берегам груди своей отравы
(№ 41)
1ь По знойным берегам души своей отравы
(№ 42а)
1ь По дальным берегам души своей отравы
(№ 426)
117 Моля разсеянья от думы роковой,
(№ 38, № 40, № 41, № 42а, № 426, Путята, Т. 1854)
128 Чем вздохи южные с полуденным алоем.
(№ 38)
128 чем вздохи южные с душистым их упоем.
<приписано ниже>: «с полуденным алоемъ»
(№ 40, Путята)
128 чем вздохи южные с [полуден] душистым их [упоемъ] алоем.
(№41)
143
128 чем вздохи южные с душистым их алоем.
(№ 42а)

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
128 Чем вздохи южные с [душистым ихъ] полуденным алоем.
(№ 426)

Датируется по эпистолярным свидетельствам и первой публикации.

Стихотворение было отослано для публикации в «Современнике» вместе с «Пироскафом» (№ 228) в письме к Путятам от конца мая – июня 1844 г.: «Посылаю вам два стихотворения. Отдайте их Плетневу для его журнала (Летопись. С. 410). Крайний срок отправки письма, учитывая месячный срок доставки почты из Неаполя в Петербург, – середина июня (соответствующий номер «Современника» был отпечатан к 19 июля 1844 г.; дата свидетельства из типографии – ОРК НБ СПбГУ, шифр J II 94, инв. номер 13239).

Н. Л. Боратынская оставила два сообщения о времени создания текста, не вполне согласующиеся друг с другом, – ср. ее письмо к матери поэта от начала сентября 1844 г.: «l'epître a Borghese <a ete ecrite> peu de jours apres notre arrivee en Italie» [послание к Боргезе <было сочинено> через несколько дней после нашего приезда в Италию] (ПД. ф. 33. Оп. 1. № 21. л. 2) и позднейшие наброски биографии Боратынского: «иностранным дядькой его был Итальянец Боргез которому написал послание из Неаполя за две недели до кончины» (ПД. ф. 33. Оп. 1. № 66. л. 1; ср. Изд. 1869. С. 391).

Тургенев 1854. С. 150–153 (текст по копии Н. Л. Боратынской, варианты см. выше в сводке разночтений). – Лонгинов 1864. Стб. 113 (отмечена публикация в «Современнике» 1844 г.). – Изд. 1869. С. 113–116 и Изд. 1884. С. 280–284 (текст по копиям Н. Л. Боратынской; заглавие: «Дядьке-Итальянцу», варианты см. выше в сводке разночтений; с опечатками: в ст. 16 «наздора» вместо «надзора» [исправлена в Изд. 1884], в ст. 73 «судьбы» вместо «земли», в ст. 103 «обликъ» вместо «обникъ»; в Изд. 1884 примечание к заглавию: «Жьячинто Боргезе»; датировка: 1844); Изд. 1869. С. 216 и Изд. 1884. Приложения. С. 40 (варианты ст. 16 и ст. 108 по «Современнику», варианты ст. 101–102 по неизвестной ныне рукописи). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 111–114 (текст под заглавием «Дядьке-Итальянцу», соответствующий копии С. Л. Путяты, ошибочно названной автографом из бумаг И. Ф. Тютчева, с заменами по Изд. 1869: в ст. 16 «Ты дал мне благодать...», в ст. 66 «возникло, при тебе – в преданье перешло», в ст. 101 «безмыслии»; с отличиями в написании отдельных слов: в ст. 12 и 76 «Итальянский», в ст. 16 «неруссаго» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 20 «вожатый» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 32 «классический» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 33 «Царь Царей», в ст. 67 «Альпийскихъ» [так же во всех последующих изданиях, кроме Изд. 1989, Изд. 2000], в ст. 74 «глубокий» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 73 «чуждыя», в ст. 83 «великий» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 87 «Эпопею» [так же в Изд. 1936], в ст. 88 «в мраке» [так же в Изд. 1936], в ст. 96 «Мариа и Сциллы», в ст. 109 «сладкий» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 117 «Моля»), 308–310 (отмечены варианты «в рукописи» [копии С. А. Путяты] в ст. 117 и 128, частично приведены разночтения по копиям Н. Л. Боратынской в ст. 27, 61, 103, 108, Изд. 128; отмечены разночтения «Современника» 1844 г. в ст. 16, 96, 117 и Изд. 1869 и Изд. 1884 в ст. 27, 28 [с неверным номе

144
ром 29], 58, 73, ошибочно названные «опечатками „Современника44»; отмечена перепечатка в «Современнике» 1854 г. и варианты Изд. 1869 и Изд. 1884 в ст. 101–102). – Изд. 1936. Т. I. С. 250–252 (текст по «Современнику», но в ст. 66 «в преданье», в ст. 81 «Неувядаемый» [так же в Изд. 1945], в ст. 88 «в мраке»; заглавие: в основном тексте «ДЯДЬКЕ- ИТАЛЬЯНЦУ», в оглавлении «Дядьке итальянцу», в комментариях «Дядьке Итальянцу»; подтекстом: Неаполь 1844; с отличиями в написании отдельных слов: в ст. 12 и 76 «итальянский» [так же во всех последующих изданиях], ст. 14 «генерал» [так же во всех последующих изданиях], ст. 28 «спокойный» [так же во всех последующих изданиях, кроме Изд. 1982], в ст. 48 «суворовских» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 63 «британца» [так же во всех последующих изданиях]); Т. II. С. 282–283 (учтена опечатка первой публикации в ст. 7; отмечены варианты Изд. 1869 и Изд. 1884 в ст. 16 и 88, ошибочно указано наличие разночтения в ст. 74, опечатка в ст. 105 «облик» названа разночтением). – Изд. 1945. С. 137–140 (текст Изд. 1936, но с опечаткой в ст. 96 «отдыха» вместо «отдыхов»; с отличиями в написании отдельных слов: в ст. I «пригодный» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 12 «сходный» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 43 «благодарный» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 68 «усталый» [так же в Изд. 1957, Изд. 1989], в ст. 79 «нагорный» [так же в Изд. 1957, Изд. 1989, Изд. 2000]; заглавие «Дядьке-итальянцу» – с таким же заглавием во всех последующих изданиях). – Изд. 1951. С. 317–320 (текст по Изд. 1884 с исправлением опечаток в ст. 73, 106, с разночтениями относительно Изд. 1884 в ст. 27 «Но где, хотя вдали...», в ст. 28 «а позже», в ст. 58 «революционных», в ст. 68 «на битвы», в ст. 88 «в мраки

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын Тартара»; с модернизацией написания – строчные буквы в ст. 10, 12, 47, 48, 55 [«царь царей»], 63, 76, 106; иное написание окончаний в ст. 28, 43, 68, 79). – Изд. 1957. С. 201–204 (текст по «Современнику», но в ст. 16 «Ты дал мне благодать...»; в ст. 66 «Возникло, при тебе – в преданье перешло» [как в Изд. 1914–1915]; с отличиями в написании отдельных слов: в ст. 55 «кондотьери» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 64 «корсиканца» [так же во всех последующих изданиях], в ст. 105 «безымянный» [так же во всех последующих изданиях]). – Изд. 1982. С. 346–350 (текст по «Современнику», но в ст. 66 «Возникло, при тебе – в преданье перешло»; в ст. 9 опечатка [«Вздохнул» вместо «Вздохнув»]; между ст. 102 и 103 отсутствует отбивка – так же в Изд. 1989, Изд. 2000), 493 (приведены разночтения в ст. 16, 101–102 [ошибочно названы 99–100], 108 [ошибочно назван 106], 128 по изд. 1884 и изд. 1914–1915; источник вариантов в изд. 1884 и изд. 1914–1915 безосновательно назван недошедшим автографом – так же в изд. 2000), 668 (со ссылкой на свидетельство Ю. Н. Верховского сообщено, что автограф находился в Мурановском архиве [повторено в изд. 2000], однако в сохранившихся комментариях Верховского, напротив, отмечено, что автографа в Муранове никогда не было [Верховский 1935. С. 120]; скорее всего, имелось в виду ошибочное указание Гофмана – см. выше). – изд. 1989. С. 202–205 (текст по «Современнику», но в ст. 66 «Возникло, при тебе – в преданье перешло»; датировка: первая половина июня 1844). – Изд. 2000. С. 300–303 (текст изд. 1982, но лишняя отбивка между ст. 35 и 36, отсутствует отбивка между 42 и 43, а также опечатка: «дров» вместо «древ» в ст. 123).

10– 5341

145

230

Молитва

Царь небес! успокой дух болезненный мой! Зablуждений земли Мне забвенья пошли и на строгой твой рай Силы сердцу подай.

<?>

230. Молитва («Царь небес! Успокой...»)

Печатается по копии Н. Л. Боратынской на отдельном листе, присланной П. А. Плетневу 12 ноября 1844 г. для публикации в «Современнике»: ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. Л. 25; подпись: Евгений Боратынской. На другой стороне листа – запись стихотворения «Люблю я вас Богини пенья...» (№ 225.1).

Печатается с исправлениями: ст. 1 небес → небес! -- ст. 2 болезненный → болезненный -- ст. 3 земли, → земли

Впервые опубликовано по копии Н. Л. Боратынской: Современник. 1844. Т. XXXVI. № 12 (ценз. разр. 1 декабря; ценз, билет 27 ноября – РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 276. Л. 57 об.). С. 368 (подпись: Евгений Боратынский) – вместе со стихотворением «Люблю я вас Богини пенья...» (№ 225.1), с иным написанием слова «болезненной» в ст. 2.

Другие копии Н. Л. Боратынской, соответствующие публикации в «Современнике»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом «Souvenir») Л. 52; № 40. Л. 56 об.; № 41. Л. 7

(помечено: «Мелкие стихотворенья. Тритцать четвертое»); № 42. Л. 91; РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. Л. 5.

Текст стихотворения был восстановлен Н. Л. Боратынской по памяти – см. ее указание в письме С. А. Боратынскому, брату поэта, от 11 ноября 1844 г. «Je vous transeris une priere ст Eugene qui n'a jamais ete ecrite et dont je me suis rappelee un jour que j'allais a la messe» [Записываю для вас молитву Евгения, которая записана никогда не была и которую я как-то вспомнила, когда шла к службе] <далее полностью текст, без заглавия, в ст. 1 «Небесь» с заглавной буквы> (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 105. Л. 1 об.).

Надежными фактическими свидетельствами, позволяющими датировать стихотворение, мы не располагаем. По указанию Ю. Н. Верховского, «в экземпляре издания 1869 г., принадлежавшем сыну поэта Н. Е. Боратынскому, над этим стихотворением сделана помета. Сперва написано: 1840 г. и зачеркнуто; затем возле написано 1841 г.» (Верховский 1935. С. 116), однако источник сведений Н. Е. Боратынского неизвестен. Сообщение Н. Л. Боратынской в письме С. А. Боратынскому позволяет датировать

146

запись текста («не позднее 11 ноября 1844 г.»), но не время его сочинения.

Подробнее об истории публикации стихотворения см. в сопроводительной статье. Лонгиноѳ 1864. Стб. 113 (отмечена публикация в «Современнике»). – Изд. 1869. С. 170 и Изд. 1884. С. 276 (текст по копиям Н. Л. Боратынской; в ст. 5 «строгий Твой»; датировка: 1842–1843). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 169 (текст по копиям Н. Л. Боратынской, в ст. 3 «строгий» – так же во всех последующих изданиях; датировка: 1844), 307 (отмечена публикация в «Современнике»). – Изд. 1936. Т. I. С. 254 (текст напечатан последним, после стихотворений 1844 г.); Т. II. С. 283

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский (приведена датировка Изд. 1869: 1842– 1843 – повторено в Изд. 1951, Изд. 1957, Изд. 1982, Изд. 1989). – Изд. 1945. С. 212 (датировка: 1844). – Изд. 1957. С. 197 (датировка: 1842 или 1843 – так же датируется в Изд. 1989). – Изд. 1982. С. 340, 666 (отмечено, что «Молитва» была прислана Плетневу для публикации вместе со стихотворением «Люблю я вас, Богини пеня...»).

ю*

III –

Juvenilia

231

Хор петый в день имянин дядиньки Б.<огдана> Андр.<еевича> его маленькими
племянницами Панчулидзевыми
Родству приязни нежной Мы глас приносим сей,
В ней к щастью путь надежной,
Вся жизнь и сладость в ней.
Хоть чужды нам искусства С приятством говорить,
Но сердца могут чувства Дар тщетный заменить.
Из благ богаты света 10 Усердьем лишь одним,
Чем можем в детски лета Мы праздник сей почтим.
Весны в возобновленьи Средь рощей, средь полей Так птички возвращенье Поют
цветущих дней.

Увы! теперь природы Уныл, печален вид,
Хлад зимней непогоды 20 Небесный кров мрачит.
И в ведро и в ненастье Гнетут печали злых,
Но истинное щастье Ни где как в нас самих.

151

Смотрите, как сияет Во всех усердия дух,
Как дышит все, блистает Веселостью вокруг.
Средь громных бурь смятений 30 Хоть гром в дали шумит, Душевных наслаждений
Ничто не возмутит.

Хоть время невозвратно Всех благ лишает нас,
Увы! хоть слишком внятно Судеб сей слышен глас.
О пусть всегда меж нами Жизнь ваша лишь течет,
И дружбы под цветами 40 Следы сокроет лет.

<23 января 1817>

231. Хор петый в день имянин дядиньки Б.<огдана> Андр.<еевича> его маленькими
племянницами Панчулидзевыми («Родству приязни нежной...»)
Печатается по автографу в альбоме С. А. Рачинского: РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 986.
л. 69–69 об. – внизу подпись: «Соч. Евгений Боратынский» – и дата «1817». В
верхнем углу л. 69 еще уточненная дата: «23 Генв. 1817».

Печатается с исправлениями: в ст. 3 надежной → надежной, -- ст. 6 говорить →
говорить, -- ст. 10 одним → одним, -- ст. 14 рощей → рощей, -- ст. 18 вид →
вид, -- ст. 22.злых → злых, -- ст. 25 Смотрите → Смотрите, -- ст. 26 дух →
дух, -- ст. 34 нас → нас,

Впервые опубликовано С. А. Рачинским: Татевский сборник 1899. С. 60–61 – с
ошибками, восходящими к копии публикатора (см. ниже): в ст. 1 «Родства» вместо
«Родству», в ст. 5 «чуждо ... искусство» вместо «чужды ... искусства», в ст. 9
«богатых» вместо «богаты», в ст. 29 «грозныхх» вместо «громныхх». Заглавие
публикации: «23 января 1817 года. – Хор, петый в день именин дядиньки Богдана
Андреевича его маленькими племянницами Панчулидзевыми».

По замечанию Рачинского, это «самое раннее из сохранившихся его русских
стихотворений (1817 года), поражающее своею неумелостью, в сравнении со стихами
французскими <...>. Заслуживают внимания эти стихи лишь как свидетельство той

152

усиленной обработки, коей, вслед за тем, поэт подверг свою стихотворную речь»

(С. 60, 62).

Копия С. А. Рачинского в том же альбоме: ф. 427. Оп. 1. № 986. л. 71 – 72
(заглавие: «Хор, петый в день имянин дядиньки Б. Андр. его маленькими
племянницами Панчулидзвывыми»; дата: 23 Янв. 1817; подпись: Е. Боратынский) – с
теми же вариантами ст. 1, 3, 9, 29, отражающими неверное прочтение автографа,
что и в первой публикации (см. выше); в ст. 28 вместо зачеркнутого «дышет все»
вписано «движется»; в ст. 3 и 23 иное правописание: «счастью», «счастье».

Копия В. А. Рачинской, на отдельном листе: ф. 427. Оп. 1. № 1101. л. 1–2
(заглавие: «Хор пропетый в именины дядиньки Б. А. его маленькими племянницами
Панчулидзвывыми»; дата: 28го<так!> Янв. 1817) – с вариантом в ст. 1 («Родства»
вместо «Родству») и иным правописанием отдельных слов ст. 3 («счастью»,
«надежный») и ст. 23 («счастье»).

В собрание сочинений Боратынского введено М. Л. Гофманом (Изд. 1914–1915. Т. I.
С. 1–2).

именин и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
Датируется согласно помете в автографе.

Татевский сборник 1899. С. 60–61 (текст по автографу из альбома С. А. Рачинского, с ошибками в ст. 1, 5, 9, 29). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 1–2 (текст по автографу, заглавие: «Хор, петый в день именин дяденьки Б[огдана] Андреевича Боратынского] его маленькими племянницами Панчулидзевыми»; датировка: 1817; с ошибочными чтениями в ст. 9 «богатых», в ст. 29 «грозных», в ст. 39 «дружба», а также иным правописанием отдельных слов: в ст. 3 и 23 «счастью», «счастье», в ст. 5 «искусства», в ст. 26 «усердья», повторенным во всех последующих изданиях), 211 (отмечена первая публикация), вторая вклейка между С. ХС–1 (факсимиле автографа). – Изд. 1936. Т. I. С. 257–258 (текст изд. 1914–1915, заглавие: «Хор, петый в день именин дяденьки Богдана Андреевича Баратынского его маленькими племянницами Панчулидзевыми»); Т. II. С. 283 (автограф в альбоме Рачинского назван копией). – Изд. 1957. С. 207–208 (текст изд. 1936 с ошибкой в ст. 3 «чуждо нам искусство» и иным правописанием окончания в ст. 3 «надежный» [так же в изд. 1989, изд. 2000], заглавие: «Хор, петый в день именин дяденьки Богдана Андреевича его маленькими племянницами Панчулидзевыми»; датировка: начало 1810-х годов [?]), 377 (оспорена датировка 1817 г., высказано предположение, что «стихотворение написано много раньше – в детские годы поэта»; в описании первой публикации в «Татевском сборнике» неверный номер страницы: 50 вместо 60 [повторено в изд. 1982]; автограф из Татевского архива назван утраченным). – Изд. 1982. С. 350–351 (текст изд. 1914–1915, заглавие: «Хор, петый в день именин дяденьки Б<огдана> Анд<реевича Боратынского> его маленькими племянницами Панчулидзевыми» – так же во всех последующих изданиях). – Изд. 1989. С. 206–207 (датировка: 23 января 1817 г.).

– IV –

Коллективное

232

Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком Жил поэт Баратынский с Дельвигом, тоже поэтом.

Тихо жили они, за квартиру платили немного,

в лавочку были должны, дома обедали редко.

Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,

шли они в дождик пешком в панталонах трикотевых тонких, Руки спрятав в карман (перчаток они не имели),

шли и твердили шутя: какое в Россиянах чувство!

<Май 1821 – август 1822 ?>

232. «Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком...»

Печатается по тексту воспоминаний А. П. Марковой-Виноградской (Керн), присланных в письме П. В. Анненкову: ПД. Ф. 244. Оп. 17. № 51. л. 7 об.–8 (с исправлением разбивки на строки). В пояснении к стихотворению указаны его авторы – Баратынский и Дельвиг: «Я вспомнила еще стихи, сообщенные мне женою Барона Дельвига и сложенные когда то вместе с Баратынским» (опубл.: Модзалевский 1901. С. 146; см. также: Пушкин в воспоминаниях 1998. Т. 1. С. 405).

Впервые опубликовано как принадлежащее А. С. Пушкину по рукописи из архива П. Я. Дашкова (современное местонахождение не установлено): Два неизданных стихотворения Пушкина // Исторический вестник. 1883. Т. II. № 2. Февраль. С. 468 (текст с той же разбивкой на строки, что и в публикации Б. Л. Модзалевского, с отдельными отличиями орфографии – в ст. 6 «дождикъ» и «трекотевыхъ»). См. также примечание к публикации: «В богатом собрании автографов <...>, принадлежащем П. Я. Дашкову, находится, между прочим, небольшая четвертушка бумаги, на которой собственною рукою Пушкина, написаны два <...> небольшие стихотворения [второй текст – экспромт Дельвига «Я в Курске, милые друзья...» (Дельвиг 1986. С. 170)]. Мы <...> не знаем, когда и по какому случаю они написаны, но самое содержание их и то, что они написаны рукою Пушкина, удостоверяют их подлинность».

С опорой на публикацию «Исторического вестника» стихотворение было включено П. О. Морозовым в корпус пушкинских текстов (Пушкин 1887. Т. I. С. 347; Пушкин 1903–1906. Т. II. С. I, 359). Авторство Пушкина утверждалось также в малодостоверных мемуарах Л. Н. Павлицева: Дельвиг и Баратынский «послужили Пушкину предметом следующей пародии, на размер одной из баллад Жуковского, если не ошибаюсь, „Аббадоны“ <далее – текст стихотворения>» (Павлицев 1890. С. 193).

157

Сообщение об «автографе» Пушкина из собрания Дашкова было опровергнуто П. А. Ефремовым, опиравшимся на заключение Л. Н. Майкова: «Л. Н. Майков за год до смерти говорил мне, что он внимательно рассмотрел рукопись и нашел, что первое несомненно писано Львом Сергеевичем» (Ефремов 1903. С. 26). В этом контексте речь, очевидно, идет об авторе записи, а не об авторе стихотворения – но именно так сообщение Ефремова было понято М. Л. Гофманом («П. А. Ефремов считал автором

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын Стихотворения <...> Льва Сергеевича» – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 323) и Ю. Н. Верховским («П. А. Ефремов <...> приписал стихотворение Л. С. Пушкину» (Верховский 1935. С. 134).

Авторство Пушкина было окончательно отведено Н. О. Лернером (Лернер 1911. С. 667–669) на основании приведенного выше свидетельства А. П. Керн, а также воспоминаний К. А. Полевого: «Весною 1827 года, не помню по какому случаю, у брата был литературный вечер <...>. Пушкин казался председателем этого собрания <...> вспоминал шутливые стихи Дельвига, Баратынского и заставил последнего припомнить написанные им с Дельвигом когда-то рассказы о житье-бытье в Петербурге. Его особенно сместило то место, где в пышных гексаметрах изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоих поэтов, которые „в лавочку были должны, руки держали в карманах (перчаток они не имели!)“» (Полевой 1888. С. 209; Летопись. С. 195). О совместном авторстве Боратынского и Дельвига свидетельствуют и мемуары А. И. Дельвига: «Дельвиг жил несколько времени с известным поэтом Евгением Абрамовичем Баратынским в Семеновском полку, где они и вместе и порознь писали много стихов, не попавших в печать. Там сочинена пародия на стихотворение Рылеева: Так в Семеновском полку / Жили они дружно...» (Дельвиг 1912. С. 48)6.

В собрание сочинений Боратынского впервые введено М. Л. Гофманом (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 200), где напечатано в разделе «Стихотворения, написанные Е. А. Боратынским в сотрудничестве с другими поэтами». Гофманом стихотворение также было опубликовано в книге «Неизданные стихотворения Дельвига» (Пг., 1922. С. 108; датировка – 1819). В составе собраний сочинений Дельвига печатается в рубрике «Коллективное», начиная с «Полного собрания стихотворений» 1934 г. (Дельвиг 1934. С. 429).

Датировку стихотворения традиционно связывают с реальным временем совместного «жизья» Боратынского и Дельвига в 5-й роте Семеновского полка (ныне Рузовская улица). После публикации отрывка из письма Боратынского матери конца 1818– 1819 гг. (Изд. 1914–1915. Т. I. С. XLIX), в связи с которым Гофман упомянул петербургский адрес поэта «в доме кофишенка Ежевского», утвердилось мнение, что «домик низкий» и есть дом В. Ежевского (Гижевского) – см. Изд. 1936. Т. II. С. 298. Однако из того же письма поэта следует, что в этом доме Боратынский квартировал не с Дельвигом (который в 1818–1819 гг. жил на одной квартире с П. Л. Яковлевым в Троицком переулке – Шубин 1985. С. 32), а со своим сослуживцем по Егерскому полку А. И. Шляхтинским (о нем см. примечания к № 12). Кроме того, дом Ежев- * 29

6 Самое раннее известное к настоящему моменту упоминание об этих шуточных гексаметрах – неточная цитата из стихотворения в письме В. Г. Белинского Н. В. Станкевичу от 29 сентября – 8 октября 1839 г. (Белинский 1953–1959. Т. XI. С. 405). 158

ского располагался не в 5-й роте, а на углу Гошпитальной улицы и Среднего проспекта (ныне угол Бронницкой улицы и Клинского проспекта – Шубин, Файбисович 1982. С. 150–151; Шубин 1985. С. 49).

Можно предположить, что после отъезда Шляхтинского из Петербурга в конце августа 1819 г. (Летопись. С. 92) Боратынский стал искать новую квартиру, чтобы поселиться вместе с Дельвигом, но ввиду хлопот о переводе в армию и, соответственно, скорого отъезда это представляется маловероятным. Более основательно предполагать, что вместе с Дельвигом он квартировал в следующий свой длительный приезд в Петербург – с мая 1821 г. по август 1822 г. Упоминание о том, что Боратынский «живет вместе с бароном Дельвигом» и «поменял квартиру», см. в письме С. А. Боратынской матери от 30 мая 1822 г. (Летопись. С. Из). Семеновский полк как место жительства поэтов в 1821 г. называл князь Д. А. Эристов (Гаевский 1853. № 5. С. 40), косвенно подтверждается это и стихами Н. М. Коншина «К нашим» (1821–1822): «Пришла мне мысль благая / Вас звать в Семеновский на чай» (Поэты 1820 – 1830-х. Т. 1. С. 352).

Изд. 1914–1915. Т. I. С. 200 (текст по публикации Б. Л. Модзалевского; в ст. 8 отсутствует выделение курсивом – так же во всех последующих изданиях), 323–324 (датировка: 1819 – так же во всех последующих изданиях; отмечена публикация П. О. Морозова). – Изд. 1936. Т. I. С. 323; Т. II. С. 291–298 (отмечена первая публикация в «Историческом вестнике»). – Изд. 1957. С. 311 (в ст. 2 опечатка: «жили» вместо «жил»). – Изд. 1982. С. 368 (текст Изд. 1936 – так же во всех последующих изданиях). 159

233

Певцы 15 класса

Князь Шаховской согнал с Парнасса И Мелодрамму и Журналь;
Но жаль, что только не согнал Певца 15 класса.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын

Но я бы не согнал с Парнасса Ни Мелодрамму, ни Журнал,
А хорошенько б откатал Певца 15 класса.
Не мог он оседлать Пегаса;
За то Хвостова оседлал И вот за что я не согнал Певца 15 класса
(Теперь певцы говорят сами:)
Хотя и согнан я с Парнасса,
Все на Песках я молодець:
Я председатель и отец Певцов 15 класса.
Я перевел порусски Тасса,
Хотя его не понимал И по достоинству попал В певцы 15 класса.
Во сне я не видал Парнасса,
Но я Идиллии писал И через них уже попал В певцы 15 класса.

160

Поймав в Париже Сень-Томаса,
Я с ним историю скропал И общим голосом попал В певцы 15 класса.
Я конюхом был у Пегаса,
30 Навоз Расинов подгробал И по ъедоре я попал В певцы 15 класса.
Я сам Княжевичь от Пегаса Толчки лихие получал И за терпение попал В певцы 15

класса.
Хотел достигнуть я Парнасса;
Но Феб мне оплеуху дал,
И ужь за деньги я попал 40 в певцы 15 класса **
Кой-что я Русскаго Парнасса,
Я не прозаик, не певец,
Я не 15 класса –

Я цензор – сиречь – я подлец.
Сочинил унтеръ-Офицер Евгений Баратынский с артелью.
В Сенате третьяго я класса,
А здесь в 15й попал. Прим. Сон.

<10–31 июля 1822>

233. Певцы 15 класса («Князь Шаховской согнал с Парнасса...»).

Печатается по списку А. Е. Измайлова из архива В. И. Яковлева: ПД. ф. 357. Оп. 2. № 18. л. 3–4 (почерк установлен В. Э. Ваууро – Ваууро 1975. С. 155).

Печатается с исправлениями: в ст. 6 Журнал → Журнал, -- ст. 42 пивец → ловец, 11– 5341

161

Другой список, неустановленным почерком, приложенный к списку Измайлова и дающий тот же текст: ПД. ф. 357. Оп. 2. № 18. л. 1–2.

Список В. Л. Пушкина в письме П. А. Вяземскому от 19 сентября 1822 г. («Посылаю тебе стихи Баратынского, которые очень забавны»): РГАЛИ. ф. 195. Оп. 1. № 2611. л. 139–140 (с пропуском ст. 25–28).

Во всех этих списках вслед за стихотворением помещен устойчивый набор «ответных» сатирических текстов: «Куплеты прибавленные посторонними» («Барон я, баловень Парнасса...») и эпиграмма на Боратынского «Остер как унтерской тесак...» А. Е. Измайлова, а также «Надпись к портрету сочинителя сих куплетовъ» («Он щедро награжден Судьбой!..») Н. Ф. Остолопова (тексты см.: Летопись. С. 119–120). Соавтором Боратынского был, по всей видимости, А. А. Дельвиг – он прямо упомянут в ответных «Куплетах, прибавленных посторонними». Может быть, в сочинении куплетов также принимали участие ближайшие знакомые Боратынского и Дельвига Н. М. Коншин и Д. А. Эристов (см. Изд. 1936. Т. II. С. 298).

Наиболее раннее известное упоминание о стихотворении в печати – указание В. Я. Брюсова, назвавшего автором куплетов (очевидно, «Куплетов, прибавленных посторонними») О. М. Сомова: «его [Сомова] груб[ая] сатир[а]: „Певцы 15-го клас- са“, где тоже задет Баратынский» (Брюсов 1901. С. 348). Впервые опубликовано по копии из архива Яковлева и введено в собрание сочинений Боратынского И. Н. Медведевой и Е. Н. Купреяновой (Изд. 1936. Т. I. С. 325– 326; раздел «Стихотворения, написанные совместно с другими поэтами»).

Написано в период между 10 и 31 июля 1822 года. Поводом для сочинения стихотворения стал пролог в стихах и прозе А. А. Шаховского к спектаклю, посвященному памяти И. А. Дмитриевского, «Новости на Парнасе, или Торжество Муз», который был представлен 10 июля 1822 г. (см. Летопись. С. 115). Верхняя граница датировки определяется временем отъезда Боратынского из Петербурга (Летопись. С. 118).

Изд. 1936. Т. I. С. 325–326 (первая публикация текста по списку из архива Яковлева; в ст. 20 опечатка: «класс» вместо «класса»; в ст. 2 «мелодраму» и «журнал», в ст. 22 «идиллии» со строчной буквы [так же во всех последующих изданиях]); Т. II. С. 298–299 (соавторами Боратынского названы Дельвиг, Коншин, Эристов; датировка: 1823 – начало 1824 [повторена в Изд. 1982, Изд. 2000]). –

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский. Изд. 1957. С. 311–312 (заглавие: «Певцы 15-го класса» [так же во всех последующих изданиях]; исправлена опечатка Изд. 1936 в ст. 20 и последовательно исправлено написание «Парнас» – так же стихотворение печатается во всех последующих изданиях; датировка: 1822). – Бацуру 1975. С. 155 (установлен автор одного из списков из архива Яковлева – А. Е. Измайлов). – Изд. 1989. С. 309–310, 437–438 (датировка: 1823?). – Летопись. С. 115–116 (датировка: между 10 и 31 июля 1822 г.).

162

234

(а)

Наш приятель, Пушкин Лёв Не лишен разсудка –
И с шампанским жирный плов и с груздями утка Нам докажут лучше слов,
что он более здоров Силою желудка.

<?>

234.а. «Наш приятель, Пушкин Лёв...»

Печатается по списку в тетради Лонгинова–Полторацкого: ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 162. Ед. хр. 1. Л. 89 об.–90 (С. 178–179 по внутренней нумерации тетради). Заглавие – «На него же» (т. е. «На Льва Сергеевича Пушкина», в соответствии с заглавием предшествующей эпиграммы «Всё изменилось под нашим Зодиаком...» – Л. 89 об.).

Рядом с записью текста – атрибутирующие пометы С. Д. Полторацкого: «Заметка Соболевскаго: Дельвига, Баратынскаго, Плетнева, самага Льва и Компании», «Не Пушкина, а Компании». Почти тот же состав авторов Соболевский назвал в письме М. Н. Лонгинову от июня – июля 1838 г.: «Наш приятель Пушкин Лев – точно также написан Алек. Пушкиным, как тобой. Этих куплетов целыя сотни; они импровизировались у Плетнева по субботам Баратынским, Дельвигом, Ертелем и Львом Пушкиным именно тогда, когда Алек, не было в Питере» (ПД. № 23313. СЛХХ6.10. л. 51–51 об.; опубл.: Соболевский 1927. С. 42–43). Далее Соболевский приводит еще один куплет, «в том же роде и той же фабрики <?>»:

Ну зачем тут на стене Ты пов Ысил Абелярда
И стократ приятней мне Потопленная в вине Жирная пулярда.

Совместное авторство Боратынского и Дельвига утверждалось в мемуарах А. И. Дельвига: «Он <Л. С. Пушкин> любил много есть и пить вина, вследствие чего Дельвиг одно из стихотворений, написанных им вместе с Баратынским, ии*»

163

начал следующую строфу [далее цитируется текст; в ст. 5 „Нам докажут и без слов.. в ст. 7 „Силою желудка (bis)“]» (дельвиг 1912. С. 52).

Стихотворение впервые опубликовано без указания авторства (отмечено: Каллаш 1907. С. 115–116): Русский вестник. 1842. Т. I. Январь. № 1 (ценз. разр. 31 декабря 1841; ценз, билет 7 января 1842 – РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 274. л. 2). Отд. IV: Известия и смесь. Листок полезного и забавного веществословия. С. 22–23 (4-й пагинация), под заглавием «Эпиграмма» и с вариантами:

1 Наш приятель Пустяков 3 Но с шампанским жирный плов 3 Вам докажут, лучше слов,
Сочинение эпиграммы неоднократно приписывалось А. С. Пушкину, под именем которого текст распространялся в списках и рукописных сборниках:

РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. № 4. л. 135 (С. 299 старой нумерации) – список в тетради П. И. Бартенева («Записи П. И. Бартенева о Пушкине. 1851 г.»); заглавие: «Льву Сергеевичу Пушкину», с вариантом ст. 3 «Но с шампанским...». Опубл.: Цявловский 1936. С. 518;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 43. л. 7 – список в тетради «Неизданные стихотворения Пушкина», заглавие: «Льву Сергеевичу Пушкину»; в ст. 3 «Но с шампанским...»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 60. л. 7 – список в сборнике копий стихотворений А. С. Пушкина (т. н. Якушкинская тетрадь); заглавие: «Льву Серг. Пушкину», датировано: «1819 г.»; в ст. 3 «Но с шампанским...», в ст. 5 «докажет»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 63. л. 50 – список в «Сборнике стихотворений А. С. Пушкина» середины XIX в.; заглавие: «Льву Сергеевичу Пушкину»; в ст. 3 «Но с шампанским...», в ст. 5 «докажет»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 92. л. 100–100 об. – список в сборнике П. Александрова («Сочинения Пушкина, не вошедшие в Собрания его сочинений: посмертное и П. Анненкова, с приложением некоторых материалов для его биографии. Москва, 1857 г.»); заглавие: «Л. С. Пушкину»; в ст. 3 «Но с шампанским...»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 104. л. 21 об. – список в сборнике копий произведений А. С. Пушкина из библиотеки В. Е. Якушкина. Рукой Е. И. Якушкина; заглавие: «На него же» (т. е. «На Льва Пушкина»); в ст. 3 «Но с шампанским...», в ст. 5 «докажет»;

Отдел редкой книги БАН, шифр 1152р, инв. номер 3231, л. 69 – список рукой П. А. Ефремова на листах, вклеенных в 7-й том «Сочинений» А. С. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова; заглавие: «Л. С. Пушкин», в ст. 3 «Но с шампанским...».

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын

Под именем Пушкина текст неоднократно публиковался:

Библиографические записки. 1858. Т. 1. № 12. Стлб. 370 (заглавие: «Льву Сергеевичу Пушкину»; в общей рубрике «Мелкия стихотворения А. С. Пушкина [Из рукописных сборников]»; в ст. 3 «Но с шампанским...»);

Полярная звезда на 1858, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Кн. IV. Лондон, 1858. С. 272 (заглавие: «Льву Сергеевичу Пушкину», в подборке «Неизданныя 164

стихотворения А. С. Пушкина»; в ст. 3 «Но с шампанским...»; под стихотворением дата без последней цифры: «181...»);

Новые стихотворения Пушкина и Шавченки. Лейпциг, 1839. С. 44 (текст по «Полярной звезде»; подпись: «А. Пушкинъ»);

Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел I. Стихотворения. Часть первая / С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861. С. 92 (заглавие: «Льву Сергеевичу Пушкину»; в ст. 3 «Но с шампанским...»);

Стихотворения Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861. С. 120 (заглавие: «Льву Сергеевичу Пушкину», в ст. 3 «Но с шампанским...»; так же во 2-м издании [Гербель 1870. С. 120]).

Публикация Гербеля вызвала возражение П. А. Вяземского, который на полях 2-го издания сборника приписал: «не должно быть Пушкина. Про брата не сказал бы онъ: Наш приятель...» (Старина и новизна. Кн. VIII. СПб., 1904. С. 38; об экземпляре книги из Остафьевской библиотеки – см.: Там же. С. 8).

Впоследствии сам Гербель указал на ошибочность атрибуции эпиграммы Пушкину: «выяснилось, что долго приписываемая Пушкину стихотворения „Цапли“, „На мнимую смерть Л. С. Пушкина“, „К Л. С. Пушкину“ (Наш приятель Пушкин Левъ) <...> принадлежат не ему» (Гербель 1876. С. 206; курсив оригинала). На это указание Гербелем возражал П. А. Ефремов: «совершенно бездоказательно отрицается г.

Гербелем принадлежность Пушкину некоторых стихотворных заметок, тогда как многия из них, по имеющимся указаниям, несомненно принадлежат Пушкину, напримеръ: „Наш приятель Пушкин Левъ“» (Ефремов 1879. С. 732; разрядка оригинала). Принадлежность стихотворения Пушкину утверждал и Л. Н. Павлицев (Павлицев 1890. С. 99–100; текст без заглавия, в ст. 3 «Но с шампанским...»).

Однако затем Ефремов изменил свою точку зрения и назвал автором стихотворения С. А. Соболевского – см. Пушкин 1903–1905. Т. VII. С. 199 («Кстати приводим и характеристику, сделанную Соболевским <далее цитируется текст куплета – в ст. 3

„Но с шампанским...“>»). Той же атрибуции придерживался и В. В. Каллаш, включивший текст в сборник Соболевского «Эпиграммы и экспромты» (Соболевский 1912. С. 33; заглавие «На Л. С. Пушкина (брата поэта)»; в ст. 3 «Но с шампанским...»). Атрибуцию текста Соболевскому упоминал и Л. Н. Майков:

«эпиграмма, приписываемая то его брату [А. С. Пушкину], то Соболевскому» (Майков 1899. С. 26; текст без заглавия, в ст. 3: «Но с шампанским...»).

В корпус текстов Боратынского текст введен М. Л. Гофманом (Изд. 1914–1913. Т. I. С. 201; раздел «Стихотворения, написанныя Е. А. Боратынским в сотрудничестве с другими поэтами) на основании записи С. А. Соболевского на полях тетради Лонгинова-Полторацкого. В собраниях сочинений А. А. Дельвига куплет «Наш приятель Пушкин Лев...» печатается в рубрике «Коллективное», начиная с издания 1934 г. {Дельвиг 1934. С. 430}.

О датировке текста см. в примечаниях к № 234.6.

165

(б)

Ѳедор Глинка молодец Псалмы сочиняеть;

Его хвалит Богъ-Отец, Богъ-сын потакаетъ;

Дух Святой, известный льстец, Говорит, что он певец.... Болтает, болтает!

<?>

234.6. «Ѳедор Глинка молодец...»

Печатается по списку в тетради Лонгинова-Полторацкого: ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 162. Ед. хр. 1. Л. 92 (С. 183 по внутренней нумерации тетради). Заглавие – «На Ѳедора Николаевича Глинку». На полях запись рукой С. Д. Полторацкого: «Заметка Соболевскаго: Той же Компании, что и № LXIX» (т. е. куплет «Наш приятель Пушкин Лев...»).

Участие Дельвига и Боратынского в сочинении куплета на Глинку утверждалось в мемуарах А. И. Дельвига: «За этою строфою {„Наш приятель, Пушкин Лев...“} следовала строфа о поэте Ѳеодоре Николаевиче Глинке, известном тогда перелагателе в стихи псалмов Царя Давида» (Дельвиг 1912. С. 32; текст эпиграммы [без заглавия, в ст. 3 «Внемлет ему бог отец», в ст. 7 «Болтает (bis)»]) воспроизведен только в советском издании: Дельвиг 1930. Т. 1. С. 73). На коллективное авторство эпиграммы указывал также Н. В. Гербель: «сочинена целою компаниею: Дельвигом, Баратынским и другими...» (Гербель 1861а. С. X; Гербель 1861б. С. XI; Гербель 1870. С. IX–X).

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
Как и предыдущий куплет, куплет о Федоре Глинке распространялся под именем А. С. Пушкина:

ПД. ф. 244. Оп. 8. № 60. л. 7 – список в сборнике копий стихотворений А. С. Пушкина (т. н. Якушкинская тетрадь); заглавие: «Ф. Н. Глинке», датировано: 1819 г.;

ПД. ф. 244. Оп. 8. № 63. л. 47 – список в «Сборнике стихотворений А. С. Пушкина» середины XIX в.; заглавие: «Ф. Н. Глинке», текст зачеркнут;

ПД. ф. 244. Оп. 8. № 104. л. 21 об. – список в сборнике копий произведений А. С. Пушкина из библиотеки В. Е. Якушкина. Рукой Е. И. Якушкина; заглавие: «Ф. Н. Глинке», в ст. 3 «лжець»;

РГАЛИ. ф. 384. Оп. 1. № 61. л. 103 – список в «Сборнике произведений А. С. Пушкина» («вторая Долгоруковская тетрадь»); заглавие: «Ф. Н. Глинке», с вариантами ст. 3–7: «Их читает Богъ-отец / Богъ-сын не читаетъ: / Говорит, что он, подлец, / Нас с отцом лишь надувает!» (ср. ниже вариант, опубликованный В. Н. Орловым);

166

РГАЛИ. ф. 74. Оп. 1. № 1. л. 60 – список в сборнике «Вакханалический певец И. С. Барков – биография с приложением его произведений и произведений других авторов»; заглавие «Ф. Н. Глинки», с пропусками и сокращениями в ст. 3–3 («Б-ецъ», « потакаетъ», «Д-ой») и примечаниями переписчика: «В рукописи у нас находящейся <...> в числе других стихотворений, следующие три с подписью Пушкина», «здесь <...> подразумеваются какие-нибудь личности, вероятно из писателей»;

Отдел редкой книги БАН, шифр 1152р, инв. номер 3231, л. 68 об.–69 – список рукой П. А. Ефремова на листах, вклеенных в 7-й том «Сочинений» А. С. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова; заглавие: «Ф. Н. Глинка»; текст записан в двух вариантах, один из которых совпадает с записью в тетради Лонгинова-Полторацкого; второй вариант см. ниже; текст сопровождается пометой Ефремова: «Приписыв. Соболевскому».

Стихотворение впервые опубликовано Н. П. Огаревым, также под именем Пушкина: Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел I. Стихотворения. Часть первая / С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861. С. 83 (заглавие: «Ф. Глинке»; с вариантами в ст. 5 «Дух святой, известный лжець» и ст. 7 «Он болтает, все болтает»).

Авторство Пушкина последовательно отводил Н. В. Гербель (поначалу отстаивавший пушкинскую атрибуцию куплета № 234.а): «Нам <...> положительно известно, что нижепоименованные эпиграммы написаны не Пушкиным, хотя общественное мнение упорно приписывает их ему. Помещаем здесь начальныя строки этих эпиграммъ: – «Федор Глинка молодец...» (Гербель 1861а. С. IX–X; Гербель 1861б. С. XI; Гербель 1870. С. IX–X; ср. также Гербель 1876. С. 206)

Иной вариант текста был опубликован В. Н. Орловым (Эпиграмма и сатира. Т. 1. С. 405; подпись: «[Аноним]»; в примечаниях (С. 480) со ссылкой на мемуары А. И. Дельвига оговорено авторство Боратынского и Дельвига):

Федор Глинка – молодец,

Оды богу сочиняет;

Их читает бог-отец,

А бог-сын их не читает:

Говорит, что «он, подлец,

Нас с папашей надувает».

Близкий к опубликованному вариант куплета сохранился в записи С. Д.

Полторацкого: ОР РГБ. ф. 233. карт. 11. № 64. л. 1 об. – без заглавия, с вариантами ст. 2–6: «Богу псалмы сочиняет / Их читает Бог отец / Бог же сын их не читает / Говорит, что Глинка льстец / Нас с папашей надуваетъ», а также в списке рукой П. А. Ефремова (Отдел редкой книги БАН, шифр 1152р, инв. номер 3231, л. 69; в ст. 2: «Гимны сочиняеть», в ст. 4 «Богъ-Сын – не читаетъ»).

В собрание стихотворений Боратынского текст впервые введен И. Н. Медведевой и Е. Н. Купреяновой (Изд. 1936. Т. I. С. 328), где напечатан вместе с куплетом о Льве Пушкине в разделе «Стихотворения, написанные совместно с другими поэтами» (источник текста не указан). В корпус сочинений А. А. Дельвига куплет «Фс-

167

дор Глинка молодец...» впервые введен Б. В. Томашевским, отметившим совместное авторство Дельвига и Боратынского (Дельвиг 1934. С. 430; раздел: «Стихотворения, написанные совместно с другими», текст, соответствующий публикации Огарева, – в ст. 3 «Дух святой, известный лжец...»).

По воспоминаниям А. И. Дельвига, после строф о Льве Пушкине (№ 234.а) и Федоре Глинке (№ 234.б) «следовали строфы о других лицах и, между прочими, о Соколове, непреходящем Секретаре бывшей Российской Академии»:

Непреходящий Секретарь Соколов Россейской,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын

О запачканная тварь С харей фарисейской и т. д.
Цит. по рукописи: ОР РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 3018. Т. I. С. 100 (ср. Дельвиг 1912. С. 32; Дельвиг 1930. Т. 1. С. 74).

Однако еще Б. В. Томашевский предположил, что А. И. Дельвиг в данном случае ошибочно припомнил текстуально близкую к записи куплета строфу о П. И. Соколове из сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших», и на этом основании не включил эти строки ни в основной текст, ни в примечания (Дельвиг 1934. С. 502). Ср. текст Воейкова (цит. по: Поэты 1790–1810-х. С. 804):

Вот он с харей фарисейской Петр Иваныч осударь,
Академии Расейской Непременный секретарь.

Ничего не сочиняет,

Ничего не издает,

Три оклада получает И столовые берет

Позиция Томашевского была поддержана всеми последующими издателями Дельвига и Боратынского, не включавшими этот куплет в соответствующие издания. Не оспаривая сложившейся издательской традиции, отметим, что строфа о Соколове в сатире Воейкова появилась позднее, чем были сочинены комментируемые куплеты (а именно, в промежутке между 1828 и 1834 гг. – Балакин 2007. С. 202), и могла, в свою очередь, опираться на их текст.

Надежными фактическими свидетельствами, позволяющими датировать куплеты, а также решить, были ли они сочинены в одно время, мы не располагаем. Верхняя граница их создания может быть установлена по времени женитьбы Дельвига (30 октября 1825 г.; предложено Ю. Н. Верховским – Верховский 1933. С. 135) и переезда Боратынского в Москву (начало октября 1825 г. – летопись. С. 163).

Изд. 1914–1915. Т. I. С. 201 (текст куплета о Льве Пушкине по тетради Лонгинова-Полторацкого), 325 (указан источник публикации: «рукописный сборник Лонгинова», датировка:

168

1825–1826). – Изд. 1936. Т. I. С. 328 (текст двух куплетов – о Льве Пушкине и Федоре Глинке по тетради Лонгинова-Полторацкого; в ст. 3 куплета о Глинке «бог-отец», в ст. 5 «святой» со строчной буквы – так же во всех последующих изданиях, кроме Изд. 2000); Т. II.

С. 300–301 (отмечена первая публикация куплета о Льве Пушкине и перепечатка в «Библиографических записках», приведено свидетельство Соболевского и А. И. Дельвига об авторстве куплетов). – Изд. 1982. С. 371–372, 494 (приведены разночтения по «Русскому вестнику» в ст. 1 и 5). – Изд. 1989. С. 311 (датировка: 1825), 438–439 (отмечена перепечатка куплета о Льве Пушкине в «Полярной звезде»). – Изд. 2000. С. 319 (в ст. 3 «Его хвалит Бог отец»), 507 (датировка: предположительно 1821–1824 гг.).

169

235

Быль

Встарь, жиль-был Петух Индейский:

Цапле руку предложилъ;

При Дворе взял чин лакейский И в супружество вступил.

Он детей молил, как дара –

И услышал бог боговъ:

Родилася цаплей пара,

Неродилось петухов.

Цапли выросли, отстали от младенческих годовъ;

Длинные, очень длинные стали,

И глядят на куликов.

Вот отцу пришла забота Цаплей за муж выдавать;

Он за каждой два болота мог в приданое отдать.

Кулики к нему летали

Из соседних, дальних местъ;

Но лишь корм они клевали, –

Не глядели на невест.

Цапли вяли, цапли сохли;

Наконец, скажу вздохнувъ:

На болоте передохли,

Носик в перья завернув.

<Не ранее начала октября 1825 – не позднее начала ноября 1826>

170

235. Быль («Встарь, жиль-был Петух Индейский...»)

Печатается по единственной прижизненной публикации: Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 6. 21 января (ценз. разр. 17 января). С. 46–47 (заглавие: «Быль»; подпись: Сталинский).

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
Копия, представленная на рассмотрение цензуры и послужившая источником публикации, рукой А. Ф. Воейкова: ОР РЫБ. Ф. 831. № 8. л. 34–34 об. (заглавие: «Быль»; подпись: Сталинский; в ст. 6 иное правописание одного слова: «БОГЬ»; на полях пометы: «в Газету», «в Литтер.<атурная> прибав.<ления> к рус.<скому> инвал.<иду>»). В копии также отметки цензора П. И. Гаевского: «По журналу 18 ноября <1830>», «Можно 18 ноя.<бря 1830>»; внизу под стихотворением подпись: «Цензор Гаевский. 29 ноя.<бря> 1830».

Гаевский подавал запрос Воейкову о личности автора стихотворения: «18 янв.<аря><1831>. Спрашивал у Г. Воейкова, кто имянно Сталинский, подписавшийся под статью Быль, в 6 № Литт. Приб. к Русскому Инвалиду. Он отвечал письменно, что он полагает, что статья сия принадлежит Александру Ник.<олаевичу> Сталинскому, воспитывавшемуся вместе с ним в Моек. Университетском пансионе. – Статья сия получена им из Москвы до Высочайшаго повеления о подписи имен Авторов. – Я вносил сии стихи в Ценз. Комитет, который одобрил их по Журналу 18 Ноя.<бря> 1830 г.» (Секретный журнал Цензора Гаевского, об именах Авторов и Переводчиков» – ОР РЫБ. Ф. 831. № 7. л. 37 об.–38). Гаевский вынес «Быль о ПитухГ Индийском и Цаплях, соч. Сталинскаго в стихахъ» на рассмотрение цензурного комитета, так как «сомневался не заключается ли в оных каких нибудь личностей. Заседание комитета, признавая обе упомянутыя статьи за общия сатирическия сочинения положило: допустить к напечатанию» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 271. л. 229; см. также РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 979. л. 58).

Происхождение воейковского списка не установлено; вероятно, публикация в «Литературных прибавлениях» была осуществлена без авторского согласия. Обнаружение копии рукой Воейкова, а также публикация его объяснений, поданных на запрос цензора, об авторе стихотворения (Отчет ИПБ 1892. С. 158; ср. выше) послужили основанием приписать авторство текста самому Воейкову (Витберг 1903. С. 245–247; пушкин 1907–1915. т. IV. С. XII, примечания Н. О. Лернера). Стихотворение было сочинено Баратынским и С. А. Соболевским, о чем свидетельствует указание последнего на полях тетради Лонгинова-Полторацкого: «Эти стихи написаны Е. А. Баратынским и мною в 1825 году, до приезда Пушкина из деревни. С. Соболевский» (ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 162. Ед. хр. 1. л. 79). См. также примечания к стихотворению в некоторых списках: «Эту эпигр.<амму> написали сообща <так!> Барат.<ынский> и Соболевский и выдали за пушкинскую. Солнцев обиделся и почти поссорился с Пушк.<инымъ>, так что авторы должны были объяснить истину» (сборник П. А. Ефремова – РГАЛИ. Ф. 1296. Оп. 2. № 55. л. 175); «Стихотворение это написано Баратынским и Соболевским – и тогда же было приписано Пушкину» (сборник из библиотеки В. Е. Якушкина – ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 104. л. 24 об.). Эти позднейшие указания косвенно подтверждаются словами Вяземского в письме Пушкину от 26 июля 1828 г., из которых следует, что герои стихотворения – семейство тетки Пушкина Елизаветы Львовны и М. М. Сонцова – действительно считали автором

171

Пушкина («Золотарева <...> представляла мне в лицах, как Сонцева жаловалась ей на тебя за стихи Жил да был петух индейский <...>» – Пушкин 1937–1959. т. XIV. С. 23).

Известна помета самого Пушкина на списке стихотворения, скопированном в тетради П. И. Бартенева (описание см. ниже): «Это не я, это левушка [и] Баратынский, а я только поправляль» (указание на авторство Л. С. Пушкина – ошибка памяти: его не было в Москве в 1825–1826 гг.).

Под именем Пушкина стихотворение распространялось в списках и включалась в рукописные сборники его неизданных стихотворений – см., например:

РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5210. л. 1–1 об. – отдельная копия, заглавие: «История С Семейства»; подписано: А. Пушкинь;

РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 1. № 84. л. 53 об.–54 – список в тетради из архива С. П. Швырева, без заглавия; подписано: Пу<шкинь>;

РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. № 4. л. 152 (С. 333 старой нумерации) – список рукой П. И. Бартенева в его тетради («Записи П. И. Бартенева о Пушкине. 1851 г.»); без заглавия, подпись: «А. Пушкинь»; ниже скопирована помета, очевидно, самого Пушкина (см. выше); опубл.: Цявловский 1936. С. 522;

РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. № 451. л. 1 – 1 об. – отдельная копия из коллекции П. И. Бартенева; без заглавия, подписано: А. Пушкинь;

РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 39. л. 2 об. – список на отдельном листе, вместе с эпиграммами на Булгарина (заглавие: «Басня», подписано: А. Пушкинь);

РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 61. л. 86 об.–87 – список в «Сборнике произведений А. С. Пушкина» («вторая Долгоруковская тетрадь»); заглавие: «Индийский петухъ»; текст перечеркнут, на полях помета: «Е. Баратынскаго»;

ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 162. Ед. хр. 1. л. 79–79 об. (С. 157–158 по внутренней нумерации тетради) – список в тетради Лонгинова-Полторацкого, заглавие: «Цапли»;

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын о первоначальной атрибуции текста Пушкину свидетельствует его включение в сборник;

ОР РГБ. Ф. 218. № 253. Л. 95 – список в тетради «Разные сочинения»; заглавие «Цапля»; подписано: А. Пушкинъ;

ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 118. № 5. Л. 22–22 об. – список в тетради «Стихотворения А. Пушкина» из коллекции В. Я. Брюсова; без заглавия; подписано: «Пушкина»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 21. Л. 5–5 об. – список в тетради копий из архива Л. Н. Майкова; заглавие: «Невесты»; подписано: А. Пушкинъ;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 43. Л. 6–6 об. – список в тетради «Неизданные стихотворения Пушкина», заглавие: «Цапли»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 52. Л. 4 об. – список среди копий стихотворений А. С. Пушкина на отдельных листах, из материалов В. П. Гаевского, поступивших в архив В. Е. Якушкина; заглавие: «Цапли»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 100. Л. 84 – список в сборнике Н. А. Долгорукова «Стихотворения А. С. Пушкина, вовсе не напечатанные или измененные в печати, или ему приписываемые»; заглавие: «Индийский петух»;

ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 104. Л. 24 об.–25 – список в сборнике копий произведений Пушкина из библиотеки В. Е. Якушкина; заглавие: «На Солнцевыхъ»;

172

Копия Грота в письме П. А. Плетневу от 3 апреля 1850 г. («стихи, написанные Пушкиным на его родственниц С–вых в Москве», без заглавия; опубл.: Грот, Плетнев. Переписка. Т. 3. С. 505–506);

Под именем Пушкина текст печатался в заграничных сборниках: Полярная звезда на 1858, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Кн. IV. Лондон, 1858. С. 271

(заглавие: «Цапли», в подборке «Неизданные стихотворения А. С. Пушкина»); Новые стихотворения Пушкина и Шавченки. Лейпциг, 1859. С. 3–4 (заглавие: «Цапли», подпись: «А. Пушкинъ»).

На ошибочность атрибуции стихотворения Пушкину и авторство Боратынского в печати впервые указал П. В. Анненков: «Многое приписывается у нас и в рукописных сборниках и даже печатно Пушкину, что ему не принадлежит. <...> Экспромты о „нацияхъ44 <...> столь же мало принадлежат ему, как и стихи известной сатирической пьесы: „Цапли44, находимые во всех сборниках с пометкой: А. П., а между тем написанные Боратынским» (Анненков 1855–1857. Т. VII. С. 10; атрибуция Анненкова была принята Н. В. Гербелем: Гербел 1861а. С. VIII – IX; Гербел 1861б. С. IX–X; Гербел 1876. С. 206).

Авторство Боратынского также специально отмечал П. А. Вяземский: «стихи <...> „Жил да был петух Индейской44 напрасно приписывают А. С. Пушкину. Они принадлежат Боратынскому» (Русский архив. 1866. № 6. Стлб. 862). Эта публикация Вяземского вызвала возражения Л. Е. Боратынского, просившего Бартенева в письме от 8 июня 1866 г. (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 8. № 41. Л. 1–1 об.) напечатать опровержение, которое было опубликовано в 10–м номере «Русского архива» за 1866 г. (Стлб. 1506–1507): «Сын поэта <...> просить нас заявить, что по его соображениям, стихи эти отнюдь не могут принадлежать отцу его», однако возражения Л. Е. Боратынского, основанные лишь на отсутствии рукописей стихотворения в семейном архиве, малоубедительны (см.: Каллаш 1902. С. 197; Цявловский 1936. С. 523).

С атрибуцией Боратынскому текст был впервые напечатан: Библиографические записки. 1858. № 8 (ценз. разр. 10 апреля 1858). Стлб. 237 (заглавие: «Цапли», подзаголовок: «Неизданное сатирическое стихотворение, приписанное Е. А. Боратынскому»). Под его же именем было опубликовано в сборниках: Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел I. Стихотворения. Часть первая / С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861. С. 271; заглавие: «Цапли (Баратынского)»; Лютня II. С. 290–291; заглавие «Цапли», подпись: Боратынский.

С подписью Боратынского стихотворение иногда распространялось и в списках: РГАЛИ. Ф. 1296. Оп. 2. № 55. Л. 175 (заглавие: «Цапли (отрывок из сказки)», сверху другими чернилами подписано: «(На Солнцевыхъ)»; подпись: Е. Баратынский); см. также: РГАЛИ. Ф. 74. Оп. 1. № 1. Л. 58 об.–59 (заглавие: «Цапля.

Сатирическое стихотворение, приписываемое Е. А. Боратынскому»).

Текст публикации в «Литературных прибавлениях» отражает наиболее исправный и полный в сюжетном и текстовом отношении вариант стихотворения. Тот же вариант – с разночтениями и неточностями – в публикации «Библиографических записок», списке Грота, отдельном списке из коллекции Бартенева (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. № 451), списке из собрания Л. Н. Майкова (ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 21), списке в сборнике из библиотеки Якушкина (ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 104), списке в тетради барковианы (РГАЛИ. Ф. 74. Оп. 1. № 1).

173

Однако на каком-то этапе текст получил хождение и в другом варианте, основные отличия которого – иной зачин («Жил да был петух индейской...») и отсутствие

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
предпоследней строфы («Кулики к нему летали...»). Ср. текст копии в тетради Лонги – нова-Полторацкого (ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 162. Ед. хр. 1. л. 79–79 об.):
Жил да был петух индейской,
Цапле руку предложил,
При Дворе взял чин лакейской И в супружество вступил.
Он просил у Неба дара Вот его услышан зов Родилася цаплей пара,
Не родилось петухов.
Цапли выросли, отстали От младенческих годов Длинные очень длинные стали И глядят
на петухов.

Вот пришла отцу забота Цаплей замуж выдавать Он за каждой два болота При
замужестве хочет дать.

Цапли вяли, цапли сохли;
Наконец, скажу, вздохнувъ:
На болотах передохли,
Носик в перья завернув.

В таком виде текст фиксируется некоторыми ранними списками и многочисленными
позднейшими копиями – см. список в тетради из архива Шевырева с записями
1827–1829 гг. (РГАЛИ. Ф. 363. Оп. 1. № 84); список в тетради Бартенева (РГАЛИ.
Ф. 46. Оп. 1. № 4), список из архива Вяземских (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5210),
список из пушкинской коллекции РГАЛИ (Ф. 384. Оп. 1. № 39), список в тетради из
коллекции Брюсова (ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 118. № 5), список в тетради «Разные
сочинения» (ОР РГБ. Ф. 218. № 253), список в сборнике Н. А. Долгорукова (ПД. Ф.
244. Оп. 8. № 100).

Другая группа списков отражает попытку заполнить сюжетную лакуну, связанную с
отсутствием предпоследней строфы, без которой финал («Цапли вяли, цапли
сохли...») остается не вполне мотивированным. Четвертая строфа наращивается
двумя дополнительными строками, дающими необходимую сюжетную мотивировку, – см.
списки в сборнике П. А. Ефремова (РГАЛИ. Ф. 1296. Оп. 2. № 55), в материалах В.
П. Гаевского (ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 52), в тетради «Неизданные стихотворения
Пушкина» (ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 43) публикации в «Полярной звезде», «Новых
стихотворениях Пушкина и Шавченки», «Русской потаенной литературе», а также
варианты «Библиографических записок»:

174

вместо ст. 17–20

Но кому-ж придет охота Цаплю замуж себе взять?

В собрание сочинений Боратынского стихотворение впервые введено М. Л. Гофманом
(Изд. 1914–1915. Т. I. С. 325), напечатавшим его по публикации в «Литературных
прибавлениях» в разделе «Стихотворения, написанные Е. А. Боратынским в
сотрудничестве с другими поэтами».

Датируется по первой публикации и указанию С. А. Соболевского в сборнике
Лонгинова-Полторацкого. Нижняя граница датировки определяется временем приезда
Боратынского в Москву (Летопись. С. 163), верхняя – по наиболее раннему
известному упоминанию стихотворения в письме Пушкина Соболевскому от 9 ноября
1826 г. («На голос: Жил да был петух индейской» – Пушкин 1937–1957. Т. XIII. С.
302–303).

Изд. 1914–1915. Т. I. С. 200–201 (текст по «Литературным прибавлениям»; с
перестановкой слов в ст. 13: «Вот пришла отцу забота»; датировка: 1825), 324–325
(текст по копии Лонгинова-Полторацкого, воспроизведены пометы С. А.

Соболевского; приведены варианты по «Библиографическим запискам»). – Изд. 1936.
Т. I. С. 327 (текст под заглавием: «Цапли» с вариантами: ст. 1 «Жил да был петух
индейский», ст. 5–6 «Он молил детей как дара / И услышал Саваоф», ст. 13 «Вот
пришла отцу забота», ст. 15–16 «Он за каждой три болота / При замужестве хочет
дать», ст. 18–20 «Из далеких, ближних мест; / Но лишь корм один клевали – / И не
смотрят на невест», ст. 22 «И увь! скажу, вздохнув»); Т. II. С. 299–300 (назван
источник текста: «Библиографические записки» с поправками по сборнику «Русская
потаенная литература»; подпись под первой публикацией ошибочно передана как
«Стравинский»). – Изд. 1957. С. 313 (текст по «Литературным прибавлениям», в ст.
13 «Вот пришла отцу забота», в ст. 18 «дальных»; датировка: 1825). – Изд. 1982.
С. 370–371 (текст по Изд. 1936 под заглавием «Биль» с вариантами: в ст. 15–16
«Он за каждой два болота / Мог в приданое отдать», в ст. 19–20 «Но лишь корм они
клевали – / Не глядели на невест», – так же в Изд. 2000). – Изд. 1989. С.
311–312 (текст по «Литературным прибавлениям», с вариантами: в ст. 6 «И услышал
Саваоф», ст. 13 «Вот пришла отцу забота», ст. 20 «Не смотрели на невест»;
датировка: 1825), 439–440 (поправка в ст. 6 необоснованно мотивируется цензурным
искажением в публикации).

175

236

Князь Шаликов, газетчик наш печальный, Елегию семье своей читал,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
А козачек огарок свечки сальной В руках со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал. – Вот, вот с кого пример берите, дуры!
Он дочерям в восторге закричал. – Откройся мне, о милый сын природы,
Ах! что слезой твой осребрило взоръ?

А тот ему в ответъ: мни хочется на двор!

<15 мая 1827>

236. «Князь Шаликов, газетчик наш печальный...»

Печатается по записи в дневнике И. М. Снегирева под 13 мая 1827 г.: ПД. ф. 361. № 64. л. 96 (впервые опубли.: Лернер 1911. С. 3; см. также Лернер 1913. С. 50); с исправлениями в ст. 1 Шаликов → Шаликов, -- ст. 2 симъи → семьи

В дневнике Снегирева (л. 95 об.–96) содержится рассказ об обстоятельствах сочинения эпиграммы: «к Погодину на завтрак, где я нашел Пушкина, К. Вяземского <...>. За столом Пушкин с Баратынским написали на Шал.<икова> след.<ующее> по случаю рассказанного анекдота <далее записан текст>». О том же эпизоде на завтраке у Погодина см. также в записках В. Ф. Щербакова: «Г. Погодин, делая прощальное угощение Пушкину перед отъездом сего последнего из Москвы, пригласил многих литераторов: как-то Боратынского, польского поэта Мичкевича <так!>, Полевого, Муханова и проч. Они все вместе сочинили эпиграммы на кн. Шаликова. Между прочим был рассказан анекдот о последнем: „Однажды князь читал нежную свою элэгию жене своей, козачок, паж Шаликова, светил ему за стулом. Среди чтения князь услышал, что мальчик плачет. «Друг мой, неужели ты тронулся стихами? Скажи мне, что более всего тебя поразило, что более всего заставило плакать?»» – Мне захотелось, ваше сиятельство, на двор, – отвечал простодушный паж» (цит. по: Верховский 1935. С. 137).

Свидетельство Снегирева представляется веским аргументом для атрибуции эпиграммы совместно Пушкину и Боратынскому.

Тем не менее сочинение эпиграммы долгое время приписывалось единолично Пушкину. Под его именем текст распространялся в списках (ср. Пушкин 1931–1959. Т. III. Кн. 2. С. 1296–1297):

ОР РГБ. ф. 233. карт. 162. Ед. хр. 2. л. 47 об. (с. 476 по внутренней нумерации) – список в тетради Лонгинова–Полторацкого; заглавие: «Эпиграмма»;

176

ОР РГБ. ф. 299. № 318. л. 125 об. – список в тетради Н. С. Тихонравова «Избранные стихотворения А. С. Пушкина»; без заглавия;

ПД. ф. 244. Оп. 8. № 34. л. 49 – список в сборнике копий стихотворений А. С. Пушкина, под названием «А. С. Пушкин. Стихотворения (нецензурные)». Из собрания П. Я. Дашкова (т. н. «тетрадь Дашкова»); заглавие: «На кн. Шаликова»;

ПД. ф. 244. Оп. 8. № 60. л. 12 – список в сборнике копий стихотворений А. С. Пушкина (т. н. Якушкинская тетрадь); без заглавия;

ПД. ф. 244. Оп. 8. № 63. л. 48 – список в «Сборнике стихотворений А. С. Пушкина середины XIX столетия»; заглавие: «На кн. Шаликова»;

ПД. ф. 244. Оп. 8. № 91. л. 30 об. – список в сборнике «Всякая всячина. Ч. 6. Сборник копий сочинений разных авторов 1852 г.»; заглавие: «Мне хочется на дворъ»;

ПД. ф. 244. Оп. 8. № 92. л. 29 – список в сборнике П. Александрова («Сочинения Пушкина, не вошедшие в Собрания его сочинений: посмертное и П. Анненкова, с приложением некоторых материалов для его биографии. Москва, 1857 г.»); заглавие: «Эпиграмма на Князя Шаликова»;

ПД. ф. 244. Оп. 8. № 104. л. 22 об. – список в сборнике копий произведений А. С. Пушкина из библиотеки В. Е. Якушкина. Рукой Е. И. Якушкина; без заглавия;

Отдел редкой книги БАН, шифр 1152р, инв. номер 3231, л. 70 об.–71 – список рукой П. А. Ефремова на листах, вклеенных в 7-й том «Сочинений» А. С. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова; заглавие: «Кн. Шаликовъ».

Впервые опубликована – под именем Пушкина – Н. В. Гербелем: Стихотворения Пушкина, не вошедшие в полное собрание его сочинений. Берлин, 1861. С. 109 (без заглавия); см. также Гербел 1870. С. 109; Гербель 1876. С. 226.

По другому источнику эпиграмма была напечатана в сборнике: Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел I. Стихотворения. Часть первая / С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861. С. 87 (заглавие: «Шаликову»)

Публикация Гербеля в «Русском архиве» (Гербель 1876) вызвала возражения П. А. Ефремова: «как Пушкинское стихотворение, он [Гербель] напечатал эпиграмму на кн. Шаликова <...>, тогда как это ничем не подтверждается» (Ефремов

1879. С. 731; ср.: Ефремов 1903. С. 5–6; Пушкин 1903–1905. Т. VIII. С. ии– 112).

В авторстве Пушкина сомневался и П. А. Вяземский: «Вряд ли Пушкина, разве Соболевскаго с содействием Пушкина» (Старина и новизна. Кн. VIII. СПб., 1904. С. 37). На основании этого указания Вяземского В. В. Каллаш включил эпиграмму в число текстов Соболевского: Соболевский 1912. С. 13.

В дальнейшем наибольшее внимание издателей Пушкина привлек ранний список

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын эпиграммы, приложенный к письму П. П. Свинына А. И. Михайловскому-Данилевскому от 30 августа 1827 г.: ПД. Ф. 527. Оп. 1. № 101. л. 19. Список, выполненный писарским почерком, помещен на отдельном листке, вместе с другой эпиграммой Боратынского на князя Шаликова («Грузинской Князь, газетчик русской...», № 126), но не содержит указания на авторство:

12 – 5341

177

Князь Шаликов, газетчик наш печальный Элегию в семье своей читал,
А козачок огарок свечки сальной Перед певцом со трепетом держал.

Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.

«Вот, вот пример с кого берите дуры!»

Князь дочерям растрогавшись сказалъ:

«Откройся мне о! милый сын природы!

«Что, что слезой твой оросило взоръ?

А тот ему: Мне хочется на двор!»

В отличие от записи в дневнике Снегирева и других известных списков, в тексте из архива Михайловского-Данилевского десятистишие состояло из равностопных строк (5-стопный ямб). Это давало основание предполагать, что эпиграмма изначально была написана равностопным ямбом, а все другие известные списки содержат метрическое искажение, подлежащее исправлению в критическом тексте. Видимо, исходя из подобных соображений, редакторы научных собраний сочинений Пушкина регулярно использовали список Свинына и список Снегирева для создания контаминированного текста эпиграммы (см., например: Пушкин 1937–1959. Т. III. Кн. 1. С. 484; кн. 2. С. 1296–1297). Однако, нельзя исключать, что стихотворение написано не равностопным, а вольным ямбом и, тем самым, контаминация не «исправляет», а искажает авторский текст.

В собрание сочинений Боратынского текст впервые введен М. Л. Гофманом с опорой на публикацию отрывка из дневника Снегирева (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 201; раздел «Стихотворения, написанные Е. А. Боратынским в сотрудничестве с другими поэтами»). В собраниях сочинений Пушкина эпиграмма печатается, начиная с издания под редакцией С. А. Венгерова (Пушкин 1907–1915. Т. V. С. XLIX; публикация Н. О. Лернера с указанием совместного авторства Пушкина и Боратынского).

Датируется по записи в дневнике Снегирева.

Гербел 1861. С. 109 (первая публикация текста за авторством Пушкина). – Лернер 1911 и Лернер 1913. С. 50 (текст по записи в дневнике Снегирева, указано совместное авторство Боратынского и Пушкина). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 201 (текст по публикации Лернера, в ст. 2 «Элегию», в ст. 3 «казачокъ» – так же во всех последующих изданиях) – Изд. 1936. Т. I. С. 329; Т. II. С. 301 (указана первая публикация в сборнике Гербеля; датировка 15 мая 1827 г. – повторено в Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000). – Изд. 2000. С. 320 (в ст. 9 ошибка: «серебрило» вместо «осребрило»).

178

237

Журналист Фиглярин и Истина

Он точно, он безспорно: Фиглярин Журналист, Марающий заодно Свой безтолковый лист!

А это что за дура?

Ведь Истина, ей, ей!

Давно-ль его канура Знакома стала ей?

На чепуху и враки Чутьем наведена,

Занятиям мараки Пришла мешать она.

<4–19 мая 1827>

237. Журналист Фиглярин и Истина («Он точно, он безспорно...»)

Печатается по тексту первой публикации: Московский телеграф. 1827. Ч. XV. № 9 (ценз. разр. 3 мая, ценз, билет 6 июня 1827 – Летопись. С. 196; вышел 8 июня – Московские ведомости. 1827. № 46. 8 июня. С. 1839). Отд. II. С. 3 (2-й пагинации) – без подписи.

Автограф, послуживший основой публикации, – запись А. С. Пушкина с поправками его рукой и рукой Боратынского на отдельном листке, вшитом в цензурную рукопись соответствующего номера «Московского телеграфа»: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 1604. л. 49. Заглавие вписано рукой Н. А. Полевого; под текстом помета цензора: «читал И. Снегир-евъ». На обложке рукописи – отметка: «№ 136. Подано 30 мая 1827».

Первоначальные варианты автографа и поправки: в ст. 9 и 10 – рукой Пушкина, в ст. 3 и И – рукой Боратынского.

3 Марающий [позорно] [упорно] заодно

9 На [бешеня] чепуху и враки

10 Чутьем [приведена] наведена

11 [Безстыдному] Занятиям мараки

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
На соседнем листе цензурной рукописи (ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 1604. л. 48)
стихотворение в окончательной редакции скопировано писарским почерком; на копии
помета

12*

179

рукой Полевого: «Сии стихи нарочно переписаны для набора, а при сем прилагается
и черновой список, [по которому пр] подписанный Цензором».

Автограф и материалы цензурной рукописи «Московского телеграфа» впервые
опубликованы и описаны Т. Г. Цявловской (Цявловская 1961. С. 120–124).

Позднейшие копии Н. Л. Боратынской в ее альбомах: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (альбом
«Souvenir»). Л. 58, № 40. Л. 57–57 об. – заглавие: «На виньетку, представляющую
Автора за письменным столом, а подле него Истину»; № 41. Л. 46 – заглавие: «На
некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменным столом а подле него
Истину» (помещено в раздел «Эпиграммы»).

Копия А. Е. Боратынской: Ф. 33. Оп. 1. № 53. Л. 1 об. (заглавие: «На виньетку,
представляющую Автора за письменным столом, а подли него Истину»).

Разночтения копий Н. Л. и А. Е. Боратынских:

4 Свой оглашенный лист.

12

Мешать пришла она.

По копии Н. Л. Боратынской (№ 40. Л. 57–57 об.) повторно опубликовано И. С.
Тургеневым за единоличным авторством Боратынского: Современник. 1854. Т. XLVII.
№ X. Октябрь. Отд. I. С. 159 (1-й пагинации) – под заглавием: «На виньетку,
представляющую господина за письменным столом, а возле него Истину» – с
ошибочной пунктуацией в ст. 1 («Он точно! Он безспорно») и с разночтениями:

2 Зоилов журналист,

4 Свой оглашенный лист.

12 Мешать пришла она.

Вплоть до обнаружения совместной записи Пушкина и Боратынского автором эпиграммы
считался Боратынский. В собрание сочинений поэта текст – за его единоличным
авторством – был введен в Изд. 1894 (Т. I. С. 77) по тексту публикации
Тургенева. Как коллективное сочинение Боратынского и Пушкина эпиграмма
печатается в изданиях Боратынского, начиная с Изд. 1982 (С. 373).

Автограф в цензурной рукописи «Московского телеграфа» – веское свидетельство в
пользу соавторства Боратынского и Пушкина (ср. другую совместную эпиграмму,
сочиненную на завтраке у Погодина 15 мая 1827 г. – «Князь Шаликов, газетчик наш
печальной...»; № 236).

Датируется временем между выходом первого тома «Сочинений Фаддея Булгарина» с
виньеткой, представляющей сочинителя и Истину (цензурский билет – 24 апреля 1827
г., поступило в продажу в Москве 4 мая – Московские ведомости. 1827. № 36. С.
1450; указано в: Цявловская 1961. С. 127) и отъездом Пушкина из Москвы 19 мая
1827 г. Точечная датировка эпиграммы 16 мая, предложенная Т. Г. Цявловской на
основании записи в дневнике И. М. Снегирева о вечере у Полевого, где
присутствовали Пушкин и Боратынский (Цявловская 1961. С. 129; поддержана:
Летопись. С. 195; Летопись Пушкина. Т. 2. С. 265; также см. выше примеч. к №
236), представляется недостаточно обоснованной.

180

Тургенев 1854. С. 159 (текст по копии Н. Л. Боратынской с разночтениями в ст. 2,
4, 12; заглавие: «На виньетку, представляющую господина за письменным столом, а
возле него Истину»). – Изд. 1894. Т. I. С. 77 (текст по публикации Тургенева с
ошибкой в ст. 2 «Зотов журналист»; заглавие: «Журналист Фиглярин и Истина»;
указано место первой публикации стихотворения). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 95
(текст по копиям Н. Л. Боратынской с соответствующими разночтениями в ст. 4 и
12; заглавие: «На некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменным
столом, а подле него Истину»; датировка: 1827), 269–270 (введено искажение в ст.
2: «Зотов журналист», ошибочно названное представленным в «Московском
телеграфе» и «Современнике» 1854 г.). – Изд. 1936. Т. I. С. 306 (текст по Изд.
1914–1915); Т. II. С. 290–291 (чтение ст. 2 в публикации Тургенева [«Зоилов
журналист»] ошибочно названо представленным в «Московском телеграфе» – повторено
в Изд. 1989; датировка: май 1827). – Изд. 1957. С. 132 (текст по Изд. 1914–
1915, но заглавие «Журналист Фиглярин и Истина»; с изменением написания
отдельных слов в ст. 2 «Фиглярин-журналист» и в ст. 7 «конура» [так же в
последующих изданиях]; датировка: 1827). – Цявловская 1961. С. 120–133
(публикация автографа; установлено совместное авторство Боратынского и Пушкина;
датировка: 16 мая 1827). – Изд. 1982. С. 373 (текст по первой публикации – так
же в Изд. 1989 и Изд. 2000), 494 (варианты ст. 3, 9–11 по автографу; разночтения
копий Н. Л. Боратынской в ст. 4 и 12 ошибочно названы представленными в
«Московском телеграфе»), 683–684 (отмечено совместное авторство Боратынского и
Пушкина со ссылкой на статью Т. Г. Цявловской; датировка: 16 мая 1827). – Изд.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
2000. С. 320, 444 (приведено несуществующее заглавие «Журналист Зоилон и Истина»; варианты публикации Тургенева ошибочно названы представленными в «Московском телеграфе»).

181

238

КУПЛЕТЫ

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КНЯГИНИ ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ В ПОНЕДЕЛЬНИК 3го ДЕКАБРЯ 1828 ГОДА,
сочиненные в Москве /Сн. /7. А. Вяземским,

Е. А. Баратынским, С. 77. Шевыревым, Н. Ф. Павловым и И. В. Киреевскимъ

Друзья! теперь виденья в моде И я скажу про чудеса:

Не раз явленьями в народе Нам улыбались небеса.

Они нам улыгнулись мило Небесным гостем подаря:

Когда же чудо это было?

То было третье Декабря.

Вокруг эфирной колыбели,

10 Где гость таинственный лежал,

Невидимые хоры пели,

Незримый дым благоухал.

Зимой, весеннее светило Взшло безоблачно горя.

Когда же чудо это было?

То было третье Декабря.

Оно зашло и звезды пали С небес высоких – и светло Венцом магическим венчали 20

Младенца милое чело.

И их сияньем озарило Судьбу младаго бытия:

Когда же чудо это было?

То было третье Декабря.

182

Одна ей пламя голубое В очах пленительных зажгла:

И вдохновение живое Ей в душу звучную влила.

В очах зажглось любви светило, В душе поэзии заря:

Когда же чудо это было?

То было третье Декабря.

Звездой полуденной и знойной Слетевшей с Тассовых небес, Даны ей звуки песни

стройной, Дар гармонических чудесь: Явленье это не входило В неверный план

календаря:

Но знаем мы, что это было Оно на третье Декабря.

Земли небесный поселенец,

Росла пленительно она,

И что пророчил в ней младенец, Свершила дивная жена.

Не даром гениев кадило Встречало утро бытия:

И утром чудным, утро было Сегодня третье Декабря.

Мы, написавши эти строфы,

Еще два слова скажем вам,

Что, если наши философы Не будут верить чудесам,

То мы еще храним под спудом Им доказательство, друзья:

Она нас подарила чудом Сегодня в третье Декабря.

183

Такая власть в ея владенье, Какая Богу не дана:

Нам сотворила воскресенье Из понедельника она.

И в праздник будни обратило Веселье круг наш озаря:

Да будет вечно так как было Днем чуда третье Декабря!

<Не позднее 3 декабря 1828>

238. Куплеты на день рождения княгини Зинаиды Волконской в понедельник 3-го

декабря 1828 года, сочиненные в Москве Кн. П. А. Вяземским, Е. А. Баратынским,

С. П. Шевыревым, Н. Ф. Павловым и И. В. Киреевским («Друзья! теперь виденья в

моде...»).

Печатается по первой публикации: Сочинения княгини Зинаиды Александровны

Волконской, урожденной княжны Белосельской. Париж; Карлсруэ, 1865. С. 155 – 157;

с исправлением: И. Ф. Павловым → Н. Ф. Павловым -- ст. 29 светило → светило,

Автограф неизвестен.

В собрание сочинений Боратынского впервые введено М. Л. Гофманом (Изд. 1914–

1915. Т. I. С. 202–203), где напечатано в приложении в разделе «Стихотворения,

написанные Е. А. Боратынским в сотрудничестве с другими поэтами».

Датируется по указанию в заглавии.

Изд. 1914–1915. Т. I. С. 202–203 (текст по первой публикации – так же во всех

последующих изданиях; в заглавии сохранена опечатка в инициалах Павлова: «И. Ф.

Павловым»; в ст. 8, 16, 24, 32, 40, 48, 56, 64 «декабря» со строчной буквы – так

же во всех последующих изданиях). – Изд. 1936. Т. I. С. 330–332 (исправлена

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын печатка в инициалах Павлова, но печатки в ст. 4 «улыбнулись» и в ст. 5 «улыбались»; в ст. 58 написание «богу» со строчной буквы – так же во всех последующих изданиях до изд. 2000). – Изд. 1957. С. 314–316 (исправлены печатки изд. 1936). – Изд. 1982. С. 373–375 (в заглавии печатка в инициалах Шевырева: «С. В. Шевырев»). – Изд. 1989. С. 313–314 (в ст. 5 ошибочное чтение: «улыбнутся»). – Изд. 2000. С. 321–322 (в ст. 58 написание «богу» с заглавной буквы).

- V -
Dubia
239

je voudrais bien ma mere celebrer tes vertus, que de la main divine en naissan
tu regus;
Pourrais-je m'en defendre, voyant ta bonte. ton ame douce et tendre, ton esprit,
ta beaute. je pense, au nom de Flore, de Venus, de Psyche, de Pallas et d'Auro
re, mais helas, quel peche! comparerais-je un etre si vrai, si beau, si bon; aux
beautes, dont peut etre, n'existe que le nom. une beaute celeste, si pleine de
vertu, si douce et si modeste que toi n'existe plus.

<1806-1807 (?) или 1812-1813 (?)>

239. «Je voudrais bien ma mere...»

Печатается по копии Л. Е. Боратынского в альбоме Н. Л. Боратынской: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 99 об.; с исправлениями: в ст. 3 Pourrai je → Pourrais-je -- ст. 9 flore → Flore -- ст. 10 de venus, de psyche → de Venus, de Psyche, -- ст. 11 de pallas et daurore → de Pallas et d'Aurore, -- ст. 12 mais helas quel peche → mais helas, quel peche! -- ст. 13 comparerais je → comparerais-je -- ст. 16 nexista – nexista -- ст. 16 le nom → le пот. -- ст. 17 beautes beaute -- ст. 19 duce → douce

Перевод: Я хотел бы, маменька, / Воспеть твои добродетели, / Данные тебе при рождении / Божественной десницей. / Могу ли я не петь, / Зная твою доброту, / Твою кроткую и нежную душу, / Твои ум и красоту? / Я вспоминаю имена флоры, / Венеры и Психеи, / Паллады и Авроры, / Но – увы и ах! – / Сравню ли я существо / Столь искреннее, прекрасное и доброе /

187
С красавицами, существующими / Только на словах? / Другой небесной красоты, / Столь же добродетельной, / Кроткой и скромной, / Как ты, – нам не сыскать.

Стихотворение, записанное под № 4, помещено в подборке копий детских писем Боратынского родителям и старшим родственникам. Под предшествующими номерами – письмо отцу и матери от начала ноября 1806 г. (Летопись. С. 52; автограф: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 75. л. 4), приписка Евгения в письме С. А. Боратынской от конца ноября – начала декабря 1806 г. (Летопись. С. 53; автограф: Там же. л. 5 об.), письмо «тетиньке», Ек. А. Боратынской, от конца ноября 1807 г. (Летопись. С. 54; автограф: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 78. л. и–12). Судя по примечанию переписчика: «1, 2, 3 и 4 нумера написаны на двух линейках», стихотворение, как и письма, было записано на линованном листе (двойные линейки для детского почерка), что свидетельствует в пользу ранней датировки, близкой ко времени написания писем. Источник сведений об иной датировке, сообщенных С. А. Рачинским («Вот стихотворение, написанное им к матери, когда ему было двенадцать лет» – Татевский сборник 1899. С. 59), неизвестен. Однако в распоряжении Рачинского была также копия стихотворения (ныне не разыскана), по которой текст был опубликован впервые: Татевский сборник 1899. С. 59–60 – с разночтением:

14 Si vrai, si pur, si bon

Как отмечал М. Л. Гофман, в копии Татевского архива в этом стихе первоначальное «beau» исправлено на «rig» другой рукой (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 320).

В собрание сочинений Боратынского было введено М. Л. Гофманом, напечатавшим текст по копии из альбома Н. Л. Боратынской (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 190) – под редакторским заглавием «Детское стихотворение Е. А. Боратынского». Однако уже в Изд. 1936 самостоятельное авторство Боратынского было отвергнуто: «Стихотворение явно списано из какой-то французской хрестоматии с заменой в первом стихе мадригала собственного имени» (Т. I. С. 357). На этом основании стихотворение было исключено из корпуса текстов поэта и в последующие собрания не входило. Близость стихотворения к поздравительным текстам из детских хрестоматий, а также его местонахождение среди самых ранних писем поэта (см. выше) заставляет сомневаться в авторстве Боратынского, однако авторитетные семейные указания, а также то обстоятельство, что прямой источник до сих пор не обнаружен, не позволяет окончательно исключить текст из корпуса сочинений Боратынского. На этом основании помещаем его в раздел «Dubia».

Датируется предположительно: в соответствии с указанием Л. Е. Боратынского в альбомной копии – наиболее вероятное время создания текста – 1806–1807 гг.; другая вероятная датировка – 1812–1813 гг. – основана на сведениях С. А.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский. Рачинского.

Татевский сборник 1899. С. 59–60 (текст по копии из Татевского архива; в ст. 14: «риг» вместо «еаи»; датировка: 1812). – Изд. 1914–1915. Т. I. С. 190 (текст по копии в альбоме Н. Л. Боратынской; все строки – с заглавных букв, в ст. 9–11 все имена собственные – также с заглавных букв: Flore, Venus, Psyche, Pallas, Aurore), 320 (отмечена альбомная копия; указано место первой публикации; отмечен вариант Татевского сборника и копии из Татевского архива).

188

240

Я унтер, други! – точно так, Но не люблю я бить баклуши, Всегда исправен мой тесак, Так берегите – уши!

<1822–1823?>

240. «Я унтер, други! – точно так...»

Печатается по первой публикации: Отечественные записки. 1865. Т. 161. № 8. Отд. II. С. 291.

Текст экспромта напечатан М. И. Семевским со ссылкой на сообщение А. Н. Креницына (1801–1865), товарища Боратынского по Пажескому корпусу. Согласно рассказу Креницына, «однажды над Баратынским, когда он служил еще унтер-офицером, вздумал заносчиво величаться и глумиться какой-то знакомый. Баратынский отвечал <далее приводится текст эпиграммы>» (С. 291; о Креницыне см. комментарии к № 9).

В собрание сочинений Боратынского стихотворение введено И. Н. Медведевой и Е. Н. Купряевой (Изд. 1936. Т. I. С. 285), где помещено в основной корпус текстов (раздел «Стихотворения, не включенные в сборники») – так же эпиграмма печаталась во всех последующих изданиях (Изд. 1957. С. 210; Изд. 1982. С. 354; Изд. 1989. С. 209; Изд. 2000. С. 307). Более осторожное и корректное решение было предложено Ю. Н. Верховским – в подготовленном им издании текст предполагалось поместить в разделе «Стихотворения, приписываемые Боратынскому»: «Не подвергая сомнению факта принадлежности экспромта Боратынскому, мы помещаем его в отделе Dubia, не зная, в какой мере достоверна точность самого текста» (Верховский 1935. С. 138).

По предположению, высказанному одновременно Ю. Н. Верховским (Верховский 1935. С. 138) и И. Н. Медведевой (Изд. 1936. Т. II. С. 286), поводом к сочинению стихотворения могли стать литературные выпады против унтерства Боратынского из круга «Благонамеренного» (подробнее см. Вацура 1975. С. 154–156; Летопись. С. 120). На этом основании сочинение эпиграммы можно предположительно датировать временем наиболее острой полемики с кружком Измайлова – летом 1822–1823 гг. Семевский 1865. С. 291 (первая публикация текста). – Изд. 1936. Т. I. С. 285 (текст по публикации Семевского – так же печатается во всех последующих изданиях); Т. II. С. 286 (год издания «Отечественных записок» [так же в Изд. 1989] и инициалы Креницына приведены с ошибками: «А. В. Креницын» вместо «А. Н. Креницын» [так же в изд. 1957]). – Изд. 1957. С. 210 (датировка: 1822? – так же во всех последующих изданиях). – Изд. 1982. С. 354, 673 (в описании первой публикации неверно указан номер страницы: 285 вместо 291). – Летопись. С. 122 (предположение о датировке: 1823, первая половина года). – Изд. 2000. С. 307, 502 (исправлены ошибки предшествующих изданий в указании года первой публикации и инициалах Креницына).

189

241

С неба чистая, золотистая, К нам слетела ты, Все прекрасное, все опасное Нам пропела ты.

<1823–1825?>

241. «С неба чистая, золотистая...»

Печатается по первой публикации: Изд. 1869. С. 394.

Отрывок впервые напечатан Л. Е. Боратынским в составе «Материалов для биографии Е. А. Баратынского» со следующим примечанием: «в Петербурге, Евгений Абрамович познакомился с некоторыми из Декабристов, с Кюхельбекером ближе чем с прочими; но ни он, ни Дельвиг, не были посвящены в тайны существовавшего уже тогда политического общества, хотя Баратынский, в молодых годах, не разделяя их цели, со всем увлечением своих лет, сочувствовал тому, что заключается великодушного, в обширном, неопределенном и гибком значении слова „свобода“. – Вот несколько стихов, дошедших до нас по воспоминанию, на эту тему, внушенных ему на одном из ужинов этой молодежи <далее приводится текст>» (Изд. 1869. С. 394).

Одновременно было опубликовано в составе более раннего варианта статьи Л. Е. Боратынского в книге: Портретная галерея русских деятелей / Издание А. Мюнстера. Т. 2: Сто биографий. СПб., 1869. С. 70–73; текст стихотворения: С. 71.

В собрание сочинений Боратынского впервые введено М. Л. Гофманом (Изд. 1914–1913. Т. I. С. 204), где напечатано в разделе «Стихотворения, приписываемые Е. А. Боратынскому», под заглавием «(Экспромпт)» со ссылкой на свидетель ство Л.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын Е. Боратынского и с оговоркой, что помимо этого свидетельства «мы <...> не имеем никаких прямых указаний» на принадлежность текста Боратынскому (Т. I. С. 327). Датируется предположительно – временем наиболее активного общения Боратынского с литераторами декабристского круга: 1823 – начало 1823 г. Изд. 1869. С. 394 (первая публикация текста в составе биографического очерка). – Изд. 1914– 1915. Т. I. С. 204 (текст по Изд. 1869, заглавие: «(Экспромпт)»); стихотворение помещено в разделе «Dubia»), 327 (указано место первой публикации). – Изд. 1936. Т. I. С. 335 (текст в разделе «Dubia» под заглавием: «Экспромпт», но в оглавлении и комментарии: «Экспромт»); Т. II. С. 301 (неверно указаны номера страниц в первой публикации). – Изд. 1951. С. 8 (текст стихотворения – «приписываемый Боратынскому экспромт о свободе» – приведен во вступительной статье К. В. Пигарева; без заглавия, с иным делением на строки: «С неба чистая, / Золотистая...»). – Изд. 1957. С. 317 (текст по Изд. 1869, без заглавия, с той же разбивкой на строки, что и в Изд. 1951, – так же во всех последующих изданиях; датировка: 1823– 1824?). – Изд. 1989. С. 315 (датировка: между 1823 и 1823). – Летопись. С. 122 (датировка: 1823–1823?). – Изд. 2000. С. 323, 509 (датировка: предположительно 1823–1823 гг.).

190

242

Приют от светских посещений Надежной дверью запертой,
Но с благодарною душой

Открытый дружеству и девам вдохновений.

<Ие позднее 22 декабря 1833>

242. «Приют, от светских посещений...»

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 2. № 8. л. 98; с исправлением: запертой → запертой,

Стихотворный отрывок – фрагмент письма к И. В. Киреевскому от 22 декабря 1833 г. (датировка по штемпелю – см.: Летопись. С. 320): «Кстати об уединении. Ты возобновляешь вопрос о том, что предпочтительнее: светская жизнь или затворническая? Та и другая необходимы для нашего развития. <...>. Ты принадлежишь новому поколению которое жаждет волнений я старому, которое молило Бога от них избавить. <...> я охотнее вижу счастье в покое. <...>. Под уединением я не разумею одиночества – я воображаю <далее – стихотворный фрагмент>. Таковой я себе устрою рано или поздно и надеюсь что ты меня в нем посетишь» (л. 97–98).

Впервые опубликовано в составе письма к Киреевскому: Татевский сборник 1899. С. 33 (с ошибочной датой: «4 дек. 1833»). Как отдельное четверостишие процитировано М. Л. Гофманом во вступительной статье к Изд. 1914–1915 (Т. I. С. LXXVI).

В качестве самостоятельного стихотворного текста отрывок из письма был напечатан Л. Г. Фризманом в Изд. 1982 (С. 376) в разделе «Dubia». По замечанию Фризмана, источник стихотворного отрывка «ни у кого из современников или предшественников Боратынского обнаружить не удалось», но с другой стороны – авторство Боратынского нельзя считать установленным окончательно (Изд. 1982. С. 685).

Датируется по письму к Киреевскому.

Татевский сборник 1899. С. 52–53 (первая публикация текста в составе письма; датировка: 4 декабря 1833). – Изд. 1914 –1915. Т. I. С. LXXVI (текст полностью процитирован во вступительной статье). – Изд. 1982. С. 316 (текст по Татевскому сборнику, в разделе «Dubia», с ошибкой в ст. 3: «Но благодарною душой» – так же в Изд. 1989 и Изд. 2000), 685 (датировка: 4 декабря 1833 – так же в Изд. 1989, Изд. 2000). – Изд. 1987. С. 251–252 (по штемпелю уточнена датировка письма: 22 декабря 1833). – Летопись. С. 320 (датировка письма Киреевскому: 1833, декабрь, до 22).

191

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Сумерки.

Сочинение Евгения Боратынского Репринтное воспроизведение

13*

197

198

199

200

СУМЕРКИ.

СОЧИНЕНИЕ

35ор<х/тил» сигос го.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Бараты

пги
МОБЕВА.

та азшвффишаэв <&. «samam»
ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ Академии
1842.

201

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

с тем, чтобы по отпечатала представлено было в Цензурный Комитет узаконенное
число экземпляров. Москва, 1842 года, Марта 10 дня,
Цейсор И. Снегиревъ

202

203

Как жизни общие призывы ,
Как увлеченья суеты,
Понятны вам страстей порывы и обаяния ме чты ;
Понятны вам вег дуновенья, Которым, в море бытия, Послушна паша ладия:
Вам приношу я песнопенья, Где отразилась жизнь моя г Исполнена тоски глубокой,
Противоречий, слепоты,
И juea/cdj" тем любви высокой, Любви добра и красоты.
Счас7пливый сын уединенья,

205

Где сердца ветреные сны,
И мысли праздныя стремленья Разумно мной усыплены;
Где, другу мира и свободы ,
//м Эо фортуны, мм с)# леоЭм ,
//w до деолвм лемм. мло/сдьг неть;
Где я простил безумству, злобе,

206

И позабыл, какъ-бы во гробе,
Но добровольно шумный светъ: Еще, порою, покидаю я Лету созданную мной,
// степи мира облетаю С тоскою жаркой и живой:
Ищу я васц гя/изису: что с вами?
Куда ви брошены судьбами, Вы озарявшие меня и дружбы кроткими лучами, И светом
высшаго огня?
Что вам дарует провидгъпье ? Чем испытует небо вас ?
И возношу молящий гласъ:

208

Да длится ваше упоенье Да скоро минет скорбный гас!
Звезда разрозненной Плеяды ! Так у из глуши моей, стремлю я к вам заботливые
взгляды,
14- 5341

209

Вам высшей благости молю,
От вас отвлекъ судьбы суровой Удары грозные хочу ,
Хотя вам прозою почтовой Лениво дань мою плачу.

210

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ.

Вик шествует путем своим железным, В сердцах корысть, и общая мечта Час от часу
насущным и полезным Отчетливей, безстыдней занята.
Изчсзнули при свете просвещенья Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопчут поколенья, Промышленным заботам преданы.

14*

211

16

Для ликующей свободы Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы И столицы подняла:
В ней опять цветут науки, Дышет роскошь, блещет вкусъ*, Но не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!
Блестит зима дряхлеющаго мира,
Блестит! Суров и бледен человек,
Но зелены в отечестве Омира Холмы, леса, берега лазурных рекъ*,
Цветет Парнас! пред ним, как в оны годы, Кастальской ключь живой струею бьетъ:
Нежданннй сын последних сил природы Возник поэтъ: идет он и поет.

212

17

Воспеваает простодушной Он любовь и красоту,
И науки, им ослушной,

Пустоту и суэту:

Мимолетныя страданья Легкомыслием целя,
Лучше смертный, в дни незнанья, Радость чувствует земля.
Поклонникам Урании холодной Поет , увы! он благодать страстей: Как пажити, Эол
бурнопогодной , Плодотворят оне сердца людей *, Живительным дыханием развита,
Фантазия подьёмлется от них,
Как некогда возникла Афродита Из пенистой пучины вод морских.

213

18

И за чем не предадимся Снам улыбчивым своимъ?
Жарким сердцем покоримся Думам хладным, а не им!
Верьте сладким убежденьям Вас ласкающих очес И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!
Суровый смех ему ответом*, персты Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста вещать полуотверсты,
Но гордые главы не преклонилъ:
Стопы свои он в мыслях направляет В немую глушь, в безлюдный край} но свет Уж
празднаго вертепа не являет ,
И на земле уединенья нет!

214

19

Человеку не покорно Море синее одно:
И свободно, и просторно,
И приветливо оно-,
И лица не изменило С дня, в который Аполлон Поднял вечное светило В первый раз
на небосклон.
Оно шумит перед скалой Левкада.
На ней, певец, мятежный думы полн,
Стоить в очах блеснула вдруг отрада:
Сия скала тень Сафо! голос оолит*...
Где погребла любовница Фаона Отверженной любви несчастной жар,
Там погребет питомец Аполлона Свои мечты, свой бесполезный дар !

215

20

И по прежнему блистает Хладной роскошю свет : Серебрит и позлащает Свой
безжизненный скелеть;
Но в смущение приводит Человека глас морской,
И от шумных вод отходит Он с тоскующей душой!

216

Предразсудок! он обломок Давней правды. Храм упаль*,
А руин его потомок Языка не разгадал.
Гонит в нем наш век надменной, Нс узнав его лица,

217

2 2

Нашей прайды современной Дряхлолетняго отца.

Воздержи младую силу !

Дней его не возмущай;

Но пристойную могилу,

Как уснет он, предку дай

НОВИШИНШ.

догш&додог»

Она, улыбкою своей,

Поэта в жертвы пригласила, Но не любовь, ответом ей, Взор ясный думой осенила.

219

24

Нет, это был сей легкой сон, Сей тонкой сон воображенья ,
Что посылает Аполлон Не для любви, для вдохновенья.

220

ПРИМЕТЫ.

Пока человек естества не пытал Горнилом, весами и мерой;

Но детски вещаньям природы внимал, Ловил ея знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она Любовью ему отвечала:

2

221

26

О нем дружелюбной заботы полна, Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,

Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой, Воздерживал он дерзновенье.
На путь ему выбежав из лесу волк, Крутясь и подъявля щетину, Победу пророчил, и
смело свой полк Бросал он на вражью дружину.
Чета голубиная вея над ним,
Блажепство любви прорицала:

222

27

В пустыне безлюдной он не был одним, Нечуждая жизнь в ней дышала.
Но чувство презрев, он доверил уму, Вдался в суету изысканий–
И сердце природы закрылось ему
И нет на земле прорицаний.

2*

223

Всегда и в пурпуре и злате,
В красе негаснущих страстей, Ты не вздыхаешь об утрате Какой-то младости твоей :
И юных Граций ты прелестней!
И твой закат пышней чем день! Ты сладострастней, ты телесней живых,
блистательная тень !

224

Увы! Творец непервых сид!
На двух статейках утомил Ты кой какое дарованье !
Лишенный творческой мечты,
Уже, в жару нездравом, ты Коверкать стал правописание!
Неаполь возмутил рыбарь И власть прияв, как мудрый царь

15 – 5341

225

30

Двенадцать дней он градом правиль; Но что же ? непривычный ум ,
Устав от венценосных дум ,
Его в тринадцатый оставил !

226

ИЕДОШЖ.

Я из племени духов,
Но не житель Эмпирея,
И едва до облаков Возлетев, паду слабей.
Как мне быть ? я мал и плохъ; Знаю: рай за их волнами И ношусь, крылатый вздох,
Межь землей и небесами.

15*

227

32

Блещет солнце: радость МНЕ ! С животворными лучами Я играю в вышине И веселыми
крылами Ластюсь к ним как облачко *, Пью счастливо воздух тонкой: Мне свободно,
мне легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревет И до облак свод небесный Омрачившись, вознесет Прах земной и
лист древесный : Бедный дух! ничтожный дух ! Дуновенье роковое

228

33

Вьет, крутит меня как пух, Мчит под небо громовое.
Бури грохот, бури свист ! Вихорь хладный! вихорь жгучий! Бьет меня древесный
лист, Удушает прах летучий ! Обращусь-ли к небесам , Оглянуся-ли на землю :
Грозно, черно тут и там •, Вопль унылый я подъямлю.

Смутно слышу я порой Кличь враждующих народов,

229

34

Поселян безпечных вой Под грозой их переходов, Гром войны и крик страстей ,
Плачь недужного младенца... Слёзы льются из очей:
Жаль земнаго поселенца!

Изнывающий тоской,

я мечусь в полях небесных Надо мной и подо мной Безпредельныхъ–скорби тесных 1 В
тучу прячусь я, и в ней Мчуся чужд земнаго края , Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.

230

35

Мир я вижу как во мгле *,
Арф небесных отголосок Слабо слышу.... На земле Оживил я недоносок.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
В тягость твой простор, о вечность!

231

Облокотясь перед медью образ его отражавшей,
Дланью слегка приподняв кудри златая чела, Юный красавец сидел горделиво
задумчив,
и смехомъ
Горьким смеясь, на него мужи казали перстомъ–,

232

37

Девы, тайно любясь челом благородно от
крытым,
Нехотя взор отводя, хмурили брови свои. Он же и глух был, и слеп *, он не в меди
глядясь, а в грядущемъ
Думаль: к лицу-ли ему будет лавровый
венок ?

233

РОПОТ.

Краснаго дѣта отравѣ, муха досадная, что ты
Въеши терзая меня , льнешь то к лицу, то
к перстамъ?
Кто одарил тебя жалом властным прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви по-
цалуй ?

234

39

Ты из мечтателя мирнаго, иег Европейскихъ
питомца,
Дикаго Скифа творишь, жаднаго смерти врага.

235

Тщетно, межь бурною жизнью и хладною смертью, ФИЛОСОФЪ
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей:
покой.

Нам, изволеньем Зевёса брошенным в миръ
коловратный,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье
одно.

236

41

Тот, кого миновали общия смуты, заботу Сам вымышляет себе: лиру, палитру, резец
*,
Мира невежда, младенец, как будто законъ
его чуя,
Первым стенаньем качать лудит свою
колыбель!

237

Филида, с каждою зимою, Зимою новою своей,
Пугает большей наготою Своих старушечьих плечей:
И, Афродита гробовая , Подходит, словно к ложу сна, За ризой ризу опуская,
К одру последнему она.

238

БОКАЛ.

Полный влагой искрометной, Зашипел ты мой бокал!

И покрыл туман приветной

Твой озябнувший кристалъ

Ты не встречен братьей шумной Буйных оргий властелинь: Сластолюбец вольнодумной
я сего дня пью один.

239

44

Чем душа моя богата Все твое, о друг Аи! Ныне мысль моя не сжата И свободны сны
МОИ •,

За струею вдохновенной Не разсеян данник твой Безтолково оживленной,

Разногласною толпой:

Мой восторг неосторожный Не обидит никого Не откроет дружбе ложной Таин счастья
моего •,

Не смутит глупцов ревнивых И торжественных невежд, Излияньем горделивых Иль
святых моих надежд!

240

45

Вот теперь со мной беседуй Своенравная струя !

Упоенья проповедуй,

Иль отравы бытия-,

Сердцу милая преданья Блатодатно оживи,

Или прошлые страданья Мне на память призови !

О, бокал уединенья !

Не усилены тобой Пошлой жизни впечатленья Словно чашей круговой : Плодородней,
благородней, Дивной силой будешь ты Откровенья преисподней, Иль небесная мечта,

16- 5341

241

46

И один я пью отныне!

Не в людском шуму, пророк, В иемотствующей пустыне Обретает свет высок!

Не в бесплодном развлеченьи Общежительных страстей,

В одиноком упоеньи,

Мгла падет с его очей !

242

Были бури, непогоды,

Да молодые были годы!

В день ненастный, час гнетучий Грудь подымет вздох могучий;

Бойкой песнью разольется:

Скорбь –невзгода распоеется !

иб*

243

48

А как век то, век то старой Обручится с лютой карой •,

Груз двойной с груди усталой Уж не сбросит вздо& удалой:

Не положишь ты на голос С черной мыслью белый волос!

244

На что вы дни 1 Юдольный мир Свои не изменит!

Все ведомы, и только повторенья Грядущее сулит.

Не даром ты металась и кипела Развитием спеша ,

явленья

3

245

50

Спой подвиг ты свершила прежде тела Безумная душа I

II тесный круг подлунных впечатлений Сомкнувшая давно,

Под веяньем возвратных сновидений Ты дремлешь; а оно

Безмысленно глядит как утро встанет Без нужды ночь сменя;

Как в мрак ночной бесплодный вечер канет, Венец пустаго дня!

246

АШ«И.

Влага Стикса закалила Дикой силы полноту,

И кипячаго Ахилла Бою древнему явила Уязвимым лишь в пяту.

Обречен борьбе верховной ,

Ты-ли, долею своей

3*

247

52

Равен с ним, боец духовной , Сын купели новых дней?

Омовеи ея водою ,

Знай, страданью над собою Волю полную ты дал И одной пятой своею Невредим ты,

если ею На живую веру стал!

248

Сначала, мысль, воплощена В поэму сжатую Поэта,

Как дева юная темна Для невнимательнаго света *, Потом осмелившись, она Уже

увертлива, речиста ,

Со всех сторон своих видна , Как искушенная жена

249

54

В свободной прозе романиста \$ Болтунья старая за тем Она, подъямля крик
нахальной, Плодит в полемике журнальной Давно уж ведомое всем.

250

Еще как Патриарх не дрепен я •, моей Главы не умастил таинственный елей:
Нспосплщспных рук бездарно возложенье!

II я даю тебе мое благоеловепье Во знаменьи ином, о дева красоты !

Под этой розою главой склонись, о ты Подобие цветов Царицы ароматной,
залог румяных дней и доли благодатной.

251

Толпе тревожный день приветен, но страшна Ей ночь безмолвная. Боится в ней она
Раскованной мечты видений своевольных.

Не легкокрылых грёз детей волшебной тьмы, ВИДЕНИЙ ДНЯ боимся мы;

Людских сует, забот юдольных.

Ощупай возмущенный мракъ:

Изчезнет, с пустотой сольется

252

57

Тебя пугающий призрак и заблужденыю чувств твой ужас улыбнется.

О сын фантазии! ты благодатных Фей Счастливым баловень, и там, в заочном мире

Веселый семьянин, привычный гость на пире Неосязаемым властей:

Мужайся, не слабей душою Перед заботою земною:

Ей исполинской вид дает твоя мечта; Коснися облака нетрепетной рукою,

Изчезнуть; а за ним опять перед тобою Обитатели духов откроются врата.

253

Здравствуй отрок сладкогласной! Твой разсвет зарей прекрасной Озаряет Аполлон!

Честь возникшему Пииту! Малолетную Хариту Ранней лирой тронул онъ

С утра дней счастлив и славен, Кто тебе мой мальчик равень?

254

59

Только жавронок живой,

Чуткой грудию своею,

С первым солнцем, полный всею

Наступающей весной!

255

Что за звуки ? мимоходом,

Ты поешь перед народом Старец нищий и слепой!

И как псов враждебных стая, Чернь тебя обстала злая Издеваясь над тобой.

256

61

А с тобой издавна тесен Был союз камены песен,

И беседовал ты с ней Безимянной, роковою,

С дня как в первый раз тобою Был услышан соловей.

Бедный старец! слышу чувство

В сильной песни Но искусство....

Старцев старее оно:

Эти радости, печали,

Музыкальныя скрыжалн Выражают их давно!

Опрокинь-же свой треножник! Ты избранник, не художник!

17 - 5341

257

62

Попеченья Гений твой Да отложит в здешнем мире:

Там, быть может, в горнем клире Звучен будет голос твой!

258

Все мысль , да мысль! Художник бедный

слова!

О жрец ея ! тебе забвенья нет \

Всё тут, да тут и человек, и свет,

И смерть, и жизнь, и правда без покрова. Резец, орган , кисть! счастлив кто

влекомъ

17*

259

64

К ним чувственным, за грань их не ступая 1

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
Бсть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечем, Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.
260

Глубокой взор вперив на камень, Художник Нимфу в нем прозрел И пробежал по жилам
пламень,
И к ней он сердцем полетел.
Но бесконечно вожденной, Уже он властвует собой:

261
66

Неторопливой, постепенной Резец, с богини сокровенной Кору снимает за корой.
В заботе сладостно туманной Не час, не день, не год уйдет, А с предугаданной, с
желанной Покров последний не падет.
Покуда страсть уразумеи Под лаской вкрадчивой резца, Ответным взглядом Галатея Не
увлечет, желаньем рдея, К победе неги мудреца.

1
262

осень.

i.

И вот Сентябрь! замедля свой восход, Сияньем хладным солнце блещет РИ луч его, в
зерцале зыбком вод, Неверным золотом трепещет. Седая мгла виется вокруг холмов*,
263

68

Росой затоплены равнины*, желтеет сень кудрявая дубовъ
И красен круглый лист осины*, Умолкли птиц живые голоса, Безмолвен лес,
беззвучны небеса 1

II.

И вот Сентябрь! и вечер года к нам Подходит. На поля и горы Уже мороз бросает по
утрам Свои серебристые узоры:

Пробудится ненастливый Эол \$

264

69

Пред ним помчится прах летучий, Качался завоюет роща: доль

Покроет лист ея падучий,

И набегут на небо облака,

И потемнев запенится река *,

III.

Прощай, прощай сияние небес!

Прощай, прощай краса природы! Волшебнаго шептанья полный лес, Златочешуйчатая
воды!

Веселой сон минутных летних нег!

265

70

Вот эхо, в рощах обнаженных, Секирою тревожит дровосекъ

И скоро, снегом убеленных, Своих дубров И ХОЛМОВ ЗИМНИЙ вид Застылый ток туманно
отразит.

IV.

А между тем досужий селянинъ

ПЛОД годовых трудов собираетъ: Сметав в стога скошенный злак долин, С серпом он в
поле поспешает Гуляет серп. На сжатых бороздахъ

266

71

Снопы стоят в копнах блестящихъ

Иль тянутся, вдоль жнивы, на возах Под тяжелой ношею скрипящих И хлебных скирд
золотоверхий градъ

Подъежится кругом крестьянских хат.

V.

Дни сельскаго, святаго торжества !

Овины весело дымятся,

И цеп стучит, и с шумом жернова Ожившей мельницы крутятся:

Иди зима! на строги дни себе

267

72

Припас орайт много блага: Отрадное тепло в его избе,

Хлебъ-соль и пенистая брага:

С семьей своей вкусит он без забот, Своих трудов благословенный плод!

VI

А ты, когда вступаешь в осень дней.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
Оратай жизненнаго поля и пред тобой во благостыне всей Является земная * ,
Когда тебе житейския бразды

268

73

Труд бытия вознаграждая, Готовятся подать свои плоды и спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее собираешь ты, Судеб людских достигнув полноты* ,

вп.

Ты также-ли как земледел богат ?

И ты как он с надеждой сеяль* ,

И ты как он о дальнем дне наград Сны позлащенные лелеял.... Любуйся-же, гордись
воставшим им!

4

269

74

Считай свои приобретенья! . . .

Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским Тобой скопленные презренья,

Язвительный, неотразимый стыд Души твоей обманов и обид!

VIII.

Твой день взошел и для тебя ясна Вся дерзость юных дегковерий; Испытана тобою
глубина

Людских безумств и лицемерии. Ты, некогда всех увлечений друг,

270

75

Сочувствий пламенный искатель, Блистательных туманов царь, и вдруг Бесплодных
дебрей созерцатель, Один с тоской, которби смертный стон Едва твоей гордыней
задушон.

IX.

Но если-бы негодованья крик ,

Но если-б вопль тоски великой Из глубины сердечная возникъ

Вполне торжественный и дикой: Костями-бы среди своих забавъ

271

76

Содроглась ветреная младость, Играющий младенец, зарыдавъ

Игрушку-б выронил, и радость Покинула-б чело его на век,

И заживо-б в нем умер человек !

X.

Зови-ж теперь на праздник честный мир!

Спеши, хозяин тароватый!

Проси, сажай гостей своих за пир Затейливый, замысловатый !

Что лакомству пророчит он утех!

272

77

Каким разнообразьем брашен Блится он!... Но вкус один во всех И как могила
людям страшень: Садись один и тризну соверши По радостям земным твоей души!

XI.

Какое-же потом в груди твоей Ни водворится озаренье,

Чем дум и чувств пи разрешится в ней Последнее вихреобразное :

Пусть в торжестве насмешливом своемъ

18 - 5341

273

78

Ум бесполезный сердца трепет Угломнит, и тщетных жалоб в нем Удушит запоздалый
лепет И примешь ты, как лучший жизни клад, Дар опыта, мертвящий душу хлад.

XII.

Иль, отряхнув видения земли

Порывом скорби животворной ,

Ея предел завидя невдали ,

Цветущий брег за мглюю черной , Возмездий край благовестящим снамъ

274

79

Доверясь чувством обновленным И, бытия мятежным голосамъ

В великом гимне примиренным, Внимающий как арфам, коих строй Превыспренний, не
понят был тобой \$

XIII.

Пред Промыслом оправданным ты ниц Падешь с признательным смиреньем , С надеждою
не видящей границ И утоленным разуменьемъ:

Знай, внутренней своей во веки ты

is*

275

80

Не передашь земному звуку И легких чад житейской суеты
Не посвятишь в свою науку : Знай, горняя, иль дольная она
Нам на земле не для земли дана.

XIV.

Вот буйственио несется ураганъ
И лес подьемлет говор шумной, И ленится, и ходит Океан ,
И в берег бьет волной безумной: Так иногда толпы ленивый умъ

276

81

Из усыпления выводит Глас, пошлый глас вещатель общих дум
И звучный отзыв в ней находит,
Но не вайдет отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешол.

XV.

Пускай, приняв неправильный полет И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет Пусть заменит ее другая:

Не явствует земле ущерб одной ,

277

82

Не поражает ухо мира Падения ея далекой вой ,
Равно как в высотах Эфира Ея сестры новорожденный свет
И небесам восторженный привет!

XVI.

Зима идет, и тощая земля

В широких лысинах безсилья И радостно блиставшия поля
Златыми класами обилья : Со смертью жизнь, богатство с нищетой ,

278

83

ВСЕ образы години бывшей Сравняются под снежной пеленой
Однообразно их покрывшей:

Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

279

Благословен святое возвестивший!

Но в глубин разврата не погиб Какой нибудь неправедный изгиб
Сердец людских пред нами обнаживший. Две области: сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.

280

85

Плод яблони со древа упадаетъ:

Закон небес постигнул человек!

Так в дикой смысл порока посвящает Нас иногда один его намек.

281

РИФМА,

Когда на играх Олимпийских,

На стогнах Греческих недавних городов, Он пел, питомец муз,
Он пел среди валовъ Народа жаднаго восторгов мусикийскихъ:

В нем вера полная в сочувствие жила : Свободным и широким метром,

87

Как жатва зыбдемая ветром Его гармония текла.

Толпа вниманием окована была Пока, могучим сотрясеньем
Вдруг побежденная, плескала без конца И струны звучныя певца
Дарила новым вдохновеньем.

А ныне кто у ваших лир Их дружелюбной тайны просит ?
Кого за нами в горний мир Опальный голос их уносить?
Меж нас не ведает поэт Его полет высок иль нет!

Сам судия и подсудимый ,

Пусть молвить: песнопевца жар Смешной недуг иль высший дар ?

283

88

Решит вопрос не разрешимый! Среди безжизненнаго сна,

Средь гробоваго хлада света,

Своею ласкою поэта

Ты, рнфма! радуешь одна.

Подобно голубю ковчега,

Одна ему, с роднаго берега, живую ветвь приносишь ты ;

Одна с божественным порывом Миришь его твоим отзывом
И признаешь его мечты !

284

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I.	К. П. А. Вяземскому	5
II.	Последний Поэт	15
III.	Предразсудок ! ов обломок. ...	91
IV.	Новинское	93
V.	Приметы	95
VI.	Всегда и в пурпуре и злате. ...	98
VII.	Увы! Творец не первых сил. ...	99
VIII.	Недоносок	31
IX.	Алкивиадъ	36
X.	Ропоть	38
XI.	Мудрецу	40
XII.	Филида с каждою зимою	49
XIII.	Бокаль	43
XIV.	Были бури, непогоды	47
XV.	На что вы дни	49
XVI.	Ахилл (напечатана 1841 года, в Современнике, издаваемом Г. Плетневым, в Санктъ-Петербурге)	51
XVII.	Сначала мысль	53

285

II

Стр.

XVIII.	Еще как Патриархъ	55
XIX.	ТОЛПЕ тревожный день	56
XX.	Здравствуй отрок сладкотласной. ...	58
XXI.	Что за звуки I	60
XXII.	Все мысль, да мысль	63
XXIII.	Скульпторъ	65
XXIV.	Осень	67
XXV.	Благословен святое возвестивший.	84
XXVI.	Рифма	86

286

287

288

II

фотокопии рукописных источников

1. Цензурная тетрадь
2. Автографы
3. Авторитетные списки

19 - 5341

1. Цензурная тетрадь

Цензурная тетрадь. Обложка ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43 (без нумерации)

19*

291

Цензурная тетрадь. Титульный лист

ПД. Ф.33.Оп.1. №43.Л.1

292

190. Князю Петру Андреевичу Вяземскому («Как жизни общие призывы...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 2

293

190. Князю Петру Андреевичу Вяземскому («Как жизни общие призывы...»)

ПД. Ф.33.Оп. 1. № 43. Л. 2 об.

294

190. Князю Петру Андреевичу Вяземскому («Как жизни общие призывы...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 3

293

190. Князю Петри Андреевичи Вяземскому («Как жизни общие призывы...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 3 Об.

296

191. Последний Поэт («Век шествует путем своим железным...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 4.

297

191. Последний Поэт («Век шествует путем своим железным...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 4 об.

298

191. Последний Поэт («Век шествует путем своим железным...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 5.

299

191. Последний Поэт («Век шествует путем своим железным...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 3 об.

300

191. Последний Поэт («Век шествует путем своим железным...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 6.

301

191. Последний Поэт («Век шествует путем своим железным...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 6 об.

302

191. Последний Поэт («Век шествует путем своим железным...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 7.

192.1. «Предразсудок! он обломок...»

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 7 об.

304

192.1. «Предразсудок! он обломок,

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 8.

»

20- 5341

303

193.3. А. С. П «Когда, поэта, красота...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 8 об.

306

217. «Мою звезду я знаю, знаю...»

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 9.

20'

307

194.1. Приметы («Пока человек естества не пытал...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 9 об.

308

194.1. Приметы («Пока человек естества не пытал...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 10.

309

194.1. Приметы («Пока человек естества не пытал...») 205. Ахилл («Влага Стикса закалила...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 10 об.

310

196. «Увы! Творец непервых сил!..»

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 11.

197.3. Недоносок («Я из племени духов...»)

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 11 об.

197.3. Недоносок («Я из племени духов...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 12.

313

197.3. Недоносок («Я из племени духов...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 12 об.
314

197.3. Недоносок («Я из племени духов...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 13.

313

197.3. Недоносок («Я из племени духов...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 13 об.
316

198. Алкивисид («Облокотись перед мидью образ его отражавшей...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 14.

317

199. Ропот («Краснаго льта отрава, муха досадная, что ты...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 14 об.
318

200. Мудрецу («Тщетно, меж бурною жизнью и хладною смертью, философ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 13.
319

201. «Филида, с каждою зимою...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 13 об.
320

202. Бокал («Полный влагой искрометной...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 16.

.»)
Ш
21 – 5341
321

202. Бокал («Полный влагой искрометной...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 16 об.

322

202. Бокал («Полный влагой искрометной...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 17.

21
323

202. Бокал («Полный влаюй искрометной...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 17 об.

324

203. «Были бури, непогоды...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 18.
323

203. «Были бури, непогоды...»
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 18 об.

326

204. «На что вы дни! Юдольный мир явленья...»
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 19.

327

204. «На что вы дни! Юдольный мир явленья...» 221.2 «Братайтесь к заботливой защите...» 221.1 «Братайтесь, к взаимной обороне...» ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 19 об.

205. Ахилл («Влага Стикса закалила...») (ст. 12–15)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 20.

329

206. «Сначала, мысль, воплощена...»

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 20 об.

330

201. «Еще как Патриарх не древен я; моей...»

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 21.

331

208.1. «Тол пи» тревожный день приветен, но страшна...

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 21 об.

332

208.1. «Толпе тревожный день приветен, но страшна...»

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 22.

333

209. «Здравствуй отрок сладкогласной!...»

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 22 об.

*<усс« /ус?«У'

210. «Что за звуки? мимоходом...»

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 23.

335

210. «Что за звуки? мимоходом...»

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 23 об.

336

210. «Что за звуки? мимоходом...»

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 24.

22 – 534 I

337

211. «Все мысль, да мысль! Художник бидный слова!...»

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 24 об.

338

212.1. Скульптор («Глубокой взор вперив на камень...»)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 23.

22*

339

212.1. Скульптор («Глубокой взор вперив на камень...»)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 25 об.

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедли свой восход...»)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 26.

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 26 об.

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 27.

343

213А. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 27 об.

344

•*

I

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 28.

345

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 28 об.

346

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедли свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 29.

347

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 29 об.

348

213Л. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 30.

349

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 30 об.

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 31.

351

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 31 об.

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...») пд. ф. 33. Оп. 1. № 43.
л. 32.

ши

23 – 5341

353

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 32 об.

334

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 33.

213.1. Осень («И вот Сентябрь! Замедля свой восход...»)
ПД. ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 33 об.

215.1. Рифма («Когда на играх Олимпийских...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 34.

357

215.1. Рифма («Когда на играх Олимпийских...») ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 34
Об.

338

215А. Рифма («Когда на играх Олимпийских...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 35.

Пробельный лист
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 33 об.

360

214. «Благословен святое возвестивший!..»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 36.
361

195. «Всегда и в пурпуре и злате...»
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43. л. 36 об.
362

2. Автографы
191. Последний Поэт («Век шествует путем своим железным...»)
РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1 № 170. л. 32.
363

191. <
ослидний Поэть («Вккъ
РГЛЛИ. ф. mZTtoToTir"*
364

РГАЛИ. ф "ито'тсвои п- 1 ns ко. л, 5з им ж^нымъ
365

191. Последний Поэт («Век шествует путем своим железным...»)
РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. л. 33 об.
366

203. «Были бури, непогоды...»
(Из письма Боратынского к П. А. Плетневу от конца февраля – начала марта 1839
г.)
ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 83. л. 2–2 об.

367

206. «Сначала, мысль, ...» (Мысль)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 47. л. 1.

201\ «Еще как Патриарх не древен я; моей...»
(Из письма Боратынского к П. А. Плетневу от конца февраля – начала марта 1839
г.)
ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 83. л. 2 об.
24 – 5341
369

207. «Еще как Патриарх не древен я; моей...»
ПД. Ф. 524. Оп. 1. Е 50. л. 38
370

214. «Благословен святое
(Из письма Боратынского к П. А. Плетневу от конца февраля – начала марта 1839
г.)

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын

ПД. ф. 234. Оп. 3. Л4° 83. л. 2.

24'

371

214. «Благословен святое возвестивший!..»

(Черновой автограф)

ПД. ф. 524. Оп. 1. № 50. л. 38 об.

372

218. Обеды («я не люблю хвастливые обеды...»)

(Черновой автограф)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 48. л. 1 об.

373

224. «Опять весна, опять смеется луг...»

(Черновой автограф)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 49. л. 1.

374

224. «Опять весна,,

' °п-1- № 49. л. 1 об

375

224. «Опять весна, опять смеется луг...»

(Черновой автограф)

ПД. ф. 33. Оп. 1. Е 49. л. 2.

376

224. «Опять весна, опять смеется луг...»

(Черновой автограф)

ПД. ф. 33. Оп. 1. №49.л.3.

377

224. «Опять весна, опять смеется луг...»

(Черновой автограф)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 49. л. 4.

378

224. «Опять весна, опять смеется луг,..»

(Черновой автограф)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 49. л. 6.

379

224. «Опять весна, опять смеется луг...»

(Черновой автограф)

Местонахождение оригинала неизвестно (Воспроизводится по факсимиле, помещенному в Изд. 1869, на вклейке)

30

2252' <<НТ Лно головою п гт ЛеРН°в°й автограф)

П4Λ33.0,,.,.М49.16об.

»

381

231. Хор питель в день именин дядинки Б.<огдана> Андр.<еевича> его маленькими

племянницами Панчулидзевыми («Родству приязни нежной...») РГАЛИ. ф. 427. Оп. 1.

№ 986. л. 69.

382

231. Хор петь в день именин дядинки Б.<огдана> Андр.<еевича> его маленькими

племянниками Панчулидзевыми («Родству приязни нежной...»)

РГАЛИ. ф. 427. Оп. 1. № 986. л. 69 об.

383

231. Журналист Фиглярин и Истина («Он точно, он бесспорно...») (Автограф А. С.

Пушкина с поправками Боратынского)

ПД. ф. 244. Оп. 1. № 1604. л. 49.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
(Воспроизводится по публикации: Цявловская 1961. С. 123)

384

242. «Приют, от светских посещений...»

(Из письма Боратынского И. В. Киреевскому от 22 декабря 1833 г.)

РГАЛИ. ф. 236. Оп. 2. № 8. л. 97–98 об.

25 – 5341

383

3. Авторитетные списки

193.2 «Как взоры томные свои...» (Копия в альбоме «кузины Натальи»)

РГАЛИ. ф. 51. Оп. 1. № 234. л. 3.

386

208.2. «Толп к стогласный день приветень; но страшна...» Ранняя редакция (Копия Н. Л. Боратынской)

ПД. ф. 33. Оп. 1. Е 48. л. 1.

25'

387

216. «Небо Италии, небо Торквата...»

(Копия Н. Л. Боратынской)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 19 об.

388

219. «На все свой ход, на все свои законы...»

(Копия Н. Л. Боратынской)

ПД. ф. 33. Оп. 1. Е 38. л. 37 об.

389

220. «В руках у этаго педанта...»

(Копия Н. Л. Боратынской)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 33 об.

2213. Котерия («Братайтесь! вы бдительной защите...»)

(Копия С. А. Соболевского)

ПД. № 16033. л. 1 об.

223. «Спасибо злобь хлопотливой...»

(Копия Н. Л. Боратынской)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 32 об.

392

224. «Опять весна, опять смеется луг...»

(Копия Н. Л. Боратынской)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 34.

393

224. «Опять весна, опять смеется луг...»

(Копия Н. Л. Боратынской)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 34 об.

225.1. «Люблю я вас Богини пинья...»

(Копия Н. Л. Боратынской)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 32.

225.1 . «Люблю я вас Богини пинья...»

(Копия Н. Л. Боратынской, посланная в письме П. А. Плетневу от 12 ноября 1844 г.)

ПД. ф. 234. Оп. 3. № 80. л. 23.

396

226. «Когда твой голос, о Поэт...» (Копия С. А. Соболевского)

ПД. № 16033. л. 1.

221. «Когда дитя и страсти и сомнинья...»

(Копия Н. Л. Боратынской)

ПД. ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 38 об.

221. «Когда дитя и страсти и сомненья...»

(Копия Н. Л. Боратынской, посланная в письме П. А. Плетневу от 12 ноября 1844 г.)

ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. л. 24.

399

230. Молитва («Царь небес! Успокой...»)

(Копия Н. Л. Боратынской, посланная в письме П. А. Плетневу от 12 ноября 1844 г.)

ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 80. л. 23 об.

400

236. «Князь Шаликов, газетчик наш печальный...» (Запись И. М. Снегирева в его дневнике)

ПД. Ф. 361. № 64. л. 96.

26 – 5341

401

239. «Je voudrais bien ta mere...»

(Копия Л. Е. Боратынского)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 99 об.

III

Стихотворения Боратынского в альбомах и тетрадях Н. Л. Боратынской

26*

Стихотворения Боратынского в альбомах и тетрадях Н. Л. Боратынской (краткое описание)*

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 (старый шифр: 21731). Альбом «Souvenir».

Альбом в переплете, 225 x 175 мм, 76 л., сшитый из листов белой и цветной бумаги (водяной знак: «J. Whatman 1822»); на кожаной обложке металлический картуш с выгравированной надписью «Souvenir». Хранился в Казанском архиве Боратынских, принадлежал дочери поэта, З. Е. Геркен. Впервые описан

М. Л. Гофманом (Изд. 1914–1915. Т. II. С. 274–275).

Альбом открывается серией автографов Боратынского, под общим заглавием «Сочинения Евгения Баратынского 1824 и 1825 года», которые, по-видимому, были внесены в альбом Настасьи Львовны в период сватовства или в первое время после свадьбы (весна – осень 1826 г.). Последующие записи сделаны рукой Н. Л.

Боратынской существенно позднее – скорее всего, уже после смерти поэта (см. подробнее в сопроводительной статье). Помимо стихотворений, в альбоме находятся копии писем Боратынского к жене, матери, Н. В. и С. Л. Путятин, А. С. Пушкину, а также переработанный вариант поэмы «Цыганка», рисунки карандашом и красками. Единственная запись, не имеющая отношения к текстам Боратынского, – выписка из Д. де Жирарден рукой Настасьи Львовны (л. 10).

Титульный лист: «Сочинения | Евгения Баратынского | 1824 и 1825 года» – автограф.

л. 1–2. «Звезда» («Взгляни на звезды: много звезд...») – автограф

(№87).

л. 2 об. «Веселье и Горе» («Рука с рукой веселье, горе...») – автограф

(№ 94.2).

л. 3–4. «Буря» («Завыла буря, хлябь морская...») – автограф (№ 92).

* Составлено А. С. Бодровой при участии В. Н. Попова.

405

л. 4 об. «Девушке имя которой было: Аврора» («Соименница Авроры...») – автограф (№95.2).

л. 5. «Безнадежность» («Желанье щастия в меня вдохнули Боги...») – автограф (№ 76.1).

л. 5 об. «Дорога жизни» («В дорогу жизни снаряжая...») – автограф

(№ 104).

л. 6–7. «Бал. Орывокъ» (от «Глухая полночь. Строем длинным...» до «Под гул порывистой смычков...») – автограф (см. Т. 4 наст, изд.).

л. 7 об. «Эпиграма» («Певец какой то на искус...») – автограф (№ 72).

л. 8–8 об. «Песня» («Когда взойдет денница золотая...») – автограф (№81).

л. 9–10. «Черепъ» («Усопший брат, кто сон твой возмутить?..») – автограф (№ 90.1).

л. 10. Выписка из Д. де Жирарден рукой Н. Л. Боратынской (на французском языке).

л. 10 об.–14. «Телема и Макаръ» («Телема пламенна, игрива...») – автограф (см.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын (Т.4 наст. изд.).

л. 14. «Эпиграма»<так!> («И ты Поэт и он Поэт...») – автограф (№ 112.2).

л. 14 об. «А. А. В-ой» («Очарованье красоты...») – автограф (№ 84).

л. 15.. «*** Посылая тетрадь стиховъ» («В борьбе с тяжелою судьбой...») – автограф (№ 105.2).

л. 15 об. «Эпиграма»<так!> («Что ни болтай, а я великой муж!..») – автограф (№ 115).

л. 16–19. «Эда. Часть 1аи» (от «Чего робеешь ты при мне...» до «Она лукавцу отвечала...») – автограф (см. Т. 4 наст. изд.).

л. 19 об. «Небо Италии, небо Торквата...» (№ 216).

л. 20–20 об. Два рисунка (вклеены): зимний пейзаж (дом, колодец, деревья) и «L'Origine de Ia Peinture».

л. 21–23. Копии трех писем Боратынского к Пушкину (1825–1828; см. Летопись. С. 167, 172, 203, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40 и №41).

л. 23 об. Копия письма Боратынского к матери из Дрездена (1843; см. Летопись. С. 399–400; а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40 и № 41).

л. 24. Рисунок (вклеен): акварельный пейзаж.

л. 24 об. Чистый.

406

л. 25–27. Копии писем и записок Боратынского к Настасье Львовне (1829–1837, 6 писем; см. Летопись. С. 226–227, 333, 338, 339, 340, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40).

л. 27 об. Чистый.

л. 28. Рисунок карандашом (вклеен): пейзаж (домик, деревья).

л. 28 об. Чистый.

л. 29–35. Копии писем Боратынского к Настасье Львовне из Петербурга (1840, 10 писем; см. Летопись. С. 356–363, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40), л. 33–33 об. чистые.

л. 35 об.–37. Копии писем Боратынского к Настасье Львовне из Москвы в Петербург (1840, 3 письма; см. Летопись. С. 366–367, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп.1. №40).

л. 37 об. Чистый.

л. 38. Копии записок Боратынского к Настасье Львовне из Скуратова и Подольска (1837, 2 письма; см. Летопись. С. 338, 340, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40).

л. 38 об. «Когда, дитя и страсти и сомненья...» (№ 227).

л. 39–41 об. Копии писем Боратынского из Парижа (1843–1844) к Н. В. и С. Л. Путятям (3 письма; см. Летопись. С. 402, 404–405, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40 и № 41) и к матери (1 письмо; см. Летопись. С. 402–404, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40 и №41).

л. 42. Рисунок (вклеен): Эней покидает Троию с Анхизом и Асканием.

л. 42 об. «К Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...») (№ 10.1).

л. 43–45. Копии писем Боратынского к Н. В. и С. Л. Путятям из Франции и Италии (1844, 5 писем; см. Летопись. С. 406–410, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп.1. №40 и №41).

л. 45 об. «Порою ласковую фею...» (№ 152), «Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!..» (№ 211), «Старательно мы наблюдаем свет...» (№ 136) – с параллельной записью французских автопереводов.

л. 46. «К чему неволнику <так!> мечтания свободы?..» (№ 179), «В дни безграничных увлечений...» (№ 164) – с параллельной записью французских автопереводов.

л. 46 об. «Рифма» («Когда на играх Олимпийских...») (№ 215.2) – с параллельной записью французского автоперевода.

л. 47. «Чувствительны мне дружеския пени...» (№ 31), «Коттерие» («Братай-теся, к взаимной обороне...») (№ 221.1), «Прогоны жизни» («В дорогу жизни снаряжая...») (№ 104), «Всегда и в пурпуре и злате...» (№ 195) – с параллельной записью французских автопереводов.

407

л. 47 об. «На смерть Гёте» («Предстала, и старец великой смежил...») (№ 169) – с параллельной записью французского автоперевода.

л. 48. «На что вы дни! Юдольный мир явления...» (№ 204) – с параллельной записью французского автоперевода.

л. 48–49. «Последний Поэтъ» («Век шествует путем своим железным...») (№ 191) – с параллельной записью французского автоперевода.

л. 49 об. «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» (№ 208.1) – с параллельной записью французского автоперевода.

л. 49 об.–50. «Предразсудок! он обломок...» (№ 192.1) – с параллельной записью французского автоперевода.

- инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
- л. 50. «Пироскафъ» («Дикою, грозною ласкою полны...») (№ 228).
- л. 50 об.–51. «Дядьке Итальянцу» («Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой...») (№ 229).
- л. 51 об. Выскобленная и перечеркнутая запись «Когда дитя и страсти и сомненья...» (№ 227); «С книгою Сумерки С. Н. Карамзиной» («Сближеньем с вами на мгновенье...») (№ 222).
- л. 52. «Молитва» («Царь небес! успокой...») (№ 230), «Люблю я вас Богини пенья...» (№ 225.1).
- л. 52 об. «Спасибо злобе хлопотливой...» (№ 223).
- л. 53. «Когда твой голос, о Поэт...» (№ 226).
- л. 53 об. «Коттерие» («Братайтесь: к взаимной обороне...») (№ 221.1).
- л. 54–54 об. «Опять весна, опять смеется луг...» (№ 224).
- л. 55. «Н. Е. Б.» («Двойною прелестью опасна...») (№ 171), «Увы! Тво рец непервых сил!..» (№ 196).
- л. 55 об. «Поверьте мне, Фиглярин журналист...» (№ 148), «В руках у этого педанта...» (№ 220).
- л. 56. «Мою звезду я знаю, знаю...» (№ 217).
- л. 56 об.–57. «Н. М. Языкову» («Языков, буйства молодого...») (№ 165).
- л. 57 об. «На все свой ход, на все свои законы...» (№ 219).
- л. 58. «На виньетку представляющую Автора за письменным столом, а подле него Истину» («Он точно, он безспорно...») (№ 237).
- л. 58 об. «Oh qu'il te sied ce nom d'Aurore...» (№ 95.3).
- л. 59–60. Глава VIII <из поэмы «Цыганка»> (от «Стояла ночь уже давно...» до «Его опять на дольний прахъ»).
- л. 60 об. Копия письма Боратынского к матери из Марселя (1844; см. Летопись. С. 407–408, а также ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40).
- л. 61–76. «Цыганка переделанная в 1842. Написано в 1830» <копия поздней редакции поэмы, гл. I–VII>.
- 408
- ф. 33. Оп. 1. № 39 (старый шифр: 26322).
- Тетрадь в переплете, ип 8° (157 x 205 мм), 165 л. Хранилась в Казанском архиве Боратынских, впервые описана М. Л. Гофманом (Изд. 1914–1915. Т. II. С. 274). Изначально состояла из листов плотной синей бумаги и имела постраничную владельческую нумерацию. Значительная часть листов затем была вырезана, но к оставшимся корешкам подклеены другие листы. Время, когда делалась та или иная вклейка, установить затруднительно. Последний блок листов (л. 153–164) – из бумаги другого типа.
- По-видимому, тетрадь начала заполняться еще до знакомства Настасьи Львовны с Боратынским (февраль – март 1826 г.) и, в отличие от других ее тетрадей и альбомов, была предназначена для разнородных записей: помимо автографов и копий стихотворений Боратынского, в ней находятся выписки из мадам де Сталь («О Германии»), «Коринна», «Дельфина»), В. Скотта (франц. перевод романа «Антиквар»), Дж. Г. Байрона (франц. перевод «Абидосской невесты»), Ф. Р. Шатобриана («Гений христианства»), «Рене»), Ж.-Ж. Руссо («Новая Элоиза»), стихотворения А. Шенье, К. Делавиня, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, К. Ф. Рылеева, А. С. Грибоедова,
- В. К. Кюхельбекера, А. С. Пушкина (перечень произведений Пушкина и краткое описание тетради см.: Пушкин 2004. С. 398–399).
- В тетрадь вписаны следующие тексты Боратынского:
- л. 21 (вклеен). «Чудный град порой сольется...» – автограф (№ 155).
- л. 32 об.–33. «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...» (подпись: «Баратынской») (№ 28.1).
- л. 35 об. «Лета» («Душ холодных упованье...»; подпись: «Баратынской») (№ 74).
- л. 36. (вклеен). «Старательно мы наблюдаем свет...» – автограф (№ 136).
- л. 57. «Римъ» («Ты был ли гордый Рим земли самовластитель...»; подпись: «Баратынской») (№ 48).
- л. 96 (вклеен). «Прощай, отчизна непогоды...» (№ 35.1).
- л. 97 об. (вклеен). «Я слыхаль: звезда иная...» – автограф (ст. 1–10; окончание дописано рукой Н. Л. Боратынской) (№ 149.2).
- л. 102 (вклеен). «Где сладкой шопот...» – автограф (№ 174).
- л. 102 об. (вклеен). «Бывало, отрок, звонким кликом...» – автограф (№ 162).
- л. 103 (вклеен). «Мой неискусный карандаш...» – автограф (№ 185).
- 409
- л. 137. «Любви приметы...» (подпись: «Баратынской») (№ 62.2).
- л. 137 об. «Водопадъ» («Шуми, шуми с крутой вершины...»; подпись «Баратынской») (№ 44.2).
- л. 138–138 об. «Истинна. Ода» («О счастья с младенчества тоскуя...»; подпись:

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский («Баратынский») (№ 79).

л. 140–140 об. «Черепъ» («Усопший братъ, кто сон твой возмутить?..»; подпись: «Е. Б.») – копия рукой Настасьи Львовны с поправками Баратынского (№ 90.3).

л. 140 об. –141. «Звездочка» («Взгляни на звезды: много звезд...»; подпись: «24 Сент. 1824. Евгений Баратынский») (№ 87.2).

л. 141 об. «Надпись» («Взгляни на лик холодный сей!..») (№ 100).

л. 143–143 об. «Не лъзя ль найти любви надежной...» – автограф (№30.3).

л. 143 об. «О, верь, ты нежная дороже славы мне...» – автограф (№ 173).

л. 144–144 об. «Мар а» («Самовластительные цепи...») – автограф (№ 129.2).

л. 145 об. «Под бурею судеб, унылый, часто я...» (№ 132).

л. 151. «Переселение душъ». Эпиграфъ «Что я прибавлю, друг мой нежной?..» – автограф (см. Т. 4 наст. изд.).

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40 (старый шифр: 21732)

Альбом в переплете, 210 x 245 мм, 112 л. Хранился в Казанском имени Боратынских Шушары, в 1908 г. в числе многих семейных документов был передан внуком поэта, А. Н. Боратынским, Ю. Н. Верховскому (см. Верховский 1908. С. 1203: «Альбом in-4°, содержащий рисунки и копии, главным образом стихотворений Е. А. Боратынского и его писем, с надписью на 1-м листке: Рисовано и писано матерью моею Анастасьею Львовной Боратынской в 1844 и след. годах»). В качестве источника текстов использовалась всеми издателями Боратынского, начиная с Изд. 1914–1915.

Согласно помете Н. Е. Боратынского на авантитуле, заполнялся Анастасьею Львовной в 1844 и следующих годах – очевидно, уже после смерти Боратынского. Н. Л.

Боратынской принадлежат записи на л. 7 об.–87 об., последняя запись ее рукой – обширная выписка из вступления к «Болезням века» Э. Ал- леза (л. 81–87 об.).

Далее в альбоме появляются «посторонние» записи неустановленным почерком: выписка из «Note sur Chateaubriand», копия стихотворения В. А. Жуковского «Моя богиня», выписки из «Стелло» и «Чаттертона» А. де Виньи, произведений А. Дюма, Ж. Санд. Последующие листы заполнены

410

рукой Льва Евгеньевича Боратынского, внесшего в альбом копии детских и юношеских писем поэта, по-видимому, уже во время подготовки Изд. 1869.

Наряду со стихотворениями, в альбом скопированы предисловие к поэме «Наложница», очерк «История кокетства», повесть «Перстень», переработанный в 1842 г. вариант поэмы «Цыганка», а также письма поэта к А. С. Пушкину, Н. В. и С. Л. Путятam, жене, матери и другим старшим родственникам.

л. 1. Запись рукой Л. Е. Боратынского: «О Иисусе Христе, молим Тя...».

л. 1 об. Чистый.

л. 2. «Рисовано и писано матерью моею Анастасией Львовной Боратынской в 1844 и след. годах. Н<иколай> Б<оратынский>».

л. 2 об. Чистый.

л. 3. Рисунок (вклеен): морской пейзаж (вид Неаполя?).

л. 3 об.–4 об. Чистые.

л. 5. детский рисунок (вклеен): лодка на фоне деревенского домика.

л. 5 об.–7. Чистые.

л. 7 об. Заметка Н. Л. Боратынской о первых опубликованных стихотворениях поэта (см. в сопроводительной статье – С. 485), относящаяся к записям текстов: «Марье Андреевне Панчулидзевой родной тетке» («Взгляните: свежестью молодой...») (№ 1.1) и «Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...») (№ 10.1).

л. 8–10. Копии трех писем Боратынского к Пушкину (1825–1828; см. Летопись. С. 167, 172, 203, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38). л. 10 об.–12 об. Копии писем и записок Боратынского к Настасье Львовне (1829–1837, 6 писем; см. Летопись. С. 226–227, 333, 338, 339, 340, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38).

л. 13–20. Копии писем Боратынского к Настасье Львовне из Петербурга (1840, 10 писем; см. Летопись. С. 356–363, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38).

л. 20 об.–22. Копии писем Боратынского к Настасье Львовне из Москвы в Петербург (1840, 3 письма; см. Летопись. С. 366–367, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38).

л. 22 об. Чистый.

л. 23. Копии записок Боратынского к Настасье Львовне (1837, 2 письма; см. Летопись. С. 338, 340, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38).

л. 23 об. Копия письма Боратынского к матери из Дрездена (1843; см. Летопись. С. 399–400, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 и ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41).

411

л. 24–30. Копии писем Боратынского к Н. В. и С. Л. Путятam из Франции и Италии (1843–1844, 7 писем; см. Летопись. С. 402, 404–410, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 и ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41).

- инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
- л. 30 об. «Порою ласковую фею...» (№ 152), «Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!...» (№ 211), «Старательно мы наблюдаем свет...» (№ 136) – с параллельной записью французских автопереводов.
- л. 31. «К чему невольнику мечтания свободы...» (№ 179), «В дни безграничных увлечений...» (№ 164) – с параллельной записью французских автопереводов.
- л. 31 об. «Рифма» («Когда на играх Олимпийских...») (№ 215.2) – с параллельной записью французского автоперевода.
- л. 32. Рисунок (вклеен): воин в позе меланхолии у подножья водопада.
- л. 32 об. Чистый.
- л. 33. «Авроре Ш.» («Выдь, дохни нам упоением...») (№ 95.1 и № 95.3), «Чувствительны мне дружеския пени...» (№ 31), «Коттерие» («Братай-теся к взаимной обороне...») (№ 221.1) – с параллельной записью французских автопереводов.
- л. 33 об. «Прогоны жизни» («В дорогу жизни снаряжая...») (№ 104), «Всегда и в пурпуре и злате...» (№ 195) – с параллельной записью французских автопереводов.
- л. 33 об.–34. «На смерть Гете» («Предстала и старец великой смежил...») (№ 169) – с параллельной записью французского автоперевода.
- л. 34 об. «На что вы дни! Юдольный мир явленья...» (№ 204) – с параллельной записью французского автоперевода.
- л. 35–36. «Последний Поэт» («Век шествует путем своим железным...») (№ 191) – с параллельной записью французского автоперевода.
- л. 36–36 об. «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» (№ 208.1) – с параллельной записью французского автоперевода.
- л. 36 об. «Предразсудок! он обломок...» (№ 192.1) – с параллельной записью французского автоперевода.
- л. 37. «Когда дитя и страсти и сомненья...» (№ 227).
- л. 37–37 об. «Пироскаф» («Дикою, грозною ласкою полны...») (№ 228).
- л. 38–40. «Дядьке Итальянцу» («Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой...») (№ 229).
- л. 40 об.–46. «Предисловие к Наложнице в 1831 году».
- л. 46 об. Чистый.
- 412
- л. 47–56. «Цыганка переделана в 1842 году в Муранове».
- л. 56. Заголовок «в 1842 и 1843».
- л. 56. «Когда твой голос, о Поэт...» (№ 226), «Спасибо злобе хлопотливой...» (№ 223).
- л. 56 об. «Люблю я вас Богини пенья...» (№ 225.1), «Молитва» («Царь небес! успокой...») (№ 230), «Опять весна, опять смеется луг...» (№ 224).
- л. 57. «С. Н. Карамзиной при посылке Сумерковъ» (№ 222).
- л. 57. Заголовок «в 1828 году».
- л. 57. «Поверьте мне, Фиглярин журналист...» (№ 148)
- л. 57–57 об. «На виньетку представляющую Автора за письменным столом а подле него Истину» («Он точно, он бесспорно...») (№ 237).
- л. 57 об. Заголовок «в 1830, 1831, 1832».
- л. 57 об. «Нежданное родство с тобой даруя...» (№ 176), «Небо Италии, небо Торквата...» (№ 216).
- л. 58. «К Языкову» («Языков, буйства молодого...») (№ 165).
- л. 58 об. «Н. Е. Б.» («Двойною прелестью опасна...») (№ 171).
- л. 58 об. Заголовок «в 1838, 1839».
- л. 58 об. «Увы! Творец непервых сил!...» (№ 196).
- л. 59. «В руках у этаго педанта...» (№ 220), «Мою звезду я знаю, знаю...» (№ 217).
- л. 59 об. «На все свой ход, на все свои законы...» (№ 219), «Первое послание к Дельвигу» («Так любезный мой Гораций...») (№ 10.1).
- л. 60–63. с пометой «в 1824 году»: «История кокетства».
- л. 63 об.–72. «Перстень. 1831».
- л. 72 об.–74. Чистые.
- л. 74 об. Копия письма М. Беляева к С. А. Боратынскому с соболезнованиями о смерти поэта (1844).
- л. 75–75 об. Копия письма графини К. де Фонтан к Н. Л. Боратынской (1844).
- л. 76–77 об. Копия письма Боратынского к матери из Парижа (1843; см. Летопись. С. 402–404, а также выше в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38 и ниже в ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41).
- л. 77 об. Помета: «Fin des letters et des oeuvres posthumes d'Eugene Baratinsky».
- л. 77 об. – 79. «Несколько <так!> писем юношества Боратынского (при вступлении в пансионъ)» – копии писем Боратынского к матери и дяде, П. А. Боратынскому (1812–1816, 5 писем; см. Летопись. С. 58, 77, 70, 77–78, 68).

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
413

- л. 79 об. французский текст духовного наставления Н. Л. Боратынской.
л. 80. Чистый.
л. 80 об.–87 об. Выписка Н. Л. Боратынской на франц. яз. из «Болезней века» Э. Аллеза: «Edouard Alletz. Maladies du siecle. Discours preliminaire».
л. 88–88 об. Чистые.
л. 89–96. Выписки неустановленным почерком из «Note sur Chateaubriand»; «Стелло», «Чаттертона» А. де Виньи; А. Дюма, Ж. Санд (на французском языке); копия стихотворения В. А. Жуковского «Моя богиня» («Какую бессмертную...»)
л. 96. «Лета» («Душ холодных упованье...») (№ 74) – копия Л. Е. Боратынского (?).
л. 96 об. Чистый.
л. 97. Выписка из «Robe de pose» А. Дюма.
л. 97 об.–98 об. Чистые.
л. 99–99 об. «Письма Детства Е. А. Баратынского А. Ф. и А. А. Баратынскимъ» (1806–1807, 3 письма родителям и тетушке; см. Летопись. С. 52–54) – копии Л. Е. Боратынского.
л. 99 об. «Je voudrais bien ta mere...» (№ 239) – копия Л. Е. Боратынского.
л. 100. Копии писем тетушкам и матери (1805–1807, 2 письма; см. Летопись. С. 54) – рукой Л. Е. Боратынского.
л. 100 об. Копия письма С. А. Боратынского к матери, ошибочно сочтенного письмом Евгения (см. Летопись. С. 430) – рукой Л. Е. Боратынского.
л. 100 об.–112. Копии писем Боратынского старшим родственникам (матери и дядьям, 1811–1825, 16 писем; см. Летопись. С. 56, 58, 59, 57, 68, 91, 71, 75, 77, 141–142, 151, 125, 78–79, 83–84, 77–78) – рукой Л. Е. Боратынского.
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 41 (старый шифр: 21729)
Тетрадь в переплете, ип 8° (166 x 205 мм), 65 л. Хранилась в Казанском архиве Боратынских, затем, вместе с другими документами, была передана А. Н. Боратынским Ю. Н. Верховскому (по всей видимости, эта тетрадь входила в число «8 тетрадок» с копиями Н. Л. Боратынской, которые упомянуты в списке материалов, привезенных Верховским – Верховский 1908. С. 1203).
Альбом заполнен целиком рукой Н. Л. Боратынской и включает записи поздних текстов Боратынского и стихотворений, не вошедших в Изд. 1835. К этому
414
корпусу добавлено также несколько писем Боратынского из-за границы (1843–1844). Записи стихотворений снабжены карандашными пометами (в полистной росписи выделены курсивом) – о жанровом распределении текстов, отразившими, вероятно, работу по подготовке семейного издания с жанровой компоновкой материала (см. сходное распределение в других тетрадях Н. Л. Боратынской [ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42], а также сообщение о таком плане собрания в письмах Л. Е. Боратынского к М. Н. Лонгинову – С. 490–491).
л. 1. «Перуны. Элегия» («Люблю я вас Богини пенья...») (№ 225.1).
л. 1 – 1 об. «Память поэту. Элегия» («Когда твой голос, о Поэт...») (№ 226).
л. 1 об. «С. Н. Карамзиной при посылке Сумерковъ». Смишь («Сближеньем с вами на мгновенье...») (№ 222).
л. 2–2 об. «Пироскафъ». Мелкие стихотворенья. Тритцат третье («Дикою, грозною ласкою полны...») (№ 228).
л. 3–6. «Дядьке итальянцу». Послание («Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой...») (№ 229).
л. 6 об. «Когда дитя и страсти и сомненья...». Элегия (№ 227).
л. 7. «Молитва» («Царь небес! успокой...»). Мелкие стихотворенья. Тритуат четвертое (№ 230).
л. 7 об. «Спасибо злобе хлопотливой...». Лирическое стихотворенье (№ 223). л. 8. «Коттерие». Эпиграмма («Братайтесь, к взаимной обороне...»). (№ 221.1).
л. 8 об.–9. «Лес. Элегия» («Опять весна; опять смеется луг...») (№ 224).
л. 9 об. Чистый.
л. 10–44. «Цыганка. Переделанная в 1842 году».
л. 44 об. Чистый.
л. 45. Заголовок: «Эпиграммы».
л. 45 об. «Поверьте мне, Фиглярин журналист...» (№ 148).
л. 46. «На некрасивую виньетку представляющую Автора за письменным столом а подле него Истину» («Он точно, он безспорно...») (№ 237).
л. 46 об. «На все свой ход, на все свои законы...» (№ 220).
л. 47. «Увы! Творец непервых сил!..» (№ 196).
л. 47 об. Чистый.
л. 48. Заголовок: «Смесь».
л. 48 об. «Небо Италии, небо Торквата...» Мелкия стихотворенья. Тритуат пятое (№

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын (№ 216).

л. 49. «В Альбом. Н. Е. Б. » («Двойною прелестью опасна...») (№ 171).

415

л. 49 об.–50. «К языкову» («языков, буйства молодого...»). Послание (№ 165).

л. 50. «Обеды» («Я не люблю хвастливые обеды...»). Мелкия стихотворения.

Трети, ат шестое (№ 218).

л. 50 об. «Мую звезду я знаю, знаю...» Мелкия стихотворения. Тритцат восьмое (№ 217).

л. 51–60 об. «Несколько писем из за Границы». Копии писем Боратынского к матери и Н. В. и С. Л. Путятам из заграничного путешествия (1843–1844, 5 писем; см.

Летопись. с. 399–400, 402–404, 405, 408–410), л. 57 – чистый.

л. 61–65 об. Чистые.

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42

(Старые шифры: 21726, 21733, 21805, р. 1–22–362)

Пять сшитых переплетенных тетрадей и отдельные листы разного формата (154 л., включая 49а, 54а, 109а), заполненные рукой Н. Л. Боратынской.

В современную единицу хранения объединены рукописи разнородного происхождения (см. старые шифры), в ее основе – 5 тетрадей и отдельный лист (по современной нумерации л. 116–117 об.), составлявшие единицу хранения под старым шифром ПД 21733. Входившая в то же архивное дело тетрадь под заглавием «Эпиграммы» была утрачена в период между 1936 и 1957 гг. (см. Изд. 1936. Т. II. С. 270; Изд.

1957. С. 368; роспись содержания тетради эпиграмм сохранилась в подготовительных материалах М. Л. Гофмана: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 73. л. 175–176). Все эти тетради поступили в Пушкинский Дом из Казанского архива, переданные А. Н. Боратынским Ю. Н. Верховскому в 1908 г. – см. Верховский 1908. С. 1203).

Одна из тетрадей (л. 118–145 об.) по водяному знаку датируется не ранее 1848–1849 гг. (Клепиков 1959. С. 103, № 67). Время заполнения других тетрадей точно установить затруднительно, однако, судя по последовательно проведенному в них жанровому распределению стихотворений, они могли предназначаться для подготовки собрания сочинений Боратынского с таким распределением материала (см. об этом письма Л. Е. Боратынского к М. Н. Лонгинову – С. 490–491). В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что, в отличие от других альбомов Н. Л. Боратынской, здесь собраны как поздние тексты, так и – в основном – стихотворения, вошедшие в Изд. 1835. Таким образом, блок из 6 тетрадей, входивших в единый комплекс (ПД 21733), мог представлять собой наиболее полный свод опубликованных текстов Боратынского, предназначавшийся для задуманного издания.

416

<Тетрадь № 1>. Сшитая тетрадь ип 16° (107 x 140 мм), заголовок: «Элегии» (со сквозной нумерацией стихотворений; старый шифр: 21733)

л. 1–2. (1) «Истина» («О счастья с младенчества тоскуя...») (№ 79).

л. 2 об. (2) «Ропоть» («К чему невольнику мечтания свободы?...») (№ 179). л. 2

об. «Римь» («Ты былъ-ли гордый Рим, земли самовластитель...») (№ 48). л. 3–4.

(3) «Родина» («Я возвращуся к вам, поля моих отцов...») (№ 34).

л. 4 об.–5. (4) «Водопадъ» («Шуми, шуми с крутой вершины...») (№ 44.1). л. 5.

(5) «Ожиданье» («Она придет! к ея устам...») (№ 106).

л. 5 об. (6) «Роща» («На кровы ближнего селенья...») (№ 63); рядом с заглавием

карандашная помета: «Разлука» (т. е. предполагалось перенесение названного

стихотворения на это место – см. ниже).

л. 6. (7) «Лета. Из Мильвуа» («Душ холодных упованье...») (№ 74); изначально на

листе, судя по зачеркнутому заглавию, должно было быть помещено стихотворение

«Фея» («Порою ласковую Фею...», № 152); рядом с текстом помета: «после Разлуки».

л. 6 об. (8) «Лагерь» («Разсеивает грусть пиров веселый шум...») (№ 29.3); первоначально было озаглавлено: «Уныние».

л. 7. (9) «Из А. Шенье» («Под бурю судеб, унылый, часто я...») (№ 132).

л. 7 об.–8 об. (10) «Буря» («Завыла буря; хлябь морская...») (№ 92).

л. 8 об.–9. (И) «К Лиде» («Твой детский вызов мне приятен...») (№ 22.1).

л. 9 об.–10. (12) «Фея» («Порою ласковую Фею...») (№ 152).

л. 10. (13) «Поцелуй» («Сей поцелуй, дарованный тобой...») (№ 64.1).

л. 10 об. – и. (14) «Бдение» («Один, и пасмурный душою...») (№ 41.1).

л. и об.–12. (15) «Весна» («На звук цевницы голосистой...») (№ 66).

л. 12 об. (16) «Разлука» («Разстались мы; на миг очарованьем...») (№ 20.1); карандашом дописано: «После Рощи» (см. выше).

л. 13–14. (17) «Паденье листьев. Из Мильвуа» («Желтел печально злак полей...») (№ 73.1).

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский

л. 14 об.–15. (18) «С. Д. П.» («Зачем, о Делия! сердца младья, ты...») (№ 65.1); текст перечеркнут, с надписью: «В посланья».

л. 15 об. (19) «Все проходить» («Наслаждайтесь: все проходит!...») (№ 178). л. 16. (20) «Дремота» («Чувствительны мне дружеския пени...») (№ 31.1); первоначально под другим заглавием: «Усыпление» <?>.

л. 16 об. (21) «Грусть» («Он близок, близок день свиданья...») (№ 15.1); первоначально под другим заглавием: «Тоска».

27 – 5341

417

л. 17–17 об. (22) «Черные очи» («Люблю я красавицу...») (№ 161).

л. 18–19. (23) «Русская песня» («Страшно воет, завывает...») (№ 40). л. 19 об.–20. (24) «Стансы» («В глуши лесов счастлив один...») (№ 101.1).

л. 20 об.–21. (25) «Отъездъ» («Прощай, отчизна непогоды...») (№ 35.1). л. 21 об.–22 об. (26) «Елизийския поля» («Бежит неверное здоровье...») (№ 37.1).

л. 23. (27) «Разуверение» («Не искушай меня без нужды...») (№ 54).

л. 23 об.–24. (28) «Утраты» («Когда взойдет денница золотая...») (№ 81).

л. 24 об.–25 об. (29) «Оправдание» («Решительно, печальных строк моих...») (№ 89.1).

л. 26. (30) «Замена» («Когда неопытен я был...») (№ 57.1).

л. 26 об. (31) «Любви приметы» («Любви приметы...») (№ 62.1).

л. 27–27 об. (32) «Подражание лафару» («Свободу дав тоске моей...») (№ 23.1).

л. 28. (33) «Приманкой ласковых речей...» (№ 43).

л. 28 об. (34) «Любовь» («Мы пьем в любви отраву сладкую...») (№ 86). л. 29–30. (35) «Признание» («Притворной нежности не требуй от меня...») (№ 80.1).

л. 30 об.–31. (36) «Старикъ» («Венчали розы, розы Леля...») (№ 134).

л. 31 об. (37) «К Амуру» («Тебе я младость шаловливу...») (№ 116); зачеркнуто, с припиской: «В мелкия».

л. 32–32 об. (35) <так!> «Ошибка» («Я не любил ее, я знал...») (№ 182.1).

л. 33–34. (36) <так!> «Звезда» («Взгляни на звезды: много звезд...») (№ 87.1); заглавие исправлено из «Звездочка».

л. 34 об.–36 об. (37) «Запустение» («Я посетил тебя, пленительная сень...») (№ 180.1).

л. 37–38. (38) «Кольцо. С. Э.» («Дитя мое, она сказала...») (№ 177).

л. 38 об.–39. (39) «Разсветъ» («В дни безграничных увлечений...») (№ 164).

л. 39. «Эхо» («Бывало, отрок, звонким кликом...») (№ 162).

л. 39 об. (40) «Память Поэту» («Когда твой голос, о Поэт...») (№ 226). л. 40–41. (41) «Возвращение весны» («Весна, весна! Как воздух чист!...») (№ 187).

л. 41. (42) «Перуны» («Люблю я вас Богини пенья...») (№ 225.1).

л. 41 об.–42. (43) «Омраченье» («Когда исчезнет омраченье...») (№ 181). л. 42 об.–43 об. (44) «Бедный старецъ» («Что за звуки? мимоходом...») (№ 210).

418

л. 43 об.–44. (45) «Орфею» («Не славь, обманутый Орфей...») (№ 163). л. 44–46. (46) «Недоносокъ» («Я из племени духов...») (№ 197.1); л. 46–46 об. – отдельный, из более тонкой бумаги; судя по пропуску в дальнейшей нумерации, несколько листов с записями, вероятно, было утрачено.

л. 47–47 об. (50) «На что вы, дни!» («На что вы, дни! Юдольный мир явленья...») (№ 204).

л. 47 об.–48 об. (51) «Лесь» («Опять весна; опять смеется луг...») (№ 224).

<Тетрадь № 2>. Сшитая тетрадь ип 16° (110 x 140 мм), заголовок: «Элегии» (л. 49) (старый шифр: 21733).

л. 49а–50. «Родныя степи» («Судьбой наложенныя цепи...») (№ 129.1).

л. 50 об.–51. «Воспомянь» («Мой неискусный карандаш...») (№ 185.1).

л. 51 об.–52 об. «Вьюги» («Где сладкой шопот...») (№ 174).

л. 53–54. «Муранова» («Есть милая страна, есть угол на земле...») (№ 119.1).

л. 54 об.–56 об. «Отрывокъ» («Он. Под этой липою густою...») (№ 153).

л. 57. «Своенравное прозванье» («Своенравное прозванье...») (№ 175).

л. 57 об. «Когда дитя и страсти и сомненья...» (№ 227).

л. 58. «Мой дар убог и голос мой негромок...» (№ 137).

л. 58 об. Чистый.

<Тетрадь № 3>. Сшитая тетрадь ип 16° (110 x 140 мм), заголовок: «Мелкия стихотворения» (со сквозной нумерацией стихотворений; старый шифр: 21733).

л. 59. «М. А. П.» («Взгляните: свежестью младой...») (№ 1.1); подписано на левом поле: «Антология.»

л. 59. (2) «Покорность» («Желанье счастья в меня вдохнули боги...») (№ 76.1).

л. 59 об.–60 об. (3) «Стансы» («Чтоб очаровывать сердца...») (№ 45.1). л. 61. (4) «Из Андре Шенье» («Есть гротъ: Наяда там в полдневные часы...») (№ 117); «Тебе я младость шаловливу...» (№ 116).

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский

л. 61 об. (5) «С. Н. Н.» («Мила как Грация, скромна...») (№ 33).
л. 62. (6) «Как много ты, в немного дней...» (№ 98).
л. 62 об. (7) «Ш _____» («Земляк! в стране чужой, суровой...») (№ 12.3).
л. 63–63 об. (8) «Бесенокъ» («Слышал я, добрые друзья...») (№ 141).
л. 64. (9) «С. Д. П.» («Неизвинительной ошибкой...») (№ 60).
л. 64 об. (10) «А. Н. М у» («Не бойся едких осуждений...») (№ 124); на левом поле помечено: «послание»
27*
419
л. 65. (11) «М _____» («Когда-б избрать возможно было мне...») (№ 118.1); «Мую звезду я знаю, знаю...» (№ 217) – записано карандашом.
л. 65 об.–66. (12) «И. А. Б...» («Итак, мой милый не шутя...») (№ 14.1).
л. 66. «А. А. Воейковой» («Очарованье красоты...») (№ 84) – записано карандашом; первоначально на этом листе была начата запись стихотворения «Монастырке» («Храни свое неопасенье...») (№ 172) – также карандашом, но записанные заглавие и первая строка были затем зачеркнуты.
л. 66 об. (13) «Сердечным нежным языком...» (№ 140).
л. 67. (14) «Г. З.» («В борьбе с тяжелою судьбой...») (№ 105.1); «Мую звезду я знаю, знаю...» (№ 217) – текст перечеркнут карандашом.
л. 67 об. (15) «Незаконная лепта» («Когда печалью вдохновенный...») (№ 156.1).
л. 68–68 об. (16) «Д...» («я безразсуден и не диво!...») (№ 61).
л. 69. (17) «А. С. Г _____» («Взгляни на лик холодный сей.;») (№ 100); на левом поле помета: «Антологическая».
л. 69. (18) «А. А. Воейковой» («Очарованье красоты...») (№ 84) – зачеркнуто карандашом.
л. 69 об. (19) «А. К. Ш.» («Выдь, дохни нам упоеньем...») (№ 95.1); (20) «Чудный градъ» («Чудный град порой сольется...») (№ 155) – зачеркнуто карандашом.
л. 70–70 об. (21) «С. Д. П.» («О своенравная Аглая!...») (№ 58.1).
л. 70 об. (22) «Молодые годы» («Были бури, непогоды...») (№ 203).
л. 71. (23) «Муза» («Не ослеплен я музою моею...») (№ 154.1).
л. 71 об.–72. (24) «Цветокъ» («С восходом солнечным Людмила...») (№ 47.1).
л. 72 об. (25) «Нет, обманула вас молва...» (№ 146).
л. 72 об. (26) «Не подражай: своеобразен Гений...» (№ 139).
л. 73. (27) «При посылке Бала С. Э.» («Тебе-ль невинной и спокойной...») (№ 143).
л. 73 об. (28) «Обеды» («я не люблю хвастливые обеды...») (№ 218).
л. 73 об. (29) «Монастырке» («Храни свое неопасенье...») (№ 172).
л. 74. (30) «К. А. Тимашевой» («Вам всё дано с щедротою пристрастной...») (№ 149.1).
л. 74 об. (31) «К. К. Янишь» («По замечанью моему...») (№ 144.1).
л. 75. (32) «К. А. Свербеевой» («В небе нашем исчезает...») (№ 149.1). л. 75 об. (33) «Н. Е. Б...» («Двойною прелестью опасна...») (№ 171); (34) «К. Г.» («Еще как патриарх не древен я; моей...») (№ 207) – текст
420
зачеркнут карандашом; «Чудный град порой сольется...» (№ 155) – записано карандашом, на левом поле приписка чернилами: «Антологии.» л. 76. (35) «С. Ф. Т.» («Всегда и в пурпуре и злате...») (№ 195); «Еще как патриарх не древен я; моей...» (№ 207) – записано карандашом.
л. 76 об. (36) «Небо Италии, небо Торквата...» (№ 216).
л. 77. (37) «Здравствуй, отрок сладкогласной...» (№ 209).
л. 77 об. (38) «С. Н. Карамзиной при посылке Сумерекъ» («Сближеньем с вами на мгновенье...») (№ 222).
л. 78–78 об. (39) «Пироскафъ» («Дикою, грозною ласкою полны...») (№ 228).
<Тетрадь № 4>. Сшитая тетрадь ип 8° (136 x 197 мм), заголовок: «Лирическая Стихотворенья» (л. 79), со сквозной нумерацией текстов (старый шифр: 21733).
л. 80–81. (1) «Финляндия» («В свои разселины вы приняли певца...») (№ 25.1).
л. 81 об.–82. (2) «Две доли» («Дало две доли Провиденье...») (№ 55).
л. 82 об.–83. (3) «Черепъ» («Усопший брат! кто сон твой возмутить?...») (№ 90.1).
л. 83 об.–85 об. (4) «Последняя Смерть» («Есть бытие, но именем каким...») (№ 128).
л. 86–86 об. (5) «Приметы» («Пока человек естества не пытал...») (№ 194).
л. 87–87 об. (6) «Смерть» («Тебя из тьмы не изведу я...») (№ 142.1).
л. 88–88 об. (7) «Риема» («Когда на играх Олимпийских...») (№ 215.1).
л. 89–90. (8) «Бокаль» («Полный влагой искрометной...») (№ 202).
л. 90 об. (9) «Виденьи дня» («Толпе тревожный день приветен, но страшна...») (№

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский (№ 208).

л. 91. (10) «Молитва» («Царь небес! успокой...») (№ 230).

л. 91 об.–92. (11) «Смерть Гёте» («Предстала и старец великой сме- жил...») (№ 169).

л. 92 об.–94. (12) «Последний Поэт» («Век шествует путем своим железным...») (№ 191).

л. 94 об.–98. (13) «Осень» («И вот Сентябрь! замедля свой восход...»).

л. 98 об. Чистый.

421

<Тетрадь № 5>. Сшитая тетрадь ип 8° и отдельные приложенные к ней листки (136 x 206 мм), заголовок: «Послания» (старый шифр: 21733).

л. 99–99 об. «Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...») (№ 10.1).

л. 100–101. «Гнедичу» («Враг суетных утех и враг утех позорных...») (№ 69.1).

л. 101 об. Чистый.

л. 102–102 об. «Дельвигу» («Дай руку мне, товарищ добрый мой...») (№ 68).

л. 103. «К ...» («Живи смелей, товарищ мой...») (№ 27).

л. 103 об.–104. «Лутковскому» («Влюбился я, полковник мой...») (№ 78.1). л. 104

об. «Л. С. Пушкину» («Поверь, мой милый! твой Поэт...») (№ 88.1).

л. 105–105 об. «Къ» («Приятель строгой, ты не прав...») (№ 46.1).

л. 106 «Давыдову» («Пока с восторгом я внимаю...») (№ 109.1).

л. 106 об.–107 об. «Дельвигу» («Где ты, безпечный друг! где ты, о Дельвиг мой...») (№ 18.1).

л. 107 об.–108. «Товарищамъ» («Отставнаго шалуна...») (№ 38).

л. 108 об.–109. «Дельвигу» («Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...») (№ 36).

л. 109 об.–110. «Коншину» («Пора покинуть, милый друг...») (№ 30).

л. по об.–112. «Гнедичу» («Так! для отрадных чувств еще я не погиб...») (№ 77.1).

л. 112 об.–из. «***» («Зачем, о Делия! сердца младя, ты...») (№ 65.1).

л. из об. «А. Н. М.» («Не бойся едких осуждений...») (№ 124).

л. 114. «Богдановичу» («В садах Элизия, у вод счастливой Леты...») (№ 83.1), ст. 1–14.

л. 114–115 об. Чистые; л. 112–115 об. – отдельные листы, приложенные к тетради.

<Отдельные листы>. Двойной листок формата ип 16° (106 x 140 мм), такой же, как листы в <Тетради № 1> (старый шифр: 21733).

л. 116. (43) «Орфею» («Не славь, обманутый Орфей...») (№ 163).

л. 116 об.–117 об. Чистые.

<Тетрадь № 6>. Сшитая тетрадь ип 8° (180 x 220 мм), из плотной бумаги (штемпель: «АХ / 6 / Знаменской / фабрики», в овале – 1848– 1849 гг. [Клепиков 1959. С. 103]), со сквозной нумерацией текстов (старый шифр: 21726).

422

л. 118. Заголовок «Послания».

л. 118–119. (1) «Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...») (№ 10.1).

л. 119–121. (2) «Гнедичу» («Враг суетных утех и враг утех позорных...») (№ 69.1).

л. 121 об. Заголовок «Элегии».

л. 121 об.–122 об. (3) «К ...» («Мне с упоением заметным...») (№ 59.1).

л. 122 об.–123. (4) «К ...» («Приятель строгой, ты не прав...») (№ 46.1).

л. 123 об. «А. Н. М.» («Не бойся едких осуждений...») (№ 124) – весь текст перечеркнут.

л. 124–124 об. (2) <так!> [«Дельвигу»] «Ему же» («Дай руку мне, товарищ добрый мой...») (№ 68).

л. 125–125 об. (6) «Лутковскому» («Влюбился я, полковник мой...») (№ 78.1).

л. 126. (7) «Л. С. Пушкину» («Поверь, мой милый, твой поэт...») (№ 88.1).

л. 126 об.–127. (8) «Языкову» («Бывало, свет позабывая...») (№ 166.1).

л. 127 об.–128 об. (9) «Дельвигу» («Где ты, безпечный друг? где ты, о Дельвиг мой...») (№ 18.1).

л. 129. (10) «К. З. А. Волконской» («Из царства виста и зимы...») (№ 145), – вписано 2 строки, и все зачеркнуто чернилами.

л. 129–129 об. (10) «К ...» («Живи смелей, товарищ мой...») (№ 27).

л. 130–130 об. (И) «Р. С. Дельвигу» («Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...») (№ 36).

л. 131–132. (12) «Коншину» («Пора покинуть, милый друг...») (№ 30).

л. 132. (13) «Товарищамъ» («Отставнаго шалуна...») (№ 38).

л. 132 об.–135. (14) «Гнедичу» («Так! для отрадных чувств еще я не погиб...») (№ 77.1).

л. 135 об. (15) «Д. Давыдову» («Пока с восторгом я внимаю...») (№ 109.1).

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
л. 136–136 об. (16) «Коншину» («Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...») (№ 28).
л. 137–137 об. (17) «К. 3. А. Волконской» («Из царства виста и зимы...») (№ 145).
л. 138–139 об. (18) «Богдановичу» («В садах Элизия, у вод счастливой Леты...») (№ 83.1) – помета: «возобновлено», текст перечеркнут.
л. 140–140 об. (19) «А. А. Ф...Ой» («Вы ль дочь Евы как другая...») (№ 170).
л. 141–142. (20) «К. Вяземскому» («Как жизни общие призывы...») (№ 190).
л. 142 об. –145. (21) «Дядьке итальянцу из Неаполя» («Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой...») (№ 229).

423

л. 145 об. Заметки Н. Л. Боратынской с перечнем стихотворений, списком поэм («Баллада Мадона. | Из Вольтера. Телема и Макар | Пиры | [Бал] I Эда I Бал | Цыганка») и записью (карандашом) последовательности разделов: «Послании | Лирические стих. | Элегии | Элегии | Антологические I Эпиграммы I Мелкия стихотворения»).

<Отдельный лист, такого же формата, как Тетрадь № 6, по всей видимости, оторвавшийся от нее>.

л. 146. Заголовок: «Мелкия стихотворения».

л. 146–146 об. «Земляк! в стране чужой, суровой...» (№ 12.3)

<Отдельный лист>. Половина фабричного листа (210 x 350 мм). Заголовок «Послания».

л. 147. «Так, любезный мой Гораций...» (№ 10.1);

л. 147 об. «К ...» («Живи смелей, товарищ мой...») (№ 27), ст. 1–14. Сначала записано заглавие «Послание к Богдановичу» – и зачеркнуто.

<Отдельные листы>. Двойной листок ип 8° (156 x 208 мм); копии рукой Н. Л. Боратынской (?) (старый шифр: 21805).

л. 148. Копии стихотворений В. И. Туманского «К ней» («Не цвета небеснаго очи твои...»; подпись: «Туманский») и А. А. Дельвига «Романсь» («Прекрасный день, счастливый день...»; подпись: «Барон Дельвиго»).

л. 148–149. Копия стихотворения «Признание» («Притворной нежности не требуй от меня...»; подпись: «Баратынской») (№ 80.2).

<Отдельные листы>. Двойной листок ип 16°, такого же формата, как листы в Тетради № 1.

л. 150–151 об. «Дядьке итальянцу» («Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой...») (№ 229).

424

IV

Поздняя лирика Боратынского: источники, история публикации, проблемы текстологии
ПОЗДНЯЯ ЛИРИКА БОРАТЫНСКОГО: ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ, ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ
Поздняя лирика Боратынского – стихотворения 1835–1844 гг., вошедшие в сборник «Сумерки», не включенные в него, а также написанные после выхода книги, – наименее изученная в текстологическом и источниковедческом отношении часть наследия поэта.

Фактическая история формирования корпуса поздней лирики и текстологическая специфика известных источников стихотворений последних лет до сих пор остаются практически неисследованными: не вполне прояснены обстоятельства работы Боратынского над поздними текстами вообще и сборником «Сумерки» в частности, не установлена история складывания рукописного корпуса, мало изучены первые посмертные публикации стихотворений Боратынского, источники и эдиционные принципы семейных изданий 1869 и 1884 гг. Между тем, как показало специальное обращение к истории поздних текстов Боратынского и их первым публикациям, все эти обстоятельства оказываются весьма существенными для выбора и обоснования основного текста.

Очерченному кругу проблем и посвящена настоящая статья, служащая необходимым дополнением к комментариям тома и обосновывающая принятые текстологические решения. В соответствии со структурой разделов тома и спецификой материала отдельно рассматриваются тексты, вошедшие в сборник «Сумерки»; второй раздел сопроводительной статьи посвящен истории публикации других поздних текстов поэта – прежде всего стихотворений, не опубликованных при жизни Боратынского.

427

ИСТОРИЯ СБОРНИКА «СУМЕРКИ»

И ПРОБЛЕМА ОСНОВНОГО ТЕКСТА

20 мая 1842 г. издатель Август Семен объявлял в «Московских Ведомостях» о поступлении в продажу отпечатанного «на сих днях сочинения Евгения Боратынского “Сумерки”» (Московские ведомости. 1842. 20 мая. № 40. Прибавление. С. 589).

Новая книга стала третьим и последним поэтическим сборником, вышедшим при жизни Боратынского¹. В «Сумерки» вошло всего 26 стихотворений, в основном написанных в

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский 1835–1841 гг. 2 Помещенные в «Сумерках» тексты по большей части уже были прежде опубликованы в периодических изданиях Москвы и Петербурга³, однако, как замечал Боратынский в письме к П. А. Плетневу, «собранные вместе, они должны живее выражать общее направление, общий тон поэта» (цит. по: Летопись. С. 386).

Первые сведения о замысле издания стихотворений, написанных после выхода Изд. 1835, относятся к началу 1840 г. Накануне поездки в Петербург поэт сообщал матери об одной из целей своего путешествия:

Есть и практический смысл: я намерен выгодно продать Смирдину, единственному из наших издателей, располагающему капиталом, право на третье издание моих рифмоплетений, прибавив к ним еще один том последних своих грехов.

(цит. по: Летопись. С. 355)

Сделка со Смирдиным, судя по отсутствию позднейших упоминаний, не состоялась, а хозяйственные заботы заставили Боратынского отложить издательские планы⁴. Лишь к зиме 1841–1842 гг. подмосковная жизнь Боратынских

1 Сборник воспроизводился факсимильно: Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского. факсимильное переиздание 1842 года / Предисл. Н. П. Белевцевой. Музей-усадьба «Мураново», 2000; Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского. М., 1842 // Е. А. Боратынский. Авторская книга лирики: в 4 кн. Кн. 3. М., 2003. См. также: Наст. том. С. 193–288.

2 Явное исключение составляет лишь «Новинское» (№ 193), ранняя редакция которого датируется серединой 1820-х гг.

3 Впервые печатались только стихотворения «Новинское. А. С. Пушкину» (№ 193), «Увы! Творец непервых сил!..» (№ 196), «Филида, с каждою зимою...» (№ 201) и «Здравствуй отрок сладкогласной...» (№ 209).

4 Во второй половине 1840–1841 гг. поэт был занят устройством мурановского имения: постройкой нового дома, организацией пильной мельницы и кирпичного завода. См. его письма Н. В. Путяте, матери и сестре от второй половины 1841–1842 гг. (Летопись. С. 374–377, 379–383).

428

Оборот обложки «Сумерек» с дарственной надписью М. А. Дмитриеву ОРКИР НБ МГУ; шифр: Дмитр. 8940

429

обрела течение «мирное и тихое»³ * 5. Видимо, этим временем и следует датировать работу поэта над сборником.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ СУДЬБА СБОРНИКА: ИСТОРИЯ ДВОЙНОЙ ЦЕНЗУРЫ

К началу января 1842 г., очевидно, была достигнута договоренность с издателем и владельцем типографии А. И. Рене-Семеном и сборник был подготовлен к представлению в Московский цензурный комитет. Стихотворения были переписаны набело, «парадным» почерком⁶ в тетрадь четвертного формата в сине-зеленой обложке (Пд. ф. 33. Оп. 1. № 43). На титульном листе (л. 1; см. фотокопию) рукой самого поэта были вписаны заглавие сборника и выходные данные:

[Сон зимней ночи]⁷

Евгения Боратынского Москва 1842ш года

На нижнем поле титульного листа неизвестной рукой сделана помета: «Из типографии Семена», дублирующая запись на обложке рукой самого издателя: «Из Типографии А. Семена». Вверху титульного листа – запись о времени регистрации рукописи в цензурном комитете: «№ 14 января 14 1842 года». На обложке обозначено имя цензора, которому была определена рукопись: «Г. Цензору Флерову».

Хранившаяся в казанском архиве Боратынских, цензурная тетрадь была использована еще сыновьями поэта в Изд. 1869 и Изд. 1884, о чем свидетельствуют учтенные в изданиях разночтения, известные только по этому источнику⁸. В 1908 г. вместе с другими бумагами из семейного архива внук поэта

3 См. письмо Боратынского матери от второй половины ноября – начала декабря 1841 г.

(Летопись. С. 376).

6 Чьей рукой заполнялась цензурная тетрадь – установить пока не удалось, однако можно точно утверждать, что это не «писарский» почерк, как считал, например, М. Л. Гофман (см. далее). Судя по особенностям почерка, нельзя исключать, что переписчиком стихотворений была

Н. Л. Боратынская.

7 Рукой Боратынского исправлено на «Сумерки».

8 См. разночтения, приведенные в разделах «Варианты» Изд. 1869 (С. 212–213) и «Приложения» Изд. 1884 (С. 36–39) для стихотворений «Новинское. А. С. Пушкину» (№ 193), «Увы! Творец непервых сил!..» (№ 196), «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» (№ 208), «Здравствуй отрок сладкогласной...» (№ 209) и «Осень» (№ 213).

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский 430

А. Н. Боратынский передал ее Ю. Н. Верховскому: в его «Отчете...» еще не прочеи упомянуты «„Сумерки" – тетрадь (копии)» (Верховский 1908. С. 1203).

Богатейшие материалы, полученные Верховским от родственников Боратынского, были положены в основу Академического издания сочинений поэта, вышедшего под редакцией М. Л. Гофмана⁹, который ввел цензурную тетрадь в научный оборот, приведя разночтения по рукописи и дав ее краткое описание:

Цензурная копия последнего сборника Боратынского „ Сумерки “. Копия „Сумерекъ“ написана писарским почерком, но на заглавном листе читаем написанное рукою поэта заглавие: Сон зимней ночи, исправленное им же на Сумерки.

Сочинение Евгения Боратынского. Москва 1842-го года.

(Над. 1914–1915. Т. II. С. 275)

Отметим, что Гофман ссылался на нее как на «цензурную копию» или же называл описательно: «копия „Сумерекъ“, представленная в цензуру», «рукописный экземпляр „Сумерекъ"» (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 291, 293, 295–297, 304 и др.). Верховский, в середине 1930-х гг. получивший возможность подготовить издание сочинений Боратынского, в своих комментариях называл рукопись «цензурованной тетрадью» (Верховский 1935. С. 106 и далее). В изд. 1936 обсуждаемый источник обозначен как «цензурная копия „Сумерек"» (Изд. 1936. Т. I. С. 354–355; Т. II. С. 268, 270, 271, 272, 279), а начиная с изд. 1957 (с. 368–370, 371) за ним закрепилось обозначение «цензурный экземпляр „Сумерек"», принятое в последующей издательской и комментаторской традиции (Изд. 1982. С. 380; Изд. 2000. С. 452; Боратынский 2002. Т. 1. С. 468–469; Справочный том. С. 279–281).

Установившееся именование рукописи позволяет думать, что именно она послужила источником для последующего набора, что имеющиеся в ней цензурные отметки связаны с вмешательством цензора И. М. Снегирева, чье имя выставлено на обороте титула «Сумерек», – иными словами, что цензурная тетрадь фиксирует этап, непосредственно предшествующий появлению книги в печати.

Между тем это очевидным образом не так. Как указано на обороте титула книги, цензурное разрешение было выдано цензором И. Снегиревым «1842 года, Марта 10 дня», в то время как на титульном листе цензурной те

⁹ Гофман вспоминал, что изначально издание было поручено Верховскому, но «тот пропустил все назначенные сроки» (Гофман 2004. С. 206–207), однако Верховский в своей автобиографии 1926 г. утверждал, что издание Боратынского было закреплено за кем-то другим, а ему было поручено собрание сочинений Дельвига (Верховский 2008. С. 732–733).

431

тради имеется помета, сделанная при регистрации рукописей в цензурном комитете «№ 14 января 14 1842 года», но никаких следов цензурного разрешения нет – что совершенно невозможно для успешно прошедшей цензуру рукописи. Более того, там же, на обложке, обозначено и имя цензора, которому был отдан сборник: «Г. Цензору Флерову», а вовсе не Снегиреву, который в итоге подписал дозволение на напечатание книги.

Даже эти факты позволяют заключить, что к окончательной цензурной процедуре рассматриваемая рукопись не имела отношения, а цензурная история сборника, соответственно, была не совсем обычной – поскольку Боратынский имел дело с цензурным комитетом дважды.

Впервые предположение о повторном цензуровании сборника было высказано Е. Н. Купряевой в заметке о «Сумерках»:

Отсутствие на копии цензурного разрешения свидетельствует, что она не была пропущена цензурой и возвращена Баратынскому для требуемых исправлений. Сборник, несомненно, вторично представлялся в цензуру в другой копии, до нас не дошедшей. Можно заключить, что эта копия рассматривалась уже другим цензором, так как ряд непропущенных Флеровым мест вошел в «Сумерки» без изменения. (Изд. 1936. Т. I. С. 355)

Справедливость этих выводов подтверждается документами Московского цензурного комитета, позволяющими прояснить последовательность событий и уточнить статус тетради из семейного архива. В реестре поступающих на рассмотрение цензурного комитета книг под № 14 за 1842 г. значится:

Рук<опись>. Сон зимней ночи сочинение Евгения Боратынского. Из типографии Семена.

Время вступления: Января 10

Когда отдана Цензору: Января 14

(ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 14. л. 126 об.–127)

Этой записи полностью соответствуют пометы на титуле цензурной тетради – как приведенная выше учетная запись («№ 14 января 14 1842 года»), так и приписка на нижнем поле: «Из типографии Семена». На полях «книги для записей рукописей и

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын вплоть до первых чисел марта 1842 г., когда поэт вновь представил рукопись в цензуру. На этот раз он обратился к помощи своего давнего знакомого – И. М. Снегирева, стороннего цензора Московского комитета, о котором говорили, что он «несколько толковее других»¹².

12 Слова из письма Гоголя Плетневу от 7 января 1842 г. (Гоголь 1952. Т. 12. С. 28).

434

4 марта Снегирев записал в дневнике: «Утром были у меня Я. И. Сан- глен, Баратынский и смотритель присутственных мест» (Снегирев 1904. Т. 1. С. 315). Едва ли можно сомневаться, что целью визита поэта к цензору были хлопоты о судьбе его книги. 6 марта 1842 г. рукопись, уже под привычным нам заглавием «Сумерки, сочинение Евгения Боратынского», числом страниц 43, поступила в Московский цензурный комитет. Доставил рукопись сам автор – «Губернский Секретарь Евгений Боратынский» (ЦИАМ. ф. 31. Оп. 1. № 14. л. 142 об.–143). В тот же день книга представлена к рассмотрению на заседании комитета и определена в ответственность Снегиреву (ЦИАМ. ф. 31. Оп. 5. № 168. л. 38 об.); 10 марта она получила цензурное разрешение, зафиксированное на обороте титула и в реестре рукописей (ЦИАМ. ф. 31. Оп. 1. № 14. л. 142 об.–143). Возможно, впрочем, что эта дата цензурного разрешения – более ранняя, чем реальное время одобрения рукописи. В дневнике Снегирева под 8 марта 1842 г. находится следующая запись: «Вечером был у меня Баратынский на счет стихов своих» (Снегирев 1904. Т. 1. С. 315). Можно думать, что во время этого визита цензорские претензии, если они и возникли, были окончательно согласованы с автором, который 12 марта забрал рукопись для передачи в типографию (ЦИАМ. ф. 31. Оп. 1. № 14. л. 142–143); 13 марта на очередном заседании комитета Снегирев доложил об одобрении рукописи¹³. 15 мая отпечатанная книга получила билет на выход в свет¹⁴, и уже 20 мая «Московские ведомости» объявляли о том, что «В КНИЖНОЙ ЛАВ К А. СЕМЕНА на Кузнецком мосту в доме Суровщкова поступило в продажу отпечатанное на сих днях сочинение Евгения Боратынского СУМЕРКИ – цена в бумажке 5 руб. ассигн.» (Московские ведомости. 1842. № 40. 20 Мая. Прибавления. С. 589).

13 «Одобрены к напечатанию с 6 по 13 число сего Марта месяца: <...> Г. Цензором Снегиревым рукопись: Сумерки, соч. Евгения Боратынского <...>» (ЦИАМ. ф. 31. Оп. 3. № 168. л. 41 об.–42).

14 Сведения о дате выдачи цензурского билета – по отчетам Московского цензурного комитета, представленным в Главное управление цензуры (РГИА. ф. 772. Оп. 1. № 1308. л. 228); см. также отметку о выдаче билета «Сумеркам» в журнале заседаний Московского цензурного комитета: «Присутствию Комитета докладываемо было о том, что с 8 по 13 число сего Мая месяца выданы Г. Г. Ценсорами билеты на выпуск в свет отпечатанных книг и нотъ; а именно: Г. Цензором Снегиревым на книги: <...> 3. Сумерки, сочинение Евгения Боратынского» (ЦИАМ. ф. 31. Оп. 3. № 168. л. 70–71 об.). Сохранился один из обязательных экземпляров «Сумерек» (ОРКИР НБ МГУ; шифр: 1 Rg 119; инв. № 246731), отсылавшихся в Цензурный комитет, с верительной записью издателя: «Сим свидетельствую что сии стихи напечатаны сходно во всем. А. Семень».

28*

433

Верительная надпись А. Семена на контрольном экземпляре «Сумерек» ОРКИР НБ МГУ; шифр: 1 Rg 119

436

Все приведенные выше документы не оставляют сомнений в том, что к окончательному цензурному одобрению «Сумерек» сохранившаяся в семейном архиве тетрадь отношения не имеет. И сборник, в том виде, в котором он пришел к читателю, и самое его название – «Сумерки» – фактически стали следствием цензурной неудачи первого варианта книги – «Сна зимней ночи».

ПЕРЕРАБОТКА СБОРНИКА:

ЦЕНзуРА, АВТОЦЕНзуРА, РЕДАКТУРА, ПЕРЕКОМПОНОВКА ТЕКСТОВ

Масштабы переработки книги в январе – марте 1842 г. позволяет оценить сопоставление цензурной тетради с печатным сборником. Неудача в цензуре послужила импульсом для нового пересмотра многих текстов сборника, для продолжения авторской редактуры, что, вообще, отличало творческую работу Боратынского, исключительно взыскательно относившегося к собственным сочинениям. Переработка сборника, вероятно, была начата в цензурной тетради, о чем свидетельствуют отдельные поправки в рукописи, сделанные почерком Боратынского, – прежде всего исправление заглавия: на титульном листе автор зачеркнул первоначальный его вариант: «Сон зимней ночи» – и написал сверху новое: «Сумерки». Теми же чернилами внесены мелкие исправления в стихотворения

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский «Здравствуй отрок сладкогласной...» (№ 209) и «Осень» (№ 213), а также изменена последняя строка «Недоноска» (№ 197.3): вместо эпитета «бессмысленная», зачеркнутого Флеровым, Боратынский вписал сверху над строкой: «В тягость твой простор, о вечность!» (л. 13 об.). Более светлыми чернилами поэт сделал также две поправки в стихотворении «Были бури, непогоды...» (№ 203). Все эти изменения затем вошли в печатный текст «Сумерек».

Следует отметить, что в цензурной тетради имеется также правка Боратынского, которая не была перенесена в итоговый текст. Теми же светлыми чернилами, какими сделаны поправки в стихотворении «Были бури, непогоды...», поэт пробовал изменить чтение ст. 3–4 в тексте «Недоноска» (№ 197.3): «Подымусь до облаков, / И тотчас <?> паду слабея» – «Подымусь до облаков, / И паду крылом слабея»¹⁵, однако в печатном сборнике он предпочел вернуться к первоначальному варианту цензурной тетради: «И едва до облаков / Возлетев, паду слабея» (№ 197.1)¹⁶.

¹⁵ Характерно, что в первой публикации эти стихи читались иначе: «Долетев до облаков, / Опускаюсь я слабея» (№ 197.2), что говорит о настойчивой работе над этим текстовым фрагментом.

¹⁶ Нельзя исключать, что поправки светлыми чернилами Боратынский внес еще перед первой подачей сборника в цензуру.

437

Дальнейшая работа, которая, судя по отсутствию других авторских поправок в цензурной тетради, продолжилась в другой рукописи, была весьма значительной и затронула самые разные уровни построения сборника, начиная от правки отдельных строк и словоформ и заканчивая изменениями в раскладке текстов.

Боратынский полностью переписал первый катрен стихотворения, в рукописи озаглавленного «А. С. П ну», а в «Сумерках» напечатанного уже под заглавием «Новинское» – с посвящением А. С. Пушкину (№№ 193.1; 193.3). Только в «Сумерках» появились заглавия стихотворений «Ропоть» (№ 199) и «Мудрецу» (№ 200), а наличествовавший в цензурной тетради эпиграф к стихотворению «Что за звуки? мимоходом...» (№ 210), наоборот, был в печатном сборнике снят. Поправки были внесены в послание «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» (№ 191), в стихотворения «Последний Поэтъ» (№ 191), «Увы! Творец непервых сил...» (№ 196), «Недоносокъ» (№ 197), «Ропоть» (№ 199), «На что вы дни!» (№ 204), «Толпе тревожный день приветен...» (№ 208), «Здравствуй отрок сладкогласной!..» (№ 209), «Скульпторъ» (№ 211), «Осень» (№ 213), «Благословен святое возвестивший!..» (№ 214) – не считая устранения описок цензурной рукописи.

К числу существенных перемен, произошедших на пути от «Сна зимней ночи» к «Сумеркам», относятся и изменения в составе и порядке следования текстов.

Так, в итоговый сборник не вошло стихотворение «Мую звезду я знаю, знаю...» (№ 217), записанное в цензурной тетради без каких-либо исправлений и помет (л. 9), между стихотворениями «А. С. П ну» (в «Сумерках» – «Новинское. А. С. Пушкину») и «Приметы». Свидетельств о том, почему в окончательный состав «Сумерек» стихотворение включено не было, в нашем распоряжении нет, но едва ли причиной тому послужили требования второго цензора сборника – И. М. Снегирева¹⁷. Таким образом, речь должна идти, по-видимому, о творческом решении Боратынского, обусловленном продолжившейся работой над составом и композицией книги.

и См. сходное суждение в комментарии Л. Г. Фризмана: «Причины по которым стих, не было помещено в С<умерки>, неизвестны, но т. к. возражений цензора оно не вызвало, то, очевидно, оно было исключено из книги самим автором» (Изд. 1982. С. 665; Изд. 2000. С. 498; ср. также Изд. 1989. С. 422).

438

История текста «Мую звезду я знаю, знаю...»

и его исключение из сборника

(№ 217)

Стихотворение, на мотивном уровне обнаруживающее связь со многими текстами готовившегося сборника (в том числе «Новинским» и «Приметами»), можно считать анакреонтической вариацией трагически-медитативного «Бокала», тематическая связь с которым подчеркивается словесными и рифменными переключками¹⁸. Однако шутивная инструментовка любовной темы заметно отличает стихотворение не только от «Бокала», с его трагическими интонациями, но и, пожалуй, от всех стихотворений сборника, в котором любовные мотивы имеют второстепенное значение. Так, любовный жар художника в «Скульпторе» – при всей эротической окраске – прежде всего пыл творца, умеющего «властвовать собой», а в «Новинском» прямо говорится о победе вдохновения над любовным чувством: «Нетъ: это был сей легкой сон, / Сей тонкой сон воображенья, / Что посылает Аполлон / Не для любви, для вдохновенья» (№ 193.3). Соседство на страницах цензурной тетради этих текстов – «Когда, поэта, красота...» и «Мую звезду я знаю, знаю...» – создавало, таким образом, эффект

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский семантического контраста, который Боратынский избрал как важнейший композиционный прием для своего предыдущего сборника – «Стихотворений» 1833 г. 19, но не для «Сумерек», где он, судя по итоговому раскладу книги, предпочел единство поэтического высказывания разнородности инструментовок сходных тем. Подобные мотивно-композиционные соображения могли обусловить окончательное решение Боратынского не помещать «Мою звезду я знаю, знаю...» в «Сумерках». Другую причину исключения стихотворения можно предполагать в обстоятельствах бытования текста после его первой публикации – в альманахе «Утренняя заря на 1840 год». По позднейшему замечанию критика журнала «Пантеон», стихи «Мою звезду я знаю, знаю / И мой бокал / Я наливаю, наливаю / Как наливалъ» «некогда пелись всеми» (Пантеон. 1834. Т. 17. Кн. 10. Отд. IV. Петербургский вестник. С. 7 [6-й пагинации]). Это сообщение

18 Отмечено Н. Н. Мазур. Ср. «И мой бокаль» – «Зашипел ты мой бокаль», «Уста мои : Ни звезда Ли» – «...о друг Ян! : ...сны мои». О рифмопаре «Аи : мои» см. подробнее: Бодрова 2010. С. 100–101.

19 См. исследовательские описания композиционных принципов Изд. 1833: «Стихотворения шли <...> как части, главки лирической автобиографии поэта. Рядом стоящие стихотворения часто контрастировали по теме и настроению» (Изд. 1936. Т. I. С. 333); «...в первой части нового издания, содержащей лирические произведения, был избран иной принцип <...>. Это принцип относительности истин в зависимости от душевного состояния автора: чередование стихотворений, выражающих разные душевные состояния и различно (часто диаметрально противоположно) интерпретирующих одно и то же» (Песков 2002. Т. 1. С. 38).

439

о распространении текста в песенном или куплетном качестве подтверждается и его записью в альбоме под названием «Российский скорописный песенник или разные стихотворения и романсы, писанные Михаилом Зуевым» (ПД. Ф. 244.

Оп. 8. № 65. л. 7). Таким образом, можно предполагать, что Боратынский, перекомпоновывая сборник после первой цензурной неудачи, предпочел снять это «легкое» и песенно-популярное стихотворение как не соответствующее общей тональности книги.

В соответствии с этим авторским решением – не печатать «Мою звезду я знаю, знаю...» среди текстов «Сумерек» – помещаем стихотворение в разделе поздних текстов, не вошедших в сборник.

Однако к изъятию стихотворения «Мою звезду я знаю, знаю...» перестройка структуры сборника, очевидно, не сводилась. Неоднократно отмечались отличия в расположении текстов, завершавших книгу стихов. Последнее стихотворение «Сумерек» – программная «Рифма», в то время как на последнем листе цензурной тетради, уже после «Рифмы», через пробельную страницу, записаны стихотворения «Благословен святое возвестивший...» и «Всегда и в пурпуре и злате...».

Наличие пробельной страницы перед этими двумя текстами (все предшествующие стихотворения записаны без пропуска листов) заставляет предполагать иное время их записи по отношению к основному корпусу сборника. По мнению составителей Справочного тома, эти тексты, «возможно, <...> были переписаны после составления всей рукописи (но до сдачи ее в цензуру)» (Справочный том. С. 281, курсив мой. – А. Б). С этим предположением трудно согласиться, если вспомнить о придирчивости цензора Флерова к таким словам, как «святой» и «благодатный»²⁰. Вряд ли можно думать, что уже первая строка «Благословен святое возвестивший...» не вызвала бы его претензии – но никаких цензорских помет в этом стихотворении нет. Помимо того, вопросы цензора могла вызвать и сама пробельная страница перед двумя последними текстами.

Другое место в цензурной тетради, ставящее перед исследователями целый ряд вопросов относительно хронологии заполнения рукописи, – это запись четырех финальных строк стихотворения «Ахилль» на л. 20 (см. примеч. к № 205), перед которым из тетради вырезано два листа (обозначим их условно л. 19а и л. 19б). Очевидно, что только последние строки «Ахилла» не могли быть впи

20 От придирчивости Флерова пострадал не только поэтический сборник Боратынского – ср. сходные эпизоды из цензурной истории «Москвитянина» (Бодрова 2010а. С. 351–352, 354–358).

440

саны в подготавливаемую для цензурного просмотра тетрадь. Несомненно, на предыдущем, теперь вырезанном, листе (л. 19б об.) – располагались первые 11 строк стихотворения, о чем свидетельствует чернильный отпечаток наверху л. 20 – след указания на место первой публикации стихотворения, аналогичного тем, которые сопровождают записи ряда других текстов (см. ниже).

На л. 19 об., расположенном перед вырезанными листами, также просматриваются следы чернил, которые, судя по их положению на странице, могли отпечататься

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын только с последующего вырезанного листа. Исходя из этого, можно предполагать, что хотя бы один из вырезанных листов изначально был заполнен с двух сторон, но скорее всего тексты были записаны на обоих вырезанных листах (л. 19а, 19б), ведь пробельных страниц в рукописи не делалось. Мы можем уверенно утверждать, что на одной из вырезанных страниц (19б об.) располагалась запись начала «Ахилла», а вот какие тексты (три, два или один) могли быть вписаны на других изъятых страницах (19а, 19а об., 19б) – определить едва ли возможно. Два утраченных листа между л. 19 об. и л. 20 – не единственные вырезанные из тетради. Судя по корешкам, из цензурной рукописи всего было вырезано 6 листов: два между л. 19 и л. 20, один между л. 20 и л. 21, два между л. 23 и л. 24 и один между л. 34 и л. 35. Часть листов была изъята до окончательного заполнения тетради. Два листа, находившиеся между л. 23 и 24, были, очевидно, устранены до того, как там окончательно был записан текст «Что за звуки? мимоходом...»: запись на л. 24 прямо продолжает текст стихотворения, находящийся на предыдущем листе (л. 23 об.). Точно так же дело обстоит с утраченным листом, помещавшимся между л. 34 об. и л. 35, где вписан, без каких-либо разрывов, текст «Рифмы». Сложнее определить судьбу вырезанного листа между л. 20 об. и л. 21 – нельзя исключать, что и на нем могли располагаться записи стихотворений (одного или двух), которые затем были изъяты из цензурной тетради. Но не менее вероятно, что этот лист был вырезан из-за помарки или ошибки, до появления на л. 21 записи «Еще как Патриарх не древен я...». По крайней мере, судя по отпечатку чернил вверху л. 20 об., который, несомненно, представляет собой след пометы Боратынского над «Еще как Патриарх не древен я...» на л. 21, вырезанный лист уже отсутствовал в тетради в момент появления этой записи. Но когда и с какой целью могли быть сделаны пояснительные пометы Боратынского о месте первых публикаций? Считается, что указания поэта, помещенные при стихотворениях «Бокаль» (л. 17 об.), «Были бури, непогоды...» (л. 18), «Еще, как Патриарх не древен я...» (л. 21), «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» (л. 21 об.), «Рифма» (л. 34), были сделаны в ответ на замечания цензора (см., например, Справочный том. С. 281),

441

в защиту чтений, уже пропущенных прежде цензурой. Если согласиться с этой мотивировкой, то остается неясным, почему Боратынский не поместил этих указаний при других текстах, которые также публиковались не впервые и тоже вызвали претензии Флерова («Последний Поэт», «Недоносок», «Тщетно, меж бурною жизнью и хладною смертью, философ...»). Логично предполагать, что, полемизируя с замечаниями цензора, автор должен был привести все аргументы в свою пользу, а не ссылаться только на часть публикаций. Исходя из этого, можно думать, что уточняющие пометы были сделаны перед отправкой рукописи в цензуру, чтобы упредить возможные претензии к отдельным, наиболее уязвимым из опубликованных прежде текстов.

Косвенный аргумент в пользу этой гипотезы можно видеть в характере отметок рядом с уцелевшими строками «Ахилла» на л. 20. Отпечаток чернил вверху страницы свидетельствует в пользу существования записи о первой публикации стихотворения на предшествующем, вырезанном листе. В то же время сохранившиеся строки «Ахилла» отчеркнуты только двумя карандашными чертами и отмечены знаком вопроса, а не помечены красно-коричневыми чернилами цензора, замечания которого, по всей вероятности, должен был вызывать хотя бы заключительный стих «На живую виру сталь». Конечно, нельзя исключать, что эти карандашные отчеркивания – позднейшего происхождения, однако следует отметить, что все прочие карандашные пометки (не считая архивной нумерации листов) в цензурной тетради явно принадлежат цензору, сначала отмечавшему грифелем сомнительные места. Более того, отчеркивая целиком стихотворение «Были бури, непогоды...», Флеров поставил на полях такие же карандашные знаки вопроса (л. 18, 18 об.), как и рядом с четырьмя последними строками «Ахилла», а затем обвел их чернилами.

Но почему же тогда сомнительные строки «Ахилла» в свою очередь (как следовало бы ожидать) не были отмечены чернилами цензора поверх карандаша? Единственное, что можно предположить в данном случае, – что предыдущий лист с началом стихотворения был вырезан самим автором до подачи рукописи в цензуру, и знак вопроса на полях выражает не цензурную претензию к тексту, а недоумение Флерова, увидевшего отрывочную запись, конец без начала. Если это предположение верно, то тогда отпечаток чернил на л. 20 и наличие пояснительной записи на вырезанном листе с началом «Ахилла» – еще одно подтверждение тому, что записи о первых публикациях делались не после возвращения рукописи от Флерова, а перед посылкой тетради в цензурный комитет. Однако других, более надежных подтверждений предложенной реконструкции в нашем распоряжении нет, и утверждать, что дело обстояло именно таким образом, было бы неосторожно.

442

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
Между тем наличие трех вырезанных листов позволяет предполагать, что в своем первоначальном составе цензурная тетрадь насчитывала еще несколько текстов: минимум один (тот, что был записан на обороте листа с первыми строками «Ахилла») и максимум пять (если все три вырезанных листа были заполнены короткими текстами). Высказывать предположения о количестве и составе этих текстов нам дают основания только записи стихотворений, которые были внесены в цензурную тетрадь после того, как сложился ее первоначальный корпус. Это, с одной стороны, записи «Благословен святое возвестивший...» и «Всегда и в пурпуре и злате...», сделанные на последнем листе цензурной тетради, судя по почерку, ненамного позже основного массива записей, а с другой стороны – значительно более поздние записи Н. Л. Боратынской, чьей рукой внесен полный текст «Ахилла» (на л. 10 об.) и две редакции стихотворения, традиционно публикуемого под заглавием «Коттерии» («Братайтесь, к взаимной обороне...» и «Братайтесь, к заботливой защите...» – № 221.1 и 221.2). Кажется, есть основания предполагать, что все эти записи были сделаны с целью сохранить в тетради тексты, которые предназначались для сборника, но которые – по причинам творческого или цензурного характера – не вошли ни в «Сумерки» (как «Коттерии»), ни в основной массив записей цензурной тетради.

Об изначальном местоположении, порядке следования, а также причине изъятия названных текстов нельзя сказать ничего определенного. Вероятно, эти три текста примыкали к записи «Ахилла» и располагались на вырезанных лл. 19а, 19а об., 19б. Причиной их изъятия могла быть автоцензура еще на этапе подготовки рукописи для первого представления в Московский цензурный комитет (см. выше о вероятном времени изъятия листа с началом «Ахилла»): опасения Боратынского могла вызвать судьба «Ахилла» (ср. помету о месте первой публикации стихотворения в оглавлении «Сумерек») и, с еще большей вероятностью, «Коттерии». Если они были записаны на разных листах, то их устранение неизбежно влекло за собой изъятие текстов, которые располагались на смежных страницах.

С другой стороны, нельзя исключать, что помимо цензурных мотивов, Боратынский руководствовался композиционными соображениями – не случайно в «Сумерках» «Благословен святое возвестивший...» и «Всегда и в пурпуре и злате...» изменили свое положение в структуре сборника. В таком случае устранение листов в середине тетради могло быть произведено как до сдачи рукописи в первую цензуру, так и после возвращения тетради от цензора Флерова.

443

«Братайтесь, к взаимной обороне...»: история записи двух редакций
Отдельного пояснения заслуживает история появления сохранившихся записей двух вариантов эпиграммы «Братайтесь, к заботливой защите...» (№ 221.2) / «Братайтесь, к взаимной обороне...» (№ 221.1) на л. 19 об. цензурной тетради. Само наличие двух редакций, следы правки в одной из них, а также почерк Н. Л. Боратынской, отличающий эти тексты от основного корпуса цензурной тетради, свидетельствует о позднейшем, «послецензурном» их происхождении. На это впервые обратила внимание Е. Н. Купреянова, предположившая, что «записи <...> восстанавливают текст эпиграммы, первоначально находившейся на одном из утраченных ныне листов или же добавленной к сборнику во второй <...> копии и вымаранной там цензурой» (Изд. 1936. Т. I. С. 333). По мнению Купреяновой, эпиграмма могла либо изначально входить в первый вариант сборника, цензурировавшийся Флеровым, либо предназначаться уже для «Сумерек», но как в том, так и в другом случае причиной изъятия стихотворения, согласно ее интерпретации, должно было быть непосредственное цензурное вмешательство.

Наличие записей эпиграммы в цензурной тетради – безусловный аргумент в пользу предположения, что Боратынский собирался включить стихотворение в сборник. В цензурной рукописи содержатся только записи текстов, предназначенных для поэтической книги, и очень затруднительно предполагать, что «Коттерии» была единственным исключением. Как показывает реконструкция записей на вырезанных листах, очень вероятно, что эпиграмма входила в первоначальный состав сборника – «Сон зимней ночи», о возможном намерении Боратынского включить текст в «Сумерки» говорить затруднительно, однако вовсе исключать такую возможность тоже нельзя. Однако почти наверняка можно утверждать, что в первоначальном варианте сборника должна была быть помещена ранняя редакция эпиграммы – «Братайтесь, к заботливой защите...» (№ 221.2), которую Н. Л. Боратынская записала первой на свободном пространстве л. 19 об., сразу вслед за окончанием стихотворения «На что вы, дни!..». Установить точное время ее появления не представляется возможным: может быть, жена поэта вписала текст сразу же после возвращения рукописи от цензора Флерова, но не менее вероятно и более позднее происхождение этой записи. Несомненно лишь то, что вторая редакция («Братайтесь, к взаимной обороне...» – № 221.1) была вписана в цензурную тетрадь значительно позднее того времени, когда в рукописи появилась первая запись. Если бы на момент записи уже существовала

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский поздняя редакция (которая, что немаловажно, воспроизведена многочисленными копиями из семейного архива), то не имело бы никакого смысла вписывать сначала более ранний текст, чтобы затем сразу же вносить в него правку.

444

О временной дистанции между записями двух редакций говорят и их палеографические особенности: исправления в первой редакции и запись второй сделаны другими чернилами, существенно отличается и почерк Н. Л. Боратынской в записях двух текстов, что было бы невозможно при одновременном их появлении.

Абсолютную хронологию записей в цензурной тетради позволяет уточнить новонайденная копия эпиграммы, рукой С. А. Соболевского, где текст записан в несколько иной редакции («Братайтесь! вы бдительной защите...») – под заглавием «Котерия» (№ 221.3). Ее запись на одном листе со стихотворением «Когда твой голос, о Поэт...» (№ 226), а также редакторские пометы Плетнева на обоих текстах (см. примеч. к № 221.3 и № 226) свидетельствуют о том, что оба текста были переписаны Соболевскому для передачи в «Современник» в конце 1843 г. Обращение к его посредничеству было, по всей видимости, вызвано тем обстоятельством, что переписку с ним осенью 1843 г. Боратынский вел более интенсивно, чем с Плетневым: советы и рекомендательные письма Соболевского могли сослужить поэту полезную службу ввиду его близившегося приезда в Париж, где у Соболевского было множество светских и литературных знакомых.

На основании даты свидетельства из типографии и цензурного билета 12-му номеру «Современника» (30 ноября и 1 декабря), где было напечатано «Когда твой голос, о Поэт...», можно примерно датировать создание этой редакции эпиграммы. Осенью 1843 г. Боратынский путешествовал по Германии и Франции, откуда письма в Петербург шли примерно три недели – соответственно, чтобы успеть попасть в 12-ю книжку «Современника», стихотворения должны были быть посланы не позднее начала ноября 1843 г.

При этом копия Соболевского, как показывает сопоставление с обеими записями в цензурной тетради, обнаруживает существенную близость к ранней редакции эпиграммы – «Братайтесь, к заботливой защите...». В копии Соболевского мы находим ту же опоясывающую рифмовку катренов (в отличие от перекрестной в поздней редакции) и, соответственно, сходные синтаксические конструкции, тот же образ в зачине («бдительной защите / ничтожностей своих»). С поздней редакцией, однако, копию Соболевского сближает евангельская формула финального пуанта: вместо «Воистину вьшал он вам...» ранней редакции – «Аминь, аминь, вьшал он вам...». На этом основании можно предполагать, что копия Соболевского отразила промежуточную редакцию эпиграммы, первый шаг от раннего текста, изначально вписанного в цензурную тетрадь, к позднему его варианту.

Показательно также, что близость к ранней редакции «Коттерии» и еще большую к копии Соболевского обнаруживает и французский автоперевод эпиграммы (см. примеч. к № 221.3), сделанный в Париже зимой 1843–1844 гг., то есть несколько позже, чем копия Соболевского. Во французском переводе, как и в копии Соболевского, и в ранней редакции цензурной тетради, обращение к

443

«глупым и коварным писакам» (ср. «бездарные писцы хлопотуны») предваряет императивный призыв «*mais ne conviez pas le vrai talent a boire a votre soupe*». В позднейшей редакции императив «Но в свой притон таланта не зовите» был заменен на утверждение в изъявительном наклонении («Но дар прямой не брат у вас в притоне»), а обращение к литературным недругам перемещено в заключительную часть фразы. О наибольшей близости автоперевода именно к варианту копии Соболевского свидетельствует формулировка финального пуанта: «*Atep, Atep, vous dira-t-il...*» – «Аминь, аминь, вьшал он вам...», представляющая наиболее значительное расхождение с ранней редакцией цензурной тетради («Во- истинну вьшал он вам...»)21.

Таким образом, можно предполагать, что к концу 1843 – началу 1844 г., времени, когда была создана копия Соболевского и сделаны французские автопереводы, поздней редакции эпиграммы еще не существовало. Актуальным текстом для поэта была первая, ранняя редакция, над которой он продолжал работу, что отразилось в копии Соболевского. Все это заставляет думать, что время записи ранней редакции в цензурной рукописи должно быть, видимо, ограничено отъездом Боратынских в путешествие22 – то есть ее появление следует датировать второй половиной января 1842 – началом сентября 1843 г.

Поздняя редакция, в свою очередь, должна быть датирована самыми последними месяцами жизни Боратынского, раз еще в Париже поэт воспроизводит в переводе раннюю редакцию эпиграммы23. Едва ли Н. Л. Боратынская могла вписать новую редакцию в цензурную тетрадь при жизни поэта – трудно предполагать, что эта рукопись была взята в заграничное путешествие. Таким образом, необходимо согласиться с предположением Е. Н. Купреяновой о посмертной записи этого

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский вариант текста. Косвенным подтверждением этой гипотезы могут служить и другие копии эпиграммы (см. примеч. к № 221.1), сохранившиеся в

21 Другое смысловое отличие между ранним вариантом цензурной тетради и копией Соболевского – эпитет в зачине («бдительной защите» / «заботливой защите») – при сопоставлении с французским автопереводом не столь показательно. Хотя основное значение глагола «veiller» ('бодрствовать', 'бдеть') ближе к эпитету в копии Соболевского («бдительный»), но определение ранней редакции цензурной тетради – «заботливой защите» – корреспондирует с переносным значением «veiller» ('следить', 'заботиться').

22 Боратынский с семейством выехал в Петербург в начале сентября (около 3-го) 1843 г., откуда, пробыв в столице примерно десять дней, в конце 10-х чисел сентября отправился за границу с женой, старшей дочерью Александрой и сыновьями Львом и Николаем (Летопись. С. 398–399).

23 Интересно заметить, что уже французском автопереводе появляется мотив «взаимной обороны посредственностей» («Иа defence de vos mediocrites respectives»), возникающий затем и в поздней редакции («Братайтесь, к взаимной обороне / Ничтожностей...»), что может быть признано дополнительным аргументом в пользу предложенной хронологии.

446

семейном архиве, которые следует датировать временем после смерти Боратынского, – все они дают текст второй редакции, которую, очевидно, в семье считали окончательной²⁴.

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА «ОСНОВНОГО ТЕКСТА»

а) «Сумерки» vs цензурная тетрадь

Обратимся теперь к принципиальной текстологической проблеме, не раз обсуждавшейся в связи с «Сумерками», – проблеме выбора основного текста. В эдиционной традиции, основанной на принципе отражения «последней авторской воли», источником основного текста для большинства стихотворений сборника, разумеется, выступала печатная книга, однако в ряде случаев чтение «Сумерек» отвергалось в пользу вариантов цензурной тетради.

По мнению редакторов предшествовавших изданий Боратынского, запретительные пометы Флерова в цензурной рукописи представляли собой достаточное основание, чтобы предполагать сугубо вынужденный характер правки в тех текстах, которые вызвали замечания первого цензора сборника, – стихотворениях «Недоносокъ» (№ 197), «Тщетно, меж бурною жизнью и хладною смертью, философ...» (№ 200) и «Были бури, непогоды...»

(№ 203):

ст. 36 <стихотворения «Недоносокъ»> напечатана с цензурным искажением <...>; изменение <в заключительных строках стихотворения «Мудрецу»> вызвано пометкой цензора в копии «Сумерек» (Изд. 1936. Т. II. С. 270–271; ср. также Изд. 1937. С. 368–370, Изд. 1982. С. 644–646);

24 Необычное, на первый взгляд, вмешательство Н. Л. Боратынской в рукописи покойного поэта согласуется с мемориальной деятельностью вдовы, развернувшейся по ее возвращении в Петербург. Как будет показано далее, именно после смерти Боратынского стараниями Настасьи Львовны формируется основной корпус копий его поздних стихотворений, которые она вписывает в свои альбомы, основываясь на рукописях, разысканных в Москве и Муранове. При этом можно думать, что запись второй, поздней редакции «<Коттерии»> не была единственным следом посмертного обращения Н. Л. Боратынской к цензурной рукописи. Эта запись эпиграммы, внизу л. 19 об. цензурной рукописи, по цвету чернил и почерку, очень похожа на ряд других записей Настасьи Львовны в рассматриваемой тетради – запись полного текста «Ахилла» в окончательной редакции (л. 10 об.) и исправление в финале «Скульптора»

(л. 23 об.)

447

по требованию цензуры изменена заключительная строка «<Недоноска»> – см. в цензурном экземпляре <...>; цензором отчеркнуто «словом тревожным», отчего Боратынский сделал исправление, вошедшее в печатный текст.

(Справочный том. С. 289, 293)

История работы Боратынского над сборником заставляет признать эти выводы необоснованными: по цензурной тетради, отражающей лишь ранний этап подготовки книги, невозможно судить о повторной цензуре сборника. Как было показано, отметки первого цензора в большинстве своем никак не повлияли на позднейшие чтения «Сумерек»: «Последний Поэть», «Бокаль», «Еще как Патриарх не древен я...», «Толпе тревожный день приветен...», «Рифма» были напечатаны безо всяких изменений, несмотря на претензии Флерова, а исправления, внесенные в названные

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
тексты, не сводились к прямому исполнению требований цензора. Отметки Флерова никак не могут выступать свидетельством о претензиях Снегирева, которые только и могли повлиять на тексты, вошедшие в окончательный вариант сборника.

На нынешнем этапе источниковедческих разысканий мы не располагаем надежными свидетельствами, позволяющими четко выделить подлежащие устранению в критическом тексте собственно цензурные поправки в текстах «Сумерек», если таковые были. Анализ разночтений между цензурной тетрадью и итоговым вариантом сборника убеждает в том, что после возвращения рукописи из первой цензуры Боратынский предпринял серьезную переработку и перекомпоновку книги, вызванную как внешними причинами (неудача в цензуре), так и авторской требовательностью самого поэта. В его правке, очевидно, сказалось как стремление к собственно редактуре, так и необходимость учитывать цензурное давление, что могло сказаться, в частности, в автоцензурных исправлениях. Принципиальнее, однако, тот факт, что на сегодняшний день мы не имеем свидетельств, позволяющих разграничить редакторские поправки Боратынского, вероятное цензурное вмешательство и автоцензурную правку. Таким образом, необходимо признать, что на статус «исторически подлинного» текста «Сумерек» имеет основание претендовать только печатный вариант сборника, который единственно может быть квалифицирован как выражение последней авторской воли применительно к текстам, в него вошедшим. Цензурная тетрадь из семейного архива отражает более ранний этап истории книги, и внесение исправлений в окончательный текст сборника с опорой на чтения рукописи чревато неоправданной контаминацией разновременных редакций²⁵.

Ср. принципиальное замечание Б. В. Томашевского об опасности и недопустимости контаминации разновременных редакций: «...единство редакции не должно упускаться из виду ре-

448

б) Поздние редакции и проблема «последней авторской воли»

Текст «Сумерек» представляется более авторитетным и в тех случаях, когда известны иные источники, фиксирующие авторскую переработку отдельных стихотворений. Первым в ряду таких источников должен быть упомянут так называемый «мурановский» экземпляр «Сумерек», где рукой Боратынского внесен ряд исправлений в тексты «Последнего Поэта» и «Недоноска» (по указанию Верховского, этот экземпляр принадлежал Н. В. Путяте [Верховский 1935. С. 107], хранился в Муранове, был в распоряжении сыновей Боратынского, когда они готовили Изд. 1869 и Изд. 1884, затем перешел к Н. И. Тютчеву [см.: Изд. 1936. Т. II. С. 267], впоследствии – к К. В. Пигареву [см.: Изд. 1951. С. 580; Изд. 1957. С. 366; Изд. 1982. С. 641], а сейчас находится во владении его наследников и для верификации недоступен).

На первый взгляд, эта правка должна быть квалифицирована как выражение «последней авторской воли» – поправки относятся к более позднему времени, чем текст печатных «Сумерек», и, очевидно, внесены автором по творческим соображениям. Между тем обстоятельства появления этих поправок, их прагматика, а также соотношение с другими источниками позднейших редакций до сих пор оставались непроясненными.

Существуют три равновероятных возможности того, когда поправки могли быть внесены в «мурановский экземпляр». Если предполагать, что книга была подарена автором Н. В. Путяте лично, то их нужно датировать временем между выходом «Сумерек» (май 1842 г.) и отъездом Боратынских за границу в сентябре 1843 г.* 26 Также поправки могли быть сделаны в экземпляре, оставшемся в Муранове, который попал к Путятам, когда владелицей усадьбы стала С. Л. Путята²⁷, и в этом случае датировать пометы надо тем же периодом:
дактором. Всегда есть опасность вместо единой редакции дать совмещение разных редакций, компиляцию» (Томашевский 1928. С. 170).

26 В архиве Путяты сохранились погодные списки книг, пополнявших его библиотеку: в числе книг 1843 г., наряду с «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя, фигурируют и «Сумерки» (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 42. Л. 4 об.). По-видимому, Боратынский не успел вручить Путятам свой новый сборник до их отъезда в заграничное путешествие (середина мая 1842 г. – Летопись. С. 385) – этим, вероятно, объясняется получение и «Сумерек», и «Мертвых душ» только через год после их выхода. Если мурановский экземпляр и есть книга, зафиксированная Путятой в списке 1843 г., можно предполагать, что она была подарена летом или в начале осени 1843 г. – между возвращением Путят из-за границы и отъездом Боратынского в Европу.
27 С. Л. Путята стала владелицей Муранова осенью 1850 г. (Долгополова, Тархов 1989. С. 606).

29 – 5341

449

конец мая 1842 – конец августа 1843 г. Наконец, нельзя исключить, что этот экземпляр «Сумерек» Боратынский брал с собой в заграничное путешествие, во время

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский и сделал эти поправки (тогда их следует датировать осенью 1843 – июнем 1844 гг.), и при таком стечении обстоятельств книга должна была попасть к Путяте уже через вдову поэта.

Однако вне зависимости от точной датировки помет необходимо обратить внимание на еще один источник, позволяющий судить о позднейших редакциях некоторых текстов «Сумерек», – это уже упоминавшиеся в связи с эпиграммой «Братайтесь, к взаимной обороне...» французские автопереводы, сделанные Боратынским в Париже зимой 1843–1844 гг. по просьбе графа А. де Сиркура. В числе автопереводов есть и переложение «Последнего Поэта» – «Le Dernier Poete»²⁸. Текстуальное сопоставление этого перевода с редакцией «Сумерек», с одной стороны, и поправками в мурановском экземпляре – с другой, показывает, что во французском тексте была воспроизведена только часть «мурановской» правки:

14 Носит понт торговли груз

(Мурановск. экз.)²⁹

Дышать роскошь, блещет вкус (Сумерки)

43–44 Бодрым сердцем покоримся Думам робким, а не им!

(Мурановск. экз.)

Жарким сердцем покоримся Думам хладным, а не им!

(Сумерки)

...Le commerce y envoie ses vaisseaux [коммерция шлет туда свои корабли]

Coeurs vaillants! Pourquoi souscrivez-vous A des traites pusillanimes?

[Смелые <букв. бодрые> сердца!

Отчего вы подчиняетесь робким договорам?]

При этом другие фрагменты автоперевода оказываются более близкими к редакции «Сумерек»:

28 Такое заглавие мы находим во всех известных комплектах копий: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. л. 20–21; ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 48–49; № 40. л. 33–36; № 34.

л. 3–6. Далее автоперевод «Последнего Поэта» цитируется по копии из архива Н. В. Пу-тяты.

29 Разнотчения «мурановского экземпляра» приводятся по публикации К. В. Пигарева (см. примеч. к № 191), чем объясняется орфографический режим в цитатах. 430

68 Сия скала... тень Сафо!

Песни волн...

(Мурановск. экз.)

Сия скала тень Сафо!...

голос волнь

(Сумерки)

... l'ombre de Sapho, cette roche celebre, la voix de la vague harmonieuse....

[... тень Сафо, эта знаменитая скала, голос гармонических вод...]

В случае с последней строфой, также отмеченной авторской правкой в мурановском экземпляре, французский перевод вообще довольно далеко отходит от подлинника³⁰, но семантически выражение «le bruit des vagues» («шум волн»), конечно, ближе к варианту «Сумерек» («глас морской»), чем к исправленному чтению мурановского экземпляра («вал морской»).

Текст французского перевода, с одной стороны, явно свидетельствует о продолжившейся работе автора над стихотворением, но с другой – существенно осложняет вопрос о последней авторской редакции. При немногочисленности и неоднозначности фактических свидетельств представляется затруднительным достоверно установить, какой именно текст – тот, который был положен в основу французского автоперевода, или же редакция мурановского экземпляра – отражает наиболее позднюю авторскую редакцию. Может быть, просьба Сиркура послужила импульсом для нового обращения к прежним текстам, и поправки в экземпляре «Сумерек» зафиксировали следующий, после составления автопереводов, этап существования текста – если справедливо предположение о том, что книга была взята Боратынским в путешествие. Или же книги в путешествие поэт не брал, – а внес изменения в тексты сборника до отъезда за границу, но затем в части случаев предпочел вернуться к прежним вариантам. Тогда текст мурановского экземпляра нельзя считать окончательным, отражающим последнюю авторскую волю – более того, он не отражает даже хронологически позднейшую редакцию.

Рассматривая проблему последней авторской воли применительно к Боратынскому, необходимо также учитывать специфику отношения поэта к своим текстам. Он не прекращал их править и переделывать: судя по всему, даже самые поздние из известных нам редакций Боратынский не считал окончательными и не подлежащими последующей правке. О продолжавшейся работе поэта над уже не раз опубликованными текстами свидетельствуют его пометы и поправки

30 «Ei le monde, comme devant, rayonne de luxe inanime; il dore et redore

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
son vieux squelette, mais l'homme reve malgre lui au bord de l'Océan, mais le
bruit des vagues tinterdit, mais il quitte la greve, l'ame melancolique et
troublee» [«И мир, как и прежде, блистает безжизненной роскошью; он снова и
снова золотит свой древний остов, но человек невольно предается мечтам на берегу
Океана, но шум волн мешает ему, и он покидает берег с душой печальной и
встревоженной»].

29*
451

на печатных изданиях – помимо правки в мурановском экземпляре, известны
исправления Боратынского в печатном тексте «Бала» 1828 г., «Стихотворений» 1835
г. Яркое свидетельство той же авторской взыскательности – переработка поэмы
«Цыганка», которую, судя по сохранившимся черновикам и семейным сведениям,
Боратынский предпринял в 1842 г. 31

Таким образом, применительно к текстам Боратынского говорить о последней
творческой воле автора – в тех случаях, когда она не нашла воплощения в
авторитетных прижизненных публикациях – затруднительно. С надежным основанием
можно говорить лишь о хронологически более поздних редакциях, однако при
множественности источников, как в случае с «Последним поэтом», достоверно
установить самый поздний вариант текста не всегда возможно, поэтому наиболее
корректным текстологическим решением нужно считать интерпретацию рассмотренных
стилистических исправлений как позднейших вариантов относительно дефинитивного
текста печатных «Сумерек».

Сходный случай представляет собой история финального текста сборника «Сумерки» –
стихотворения «Рифма», которое уже в первом посмертном собрании (Изд. 1869) было
напечатано иначе, чем в книге 1842 г. – главным образом за счет 10-строчной
вставки после ст. 13 (см. № 215.2). Непосредственный рукописный источник этой
публикации не известен, однако этот же 10-ти строчный фрагмент есть в одной из
копий «Рифмы», записанной Н. Л. Боратынской в альбом «Souvenir», где он
сопровождается пометой «* (пропущенные стихи ценсурой)».

Сколько известно, текст представлялся на рассмотрение цензуры трижды: при
публикации в «Современнике», при первой подаче в цензуру рукописи «Сна зимней
ночи» и, наконец, при окончательном разрешении «Су

31 В архиве Боратынских сохранились черновики поэта, отразившие работу над
отдельными фрагментами «Цыганки» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 30); судя по формату
бумаги и другим нетворческим записям на этих листах, переработку поэмы нужно
датировать тем же временем, что и черновики стихотворений «Опять весна, опять
смеется луг...» (№ 224) и «Люблю я вас Богини пенья!..» (№ 223). Полный текст
«Цыганки» в новой редакции сохранился только в копиях Н. Л. Боратынской: ПД. Ф.
33. Оп. 1. № 38. л. 61–76 (заглавие: «Цыганка, переделанная в 1842. Написано в
1830»); № 40. л. 47–36 (заглавие: «Цыганка переделана в 1842 году в Муранове»);
№ 41. л. 10–44 (заглавие: «Цыганка. Переделанная в 1842 году»). Основываясь на
сведениях из семейного архива, о создании новой редакции поэмы в последние годы
жизни отца сообщал Л. Е. Боратынский в своих биографических статьях о поэте: «С
осени 1839 по осень 1843 года, поэт жил с семейством постоянно в деревне, один
год в Тамбовской губернии, в селе Вяжле, у своей матери, а остальное время в
подмосковной, в сельце Муранове. Там издано им собрание некоторых стихотворений,
под названием „Сумерек“, 1842 г., переделана поэма „Цыганка“ (которая однако не
была в то время напечатана в исправленном виде) <...>» (Боратынский Л. Е. 1869.
С. 71 – 72).

432

мерек». При этом в первых двух случаях текст, предполагавшийся к печати,
обсуждаемого фрагмента не содержал: его нет в копии Путяты, послужившей
источником журнальной публикации (см. примеч. к № 215.1), как нет его и в
цензурной тетради. Следовательно, если указание Н. Л. Боратынской верно, эти
строки могли быть не пропущены только И. М. Снегиревым при повторной цензуре
сборника.

Исходя из всех известных фактов о цензурной судьбе «Сумерек», такое
предположение кажется маловероятным, и правдоподобнее счесть указание жены поэта
ошибочным, однако полностью исключать такую возможность нельзя. Как видно из
сопоставления цензурной тетради с окончательным вариантом сборника, Боратынский
существенно переработал отдельные тексты перед повторной подачей книги в
цензуру, а о претензиях Снегирева мы не имеем никаких свидетельств, кроме
особого примечания к стихотворению «Ахилль» в оглавлении «Сумерек»,
свидетельствующего о возможных сомнениях цензора относительно этого текста.
Может быть, готовя сборник к вторичному представлению в цензуру, Боратынский
внес этот фрагмент в текст «Рифмы», однако Снегирев не счел возможным пропустить
его в печать.

Более того, теоретически нельзя исключить и другие «цензурные» версии событий:

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский (а) Боратынский собирался печатать «Рифму» (начало работы над которой неизвестно) еще до 1841 г., но наткнулся на цензурные препоны и внес соответствующие изменения в текст, предназначенный для «Современника»; (б) Боратынский исправил текст стихотворения уже после публикации в «Современнике» (т. е. в течение 1841 г.) и, пытаясь напечатать новую редакцию в периодике, столкнулся с цензурными трудностями; (с) Н. Л. Боратынская собиралась напечатать отвергнутую по творческим причинам редакцию «Рифмы» уже после смерти поэта, но эта публикация не прошла цензуру, etc.

Как бы то ни было, в окончательный текст сборника записанный Н. Л. Боратынской фрагмент не вошел – по цензурным или творческим обстоятельствам. В пользу последнего предположения говорит тот факт, что этих строк нет во французском автопереводе «Рифмы»³², выполненном, как и переложение «Последнего Поэта», зимой 1843–1844 гг. в Париже, когда Боратынский был ни в коей мере не стеснен цензурным давлением.

Все эти обстоятельства не позволяют назвать такой расширенный вариант «Рифмы», зафиксированный в альбомной копии Н. Л. Боратынской и

³² Текст автоперевода идентичен во всех известных копиях, где помещен под заглавием

«La Rime»: РГАЛИ. Ф. 394. Он. 1. № 73. л. 18–18 об.; ПД. Ф. 33. Он. 1. № 38. л. 46 об.; № 40. л. 31 об.; № 34. л. 2 об.–3.

433

посмертном издании 1869 г., проявлением «последней авторской воли». Более того, мы не имеем даже надежных оснований для его датировки. Таким образом, исходя из известных на сегодняшний день источников, нельзя согласиться с решениями всех наиболее авторитетных изданий Боратынского, в которых, начиная с Изд. 1914–1915, в качестве основного текста печаталась расширенная редакция «Рифмы». Ни сводный текст копии Н. Л. Боратынской в альбоме «Souvenir» (принятый в качестве источника текста в Изд. 1914–1915, Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000), ни редакция, напечатанная сыновьями поэта (Изд. 1869, Изд. 1884 и основанные на последнем издании тексты в Изд. 1936, Изд. 1951, Изд. 1957) не могут быть помещены среди текстов «Сумерек» как отражающие окончательную авторскую редакцию. Наиболее корректным текстологическим решением представляется и здесь выбор в качестве основного текста печатного текста «Сумерек» и выделение расширенного текста в особую редакцию.

ПОЗДНИЕ И ПОСМЕРТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ БОРАТЫНСКОГО:

ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ И ВЫБОР ОСНОВНОГО ТЕКСТА

«Стихотворения 1835–1844 гг., не вошедшие в книгу „Сумерки⁴⁴ или написанные после ее выхода», в источниковедческом отношении представляют собой разнородный корпус, включающий в себя:

- 1) стихотворения, отданные в печать самим Боратынским и опубликованные при его жизни;
- 2) тексты, при жизни поэта не напечатанные, но сохранившиеся в черновых автографах;
- 3) стихотворения, известные только в посмертных копиях из семейного архива и позднейших публикациях.

Важной особенностью всего рассматриваемого корпуса является то обстоятельство, что все эти тексты сохранились в многочисленных копиях из семейного архива. Однако источниковый статус этих копий не одинаков и может быть определен только в соотнесении с другими известными источниками текста. Таким образом, проблема выбора основного текста применительно к выделенным подкорпусам поздних текстов Боратынского должна решаться по-разному.

454

I. ТЕКСТЫ, НАПЕЧАТАННЫЕ ПРИ ЖИЗНИ БОРАТЫНСКОГО

Помимо текстов, вошедших в «Сумерки», в последние годы жизни Боратынский опубликовал незначительное число стихотворений: «Звезды» («Мою звезду я знаю, знаю...»; № 217) и «Обеды» (№ 218) – в альманахе В. А. Владиславлева «Утренняя заря на 1840 год»; послание «С книгою: Сумерки С. Н. К.» (№ 222) в «Современнике» 1842 г.; «Когда твой голос, о Поэт...» (№ 226) – в последней книжке журнала Плетнева за 1843 г. и, наконец, «Пироскафъ» (№ 228) и «Дядьке Итальянцу» (№ 229) в августовской книжке «Современника» 1844 г. Хотя не для всех перечисленных текстов нам известны конкретные обстоятельства подготовки публикаций, нет оснований сомневаться в авторитетности печатных текстов. В переписке и цензурных материалах нет сведений о каком бы то ни было неавторском вмешательстве в опубликованные тексты, подтверждается это и копиями стихотворений, сохранившимися в семейном архиве.

Факт последующей авторской переработки точно зафиксирован лишь для стихотворения «Звезды» («Мою звезду я знаю, знаю...»; № 217), которое Боратынский, как свидетельствует запись текста в цензурной тетради, первоначально собирался

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
напечатать в своей поэтической книге, изменив чтение двух стихов (см. выше). Эти
текстовые изменения можно уверенно датировать по времени представления рукописи
сборника в Московский цензурный комитет – не позднее 10 января 1842 г. Таким
образом, цензурная тетрадь фиксирует наиболее позднюю авторскую редакцию
стихотворения, а потому есть все основания выбрать этот позднейший по отношению
к публикации вариант текста в качестве основного.

Специального комментария заслуживает проблема выбора текста для стихотворений
«Пироскафъ» (№ 228) и «Дядьке Итальянцу» (№ 229). Авторитетность печатного
текста едва ли можно подвергнуть сомнению – стихотворения были присланы Плетневу
самим Боратынским, о чем свидетельствует его письмо Путятю (см. примечания к №№
228, 229), а также письмо Плетнева Гроту от 28 июля 1844 г.: «За несколько дней
до смерти он еще послал ко мне два свои стихотворения, которые я успел уже
напечатать в № 8 Современника» (Грот, Плетнев. Переписка. Т. 2. С. 297).
В то же время в семейном архиве сохранился ряд копий послания «Дядьке
Итальянцу», где имеется ряд существенных разночтений относительно текста,
напечатанного в «Современнике» (описание см. в примечаниях к № 229). Эти
разночтения частично были воспроизведены и в первых посмертных публикациях
(тургеневской подборке 1854 г. и семейных изданиях – изд. 1869 и изд. 1884), а
затем неоднократно вводились в основной текст научных изда-

455

ний Боратынского. Однако статус этих текстовых вариантов, их соотношение с
текстом публикации в «Современнике» специально не рассматривался.

Как будет подробно обосновано ниже, копии Н. Л. Боратынской были внесены в ее
альбомы и тетради уже после смерти поэта, то есть сами записи, очевидно, более
поздние, нежели публикация в «Современнике». Однако, копии вдовы Боратынского,
по всей вероятности, восходили к авторским рукописям, причем существенное
количество зачеркиваний, исправлений, а также разные варианты одного и того же
стиха в разных копиях позволяют предполагать, что в распоряжении Настасьи
Львовны были черновые рукописи послания, отражающие, очевидно, более ранний этап
работы над текстом, нежели окончательная редакция, посланная Плетневу. Таким
образом, можно думать, что копии Н. Л. Боратынской, фактически сделанные позже
печатной редакции, основывались на более ранних редакциях послания и потому не
могут считаться более авторитетным источником текста, чем публикация в
«Современнике» (ср. сходный вывод в Изд. 1936: «считаем текст „Современника»
позднейшим» – Т. II. С. 282).

Отдельно необходимо коснуться эдиционного решения М. Л. Гофмана, который в Изд.
1914–1915 опубликовал основной текст послания не по «Современнику», но и не по
копиям Н. Л. Боратынской и восходящим к ним семейным изданиям. Согласно указанию
Гофмана, стихотворение «Дядьке Итальянцу» было напечатано «по автографу,
хранящемуся в бумагах И. Ф. Тютчева (архив сельца Муранова)» (Изд. 1914–1915. Т.
I. С. 308). Сходные ссылки на мурановские автографы были приведены Гофманом в
комментариях к «Пироскафу» (С. 308), «Когда дитя и страсти и сомненья...» (С.
308), «Люблю я вас, Богини пенья!..» (С. 307), «В руках у этого педанта...» (С.
292), а также французским автопереводам (С. 321 – 322). В специальном приложении
(раздел: «Рукописи Е. А. Боратынского») было помещено краткое описание
мурановских рукописей:

Отдельные листы с автографами, сшитые в тетрадь Н. В. Путятой. Большой лист
почтовой бумаги с автографами двух стихотворений, не отделенных друг от друга
чертой: „Рифма“ <...> и „В руках у этого педанта“ <...>. Отдельные автографы в
тетради: „Люблю я вас, Богини пенья“ <...> и „Когда дитя и страсти и сомненья“.
При последнем письме к Н. В. Путятю поэт переслал два листа <...>, на которых
записаны стихотворения „Пироскафъ“ <...> и „Дядьке-Итальянку“. <...> Тетрадь
с стихотворениями Боратынского, переведенными им на французский язык,
пересланная поэтом Н. В. Путяте из Парижа.
(Изд. 1914–1913. Т. II. С. 276)

456

Последующие комментаторы Боратынского не сомневались в справедливости указаний
Гофмана, однако попытки разыскать эти рукописи среди материалов Мурановского
архива, затем переданных в основной своей части в РГАЛИ, ни к чему не привели.
Описанные Гофманом автографы считаются утраченными, но между тем есть все
основания думать, что сам факт существования «автографов» сомнителен, а
использованные Гофманом материалы и сейчас доступны исследователям.
Благодаря сохранившимся документам, надежно устанавливается перечень бумаг из
Мурановского архива, которые были пересланы И. Ф. Тютчевым в Петербургскую
Академию наук для подготовки Академического собрания сочинений Боратынского:
... в Отделении русского языка и словесности ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии наук получены
<...> следующие <...> рукописные материалы из архива сельца Муранова: 3 тетради
писем Е. А. Боратынского к Н. В. Путяте (на 64 л.л.), с приписками <Н. Л.>

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский и заметками Н. В. Путяты; Одна тетрадка (на 19 л.л.) последних стихотворений Баратынского, с переводом некоторых из них на французский язык; Черновая рукопись статьи о Баратынском (на 8 л.л.) на французском языке и черновая рукопись о нем же Н. В. Путяты на русском языке; Копия эпилога к „Эдде“ <...>; № 184 „Северной Пчельги от 13 августа 1844 года.

(РГАЛИ. ф. 503. Оп. 1. № 108. л. 2–2 об.; курсив мой. – А. Б.).

В распоряжении Гофмана, который сам в Мураново не ездил, могли находиться только эти рукописи, затем возвращенные владельцам. При работе над следующими собраниями сочинений Боратынского издатели также обращались к хранителям Мурановского архива для знакомства с имевшимися там материалами. Список хранившихся в Муранове документов, связанных с Боратынским, посылал И. Н. Медведевой К. В. Пигарев в письме от 12 февраля 1934 г., где, среди прочего, упоминал и особую группу копий:

Копии стихотворений: «Люблю я вас, богини пенья...», «Молитва», «Когда дитя и страсти и сомненья...», «Пироскаф», «Дядьке Итальянцу», «Рифма», «В руках у этого педанта...», «Vanitas Vanitatum...», ««Предрассудок»» и копии переводов 16 стихотворений на французский язык. Вклеены в тетрадь. Копии выполнены А. Л. Боратынской, С. Л. Путятой и неизвестной рукой.

(ОР РГБ. ф. 645. карт. 38. Ед. хр. 36. л. 4)

457

Сопоставление этого списка с перечнем «автографов» в изд. 1914–1915 (см. выше) заставляет думать, что речь идет об одной и той же «тетрадке <...> последних стихотворений Баратынского», которая ныне хранится в РГАЛИ в фонде Н. В. Путяты (ф. 394. Оп. 1. № 73)³³. В пользу этого предположения свидетельствует сравнение записей текстов с описанием «мурановских автографов» в изд. 1914–1915. Так, Гофман упоминает о листе почтовой бумаги «с автографами двух стихотворений, не отделенных друг от друга чертой: „Рифма“ <...> и В руках у этого педанта», что соответствует последовательности записей названных стихотворений на л. 12–12 об.; перечисляет «отдельные автографы в тетради: Люблю я вас, Богини пенья <...> и Когда дитя и страсти и сомненья» – очевидно, копии этих стихотворений на отдельных листах (л. 5, 8). Тексты автопереводов, опубликованных Гофманом по «автографам», также соответствуют копиям из архива Путяты, в которых содержатся уникальные варианты по сравнению с другими известными источниками (см. об этом: Бодрова 2010. С. 148–150).

Исключительно показательно и приводимое Гофманом описание «автографа» «Дядьке Итальянцу»:

В рукописи 117 стих подвергся незначительному исправлению, сохраненному нами: Мол(ил)я разсеянья от думы роковой.

Заключительный же стих имеет две редакции <...>: напечатанную нами в тексте <Чем вздохи южные с душистым их упоем!> и –
Чем вздохи южные с полуденным алоем.

(Изд. 1914–1915. Т. I. С. 309)

Оно в точности соответствует текстологическим особенностям копии послания из архива Путяты (РГАЛИ. ф. 394. Оп. 1. № 73. л. 9 об. – и об.): в ст. 117 изначально записанная форма «Молиль» исправлена на «Моля», а к финальному стиху приписан вариант: «с полуденным алоем»³⁴.

Все эти факты позволяют прийти к выводу, что указание на «мурановские автографы» в изд. 1914–1915 недостоверно³⁵, что отмечал еще Ю. Н. Верховский в готовившемся им издании – ср., например, в комментарии к «Дядьке Итальянцу»

33 Тетрадь в настоящее время расшита, но отдельные листы скреплены между собой и вложены в специальную обложку.

34 Другие разночтения этой же копии относительно текста «Современника», учтенные в основном тексте изд. 1914–1915: в ст. 88 «в мраке», ст. 96 «Сциллы» (Т. I. С. 173).

Ошибка Гофмана в описании рукописей не удивительна, учитывая невероятную спешку, в которой готовилось издание. Судя по рабочим тетрадям Гофмана и письмам, он очень быстро

458

янцу»: «В примечаниях академического издания сказано: „Издается по автографу, хранящемуся в бумагах И. Ф. Тютчева“; такого автографа в Муранове нет» (Верховский 1935. С. 119, 120). Таким образом, авторитет публикации Гофмана, якобы восходящей к утраченным автографам, следует признать необоснованным, как и решение печатать какие-либо тексты из названного перечня по изд. 1914–1915 (Справочный том. С. 359, 363) – в том числе послание «Дядьке Итальянцу».

II. СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ НАПЕЧАТАННЫЕ ПРИ ЖИЗНИ БОРАТЫНСКОГО, И СТАТУС КОПИЙ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Существенная часть поздних стихотворений Боратынского оставалась неопубликованной при жизни поэта и дошла до нас только благодаря копиям,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
сделанным Настасьей Львовной в ее альбомах и тетрадях. Значимость этих документов, хранящихся в Казанском архиве Боратынских³⁶, была в полной мере оценена уже Гофманом, который – по копиям Н. Л. Боратынской – впервые напечатал стихотворение «На все свой ход, на все свои законы...» (№ 219), а также привел многочисленные разночтения, отражающие работу поэта над стихотворениями. Хотя особая роль копий Н. Л. Боратынской для текстологии поздних сочинений Боратынского была очевидна еще в начале научного исследования наследия поэта³⁷, эта группа архивных документов до сих пор оставалась малоизученной в источниковедческом и текстологическом отношении: не была прояснена хронология заполнения альбомов Н. Л. Боратынской (за исключением автографов самого поэта), не уточнены обстоятельства записи стихотворений и писем, их отбор и их соотношение с другими известными источниками текстов. Отсматривал разные группы документов, делал из них выписки и, по всей видимости, к оригиналам больше не возвращался (см. Пд. ф. 33. Оп. 1. № 73, 74; а также Гофман 2004. С. 206–222).

³⁶ Один из альбомов (Пд. ф. 33. Оп. 1. № 40) назван в перечне документов, полученных Ю. Н. Верховским от А. Н. Боратынского во время поездки в Казань: «Альбом in-4°, содержащий рисунки и копии, главным образом стихотворений Е. А. Боратынского и его писем, с надписью на 1-м листке: Рисовано и писано матерью моею Анастасьей Львовной Боратынской в 1844 и след. годах» (Верховский 1908. С. 1203). В списке документов из Казанского архива, помещенном М. Л. Гофманом в Изд. 1914–1913, упомянут «альбом Анастасии Львовны Боратынской, принадлежащий З. Е. Геркен <дочери поэта>» (Изд. 1914–1915. Т. II. С. 274), по описанию и перечню текстов – это альбом «Souvenir» (Пд. ф. 33. Оп. 1. № 38).

³⁷ Как отмечал еще в 1927 г. Г. О. Винокур: «долг современного издателя Боратынского заключается в том, чтобы дать сильный ответ относительно <...> разночтений, введенных в текст Боратынского его наследниками. Пока этот вопрос не будет подвергнут специальному исследованию, мы не будем иметь такого собрания сочинений Боратынского, на какое можно было бы полагаться без особых опасений» (Винокур 1927. С. 104).

459

Н. Л. Боратынская.

Фотография с портрета 1830-х–1840-х гг.

Основной массив копий сосредоточен в трех альбомах Н. Л. Боратынской, ныне хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома:

– ф. 33. Оп. 1. № 38: Альбом Н. Л. Боратынской «Souvenir». 76 лл.³⁸;

– ф. 33. Оп. 1. № 40: Альбом Н. Л. Боратынской. 112 лл.;

– ф. 33. Оп. 1. № 41: Альбом Н. Л. Боратынской. 65 лл.

В этом корпусе примыкает обширный комплект копий Н. Л. Боратынской в нескольких сплетенных тетрадях и на отдельных листах (Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42), однако по своему составу и компоновке эта группа копий зна

³⁸ Альбом «Souvenir», очевидно, начал заполняться еще в середине 1820-х гг.: он открывается группой автографов Боратынского, озаглавленных «Сочинения Евгения Баратынского 1824 и 1823 года» (см. Боратынский 2002. Т. 2. Ч. 1. С. 89), которые, вероятно, были вписаны в альбом Настасьи Львовны в период сватовства Боратынского или в первые месяцы после их свадьбы – т. е. весной – осенью 1826 г. Затем альбом заполнялся только рукой Н. Л. Боратынской. Наличие автографов поэта и, соответственно, наиболее раннее время заполнения отличает альбом «Souvenir» от других альбомов рассматриваемой группы; помимо того, собственноручные записи Боратынского, несомненно, придавали этому альбому особую ценность в глазах Настасьи Львовны. Исходя из этого, в тех случаях, когда все три альбома дают идентичный текст того или иного стихотворения, в качестве приоритетного источника для публикации выбирается альбом «Souvenir», хотя мы и отдаем себе отчет в некоторой произвольности этого выбора.

460

чительно отличается от рассматриваемых альбомов и создавалась, по-видимому, значительно позже – одна из тетрадей, содержащая записи посланий Боратынского (л. 118–145 об.), по штемпелю на бумаге («АХ / 6 / Знаменской / фабрики») датируется не ранее 1848–1849 гг. (Клепиков 1959. С. ЮЗ)39. В то же время в трех рассматриваемых альбомах мы находим очень сходный состав записей: это поздние стихотворения Боратынского, последняя редакция поэмы «Цыганка», автопереводы на французский язык (в двух альбомах), списки писем последних лет. Такая устойчивость корпуса – едва ли случайная – позволяет реконструировать возможные обстоятельства заполнения всех этих альбомов и прагматику создания этого комплекса рукописей.

«Собрать все, что сможет»: история заполнения альбомов и их состав

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
После внезапной кончины Баратынского в Неаполе 29 июня/и июля 1844 г. 40 Настасья Львовна, заручившись договоренностями о последующей перевозке гроба поэта (Хетсо 1973. С. 258–259; см также Rasini Savoj 1959. P. 201–203), незамедлительно вернулась в Петербург, куда приехала в самом конце августа. Еще в Италии она пыталась, при помощи А. А. Иванова, заказать посмертный бюст Баратынского у лучших итальянских художников (Хетсо 1973. С. 258–259) и затем уже в Петербурге не оставляла хлопот о сохранении памяти о поэте: она просила родственников мужа прислать имевшиеся у них портреты Баратынского⁴¹, в письмах к ним, в свою очередь, сообщала неизвестные им стихотворения. Уже в первых сентябрьских письмах Н. Л. Баратынской возникает идея необходимости посмертного воздаяния покойному поэту, который, по ее мнению, несомненно заслужил земную славу:

39 Описание всех перечисленных источников см. в наст. томе. С. 403–424.

40 См. ее письмо Путятю о смерти Баратынского, написанное «в тот же самый день»: Хетсо 1973. С. 237; оригинал: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 87–88.

41 Просьбы о присылке портрета Баратынского мальчиком Настасья Львовна обращает к матери поэта: «Vbus avez un portrait d'Eugene enfant dont j'ai toujours desire une copie; si vous vouliez me le confier, je l'aurais fait faire ici et je vous l'aurais renvoye sans retard» [У вас есть портрет Евгения ребенком, копию которого я всегда хотела иметь. Если бы вы доверили мне его, я бы заказала здесь с него копию и тотчас бы отослала вам обратно оригинал] (Пд. Ф. 33. Оп. 1. № 21. Л. 2); о трудностях с поисками портрета для изготовления бюста см. в письме Н. Л. Баратынской к Сергею Баратынскому – Пд. Ф. 33. Оп. 1. № 103. Л. 1–2 об. (см. ниже).

461

...mais le souvenir et le nom qu'Eugene laisse, ne me trouvent pas indifferente; la gloire n'est pas une vanite; c'est la recompense terrestre que Dieu accorde a ses eius; c'est celle qu'il a promise a ses patriarches: la memoire de leur passage meme dans ce monde et Eugene n'-a-t'il pas merite cette recompense? lui qui a offert une exemple unique peut- etre de la reunion des talents, des passions et de toutes les vertus.

[...но память и имя, завещанное Евгением, не оставляют меня равнодушной. Слава не есть тщеславие, это земное воздаяние, которое Господь дарует своим избранныкам. Это то, что обещал он своим патриархам, – память об их бытии в земном мире, и разве Евгений не заслужил этого воздаяния? Он, явивший собой пример, может быть, единственный в своем роде, соединения талантов, сильных чувств и всех возможных достоинств.]

(Пд. Ф. 33. Оп. 1. № 21. Л. 1 об.–2) 42.

Между тем в газетах и журналах не спешили воздавать почести Баратынскому: газетные некрологи были кратки и скупы на похвальные отзывы о его литературных заслугах:

<...> прискорбно передать <...> весть о кончине известнаго поэта Русскаго, певца Эды и Пиров, Евгения Абрамовича Баратынскаго, который умер недавно в Италии, лет пятидесяти от рождения. <...> Образовав стих свой по стиху Пушкина, обладая пламенным воображением и поэтическим чувством, Баратынский легко мог увлечь публику в то время, когда гладкость и легкость стиха не были еще делом обыкновенным. Сам Пушкин много способствовал славе Баратынскаго <...>. Но впрочем публика, сначала увлекшись безсознательно, вскоре оценила Баратынскаго по достоинству: Пушкин ушел от него на неизмеримое расстояние, сделался единственным ея кумиромъ; Баратынский остался поэтом уважаемым, памятным по первым впечатлениям, остался пивцом Эды и Пиров. <...> Баратынский долго ничего не издавал, публика отвыкала от него более и более, и наконец последния стихотворения его, под названием Сумерки, прошли почти незамеченными Sic transit gloria mundi!

(Межевич 1844. С. 731)

Из Москвы уведомляют о грустной потере Русской Словесности: Евгений Абрамович Баратынский скончался 29-го Июня сего года в Неаполе, куда уехал он осенью прошедшаго года, для поправления разстроенаго здоровья. Поэтическое небо Неаполя не оживило поэта. <...> В 1842 году издано было неболь

42 Практически дословно этот пассаж Н. Л. Баратынская повторила в статье в ответ И. Г. Головину – см. Хетсо 1964. P. 13; проверено по автографу: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 200. Л. 2 об.

462

шое собрание стихотворений Баратынскаго под названиемъ: Сумерки. Это был последний отблеск померцающаго дарования.

(Северная Пчела. 1844. № 184. 14 августа. Смесь. С. 733) 43

Умер поэт, писавший когда-то стихи, нравившиеся публике, и пользовавшийся значительною известностию, но в последнее время совершенно-забытый публикою.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
<...> Его гладкий щегольски-выкованный и обточенный стих, самый род поэзии, избранный им, – все это нравилось в нем публике, неизбалованной еще легкими и бойкими стихами, и чрезвычайно любившей по молодости лет своих, эту заунывную, плачущую поэзию, которая нашла себе на Руси в Баратынском главного своего выразителя. <...> Особенно-много восторженных поклонников находил Баратынский между русскими провинциальными дамами, как находит ныне (или находил еще недавно) г. Бенедиктов между петербургскими чиновницами. <...> К концу своего литературного поприща Баратынский начал заметно упадать, и последняя книжка его стихотворений, изданная под названием «Сумерки», далеко ниже первых его произведений не только по отсталости во вкусе и направлении, но и во всех других отношениях.

(Русский инвалид. 1844. № 187. 20 августа. С. 746)

Холодность общего тона журналистов⁴⁴ – при том, что возражал сдержанным оценкам Боратынского только Плетнев (см.: Плетнев 1844) – по всей видимости, убедила Настасью Львовну в необходимости формирования иного образа покойного поэта внутри семьи. Как сам Боратынский в последние годы предпочитал семейный круг светским знакомствам и активной литературной жизни, так и его вдова решила создать домашний мемориальный комплекс, который бы позволил ей сохранить тот образ поэта, каким она желала его видеть. Эти интенции Н. Л. Боратынской хорошо видны не только из ее прямых высказываний о поэте – так, копируя свое письмо графине де Фонтан в один из своих альбомов, Настасья Львовна сопроводила копию следующей припиской: 43 44

43 Этот некролог был перепечатан в «Санктпетербургских ведомостях» (1844. № 187. 17 августа. С. 843–844) и «Русском инвалиде» (1844. № 186. 19 августа. С. 743). В «Московских ведомостях» появилось лишь краткое сообщение о смерти поэта: «Здесь получено из Италии печальное известие о кончине известного Русского поэта, Евгения Абрамовича Баратынского» (Московские ведомости. 1844. № 99. 17 августа. С. 628).

44 Помимо газетных некрологов, посвященные Боратынскому статьи и заметки появились в ряде журналов в течение конца 1844 – начала 1843 гг.: Сенковский 1844; Галахов 1844; Белинский 1845; Киреевский 1845а; Киреевский 1845б. Отрывки из перечисленных статей с откликами на «Сумерки» см. в Приложении к настоящему тому.

463

Broullion de ma lettre a la Csse de Fontanes qu'il ne faut pas dechirer. Si mes cadets ne conservent pas leur soeur ainee et leur frere aine, cette lettre pourra leur faire connoitre leur pere mieux que nos articles de journaux, a qui Dieu pardonne!

[Черновик моего письма графине де Фонтан, который не должно уничтожить. Если мои младшие дети лишатся старших сестры и брата, это письмо позволит им узнать их отца лучше, чем статьи в наших журналах – да простит их Господь!]

(Пд. ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 73)

Круг идей, занимавших вдову поэта осенью 1844 г., не мог не сказаться на ее отношении к рукописям покойного мужа и его неопубликованным или малоизвестным сочинениям. Она не только копирует его поздние стихи и автопереводы для посылки матери поэта, но в 20-х числах сентября, как следует из письма С. Л. Путяты к С. М. Боратынской и письма Н. В. Путяты к жене, в сопровождении зятя отправляется в Москву с тем, чтобы привести в порядок дела, а также чтобы собрать и найти рукописи поэта, оставшиеся в Москве и Муранове:

С. Л. Путята – С. М. Боратынской:

Chere Sophie, ta soeur a regu votre lettre la veille de son depart pour Moscou; elle a voulu faire ce voyage pour quelques arrangemens necessaires et pour recueillir aussi tout ce qu'elle pourrait trouver de l'écriture d'Eugene, quelques vers inacheves laisses a Mouranovo etc. Mon mari Га accompagne.

[Милая Софи, сестра <Н. Л. Боратынская> получила ваше письмо накануне своего отъезда в Москву; она решила предпринять это путешествие для необходимого устройства дел, а также затем, чтобы собрать все, что она сможет найти из рукописей Евгения, некоторые неоконченные стихотворения, оставшиеся в Муранове, и проч. Мой муж отправился вместе с ней.]

(Пд. ф. 33. Оп. 2. № 126. л. 2; курсив мой. – А. Б.).

Н. В. Путята – жене Софье Львовне:

В Муранове мы провели около двух суток. Поехали туда в Воскресенье поутру, а возвратились во Вторник вечером. <...> Докучливость Беккера не дала мне предаться совершенно самым грустным и унылым чувствам, которая возбуждает это место. Тут все живо напоминает покойного Евгения. Все носит свежие следы его забот, его дум, его предположений на будущее. <...> Я не пишу тебе о том, что должна была чувствовать Настасья Львовна. Ея печаль так глубока, так истина <так!>, что я смотрю на нее с каким то благоговением, не смею говорить о ней, не

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
смею даже видимо замечать ее.

464

<...> Без крайней необходимости мы конечно не останемся здесь лишнего часа, но не могу еще определить дня нашего выезда. Это будет зависеть от того, как кончим здесь дело об опеке. <...> Мы пробыли в Москве, до отъезда в Мураново, только один день <...> Надеюсь однако, что все это задержит нас не более нескольких дней.

(РГАЛИ. Ф. 394. Он. 1. № 191. л. 42–43; публикацию фрагментов письма см. Пигарев 1948. с. 36–37)

Найденные бумаги Боратынского, по всей видимости, были привезены в Петербург и составили основу того корпуса художественных и эпистолярных текстов, который Н. Л. Боратынская перенесла на страницы своих альбомов. О том, что искомые бумаги осенью 1844 г. были в распоряжении Настасьи Львовны в Петербурге, говорит скорая публикация в «Современнике» стихотворения «Люблю я вас, Богини пенья!..» (см. ниже), написанного, очевидно, до заграничного путешествия: на листах черновика этого стихотворения и соседствующих с ним набросков «Опять весна, опять смеется луг...» находятся хозяйственные расчеты и рисунки, вероятно, относящиеся к мурановскому строительству (см. примеч. к №№ 224, 225). Нужно полагать, что подобные бумаги во время путешествия Боратынских оставались в Муранове или Москве и могли попасть в распоряжение Н. Л. Боратынской только во время сентябрьской поездки.

Устойчивость корпуса текстов в альбомах жены поэта, записанных подряд, сходным почерком, заставляет думать, что все они были вписаны Настасьей Львовной примерно в одно и то же время – очевидно, начиная с осени 1844 г., после ее возвращения из Москвы. Косвенным подтверждением предложенной датировки может служить помета Н. Е. Баратынского на первом листе одного из альбомов: «Рисовано и писано матерью моею Анастасией Львовной Боратынской в 1844 и след. годах» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 1).

Особого внимания заслуживает состав текстов. Подборка стихотворений, помещенных в альбомах, несомненно свидетельствует об их сознательном отборе: это, с одной стороны, поздние стихотворения Боратынского – главным образом, те, что не вошли в «Сумерки» («Мою звезду я знаю, знаю...») и были написаны после выхода сборника («Когда, дитя и страсти и сомненья...», «Пироскафь», «Дядьке Итальянцу» и др.), а с другой – тексты прежних лет, которые, однако, по тем или иным причинам сам поэт не включил в свой сборник 1835 г. («Поверьте мне, фиглярин моралист...», «Журналист Фиглярин и Истина», «Языков, буйства молодого...», послание к Дельвигу [«Так, любезный мой Гораций...»]).

К этому корпусу стихотворений примыкали французские автопереводы – записанные в двух альбомах Н. Л. Боратынской параллельно с
30 – 5341

463

русскими оригиналами (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 45 об.–50; № 40. л. 30 об.–36 об.), а также переработанная редакция последней поэмы Боратынского «Цыганка». Списки этой новой редакции, которую, судя по пометам Н. Л. Боратынской в этих копиях, нужно датировать 1842 г., находятся во всех трех рассматриваемых альбомах (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 61 – 76; № 40. л. 47–56; № 41. л. 10–44). В одном из альбомов

жены поэта к этому корпусу поэтических текстов и переводов добавлены и прозаические сочинения Боратынского: предисловие к поэме «Наложница», миниатюра «История кокетства» и повесть «Перстень» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 40 об.–46, 60–63, 63 об.–72).

Таким образом, копии произведений Боратынского в альбомах его вдовы фактически оказывались важнейшим дополнением к его печатным книгам и, очевидно, задумывались Настасьей Львовной в таком мемориальном качестве – сохранить для потомства разрозненные тексты, не собранные самим автором, но представляющие несомненную ценность.

Редакторское вмешательство Н. Л. Боратынской

Как уже было отмечено, автографы поздних стихотворений, с которых Н. Л. Боратынская копировала тексты в свои альбомы, дошли до нас только в незначительном числе случаев – в отличие, например, от писем Боратынского. При всей разнице в статусе художественных и эпистолярных текстов, обращение к материалам писем оказывается показательным в отношении общих принципов Настасьи Львовны при копировании текстов Боратынского. В этой перспективе примечателен даже не столько отбор эпистолярного материала, сколько последовательная цензура высказываний поэта, предназначавшихся для «читателя в потомстве». Как явствует из обращения к сохранившимся автографам писем, в подлинниках зачеркнут ряд фраз, а в копиях Настасьи Львовны соответствующие фрагменты выпущены – иногда с обозначением пропуска, а иногда и без, при этом в копиях отдельные слова

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын дописаны Н. Л. Боратынской – для обеспечения связности текста:

Автограф:

Вяземской в ответ на мою карточку написал мне несколько милых слов, предлагая ко мне приехать. Было уже поздно, и мы согласились съехаться у Одоевских.

<Зачеркнуто 12 строк>, котораго ты знаешь несколько шутовских стиховъ: Таракан как в стакан etc <...>

(ПД. ф. 33. Оп. 1. № 77. л. 33–34 об.)

466

Копии Н. Л. Боратынской:

Вяземской в ответ на мою карточку написал мне несколько милых слов, предлагая ко мне приехать. Было уже поздно, и мы согласились съехаться у Одоевских

Также познакомился там с Мятлевым, котораго ты знаешь несколько шутовских стиховъ: Таракан как в стакан etc <...>

(ПД. ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 29 об.; № 40. л. 13 об.–14)

Художественные тексты также, по всей видимости, не избежали вмешательства Настасьи Львовны, однако в случае со стихотворениями ее «соучастие» не всегда имело характер сугубо редакторской правки, но было обусловлено необходимостью дать связное прочтение малоразборчивых черновиков, которые оказались в ее руках.

О подобной проблеме, которую пришлось решать переписчице рукописей поэта, красноречиво свидетельствует примечание Настасьи Львовны к первому стиху финальной строфы стихотворения «Опять весна, опять смеется луг...»: «Этот стих невозможно было разобрать но применились ко смыслу с теми словами которые были не так связно написаны». Слова «невозможно было разобрать» (ПД. ф. 33. Оп. 1. № 41. л. 8 об.–9). В копии того же текста в альбоме «Souvenir» последняя строфа записана в двух различных вариантах (ПД. ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 54–54 об.; см. примечания к № 224):

1) Пусть [думаю] верую простясь я с лирою моей что некогда ее заменят эти Поэзии таинственных скорбей Могучие и сумрачные дети!

.2) И пусть, простясь с лирою моей,

я верую: ее заменят эти.

Поэзии таинственных скорбей Могучие и сумрачные дети!

Замечание о том, что «стих невозможно было разобрать», несомненно относится к черновикам «Опять весна, опять смеется луг...», большая часть которых и сейчас имеется в распоряжении исследователей. На листе, известном только благодаря факсимильному воспроизведению автографа в Изд. 1869, уверенно читаются две последние строки «Поэзии таинственных скорбей / Могучие и сумрачные дети!» (см. фотокопию), однако ни один из наличествующих в копиях вариантов первых двух строк, равно как связный вариант предпоследней строфы, в известных рукописях не представлен. Нельзя исключать, что в

30*

467

данном случае воспроизведенный в альбомах текст был «собран» Настасьей Львовной из подающихся прочтению разрозненных отрывков черновика, однако более вероятным все же кажется, что один или несколько листов, бывших в распоряжении Н. Л.

Боратынской, до нас не дошли. Косвенным свидетельством в пользу этого предположения может служить история текста стихотворения «Люблю я вас, Богини пенья!..», для которого также сохранился черновой автограф, представляющий, однако, его раннюю редакцию – «Над дерзновенной головою...» (№ 225.2). Во всех копиях Н. Л. Боратынской мы находим законченный, очевидно, позднейший вариант – «Люблю я вас, Богини пенья!..», который обнаруживает текстовые совпадения с

черновиком только в ст. 7–8, 10–14, а в остальном дает совершенно иной текст (ср. № 225.1 и 225.2). В этом случае затруднительно предполагать, что законченный вариант стихотворения был плодом самостоятельного творчества

Настасьи Львовны, а не опирался на утраченные ныне рукописи Боратынского. На этом основании в качестве источника основного текста – и для «Опять весна, опять смеется луг...», и для «Люблю я вас, Богини пенья!..» – копии Н. Л. Боратынской, несмотря на ее редакторское вмешательство, кажутся более предпочтительными, нежели черновые автографы, не дающие связного и законченного текста и, по-видимому, сохранившиеся не полностью.

Проблема определения редакторского вмешательства Н. Л. Боратынской встает и в тех случаях, когда мы не имеем оригиналов творческих рукописей Боратынского. В ряде копий поздних стихотворений можно видеть правку Настасьи Львовны, причем поправки делаются только в одной копии из нескольких существующих – и таким образом возникает проблема выбора текста.

В частности, подобный вопрос должен быть решен для стихотворения «Спасибо злобе хлопотливой...» (№ 223). В одной из посмертных альбомных копий в ст. 7 сделано исправление: «Но вот к борьбе [глухой ваш] ваш дикой голос / Меня зовет и будит мой» (ПД. ф. 33. Оп. 1. № 41. л. 7 об.), в то время как во всех других копиях

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
эта строка читается без поправки: «Но вот к борьбе глухой ваш голос...» (см. примеч. к № 223). Отсутствие этой поправки в других альбомах вдовы поэта, заполнявшихся примерно в то же время, что и альбом № 41, говорит, как кажется, в пользу большей аутентичности неисправленного чтения («глухой ваш голос»); по крайней мере, мы не располагаем никакими данными в пользу того, что эта поправка восходит к авторскому варианту, а не является редакторским вмешательством Настасьи Львовны.

Сходный случай представляет собой история текста уже упоминавшегося стихотворения «Люблю я вас, Богини пеня!..» (№ 225.1). Во всех известных копиях из семейного архива вторая его строфа читалась следующим образом:

468

Любовь Камен с враждой фортуны
Одно. Молчу! боюсь я
Чтоб персты, падшие на струны,
Не пробудили бы перуны,
В которых спит судьба моя.

В то же время в архиве Плетнева сохранилась еще одна копия Н. Л. Боратынской, послужившая источником публикации в «Современнике». В этой копии в ст. 8 рукой Настасьи Львовны сделана поправка: частица «бы» зачеркнута, а сверху вписан другой вариант «вновь»: «Чтоб персты, падшие на струны, / Не пробудили [бы] вновь перуны». Именно в таком варианте, с поправкой, стихотворение увидело свет на страницах журнала Плетнева.

Статус варианта «Современника» по-разному оценивался издателями и комментаторами Боратынского. В изданиях, подготовленных сыновьями поэта (Изд. 1869. С. 168–169; Изд. 1884. С. 273), стихотворение печаталось в соответствии с большинством копий Н. Л. Боратынской («Не пробудили бы перуны»), такое же решение было принято в Изд. 1951 (С. 309) и Изд. 1957 (С. 199). В других собраниях сочинений Боратынского (Изд. 1914–1915, Изд. 1936, Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000) текст, напротив, публиковался по «Современнику».

Как и в случае с рассмотренным выше исправлением в одной из копий стихотворения «Спасибо злобе хлопотливой...», уникальность поправки в копии, посланной Плетневу, свидетельствует, скорее, в пользу того, что перед нами редакторское исправление вдовы поэта – вероятно, вызванное стремлением устранить неудачный повтор условной частицы «Чтоб персты <...> Не пробудили бы...»⁴⁶. Характерно, что оно появляется именно в той копии, которую

45

М. Л. Гофман ошибочно считал копию Н. Л. Боратынской из Мурановского архива (ныне в РГАЛИ) автографом (см. выше) и потому, согласно с чтением этого источника, также предпочел вариант «Не пробудили бы перуны» в качестве основного. В тексте же «Современника», с его точки зрения, могла быть допущена опечатка (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 307). С этим предположением Гофмана не согласились Н. О. Лернер (Лернер 1915. С. 3) и Ю. Н. Верховский, однако и последний, как следует из сохранившихся комментариев, не решился ввести вариант «Современника» в основной текст. Как пояснил свою позицию Верховский, «он не введен поэтом в окончательный текст, которым пользовались редакторы изданий 1869 и 1884 гг., дающие этот вариант в примечаниях, а автограф иной, кроме чернового, нам неизвестен» (Верховский 1935. С. 119).

46

Ср. суждение Н. О. Лернера о стилистических преимуществах варианта «Современника» и в то же время приводимые им аргументы в пользу рукописных источников: «В печатной редакции, появившейся с неизвестного оригинала после смерти автора, нет этого повторения условной частицы: „чтоб – бы“, и сказано лучше: „не пробудили вновь перуны“... Такъ

469

Н. Л. Боратынская специально сделала для посылки в «Современник». Исходя из этого, более корректным решением представляется выбор в пользу чтения большинства копий Н. Л. Боратынской, не отмеченных ее последующим редакторским вмешательством.

Более неоднозначный случай возникает тогда, когда явных следов правки в копиях Н. Л. Боратынской нет, но между копиями имеются разночтения. Текст эпиграммы «В руках у этаго педанта...» (№ 220) известен по трем копиям Н. Л. Боратынской: две из них находятся в обсуждаемых альбомах (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 55 об. и № 40. л. 59), а еще одна хранится в архиве Путят и сделана на отдельном листке, где также помещаются стихотворения «Рифма», «Предрассудокъ» и «Vanitas Vanitatum» («Что за звуки? мимоходом...») (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 73. л. 12–13 об.). В альбомах Настасьи Львовны ст. 6 читается «Он громогласный запевала, / Да запевала похоронь», в отдельной копии противительный союз другой: «Он громогласный запевала, / Но запевала похоронь».

Незначительность разночтения не снимает проблемы выбора источника текста.

Протографы, на которые опиралась Н. Л. Боратынская, в обоих случаях неизвестны,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
но возможным оказывается определить хронологическое соотношение двух групп
копий. Вероятно, копия на отдельном листе была сделана еще при жизни
Боратынского, так как все стихотворения, записанные вместе с «В руках у этого
педанта...», приводятся в своих ранних, журнальных редакциях, причем публикация
всех этих текстов состоялась в первую половину 1841 г. (см. примечания к №№
215.1, 192.2, 210). По всей видимости, эти стихотворения – в том числе эпиграмма
– были переписаны Н. Л. Боратынской для посылки Путятю в конце 1840–1841 гг.,
по крайней мере до создания редакций «Сумерек» (если бы тексты уже существовали
в вариантах сборника, не было бы причин копировать и посылать ранние, уже
переработанные, варианты). В то же время альбомные копии, сделанные, очевидно, в
более позднее время – уже после смерти поэта, могли отражать и позднейшую
авторскую правку Боратынского. По крайней мере, можно предполагать, что при
заполнении альбомов в руках Н. Л. Боратынской был какой-то иной источник текста
– и, судя по истории других копий, можно предполагать, что это был автограф.
Исходя из этого, предпочтительным источником основного текста в данном случае
представляются альбомные копии.
как стихотворение в этой редакции было опубликовано не самим автором, то его,
конечно, следует печатать с автографа» (Лернер 1915. С. 3; Лернер в данном
случае не подверг сомнению сообщение Гофмана об автографе).

470

«Есть бытие и за могилой...»: публикации в плетневском «Современнике» (1844)
Деятельность Н. Л. Боратынской по сохранению памяти о покойном муже не
ограничилась созданием корпуса рукописных копий. При ее непосредственном участии
в конце 1844 г. на страницах журнала «Современник» увидели свет три не
печатавшихся до тех пор стихотворения Боратынского: «Когда дитя и страсти и
сомненья...» (№ 227), «Молитва» (№ 230) и «Люблю я вас, Богини пеня!..» (№
225.1). Обращение к истории этих публикаций позволяет уточнить текстологическую
историю названных текстов, а также существенно дополнить наши представления о
значимости вклада Н. Л. Боратынской не только в сохранение сочинений ее
покойного мужа, но и в формирование посмертной репутации поэта.

В 10-м номере «Современника» под заглавием «Когда дитя» было напечатано
стихотворение, обращенное к Н. Л. Боратынской и написанное зимой 1843–1844 гг. в
Париже, – «Когда дитя и страсти и сомненья...» (№ 227). Первоначально оно было
опубликовано без указания имени автора, вместо подписи значилось ***, однако уже
в следующем номере журнала была помещена редакторская заметка, озаглавленная
«Для читателей „Современника**» (см. также в примеч. к № 227):

Многим из читателей наших любопытно было узнать имя автора, которого стихи,
начинающиеся словами „Когда дитя“ и помещенные на 109 стран. XXXVI т. Совр
еменика, так поразительно запечатлены глубоким и сильным талантом. Сколько для
дополнения статьи нашей об Е. А. Баратынском (Т. XXXV. стран. 298–329), столько
же и для удовлетворения любопытству читателей, мы за долг свой признаем
объявить, что автор этих стихов тоже Е. А. Баратынский. Они были написаны им в
Париже перед отъездом в Италию.

Не вполне обычная история появления стихотворения в печати вовсе не отразилась в
примечаниях к нему в изданиях лирики Боратынского, а сам факт криптонимной
публикации лишь однажды стал предметом пояснений. Согласно недавно высказанному
предположению (Справочный том. С. 358), «стихотворение было прислано издателю
„Современника** П. А. Плетневу самим Боратынским», который, вероятно, и просил
«напечатать стихотворение без подписи».

Подобное объяснение вызывает целый ряд вопросов. В таком случае не ясно, когда
Боратынский мог отправить этот текст Плетневу. Согласно эпи

471

столярным и мемуарным источникам, стихотворение, обращенное к жене поэта, было
написано зимой 1843–1844 гг., однако в переписке Боратынского этого времени,
вообще очень хорошо сохранившейся, вовсе нет упоминаний об этом стихотворении,
при том, что о печатной судьбе «Пироскафа» и «Дядьке Итальянцу», написанных
позже обсуждаемого стихотворения, Боратынский проявлял настойчивую заботу. Но
даже если предположить, что стихотворение все же было отправлено Плетневу, то
почему оно появилось лишь в октябрьском номере? Едва ли можно думать, что
редактор «Современника» раньше не нашел места в журнале для понравившегося ему
(как следует из цитированной заметки) текста, тем более что, имея Плетнев
стихотворение на руках прежде начала сентября 1844 г., у него была
напрашивающаяся возможность его напечатать – в некрологе поэту, появившемся в
9-м номере «Современника».

Сам автор, судя по всему, незнакомил с этим стихотворением даже близких
родственников. Переписка Боратынских осени 1844 г. свидетельствует, что «Когда
дитя и страсти и сомненья...» не было известно и в семейном окружении:

Je voudrais ta chere Maman vous faire du bien; c'est dans cette intcntion que je

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
vous envoie aussi ses trois dernieres pieces que vous ne connaissez pas encore;
<...> Ia petite piece pour moi a ete faite a Paris.

[Я бы хотела, любезная маменька, сделать вам приятное, и, руководясь этим намерением, я посылаю вам также три его последние пьесы, которые вам еще не известны: <...> небольшое стихотворение, обращенное ко мне, было написано в Париже.]

(Пд. ф. 33. Оп. 1. № 21. л. 2)

сообщала Настасья Львовна матери поэта. Любопытно при этом, что А. Ф. Боратынская, переписывая письмо невестки для посылки дочери, В. А. Рачинской, помещает в своем письме только текст «Когда дитя и страсти и сомненья...», но не копирует две другие присланные «пьесы» – «Пироскаф» и «Дядьке Итальянцу» (РГАЛИ. ф. 427. Оп. 1. № 525. л. 14–15).

По всей видимости, именно с Настасьей Львовной следует связывать распространение этого текста в семейном кругу, равно как и историю его появления в печати. О последнем свидетельствует сделанная ее рукой копия стихотворения, сохранившаяся в архиве Плетнева (Пд. ф. 234. Оп. 3. № 80. л. 24, см. примеч. № 227), которая и послужила основой для журнального набора. Этот список Настасьи Львовны был, наверное, передан издателю «Современника» во время одной из их личных встреч в сентябре 1844 г. Текст стихотворения записан Н. Л. Боратынской, над ним – почерком Плетнева более

472

темными чернилами – вписано заглавие: «Когда дитя», а также сделана помета «напеч. <атано>». Под стихотворением, как и затем в журнале, вместо подписи поставлены звездочки – скорее всего, тоже уже Плетневым – когда тот готовил материалы журнальной книжки для передачи наборщикам.

Отсутствие фактических сведений не дает возможности определенно сказать, с какой целью и по чьей инициативе – Плетнева или Настасьи Львовны – стихотворение первоначально было напечатано под астронимом. Однако нельзя не отметить, что предполагаемая такой криптонимной публикацией возможность объявления авторства предоставляла случай вновь напомнить о покойном поэте, в комплиментарной форме назвав его имя – как это и было сделано в цитированной выше заметке Плетнева, напечатанной в следующем номере «Современника». «Память поэту», таким образом, усердно поддерживалась на страницах плетневского журнала в течение почти всей второй половины 1844 г.

В последнем номере «Современника» за тот же год увидели свет еще два не напечатанных прежде стихотворения Боратынского – «Люблю я вас, Богини пенья!..» (№ 225) и «Молитва» (№ 230). Как свидетельствует письмо Настасьи Львовны, они были посланы Плетневу 12 ноября 1844 г.:

Посылаю Вам почтеннейший Петр Александровичь два Евгеньевых стихотворения для напечатания в Современнике. Я надеялась Вам их доставить сама, но мост еще кажется так не скоро будет наведен, что нечего и думать о возможности Вас скоро видеть. Будьте так добры чтобы известить нас каково Ваше и Олинькино здоровье. С истинным почтением остаюсь предданная <так!> вам Настасья Боратынская.

(Пд. ф. 234. Оп. 3. № 80. л. 1) 47

История текста первого из них («Люблю я вас, Богини пенья!..») и обстоятельства появления в «Современнике» варианта в ст. 8, рассмотренные выше, ярко иллюстрируют роль Н. Л. Боратынской как редактора и публикатора стихотворений покойного поэта. Еще более выразительный пример участия Настасьи Львовны в истории стихотворного текста Боратынского представляет публикация второго из присланных Плетневу стихотворений – «Молитвы».

47 На л. 2 об.: «Его Превосходительству Милостивому Государю Петру Александровичу Плетневу. В Университете»; датировка по штемпелю: Городская почта. 1844 ноя 12; 2 час. Впервые опубликовано, с неточностями: Barratt 1969. P. 38–39. К письму были приложены копии стихотворений (см. примеч. к № 223.1, 230; факт совместной посылки текстов отмечен Л. Г. Фризманом: Изд. 1982. С. 666, 667).

473

С этим текстом также связан целый ряд комментаторских проблем, наиболее обсуждаемая из которых – его датировка. Отсутствие автографа «Молитвы», известной также только в многочисленных копиях Н. Л. Боратынской, заставляло высказывать самые разные догадки. Сыновья поэта печатали «Молитву» среди стихотворений 1842–1843 гг., причем в «Материалах для биографии...» пояснялось, что «после издания Сумерок, написаны <...> стихотворения: „С. Н. Карамзиной (при посылке Сумерок)“, „Память поэту“, „Мои перуны“, „Спасибо злобе хлопотливой“, „На посев леса“, „Молитва“» (Изд. 1869. С. 398). Гофман, приводя датировку посмертных изданий, предположил, что правильнее датировать ее 1844-м годом (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 307), и поместил стихотворение первым в рубрике «1844 г.» (Там же. С. 169). На необоснованность такой датировки справедливо указал в своих

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
комментариях Верховский, который назвал иное время сочинения «Молитвы»: 1841 г.
– опираясь на пометы Н. Е. Боратынского на экземпляре изд. 1869, ныне не
разысканном (Верховский 1935. С. 116). В большинстве позднейших изданий
«Молитва» публикуется, вслед за изд. 1869, в ряду текстов, датируемых 1842–1843
гг. (Изд. 1951. С. 313; Изд. 1957. С. 197; Изд. 1982. С. 340; Изд. 1989. С. 217,
Изд. 2000. С. 298). Исключение составляет лишь Изд. 1936, где этот текст помещен
последним, вслед за «Пироскафом» и «Дядьке Итальянцу», в разделе «Стихотворения
1842–1844 гг.», так что «Молитва» завершает собой основной стихотворный корпус
(Изд. 1936. Т. I. С. 254). Комментарии к стихотворению скупы и немногословны:
«Никаких сведений об обстоятельствах и времени написания этого стихотворения не
сохранилось» (Там же. Т. II. С. 283).

Историю текста «Молитвы» позволяет прояснить одно из писем Н. Л. Боратынской
осени 1844 г. Благодаря своего деверя Сергея Боратынского за помощь в устройстве
хозяйственных дел, Настасья Львовна писала ему И ноября
1844 г.:

Je ne saurais assez vous remercier pour votre bonne lettre mon cher Serges, et
j'accepte avec reconnaissance vos bonnes intentions a mon egard, exprimees ctune
maniere si affectueuse. Mon beau frere qui a eu la bonte de se charger de toutes
nos affaires se propose de vous informer <?> avec detail de tout ce qui est
urgent pour le moment et je m'en remets a vos soins dont j'apprecie l'offre
d'autant plus que je sais a qucl point ce genre de soucis vous fatigue. Je suis
toujours a la recherche des peintres et aucune copie n'a reussi jusqu'a present;
un portrait ressemblant est necessaire pour le buste et aucun de ceux que nous
avons n'est satisfaisant. Je vous transeris une priere d'Eugene qui na jamais
ete ecrite et dont je me suis rappee un jour que j'allais a la messe:
474

Царь Небес! успокой дух болезненный мой
Заблуждений земли Мне забвенья пошли и
на строгой твой рай Силы сердцу подай!

Chargez vous je vous prie de baiser pour moi, les mains de Maman, de mes
respects pour ma tante; de mes amities pour votre femme, vos enfans, Natalie,
Sophie et Leon. Les enfans se recommandent a vos bontes.

[Не умею достаточно поблагодарить вас за ваше милое письмо, мой дорогой Серж. Я
очень признательна за ваше беспокойство и заботы обо мне, высказанные столь
сердечно. Мой зять, который был столь любезен, что согласился взять на себя
решение всех наших дел, собирается сообщить вам обо всем, что необходимо в
нынешнюю минуту, и я решаюсь положиться на вас, тем более ценя такое ваше
предложение, что знаю, до какой степени подобные хлопоты вас утомляют.
Я все еще пытаюсь найти художников, но ни одна копия до сей поры не удалась;
похожий портрет необходим для изготовления бюста, а среди тех, что есть у нас,
нет ни одного удовлетворительного.

Записываю для вас сочиненную Евгением молитву, которая никогда не была записана
и которую я как-то вспомнила, когда шла к службе.

<...>

Позвольте попросить вас поцеловать за меня ручки Маменьке, засвидетельствовать
мое почтение тетушке, передать мои дружеские приветы вашей жене и детям, Натали,
Софи и Леону. Дети вам кланяются.]

(пд. ф. 33. оп. 1. № 103. л. 1–2 об.; курсив мой. – А. Б.)48.

Как следует из слов вдовы поэта, «Молитва» могла и не мыслиться Боратынским как
текст письменный49 и тем более предназначаемый к печати в ряду его собственно
лирических пьес. В сущности, «Молитва» стала «стихотворе

48 На л. 2 об.: «Его Высокоблагородию Милостивому Государю Сергею
Абрамовичу Боратынскому. Тамбовской Губернии, г. Кирсановъ»; датировка – по
штемпелю: С.-Петербург. 2 ч. 11 ноя<бря> 1844.

Мой зять – Н. В. Путята, Маменька – А. Ф. Боратынская, тетушка – ее младшая
сестра Е. Ф. Черепанова. Жена С. А. Боратынского – С. М. Салтыкова-Дельвиг; их
дети – Александр, Михаил, София, Анастасия и дочь Дельвига, воспитывавшаяся в
их семье, – Елизавета Антоновна. Натали и Софи – незамужние сестры Е. А.
Боратынского, жившие с матерью в Маре. Леон – Лев Абрамович Боратынский, брат
поэта.

49 В таком случае автографа могло никогда и не существовать.

475

нием Евгения Боратынского» тогда, когда Настасья Львовна решила послать этот
текст Плетневу. Показательно в этом отношении и словоупотребление в ее письмах:
если Сергею Абрамовичу она шлет «молитву, сочиненную Евгением» («une priere
стЕugene»), то редактору «Современника» – на следующий день – отправляет уже
«два Евгеньевых стихотворения».

Таким образом, именно посланная Плетневу копия представляет собой самую раннюю
фиксацию текста «Молитвы» в качестве «стихотворения Евгения Боратынского» и

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский имеет все основания быть признанной источником основного текста.

Соседствуя на страницах одной книжки журнала, посмертные тексты Боратынского – «Когда дитя и страсти и сомненья...», «Люблю я вас, Богини пеня!..» и «Молитва» – обретали, как кажется, и смысловую общность. При всей своей жанровой и тематической разности эти стихотворения, напечатанные вместе, могли быть прочитаны как единое поэтическое высказывание, во многом полемичное по отношению к лирическим декларациям Боратынского в «Сумерках». В противоположность высказанной в финальном тексте сборника мысли об абсолютной ценности поэтического творчества, служащего единственным ободрением «питомцу муз» («Своею ласкою поэта / Ты, рифма! радуешь одна»), в этих стихотворениях акцентируется иной взгляд на самоощущение поэта, который реализуется в по-разному инструментальном мотиве отрицания поэзии как высшего душевного утешения. «Сладкой трепет вдохновенья» не дает покоя «болящему духу», он лишь «предтеча жизненных невзгод», страшщих поэта, которому суждены только «страсти и сомненья», «таинство печали», «дикий ад» и «вражда фортуны». Спасение же – не в поэзии, не в «звуках», а в отказе от них («Пусть день угаснет в тишине») и вере в благость неба и «Царя небес». Если прежде Боратынский утверждал, что «болящий дух врачует песнопенье», то в «Молитве», будто перефразируя свое поэтическое высказывание, он полагается лишь на Творца: «Царь небес успокой / Дух болезненный мой!».

Оказавшись в некотором смысле «загробным», последним словом Боратынского, появившиеся в «Современнике» стихотворения по-иному заставляли взглянуть на мировоззренческие позиции автора «Осени» и «Отрывка из поэмы: Вера и неверие». Показательно в этом отношении внимание к «Молитве» современников, причем тех, для кого особую важность имел религиозный опыт: ее переписывает с свой альбом Е. П. Ростопчина – вместе со стихотворением «Когда дитя и страсти и сомненья...» (РГАЛИ. ф. 433. Оп. 1. № 18. Л. 56 об.; копия впервые учтена: Верховский 1935. С. 116), «Молитву» включает в небольшую подборку стихов Боратынского в «Библиотеке для воспитания» Киреевский (Библиотека для воспитания. 1845. Отд. I. Ч. III. 476

С. 14)50. Текст «Молитвы» полностью цитирует А. О. Смирнова в письме Гоголю от 4 декабря 1844 г., прибавляя: «Как хорошо: „на строгий Твой рай!“.. Как все хорошо!» (Смирнова 1888. С. 139).

Публикация в плетневском журнале представляла Боратынского человеком, далеко не чуждым религиозных чувств и устремлений. В подобном намерении подчеркнуть эти черты, в противоположность репутации поэта-скептика, в стихах не раз выразившего сомнения в оправданности Божества, несомненно, отразились воззрения вдовы Боратынского на личность ее покойного мужа. Показателен сам выбор текстов для публикации, при том, что в распоряжении Н. Л. Боратынской, как свидетельствуют ее альбомы, было куда больше ненапечатанных стихотворений Боратынского. Света тогда не увидели ни «Опять весна, опять смеется луг...», ни декларативное стихотворение «Спасибо злобе хлопотливой...», ни едкая эпиграмма «На все свой ход, на все свои законы...» – по-видимому, из-за нежелания Настасьи Львовны открыто подчеркивать настойчивость мотива борьбы с литературными недругами. С другой стороны, отвергнуты были мадригальные стихи «Н. Е. Б...» («Двойною прелестью опасна...»), обращенное к казанской знакомой Боратынских Н. Е. Брандорф, и «Нежданное родство с тобой даря...», посвященное свояченице поэта, равно как и «экспромт» «Небо Италии, небо Торквата...».

Подборка посмертных стихотворений Боратынского в «Современнике», демонстрировавшая смирение поэта перед небом и его «доверенность к Творцу», оказывалась поэтической репрезентацией тех идей, которые исключительно занимали Настасью Львовну после смерти мужа. В ее многочисленных письмах лета – осени 1844 г., адресованных родственникам и знакомым, равно как и в цитированной статье о Боратынском, написанной в ответ на некролог Головина, неоднократно подчеркивается важность религиозных чувств в жизни Боратынского, а после его смерти только вера в божественное воздаяние и соединение за гробом, по словам Настасьи Львовны, давала ей силы жить.

Об этих своих чувствах пишет Настасья Львовна матери Боратынского, едва вернувшись в Петербург, в самом начале сентября 1844 г.:

Veillez bien me pardonner ma Chere Maman de ne vous ecrire qu'aujourd'hui: l'effort est le tête, mais nous sommes de retour et je suis delivree de la crainte qui m'a poursuivie pendant la duree du voyage, celle du desespoir et de l'isolement des enfans si je venais

?() «Молитва» перепечатана наряду со стихотворениями «Прощай, отчизна непогоды...», «Чудный град порой сольется...», «Шуми, шуми, с крутой вершины...», «Судьбой наложенные цепи...», «Веспа, весна! как воздух чист!..»,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
«Взгляни на звезды: много звезд...», «Бывало, отрок, звонким кликом...»,
«Здравствуй, отрок сладкогласной!..».

477

a leur manquer. <...> Permettez moi de vous rassurer a mon egard. Je suis beaucoup plus calme que je n'aurais jamais pu le prévoir. Les doutes sur la vie a venir m'ont quitte a jamais, la nullite de celle-ci, son peu de duree, la conviction d'une reunion heureuse me preserve du desespoir; j'aurais voulu faire passer dans l'ame des autres ce qui se passe dans la mienne, je ne crains plus la mort pour ceux que j'aime, tout ce qui est malheur ici me parait tellement momentane, tellement passager, que je comprends comme par la revelation ce qui me paraissait banalite et lieux communs sur les miseres de la vie <...>.

[Прошу вас простить меня, любезная маменька, что я не писала вам до сегодняшнего дня: писать мне по-прежнему тяжело, но мы уже вернулись, и я избавилась от тех страхов, которые преследовали меня во время путешествия, – страха, что дети окажутся в отчаянии и одиночестве, если меня не станет. <...> Позвольте мне ободрить вас на мой счет. Я стала куда более спокойна, спокойнее, чем могла себе представить когда-либо прежде. Сомнения в загробной жизни навсегда покинули меня, ничтожность жизни земной, ее скоротечность, убежденность в счастливом соединении там – не позволяют мне отчаиваться; и я бы хотела, чтобы другие ощутили в своей душе то, что происходит в моей: я не боюсь более смерти для тех, кого люблю. Все, что есть несчастье здесь, кажется мне столь кратковременным, столь преходящим, что я, наконец, действительно осознала, будто бы откровением свыше, все, что мне прежде казалось банальностью и общими словами о ничтожности <земной> жизни.]

(Пд. ф. 33. Оп. 1. № 21. л. 1–2)51.

С еще большей аффектацией она рассказывает своей парижской корреспондентке графине де Фонтан о необыкновенном религиозном чувстве Боратынского и его стремлении заставить ее разделить эти убеждения:

Deja ici, il ne pouvait appretier que les conditions du bonheur la-haut. Ses idees religieuses etaient des convictions si profondes, que la mort se presentait a lui depouillee de son aspect sinistre. Ces dernieres annees surtout il cherchait a me faire accepter ses croyances et lorsque je lui demandais de ne pas aborder ce sujet il me disait gaiement qu'il esperait reussir a me faire perdre l'angoisse que ce sujet me donnait, a me convaincre que la separation entre deux etres qui se sont aimes est impossible et le croiriez vous, Madame, dans l'instant terrible ou je n'ai pu douter de sa mort, j'ai senti la revelation s'emparer de toutes mes facultes; ce qui avait ete doute jusque la s'est subitement transforme en certitude et si de certains momens me ramenant aux craintes dont je vous parlais, la foi revient toujours les arreter. Je crois que le premier pas de mon mari hors de ce monde a ete de demander pour moi cette consolation a Dieu.

51 Как следует из письма Н. Л. Боратынской С. М. Боратынской, отправленного 6 сентября (Пд. ф. 33. Оп. 1. № 103. л. 13–16 об.; дата – по петербургскому штемпелю), к этому времени письмо свекрови было если уже не послано, то точно написано.

478

[Уже здесь он ценил лишь счастье небесное. Его религиозные идеи были столь глубокими его убеждениями, что смерть представлялась ему лишенной своего зловещего облика. Особенно в последние свои годы он старался убедить меня принять его верования, и когда я просила его не касаться этой темы, он весело говорил, что надеется развеять мой страх, убедить меня, что не может быть разлуки для двух любящих существ, и поверите ли вы, мадам, что в то страшное мгновение, когда я уже не могла сомневаться в его смерти, я почувствовала откровение, охватившее меня; то, что до сих пор казалось мне сомнительным, внезапно превратилось в уверенность, и если в иные минуты страхи, о которых я Вам говорила, вновь посещают меня, вера всегда побеждает их. Я верю: первое, что сделал мой муж за пределами этого мира, – это испросил у Бога это утешение для меня.]

(Пд. ф. 33. Оп. 1. № 108. л. 8–9 об.; копия письма: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 73) 32

формулировку, найденную в письме графине де Фонтан, Н. Л. Боратынская повторит в статье о муже, написанной в ответ на некрологический отклик Головина:

...mais la poësie et la vie a venir etaient un pour lui et l'absorbaient entierement. Ses idees religieuses sont devenues des convictions, la mort meme se presentait a lui depouillee de son aspect sinistre; on eut dit que ce qui est probleme pour les autres avait tout l'aplomb de la realite pour lui. – Si Baratsky n'avait eu pour sa part ni epreuves ni douleurs, il eut passe dans la celeste patrie sans transition.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын [...но поэзия и загробная жизнь были для него одно и поглощали его совершенно. Его религиозные идеи сделались его убеждениями, и даже смерть представлялась ему лишенной своего зловещего облика. Можно было бы сказать, что то, что было проблемой для других, для него было столь явно, как реальность. – Если бы на долю Баратынского не выпало ни испытаний, ни страданий, он обрел бы свою небесную отчизну, не ощутив перехода.] (цит. по: Хетсо 1964. Р. 13; сверено по автографу: РГАЛИ. ф. 31. Оп. 1. № 200. л. 2 об.) 51

51 Цитируемый фрагмент письма графине де Фонтан в русском переводе был напечатан Гофманом в его биографическом очерке (Изд. 1914–1913. Т. I. С. LXXX). Адресат письма – графиня Кристина де Фонтан, парижская знакомая Боратынских, дочь писателя Луи де Фонтана (1737–1821). В архиве Боратынских сохранилось несколько ее писем времени их пребывания в Париже (ф. 33. Оп. 1. № 118. л. 6–9 об.), а также два письма графини де Фонтан к Настасье Львовне, написанные уже после смерти Боратынского (Там же. л. 1–2 об.; 4–3 об.), в том числе письмо от 29 октября 1844 г. (л. 4–3 об.), на которое отвечала вдова Боратынского.

479

Надгробия Е. А. и Н. Л. Боратынских на кладбище Александро-Невской Лавры (фотография А. Ю. Балакина)

Такой взгляд на Боратынского – не поэта-скептика, тщетно ищущего оправдания Творцу и Промыслу (как герой «Отрывка из поэмы: Вера и неверие», автор «На смерть Гете» и «Осени»), но христиански приемлющего смерть как всякую волю Божества – такой взгляд был закреплен строками, выбитыми по желанию Настасьи Львовны на надгробном памятнике Боратынского: «В смиреньи сердца надо верить / и терпеливо ждать конца».

История тургеневской публикации (1854)

Копии Н. Л. Боратынской из семейного архива имели важное значение и для последующих масштабных публикаций наследия поэта – появившейся в «Современнике» 1854 г. подборки «XV стихотворений Е. А. Баратынского», а также первого собрания его сочинений (Изд. 1869), подготовленного старшим сыном Боратынского Львом Евгеньевичем.

Появление «XV стихотворений Е. А. Баратынского» среди материалов октябрьской книжки «Современника» за 1854 г. 33 связывают прежде всего Современник. 1854. Т. XLVII. № 10. Октябрь (ценз. разр. 30 сентября; вышел 2 октября 1854 г.). Отд. I. С. 147–160 (1-й пагинации). Сведения о дате выхода журнала: Летопись Тургенева 1995. Т. 1. С. 270.

480

с именем И. С. Тургенева, доставившего стихи в редакцию журнала и сопроводившего их вступительной заметкой и примечаниями. Так, благодаря Тургеневу, увидела свет самая крупная публикация стихов Боратынского за 10 лет, прошедших со времени смерти поэта, которая стала наиболее значительным напоминанием о нем после некрологических статей и посмертных публикаций 1844–1846 гг., ярким событием литературной жизни середины 1850-х гг. 54

Состав подборки не отличался однородностью: в нее вошли как стихотворения последних лет жизни Боратынского, так и стихи начала – середины 1830-х гг., а также раннее послание «К Дельвигу»:

I. На смерть Лермонтова («Когда твой голос, о поэт...») – № 226;

II. «Люблю я вас, богини пенья!..» – № 225.1;

III. Пароход («Дикою, грозною ласкою полны...») – № 228;

IV. Дядьке Итальянцу («Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой...») – № 229;

V. С-е Н-е К-ной, при посылке «Сумерекъ» («Сближеньем с вами на мгновенье...») – № 222;

VI. К («Нежданное родство с тобой дарюя...») – № 176;

VII. «Небо Италии, небо Торквата...» – № 216;

VIII. Н. Е. Б.... («Двойною прелестью опасна...») – № 171;

IX. «Мую звезду я знаю, знаю...» – № 217;

X. «Опять весна; опять смеется луг...» – № 224;

XI. Послание к Дельвигу («Так, любезный мой Гораций...») – № 10.1;

XII. К Языкову («Языков, буйства молодого...») – № 165;

XIII. Эпиграмма («„Поверьте мне“ – Зоилов журналист...») – № 148

XIV. На виньетку, представляющую господина за письменным столом, а возле него Истину («Он точно! <sic!> он безспорно...») – № 237;

XV. На *** («В руках у этого педанта...») – № 220.

Принципом, объединяющим публикуемые тексты, являлась с точки зрения Тургенева, малая их известность – или вовсе неизвестность – читателю, о чем прямо сказано в предисловии, представляющем собой письмо издателю журнала:

34 Ср., например, отклики на публикацию в «Пантеоне» (Пантеон. 1854. Т. 17. кн.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын 10. Отд. IV. Петербургский вестник. С. 7–9), «Отечественных записках» (1854. Т. 97. № И– 12. С. 39–40), «Санктпетербургских ведомостей» (1854. № 271. 4 декабря. С. 1), «Москвитяине» (Алмазов 1854. С. 113). Об историко-литературном контексте публикации Тургенева см.: Бодрова, Велижев 2009. С. 119–147.

31 – 5341

481

Редакция «Современника» получила эти стихотворения от Ив. Сер. Тургенева, при следующем письме: «Милостивые государи! Посылаю вам, с согласия г-жи Баратынской, все те стихотворения покойного поэта, которые не находятся ни в собрании его сочинений, изданном в 1835 году в Москве, ни в „Су- мерках“ 1842 года. Большая часть из них была напечатана в изданиях, не имевших обширного круга читателей, и потому мало известна публике; некоторые (как-то: „На смерть Лермонтова“⁴ и другие) появляются в первый раз. Я уверен, что вы с радостью дадите им место на листах вашего журнала и тем оживите в памяти всех любителей русского слова образ одного из лучших и благороднейших деятелей лучшей эпохи нашей литературы. <...>»

(Современник. 1854. Т. XLVII. № 10. Отд. I. С. 147)

Эксплицированная установка на возвращение читателям «забытых» или неизвестных текстов отвечала литературной ситуации 1850-х гг., но далеко не все сведения, обобщенные во вступительной заметке, достоверны. Только четыре из пятнадцати стихотворений действительно печатались впервые («Нежданное родство с тобой даруя...», «Небо Италии, небо Торквата...», «Двойною прелестью опасна...», «В руках у этого педанта...»), а названное «появляющимся в первый раз» «Когда твой голос, о поэт...» (озаглавленное «На смерть Лермонтова») уже было помещено на страницах того же «Современника» одиннадцатью годами ранее⁵⁵.

Библиографические неточности публикации неоднократно отмечались – как в литературе о Тургеневе, так и в справочном аппарате изданий Боратынского, в то время как проблема источника подборки нигде специально не рассматривалась. Из писем Тургенева известно, что свою публикацию он основывал на материалах альбома Н. Л. Боратынской, полученного вскоре после их знакомства, состоявшегося в конце мая 1854 г.

35 в рукописном варианте предисловия в числе впервые публикуемых текстов были названы еще два – «Когда дитя и страсти и сомненья...» и «Спасибо злобе хлопотливой...» (см. Блинчевская 1964. С. 239). В нашем распоряжении нет фактических сведений, позволяющих объяснить, почему эти тексты, очевидно предназначенные Тургеневым в печать, так и не появились на страницах журнала. Однако отметим ошибочность указания о том, что стихотворение «Когда дитя и страсти и сомненья...» не было опубликовано прежде – в год смерти Баратынского его напечатал все тот же «Современник» (1844. Т. 36. № 10. С. 109; см. примеч. к № 227). Едва ли можно предполагать, что Тургенев не был знаком с этим текстом – его стихотворение «Осень» было напечатано на одном развороте с «пьесой» Баратынского (Современник. 1844. Т. 36. № 10. С. 108; заглавие – «Осень»: «Как грустный взгляд люблю я осень...»; подпись: Т. Л. под текстом дата – 1842). В том же номере журнала напечатано другое стихотворение Тургенева «Гроза промчалась» («Гроза промчалась низко над землёю...») – С. 111–112 (подпись: Т. Л.).

482

λλ 3:*λ? CzTUCZxbA.). ~wce *1± . 1

XZXTZTλ* &***><*>**

6- лλЛ. λЛ-ОССляеггЛ. -, . (р, ' ' ' ' .

/%f>-Wλt

ZZjsS

<λя1 ?/ТСоЛтгггяо**λ*λ' *λ>

£3 ,* λ λ λ „ел, - .x-Z.

«λ-A.v.c/

' fV-< λ'λасл -*λftz<J

<-*<+ЪС

ewn*Wl f-f+c*iλ+* & λ л-λC?!. <λλ-λλλ.

■ VCjOfTrcs***** S>CZ!JL&>. 4ГC4

ил<-<

-?> λ tsU-jbfb сλλЛУ суλРСλ

e**' * *

'4*4:..

2/λ * л,»* 1

i#

Примечание И. С. Тургенева

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский к тексту стихотворения «Дядьке Итальянцу» в альбоме Н. Л. Боратынской ПД. Ф.33.Оп. 1. №40. Л. 39
483

...скажу Вам, что я познакомился со вдовою Баратынского (совершенно сумасбродная женщина – между нами сказать) – и она мне вручила альбом, куда она вписала все, что осталось от ее мужа, письма и пр. Можно будет составить довольно любопытную статью, –

сообщал Тургенев С. Т. Аксакову в письме от 31 мая 1854 г. (Тургенев 1961. Письма. Т. 2. С. 222). Попыток идентифицировать альбом Н. Л. Боратынской, «врученный» Тургеневу, с известными рукописными источниками из семейного архива до сих не предпринималось. Комментаторы сочинений поэта, очевидно, считали эту задачу либо несущественной, – либо принципиально неразрешимой – ввиду утраты части семейного архива⁵⁶. Тем не менее, вопреки осторожному скептицизму предшественников, рукописный источник публикации обнаруживается в хорошо известном исследователям фонде Боратынских в Пушкинском доме – это один из альбомов Настасьи Львовны, ныне хранящийся под шифром: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. О том, что именно этот альбом оказался в начале лета 1854 г. в руках Тургенева, свидетельствует прежде всего карандашное примечание на одной из его страниц, поясняющее ст. 60 стихотворения «Дядьке Итальянцу» («Но ты, ты не забыл серебряные ложки»): «По приказанию Бонапарта, все серебро (и ложки между прочим) должно было быть выдано французам» (л. 39). Эта запись, в точности совпадающая с подстрочным комментарием к этой строке в журнальном тексте, сделана рукой Тургенева; его авторство подтверждается и чернильной припиской (уже другим почерком): «Прим. Ив. Сер. Тургенева» (л. 39).

В отличие от иных альбомов и тетрадей Настасьи Львовны, здесь содержатся записи всех текстов, вошедших в тургеневскую подборку, включая те, которые были только названы в рукописном варианте предисловия к публикации (см. выше). Особенно показательны наличие в этом альбоме стихотворения «Нежданное родство с тобой даруя...» – не опубликованный при жизни поэта, текст сохранился только в автографической записи Боратынского на отдельном листке из Мурановского архива (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 189. Л. 2; Боратынский 2002. Т. 2. Ч. 1. С. 293) и в единственной копии Настасьи Львовны – в обсуждаемом альбоме (л. 57 об.). Обращение к альбому Н. Л. Боратынской позволяет прокомментировать и отдельные примечания в «Современнике». Помещая в журнале послание к Дельвигу («Так, любезный мой Гораций...»), Тургенев снабдил его следующей справкой:

56 Такая позиция нашла отражение, в частности, в текстологических примечаниях к первым двум томам настоящего издания, где источниками тургеневской публикации названы «неизвестные копии» Н. Л. Боратынской (Боратынский 2002. Т. 1. С. 90; т. 2. Ч. 1. С. 227–228, 268, 283, 293).

484

Послание это, одно из самых ранних произведений поэта, было, неведомо от него, помещено бароном Дельвигом в 1819 году в «Благонамеренном», вместе с другим небольшим стихотворением, и не попало потом в «Собрание Сочинений». Баратынский, которого имя до тех пор не появлялось в печати, часто говорил о неприятном впечатлении, испытанном им, при внезапном вступлении в нежеланную известность. (Современник. 1854. Т. XLVII. № 10. Отд. I. С. 157).

Существенные психологические и библиографические подробности – при ошибочности отдельных сведений⁵⁷ и очевидном отсутствии специальных журнальных разсылок со стороны самого Тургенева, заставляют предполагать конкретный источник подобного комментария. Едва ли можно сомневаться, что в данном случае Тургенев опирался на пояснение Н. Л. Боратынской, сопровождавшее послание к Дельвигу и мадригал «Взгляните: свежестью молодой...»:

Первые два стихотворения Е. Баратынского напечатанные в 1819 году в Благонамеренном <sic!> Б. Дельвигом, сюрпризом для Е. А. который никогда не думал что когданибудь будет печатать свои произведения. Он часто говорил о неприятном впечатлении полученном им, вступая в нежеланную известность.

(ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 7 об.)

Альбомная запись объясняет происхождение неверных сведений о месте первой публикации «Послания к Дельвигу», равно как и указание Тургенева о том, что оно было напечатано «вместе с другим небольшим стихотворением». В данном случае, несомненно, имеется в виду дебютное стихотворение Боратынского («Мадригал. Пожилой женщине и все еще прекрасной» – № 1.1), записанное на той же альбомной странице, что и послание к Дельвигу.

С листов альбома в «Современник» перешла датировка эпиграммы на Булгарина («„Поверьте мне“ – Зоилов журналист...»)⁵⁸, а также уникальное

57 «Послание к Дельвигу» было опубликовано не в «Благонамеренном», а в «Сыне Отечества», причем никакое другое стихотворение Боратынского вместе с ним напечатано не было. Это был уже седьмой текст начинающего поэта, появившийся в

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский, и пятый за его полной подписью, поэтому едва ли «неприятное впечатление» могло быть связано именно с этим стихотворением (Боратынский 2002. Т. 1. С. 303). На фактические ошибки тургеневского примечания впервые обратил внимание Гофман (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 214); «малоправдоподобность» тургеневских сведений (впрочем, безо всяких уточнений) была затем отмечена и в Изд. 1936 (Т. II. С. 250).

58 В «Современнике» эпиграмма датирована 1828 г.; в обсуждаемом альбоме стихотворение – вместе с записанной ниже эпиграммой «На виньетку...» – помещается в рубрике

485

чтение ст. 30 послания «К Языкову», отличающее журнальный и альбомный текст от других известных источников⁵⁹. Говоря о совпадающих разночтениях, подтверждающих зависимость тургеневской публикации от обсуждаемого альбома, нельзя не упомянуть послание «Дядьке Итальянцу». Текст сохранился в многочисленных копиях, которые существенно отличаются между собой, давая разночтения для более чем 10 строк. Во всех этих «вариативных местах» чтение тургеневской публикации совпадает с текстом в альбоме Н. Л. Боратынской в противоположность прочим известным источникам (см. примеч. к № 229):

Современник / другие рукописные источники

альбом Н.Л. Боратынской (№ 40)

Ст. 61 ... среди блестящих общих грезъ ... в чаду блестящих общих грезъ

Ст. 115 [... сумрачный поэт,

Дитя Британии, влачивший столько летъ]

По тайным берегам груди своей отравы По знойным берегам груди своей отравы,

По дольным берегам груди своей отравы По дольным берегам души своей отравы

Ст. 128 Чем вздохи южные с душистым их упоемъи Чем вздохи южные с полуденным алоемъ

Чем вздохи южные с душистым их алоемъ

Альбом Н. Л. Боратынской (Л. 39 об.), очевидно, послужил источником опечатки в ст. 101: «Но чтоб незримо слить в безсмыслии златом / Сон неги сладостной с последним вечным сномъ» (С. 153). Именно такое чтение («в безсмыслии» вместо «в безмыслии»), отличное от всех других известных рукописей, наличествует в рассматриваемом альбоме⁶⁰.

«в 1828» (Л. 57), в то время как в других копиях Н. Л. Боратынской (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 55 об.; № 41. Л. 45 об.) нет никаких сведений о датировке (ср. Боратынский 2002. Т. 2. 4.1. С. 227).

79 в «Современнике» и в альбоме ст. 30 читается «И тим искупишь перед светомъ», в то время как в единственной прижизненной публикации (Европеец. 1832. Ч. 1. Январь. № 2. С. 204–205), новонайденном автографе (ПД. Ф. 348. № 42. Л. 3–3 об.) и копии из Языковского архива (ПД. № 1488. Л. 3–3 об.), в другой копии Н. Л. Боратынской (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 56 об.–57) этот стих имеет иное чтение: «И сам искупишь перед светомъ». Копия Н. Л. Боратынской в альбоме № 41 (Л. 49 об.), с чтением «И тем искупишь перед светомъ» содержит еще два дополнительных разночтения в ст. 16 и 31 – ср. Боратынский 2002. Т. 2. Ч. 1. С. 268.

60 По выходе журнала Тургенев счел вариант «в безсмыслии златомъ» очевидной опечаткой и обратился к Анненкову с просьбой сообщить Некрасову о необходимости ее исправить

486

При этом нельзя не указать и на некоторые расхождения между публикацией в «Современнике» и альбомными копиями. Различия касаются прежде всего заглавий – так, например, стихотворение, известное как «Пироскафъ», имеет в журнальной подборке заглавие «Пароходъ»; изменен титул эпиграммы на Булгарина, названной в «Современнике» «На виньетку, представляющую господина за письменным столом, а возле него Истину» (см. примеч. к № 237); зашифровано имя адресата послания «Сближеньем с вами на мгновенье...» – С. Н. Карамзиной («С–е Н–е К–ной, при посылке „Сумерекъ“»). Заглавия, отсутствующие в альбоме (и не совпадающие с представленными в других рукописных источниках), получили стихотворения «Когда твой голос, о поэт...» («На смерть Лермонтова»), «Нежданное родство с тобой даруя...» («К ...»), «В руках у этаго педанта...» («На ***»).

Единичные разночтения между альбомными текстами и публикацией в «Современнике» содержат и некоторые тексты:

Ст. 4 Ст. 7

Ст. 10–12

Современник

«Люблю я васъ

[Сей сладкий трепет вдохновенья –] Предтеча жизненных невзгод.

Чтоб персты, павшие на струны

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын

И отрываясь, полный муки,
[От музы ласковой ко мне,]
Я говорю: до завтра звуки
Альбом Н. Л. Боратынской (№ 40) богини пенья!..»
Предтечей жизненных невзгод.
Чтоб персты, падшие на струны и отрываюсь, полный муки
И говорю: до завтра звуки
«Пароходъ»

Ст. И Только лишь чайка вьется за нами
«Пироскафъ»

Только что чайка вьется за нами

Ст. 7

...прости, мы ті из наций

«Дядьке Итальянцу»

...прости, мы та из наций

Ст. 4

«С–е Н–е К–ной, при посылке „Сумерекъ”»

Так сладко, складно пило мне.

«С. Н. Карамзиной при посылке Сумерковъ»

Так сладко, складно лгало мне.

Ст. 26

«Послание к Дельвигу»

В карауле посетят.

«Дельвигу»

В карауле навистят.

(Тургенев 1961. Письма. Т. 2. С. 233). На последней странице следующего номера

журнала об этом была помещена специальная заметка – см. примеч. к № 229.

487

Однако сам характер разночтений и, что не менее существенно, их уникальность по сравнению с другими известными рукописями, как представляется, не могут свидетельствовать против обоснованного выше предположения об опоре публикации Тургенева на альбом Н. Л. Боратынской. В некоторых случаях можно предполагать опечатки⁶¹, ошибки наборщика или переписчика рукописи (ср. «павшие» vs «падшие», «пело» vs «лгало»), но не менее вероятным кажется и другое: в этих изменениях можно усмотреть и сознательные «исправления» публикатора, И. С. Тургенева, который, как известно, довольно часто редактировал печатаемые им чужие стихотворные тексты⁶². Вероятно, именно с вмешательством Тургенева нужно связывать появление заглавий и их изменение или, например, последовательную замену в обеих эпиграммах на Булгарина выражения «Фиглярин журналистъ» на «Зоилов журналистъ», а также поправки в текстах «Пироскафа» и «Люблю я вас, Богини пенья...». Таким образом, публикация в «Современнике» является в текстологическом отношении сугубо вторичным источником, к тому же отмеченным редакторскими поправками, и при установлении критического текста учитываться не должна.

Канонизация семейного корпуса: история издания 1869 г.

Первое собрание сочинений Боратынского, подготовленное к 25-летней годовщине смерти поэта его сыном Львом Евгеньевичем (Изд. 1869), традиционно пользуется авторитетом у последующих исследователей Боратынского (как и подготовленное на его основе Изд. 1884). В издании был впервые собран представительный поэтический корпус – стихотворения всех прижизненных сборников и поэмы, сопровождавшиеся сводом важнейших разночтений по печатным и рукописным источникам. Наряду с лирическими произведениями, в Изд. 1869 были представлены прозаические сочинения Боратынского, критическая статья о «Тавриде» А. Н. Муравьева, французские автопереводы, избранные письма.

⁶¹ Тексты подборки не свободны от очевидных опечаток: ср. в послании «К Языкову»: «или безудшным журналистомъ» (С. 158); а также странное пунктуационное оформление ст. 1. эпиграммы «На виньетку...»: «Он точно/ он безспорно / Зоилов журналист...» (С. 159).

⁶² См.: Благой 1923а. С. 142–163; Пигарев 1935. С. 371–418; Осповат 1980. С. 45–47; Благой 1923б. С. 45–64; Лотман 1911. С. 25–47. Возможность редакторского «участия» Тургенева косвенно подтверждается введением примечаний к «Пироскафу», «Дядьке Итальянцу» и «Посланию к Дельвигу».

488

Во многих научных изданиях Боратынского публикации Изд. 1869 не раз были использованы в качестве источника основного текста, хотя до сих пор остаются непроясненными обстоятельства и принципы подготовки Изд. 1869, плохо очерчен круг рукописных источников из семейного архива, доступных редактору книги – Л. Е. Боратынскому. Между тем сохранившиеся подготовительные материалы к изданию и

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский сопроводительная переписка позволяют реконструировать историю его замысла, выявить круг материалов, положенных в его основу, определить его эдические принципы, что дает основание пересмотреть сложившиеся представления о статусе семейных изданий как авторитетном источнике текста.

Наиболее ранние известные сведения о замысле собрания относятся к концу 1860 г., когда, как вспоминал М. Н. Лонгинов, «сын поэта выразил <...> желание», чтобы тот «содействовал <...> в приготовлении нового полного издания сочинений Баратынского, в которое должны были войти ненапечатанные стихотворения и письма его»⁶³. Очевидно, Лев Боратынский решил обратиться к Лонгинову, когда от Н. В. Путяты узнал, что он составил статью о жизни и творчестве Боратынского, предназначенную для чтения в Обществе Любителей Российской Словесности, которое состоялось 7 декабря 1860 г. По просьбе сына поэта Лонгинов затем «разыскал последовательные редакции всех его напечатанных стихотворений, нашел все пьесы, невошедшие в издания 1835 и 1842 годов и составил всемо этому подробный хронологический список» (Лонгинов 1864. Стлб. 117), который послужил важным подспорьем Льву Боратынскому⁶⁴ и затем был помещен в книге (Лонгинов 1869. С. 374–385).

Благодаря библиографа за вклад в подготовку издания, Л. Е. Боратынский сообщал ему о первоначальном плане собрания в письме от 26 декабря 1860 г.:

63 См.: Лонгинов 1864. Стлб. 117 (статья датирована: Москва. «2 Июня 1863 г.»). Во 2-м номере «Библиографических записок» (1861. № 2; ц. р. 31 января 1861 г. Стлб. 63) уже сообщалось, что «в Москве готовится к выходу в свет издание полного собрания сочинений Е. А. Баратынского, предпринятое его сыном».

64 Лев Боратынский – Н. В. Путяте (письмо без даты): «Не умею Вам выразить как я Вам благодарен за сообщение мне драгоценного труда Рд Лонгинова, который так облегчит предположенное мною издание. Как отраднo встретить человека который так тщательно проследил литературную деятельность Батюшки и принимает такое живое участие в издании его сочинений; мне только остается пользоваться его трудами и благодарить его. Вы меня чрезвычайно обяжете ежели сообщите мне его статью о Батюшке и также его имя и отчество и адрес его, мне бы хотелось лично выразить ему мою благодарность» (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. №93. л. 45–43 об.).

489

Милостивый Государь Михаил Николаевич!

Позвольте мне самому выразить Вам мою благодарность за Ваш труд и за участие которое Вы принимаете в издании сочинений Батюшки. Дядюшка Николай Васильевич Путята пишет мне о статье Вашей, предназначенной для чтения в Обществе Любителей Русской Словесности. Вы, говоря, так превосходно определили в ней дух поэзии Батюшки и также поместили биографическая подробности. Жажду иметь о ней понятие. Я намерен поместить в издании краткий очерк биографии Батюшки, а так как письма его должны служить дополнением к ней, то я думаю поместить их не в конце а в начале, а в след за ними прозу.

Перед своей кончиной, Батюшка, предполагая сделать 3е издание своих сочинений, хотел разместить их по родам, при этом, некоторые из своих стихотворений назвал Лирическими, другим оставил заглавие Элегий, третье поместил в антологическая и наконец в мелкия. Эпиграммы и Послания составляют особые Отделы, конечно и Поэмы.

Желая исполнить волю Батюшки, и вместе с тем соединить и Вашу мысль об историческом порядке, я думаю сделать два оглавления: одно, по размещению сочинений в издании, и другое историческое, с означением где эти произведения появлялись; при этом, я почту приятным долгом поименовать того, кому я обязан этим драгоценным библиографическим трудом, который Вы были так любезны и так добры передать в мое распоряжение.

В тексте некоторых стихотворений, сделаны Батюшкой кое где изменения, печатая их с последними переменами, варианты будут мною означены в конце каждого тома, руководствуясь для этого, по Вашему указанию, последним изданием сочинений Языкова. <...>

(Пд. Ф. 33. Оп. 1. № 134. л. 1–2)

Ссылка на издательский замысел самого поэта не убедила Лонгинова счесть разделение стихотворений «по родам» целесообразным, хотя Лев Евгеньевич и в следующем своем письме продолжал аргументировать такое решение, ссылаясь на рукописи отца:

Милостивый Государь, Михаил Николаевич,

<...>

Вы не можете сомневаться в том, сколько я дорожу Вашим мнением и Вашими советами; считаю долгом сообщить Вам мои основания для разделения стихотворений Батюшки по родам. Не смотря на то, что в 1833 году, они вышли без разделений, Батюшка очень упирал на то чтобы сделать третье издание с разделениями. Я думаю, что издание, как замышлял его сам автор,

не будет без интереса для публики; это не помешает, в последствии, сделать его в другом виде. Преимущество разделений состоит в том, что их легче помнить чем хронологию, отыскивая пьесу. Для большого удобства, я думал, отделы не обозначать особой серией страниц, а последовательными цифрами, так что нашедши страницу в оглавлении, тотчас можно найти стихотворение.

В отделах же я намерен, сколько возможно придерживаться исторической последовательности. У меня сохранилось в памяти то что Батюшка говорил об этом распределении в Неаполе. Он почитал Лирическими не одни гимны и оды а все стихотворения проникнутыя в высшей степени восторгом и экзальтацией. Из своих сочинений, он причислял к нимъ: Финляндию, Последняго Поэта, Осень и друг. Эпиграммы все переписаны им самим в особой тетрадке, с надписью: Эпиграммы и так как в них более общаго нежели частнаго и личностей, то нет препятствий напечатать их под этим заглавием. К тому же личности без собственных имен. Есть особый отдел стихотворений в альбом. Антологическия стихотворения недлинные но заключающия в себе нечто грациозное, а чаще всего глубокую мысль, как напр. «Взгляните свежестью молодой» и также: «О мысль тебе удел цветка!» и т. д. Мадона названа балладой. Послания и Поэмы сами собой определяются и обозначены в заглавиях. Хотя в каждом стихотворении Батюшки, если мне позволено выразить это мнение, заключается и лиризм, и элегия, и цвет мысли и чувства, однако Вы видите что в каждом из этих отделов есть довольно чувствительный оттенок, что есть гармония в этом распределении и что легко отыскать пьесу которую желаешь, когда вздумается раскрыть книгу и кое что прочесть; а кто захочет проследить исторический ход сочинений, как воображение внушало их автору в течении жизни, хотя Вы сами сознаетесь, что этого в точности определить невозможно, но Вами в этом отношении, сделано все что можно было сделать.

(Там же. л. 3–4)

Уже в приведенных письмах Л. Е. Боратынского хорошо виден основной принцип, которым он будет руководствоваться в издании – прежде всего, ориентация на последнюю волю поэта, запечатленную в его рукописях, поправках в печатных изданиях, списках из фамильного архива. С этим связана и установка на воспроизведение семейного предания, особенно ярко проявившаяся в концепции биографической статьи и отборе эпистолярных текстов.

Несмотря на симпатию к Лонгинову и сочувственное отношение к его историко-литературному очерку о поэте⁶⁵, Лев Боратынский предпочел поместить 63 Отзыв см. в письме Л. Е. Боратынского к Н. В. Путяте: РГАЛИ. ф. 394. Оп. 1. № 93. л. 9–11 об. (письмо от 26 февраля <1867 г.>).

491

в издании самолично составленную биографическую заметку – «Материалы для биографии Е. А. Баратынского» (Изд. 1869. С. 391–400), которую, в несколько иной редакции, почти в то же время напечатал и в «Портретной галерее русских деятелей» А. Мюнстера (Боратынский Л. Е. 1869. С. 70–73). Важной особенностью биографической статьи, составленной Л. Е. Боратынским, была, как показывает обращение к кругу доступных сыну поэта источников, ориентация прежде всего на семейное предание о поэте. «Материалы для биографии...», очевидно, должны были донести до публики тот образ Боратынского, который – прежде всего усилиями Настасьи Львовны – формировался и сохранялся в домашнем кругу.

Так, в своей биографии Лев Евгеньевич воспроизводит семейную легенду о первой публикации Боратынского, будто бы вызвавшей «тягостное впечатление» начинающего поэта:

Первыя стихотворения <...> начали появляться около 1819 года; они были напечатаны Дельвигом, без ведома его. <...> он испытал тягостное впечатление, как говорил в последствии, когда увидел свои стихотворения и имя свое в первый раз напечатанными.

(Изд. 1869. С. 393–394)

Напомним, что эти сведения восходят к пояснительной заметке в альбоме Н. Л. Боратынской, а также к ее статье в ответ на некролог Головина.

Прямые переключки с той же статьей Настасьи Львовны, а также с ее письмом графине де Фонтан обнаруживают и другие фрагменты очерка Льва Боратынского: II convenait que Ia prose n'avait nui attrait pour lui et qu'il avait meme plus de facilite a exprimer ses idees en vers (статья в ответ Головину – Хетсо 1964. Р. 12).

[Он признавался, что проза не имеет для него привлекательности и что он даже с большей легкостью выражает свои мысли стихами].

<...> on Га vu rejeter de son recueil des pie- ces qu'il trouvait mauvaises malgre le succes qu'elles avaient obtenu et il corrigeait celles qui avaient ete imprimees rien que pour satisfaire

Он мало писал прозою и охотнее выражал свои мысли стихами (издание Мюнстера –

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский Л. Е. 1869. С. 12).

Он с большею легкостью выражался стихами <...> (Изд. 1869. С. 397).

Некоторые упрекали его в частой переделке стихов уже напечатанных и имевших успех; <...> Поэт был чрезвычайно строг к самому

492

a son sentiment d'artiste. <...> (письмо графине де Фонтан – ПД. Ф. 33. Оп. 1. №108. л. 9).

[Он исключал из своих сборников пьесы, которые он находил слабыми, вопреки успеху, который они имели, он исправлял те стихотворения, которые уже были напечатаны, единственно с целью удовлетворить свое чувство художника.]

Le malheur a voulu qu'il ait vu se disseminer autour de lui les litterateurs, ses contemporains et les jeunes litterateurs se sont eloignes de lui, plusieurs memes sans vouloir le connaitre, parce qu'on le peignait tellement arbitraire dans ses opinions <...> (письмо графине де Фонтан – ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 108. л. 9).

[Несчастьем ему было суждено видеть, как редеет круг литераторов-современников, а начинающие литераторы отдаляются от него, некоторые – даже не желая его знать, потому что он порой был довольно строг в своих мнениях.]

В одном из фрагментов биографической статьи Лев Евгеньевич даже цитировал довольно обширную выписку из бумаг Н. Л. Боратынской – «несколько строк <...>, чрезвычайно верно воспроизводящих характер поэта» (Изд. 1869. С. 396), однако их автором была вовсе не Настасья Львовна, а И. В. Киреевский, фрагмент некрологической статьи которого из «Библиотеки для воспитания» (Киреевский 18456. С. V–VI) вдова поэта переписала своей рукой.

Чрезмерное доверие к свидетельствам Настасьи Львовны сказалось также в ряде неверных датировок и указаний издания, восходящих к ее записям и пометам: так, поездка Боратынского в Петербург, в действительности состоявшаяся в феврале 1840 г., отнесена Львом Евгеньевичем к 1839 г.66, которым себе: успех не удовлетворял его, ежели он чувствовал возможность чего либо усовершенствованного (Изд. 1869. С. 396–397).

Будучи строгим к самому себе, Баратынский также безпристрастно и нелицеприятно выражал свое мнение относительно всякого рода литературных произведений. <...> он придерживался правила: не щадить ошибок, которые, при указании их опытным литератором, могут быть столь полезны молодому начинающему писателю (Изд. 1869. С. 397).

66 «Зимой 1839 года, он ездил на несколько дней в Петербург. В письмах своих к жене поэт говорит о впечатлении, произведенном на него Петербургским обществом»

(Изд. 1869. С. 398).

493

датированы и все письма поэта из Петербурга (Изд. 1869. С. 422) – вслед за пометами в альбомах Н. Л. Боратынской67. О безоговорочной опоре на ее записи ярко свидетельствует просьба Л. Е. Боратынского в письме к Путяте (так и оставшаяся нереализованной) исправить датировку писем к Пушкину: «первое и второе письма к Пушкину, на первом из них Матушкиной рукой означень: 1825 год, а не 1826, как напечатано и я не думаю, чтобы Матушка, не имела точных сведений о годе в котором написаны эти письма» (РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 93. л. 26 об.–27; письмо от 23 августа 1868 г.)68.

Рассмотренные примеры заставляют критически отнестись и к другим сообщениям сына поэта и вывести «Материалы...» из числа источников, заслуживающих несомненного доверия. Сложный генезис биографической статьи Л. Е. Боратынского, опиравшегося как на установленные факты, так и – в равной степени – на семейные предания и собственные воспоминания, необходимо иметь в виду при оценке достоверности биографических свидетельств и при обращении к текстам Боратынского, известным только в передаче Льва Евгеньевича в названной статье (фрагмент «С неба чистая, золотистая...»69, экспромт «Принес ты мирные трофеи...»70).

При отборе текстов основного корпуса и их подготовке Л. Е. Боратынский руководствовался сходными установками. Как и в случае с биографическими сведениями, в отношении собственно текстов сын поэта зачастую ориентиро

67 См., например: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 29 (помета «De Petersbourg a Moscou, 1839»); № 40. л. 13 (помета: «De Petersbourg a Moscou. 1839») и др.

68 Речь, очевидно, идет о помете над этими письмами в альбоме № 40, где над первым текстом эпистолярной подборки рукой Н. Л. Боратынской поставлена дата: «1823 года» (ПД.

Ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 8).

69 Со ссылкой на текст, процитированный Л. Е. Боратынским, четверостишие печатается в разделе «Dubia» собраний сочинений поэта, начиная с Изд. 1914–1913

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский (Т. I. С. 204); см. примеч. к № 241.

70 На основании свидетельства Льва Боратынского о том, что куплет «Принес ты мирные трофеи...» был экспромтом поэта, четверостишие ввел в раздел «Dubia» Гофман (Изд. 1914–1913. Т. I. С. 208, 328–329; в комментариях редактор высказывал серьезные сомнения в принадлежности стихотворения Боратынскому), а затем Медведева и Купреянова (Изд. 1936. Т. I. С. 336; Т. II. С. 301; Изд. 1937. С. 317, 394). Впоследствии в специальном исследовании Медведева привела полный текст куплетов, напечатанный в «Московских ведомостях» (1836. № 11. 3 февр. С. 229–230) и «Московском наблюдателе» (1833. Ч. IV. Октябрь. Кн. 2. Прил. С. 3–4), атрибутировав его Боратынскому (Медведева 1968. Р. 119–120). На этом основании полный текст куплетов был напечатан фризманом в основном корпусе текстов Боратынского (Изд. 1982. С. 337–338, 664–663). Однако недавно обнаруженный автограф Шевырева, содержащий запись полного текста куплетов (ОР РНБ. Ф. 342. № 778), дал основание М. И. Медовому утверждать единоличное авторство последнего (Медовой 2001. С. 116–120) и вовсе отвести авторство Боратынского.

494

вался на рукописи Настасьи Львовны, которые имели в его глазах статус первоисточника.

Особенно ярко это видно на материале эпистолярия Боратынского – прежде всего на письмах к жене из Петербурга, которые дошли до нас как в подлинниках (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 77. л. 7–10 об., 15–16 об., 19–22 об., 25–28 об., 31–36 об., 39–40), так и в альбомных копиях Настасьи Львовны. Сопоставление названных источников с текстами, напечатанными в Изд. 1869, показывает, что публикация основывалась, по всей видимости, на копиях в альбоме № 40, карандашные отчеркивания в котором соответствуют купюрам издания.

Так, например, в копии письма, датированного 6 февраля 1840 г., вычеркнут рассказ о недовольстве публики повестью Соллогуба «Тарантас» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 15–15 об.; текст вычеркнутого отрывка см.: Летопись. С. 359) – тот же фрагмент отсутствует в публикации письма (Изд. 1869. С. 423). В письме от 10 февраля в альбомной копии отчеркнуто карандашом начало до фразы «С Князем и Княгиней...» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 16–17; текст письма: Летопись. С. 361–362) – в Изд. 1869 купированный начальный фрагмент еще значительнее (Изд. 1869. С. 424). В письме от 9 февраля в альбомной копии отчеркнут последний фрагмент, рассказывающий о встрече с дядюшкой Петром Андреевичем (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 19 об.–20; текст письма: Летопись. С. 361) – он также опущен в публикации (Изд. 1869. С. 427).

По копиям Н. Л. Боратынской сын поэта напечатал последнюю редакцию поэмы «Цыганка», не опубликованную при жизни Боратынского, многие поздние стихотворения. Так, текст послания «Дядьке Итальянцу» в Изд. 1869 восходит не к первой публикации в «Современнике», а к альбомным спискам, о чем свидетельствует специфика различий в печатном тексте. В соответствии с большинством списков Н. Л. Боратынской строка «Пироскафа» напечатана с усечением в форме «здравья»: «Пеню здравья брызжет мне валь» – также в отличие от текста «Современника». Альбомным копиям соответствует чтение в финальной строфе «Опять весна, опять смеется луг...» и «Люблю я вас, богини пенья...», к спискам Н. Л. Боратынской восходит заглавие стихотворения «Когда твой голос, о поэт...» – «Память поэту». Можно полагать, что копии Настасьи Львовны Лев Боратынский считал источником, отражающим последнюю авторскую волю, следование которой он стремился проводить как важнейший эдичионный принцип, что хорошо видно из писем Л. Е. Боратынской к Путяте и писем последнего Бартенева, также принимавшему участие в подготовке издания.

495

Из писем сына поэта следует, что в его распоряжении был труднодоступный ныне экземпляр «Стихотворений Баратынского» 1835 г. с авторскими поправками⁷¹, которые он настоятельно хотел ввести в основной корпус, хотя эти поправки не всегда представляли законченную редакцию. Так, Лев Евгеньевич писал Путяте: ...в биографическом очерке там где приведены стихи из стихотворения «Судьбой наложенныя цепи» мне кажется, что я привел прежний текст «Далече странствуют иные», но слово странствуют, в экземпляре 1835 года зачеркнуто и заменено словом бедствуют, так что следует и в ситуации напечатать: – «Далече бедствуют иные» <...>

...поэт зачеркнул в стихотворении Д. Давыдову стих: «И трепетать ему не лить», так что это стихотворение должно читаться:

Так, так! Покуда сердце живо,

В воспоминаньи горделиво Хранить я буду оный день.

не смотря на то, что стих «Хранить я буду оный день» остается без рифмы, но чрез это не утрачивается благозвучие <...>

(РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 93. л. 17 об., 29).

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
Первая поправка в издании была учтена и не вызвала возражений Путяты или
Бартенева, в то время как слепое следование «последней авторской воле» в
послании Давыдову, на котором настаивал Лев Боратынский, Путятой было сочтено
неоправданным, о чем он прямо писал Бартеневу:

Левушка меня приводить в отчаяние. В послании к Д. Давыдову он поставил точки
вместо одного стиха потому, что отец его зачеркнул этот стих в своем экземпляре
издания 1835 г., вероятно с намерением изменить его, но не сделал этого. Я
возстановил этот стих по тому же изданию. Вообще я почти уверен, что половина
сделанных нами корректур не будет исправлена в типографии, и что нео**б**ходимо
перечитывать еще за тем набранные листы.

(РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. № 382. Л. 20–20 об.)⁷²

⁷¹ Ныне находится в собственности наследников К. В. Пигарева; в первых
томах настоящего собрания эта правка Боратынского была учтена непоследовательно.

⁷² В результате в основном тексте послание было напечатано в соответствии с
текстом Изд. 1835, а указания о последующих авторских исправлениях были помещены
в разделе «Варианты»

(Изд. 1869. С. 201).

496

Уже из этого фрагмента переписки, сопровождавшей подготовку издания, хорошо
видны те неизбежные недостатки собрания 1869 г., которые существенно затрудняют
обращение к нему как авторитетному источнику текста. Принцип последней авторской
воли, на котором настаивал Лев Боратынский, на деле оказывался реализованным
далеко не последовательно – частично из-за противодействия Путяты и Бартенева,
считавших некоторые требования сына поэта чересчур радикальными, частично из-за
технических затруднений с печатанием и вычиткой корректур: отпечатанные листы
Бартенев, ведавший сношениями с типографией, отсылал на вычитку Путяте в
Мураново и Льву Евгеньевичу, который часто отлучался из Москвы. Многие поправки
вносились в самый последний момент, при этом все равно довольно значительное их
число в самой книге учтено не было, и к изданию был приложен внушительный список
опечаток.

Таким образом, непоследовательность конкретных текстологических решений в Изд.
1869 существенно затрудняет обращение к нему и последующим семейным переизданиям
1884-го и 1900-го гг. как к авторитетному источнику текстов. Значительно большим
весом в эдиционной практике должны обладать положенные в основу этого издания
рукописные материалы из семейного архива и, прежде всего, копии в альбомах Н. Л.
Боратынской.

А. С. Бодрова

32 – 5341

497

– V –

Журнальные отклики на «Сумерки»

32*

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТКЛИКИ НА «СУМЕРКИ»*

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВЫХОДЕ «СУМЕРЕК»¹ В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ А. СЕМЕНА

на Кузнецком мосту в доме Суворовщикова, поступило в продажу отпечатанное на сих
днях сочинение Евгения Боратынского

СУМЕРКИ

цена в бумажке 5 руб. ассигн.

О. И. СЕНКОВСКИЙ (?)

СУМЕРКИ. СОЧИНЕНИЕ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО.

МОСКВА, В ТИП. СЕМЕНА, 1842, в-12, СТР. 88* 1 2

Сумерки, и луны нет! Сумерки, и девы нет! Даже нет мечты!... которая впрочем то
же что дева. Что ж это за сумерки?... Но они именно тем и хороши, что в них нет
ни луны, ни девы, ни мечты. Это сумерки без всяких пошлостей, сумерки
somme-il-faut, благородные сумерки.

* Тексты рецензий и статей печатаются по новой орфографии, но с сохранением
специфических особенностей правописания (заглавные буквы, слитное / раздельное /
дефисное написание и т. д.) и пунктуации источников.

¹ Московские Ведомости. 1842. № 40. Середа, Мая 20-го. Прибавления. Отд.

II. О русских книгах. С. 589.

² Библиотека для Чтения. 1842. Т. 53. № 7 (ценз. разр. 30 июня; вышел 4
июля – летопись. С. 387). Отд. VI: Литературная летопись. Июнь, 1842. Новые
книги. С. 1–8 (6-й пагинации).

501

Насчет сумерок, я думаю, что они тогда только становятся приметными, когда
солнце оставляет горизонт, или когда оно помрачается. Эта мысль пришла мне в
последнее затьмение, 26 июня. Луна, конечно, блестит очень изрядно впотьмах:
светило хоть куда, в ночное время! Даже и днем, как-скоро она поместится против

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
солнца, все примечают ее, все об ней толкуют. Не будь солнца, луна решительно
была бы незаметна во вселенной; никто не знал бы о существовании луны. И я
сделал наблюдение, что таких лун, которые помещаются против солнца и заставляют
всех говорить о себе, очень много на свете. Есть солнца на земле, которые
проливают на нее еще более свету чем то, которое затьмилось 26 июня. В их свете
ходят поколения. Без них человек блуждал бы во мраке, будь на небе даже десять
таких солнц как то, которое затьмилось. Это – гениальные люди. Это – великие
таланты. И есть такие луны, тела круглые, темные, которые не светят сами собою,
но становятся светлыми и довольно блестящими, как-скоро эти солнца озарят их
своими лучами. Эти тела круглые, темные – головы с посредственными дарованиями.
Они непременно требуют такого освещения чтобы сделаться заметными. Сама природа
назначила их быть спутниками солнц, или гениев. Эти солнца, освещая эти головы
преимущественно, имеют дар обнаруживать в них много прекрасного и
необыкновенного, и делают из них весьма полезные ночные светила. Так, головы,
поместившиеся в сиянии Наполеонова гения, долго еще и после его заката бросали
свет на мрачные пропасти человечества. Так, в блестящие эпохи Петра и Екатерины,
возникали из тьмы герои, которых имена навсегда останутся в истории. Так, и на
светлых полях поэзии, Томас Мур, половиною своей славы обязан Байрону, или
Бирону. Множество имен известны только потому что стояли некогда насупротив
лучезарного имени Вольтера. И на Руси бывали подобные случаи. Вместе с
Карамзиным, Жуковским, Батюшковым, стали славны их друзья, которых я никогда не
решусь назвать по имени, из уважения к их приятному, хоть и заимствованному,
свету. Пушкин тоже имел свои луны. Как-скоро луч его славы упал на них, они
начинали нам присвечивать, и мы удивлялись красоте этих второстепенных светил.
Лишь-только это яркое солнце угасло, и все луны исчезли в общей темноте. Таково
свойство отраженного свету!

Я говорю это единственно по случаю затьмения и луны, а вовсе не насчет «Сумерок»
господина Баратынского. Его «Сумерки» – сумерки хоть куда. Они были бы приметны
даже и в таком случае, когда б солнца совсем не существовало; когда б все было
мрак и тьма; когда б четыре радужные луча Пушкина не проливали на них своего
волшебного свету:

502

Стих каждой повести твоей Звучит и блещет как червонец;

Твоя Чухончка, ей-ей,

Гречанок Байрона милей,

А твой зоил – прямой Чухонец!

Стихотворения его, и прежде напечатанные, и нынешние, имеют свое самостоятельное
достоинство. В них много прелести, много ума. Почти каждая пиеса запечатлена
удачною мыслью, и, главное, ни в одной из них, несмотря на сумерки, нет ни девы,
ни мечты, ни луны, что доставило нам особенное и несказанное удовольствие.

Предрассудок... он обломок Давней правды. Храм упал,

А руин его потомок Языка не разгадал.

Гонит в нем наш век надменный,

Не узнав его лица,

Нашей правды современной Дряхлолетнего отца.

Воздержи младую силу!

Дней его не возмущай!

Но пристойную могилу,

Как уснет он, предку дай!

Эти прекрасные строки заключают в себе мысль, почти поэтическую. Вот другое
стихотворение в том же роде, «Приметы»:

Пока человек естества не пытал Горнилом, весами и мерой,

Но детски вещаньям природы внимал,

Ловил ея знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она Любовью ему отвечала:

О нем дружелюбной заботы полна,

Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,

Вран каркал ему в опасенье:

И замысла, в пору смирясь пред судьбой,

Воздерживал он дерзновенье.

503

На путь ему выбежав из лесу волк,

Крутясь и подъемля щетину,

Победу пророчил: и смело свой полк Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вея над ним,

Блаженство любви прорицала:

В пустыне безлюдной он не был одним,

Не чуждая жизнь в ней дышала.
Но, чувство презрев, он доверил уму,
Вдался в суету изысканий:
И сердце природы закрылось ему!
И нет на земле прорицаний!

Поэзия господина Баратынского всегда отличалась эпиграмматическим на правлением.
Это слабость умных людей. В «Сумерках» также есть эпиграммы, – и одна из них
очень едка, – а другая совершенно справедлива

I
Филида с каждою зимою,
Зимою новою своею,
Пугает большей наготою Своих старушечьих плечей:
И, Афродита гробовая,
Подходит, словно к ложу сна,
За ризой ризу опуская,
К одру последнему она.

II
Сначала мысль, воплощена В поэму сжатую поэта,
Как дева юная темна Для невнимательного света.
Потом осмелившись, она Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена в свободной прозе романиста.
Болтунья старая затем,
Она, подъявля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной Давно уж ведомое всем.

504

Правда, что здесь есть дева, и еще юная, но, в эпиграммах, это совершенно
уместно и ни сколько не противно хорошему вкусу. Но особенно мила маленькая
поэма, «Осень». В этом стихотворении есть много картинного, хотя некоторые фразы
несколько тяжелы и вся пиеса немножко растянута. Но можно исключить те строфы,
которые кажутся лишними.

И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его, в зеркале зыбком вод,
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виется вокруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!
И вот сентябрь! и вечер года к нам Подходит! На поля и горы уже мороз бросает по
утрам Свои серебристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол:
Пред ним помчится прах летучий;
Качаяся завоюет роща: дол
Покроет лист ея падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.
Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Веселой сон минутных летних нег!...
Вот эхо, в рощах обнаженных,
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убеленных,
Своих дубрав³ и холмов зимний вид Застылый ток туманно отразит.

3 В «Сумерках» – «дубров».

505

А между-тем досужий селянин
Плод годовых трудов собирает. Сметав в стога скошенный злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопы стоят в копнах блестящих Иль тянутся, вдоль жнива⁴, на возах Под тяжелой
ношею скрипящих;
И хлебных скирд золотоверхий град Подъемлетя кругом крестьянских хат.
Дни сельского святого торжества!

Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.... Иди, зима! на строги дни себе Припас оратай много
блага; Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага:
С семьей своей вкусит он без забот Своих трудов благословенный плод,
А ты, когда вступаешь в осень дней, Оратай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее собираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты, –
Ты, так же ли как земледел, богат?....
И ты, как он, с надеждой сеял;
И ты, как он, о дальнем дне наград Сны позлащенные лелеял....
Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретенья, –
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским Тобой скопленные презренья,
4 В «Сумерках» – «жнивны».

506

Язвительный, неотразимый стыд Души твоей обманов и обид!
Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой Из глубины сердечныя возник
Вполне торжественный и дикой, Костями бы, среди своих забав,
Содроглась ветреная младость, Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость Покинула б чело его навек,
И заживо б в нем умер человек!
Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тароватый!
Проси, сажай гостей своих за пир Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен Блится он!... Но вкус – один во всех И как могила
людям страшен. Садись один и тризну соверши По радостям земным твоей души!
Пусть, в торжестве насмешливом своем, Ум бесполезный сердца трепет Угомонит, и
тщетных жалоб в нем Усушит запоздалый лепет И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад!
Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ея предел завидя невдали,
Цветущий брег за мглою черной,
Пред Промыслом оправданным ты ниц Падешь с признательным смиреньем, С надеждою,
не видящей границ,
И утоленным разуменьем.

507

Знай: внутренней своей во веки ты Не передашь земному звуку И легких чад
житейской суеты Не посветишь в свою науку! Знай: горняя, иль дольная, она Нам на
земле не для земли дана.
Зима идет, и тощая земля,
В широких лысынах бессилья,
И радостно блиставшие поля Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой, Все образы години бывшей Сравняются под
снежной пеленой, Однообразно их покрывшей.
Перед тобой таков отныне свет:
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОМ ГАЗЕТЫ»

СУМЕРКИ. СОЧИНЕНИЕ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО. МОСКВА. 18425

Баратынский без сомнения принадлежит к числу не многих русских поэтов, которых
имена наша литература привыкла произносить с гордостью и призна-
тельностью. Было время, когда на г. Баратынского многие смотрели, как на одну из самых
блестящих надежд русской поэзии, когда имени его не произносили иначе, как подле
имен Пушкина и Жуковского. И точно, в эпоху цветущего состояния поэтической
деятельности г. Баратынского, в его произведениях нередко встречались такие
страницы, на которых негрешно было основывать хоть какие надежды. Его стих,
всегда эффектный и грациозный, выкованный, так сказать, из мысли и чувства,
как-то особенно западал в душу и надолго оставался в ней, проникая в самые
сокровенные изгибы ее. Баратынский по преимуществу поэт мысли: не столько
изяществом формы и оригинальностью поэтического взгляда, сколько господством

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский, присутствием которой

5 Литературная газета. Вестник наук, искусств, литературы, новостей, театров. 1842. № 32. 16 августа. Критика и библиография. Русская литература. С. 663–665.

508

более или менее запечатлены все лучшие, то есть, первоначальные его произведения, обратил он на себя внимание, заставив некогда предполагать в себе натуру мощную и глубокую, еще сильнее мыслящую и чувствующую, чем изображающую свои мысли и чувства. Ждали полного, окончательного развития, после которого поэт должен был выразиться вполне и притом во всей своей самобытности, совершенно чуждый посторонних влияний. Не то случилось...

Баратынский, после роскошных, обаятельных звуков, которые так чудно и щедро рассыпала его лира в цветущую пору свою, вдруг начал слабее и слабее откликаться на голос надежд, вызывавших его музу на поприще просторное и почетное. Постепенно реже и реже стали являться в свет его произведения и притом нельзя было не заметить упадка их, сравнительно с первоначальными. В последние годы, только в двух журналах, (в «Отечественных Записках» и в «Современнике») по временам и то весьма не часто, встречали мы небольшие стихотворения за подписью г. Баратынского, и признаться, узнавали их только по подписи. Творец «Эдды» как-будто переродился...

Ныне г. Баратынский собрал небольшие пьески свои, разбросанные по журналам, и выдал их в свет в небольшой книжке. С грустным вниманием перечитали мы его брошюру и в сотый раз тяжело вздохнули об участи нашей бедной литературы, которой как будто на роду написано, или оплакивать преждевременную потерю или сожалеть о неожиданном упадке всего того, на чем основывала она самые светлые надежды своего процветания...

Однакож, из того, что мы теперь сказали, не должно выводить слишком скорого заключения, что те, которые почитали г. Баратынского замечательным поэтом, безусловно ошиблись. Нет, в г. Баратынском всегда найдется столько таланта, ума и достоинства, чтоб помрачить многие и очень многие из нынешних наших поэтических знаменитостей. Мы находим упадок его грустным только в отношении к нему самому, к первоначальным его произведениям. В «Сумерках» есть несколько стихотворений, которые можно прочесть с большим удовольствием. На пример:

Алкивиад

Облокотясь перед медью, образ его отражавшей,
Дланью слегка приподняв кудри златые чела,
Юный красавец сидел горделиво задумчив, и смехом Горьким смеясь, на него мужи
казали перстом;

Девы тайно любясь челом благородно открытым,
Не хотя взор отводя, хмурили брови свои.

Он же и глух был, и слеп; он не в меди глядясь, а в грядущем,
Думал: к лицу ли ему будет лавровый венок.

509

Ропот

Красного лета отрава, муха досадная, что ты Вяешься, терзая меня, льнешь то к
лицу, то к перстам?

Кто одарил тебя жалом властным прервать самовластно Мощно-крылатую мысль,
жаркой любви поцелуй?

Ты из мечтателя мирного, нег европейских питомца Дикого скифа творишь, жадного
смерти врага.

В этих двух стихотворениях, совершенно разнородных по мысли, выполнение так
удовлетворительно, форма так изящна и оба они запечатлены такою оригинальностью,
что невольно вспомнишь прежнего Баратынского. К числу лучших стихотворений, из
ныне изданных, должно отнести так-же «Рифму» и «Все мысль да мысль».

Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!

О жрец ея! тебе забвенья нет;

Все тут, да тут, и человек, и свет,

И смерть, и жизнь, и правда без покрова.

Резец, орган, кисть! счастлив кто влеком к ним чувственным, за грань их не
ступаю!

Есть хмель ему на празднике мирском!

Но пред тобой, как пред нагим мечем,

Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.

Рифма

Когда на играх Олимпийских,

На стогнах Греческих недавних городов,

Он пел, питомец муз, он пел среди валов Народа жадного восторгов мусикийских:

В нем вера полная в сочувствие жила:

Свободным и широким метром,
Как жатва зыблемая ветром Его гармония текла.
Толпа вниманием окована была Пока, могучим сотрясеньем Вдруг побежденная,
плескала без конца И струны звучныя певца Дарили⁷ новым вдохновеньем.

6 В «Сумерках» – «самовольно».

7 В «Сумерках» – «дарила».

510

А ныне кто у наших лир Их дружелюбной тайны просит?
Кого за нами в горний мир Опальный голос их уносит?
Меж нас не ведает поэт Его полет высок иль нет!
Сам судия и подсудимый,
Пусть молвит: песнопевца жар Смешной недуг иль высший дар?
Решит вопрос не разрешимый!
Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света,
Своею ласкою поэта Ты, рифма! радуешь одна.

Подобно голубю ковчега,

Одна ему, с родного берега,

живую ветвь приносишь ты;

Одна с божественным порывом Миришь его твоим отзывом И признаешь его мечты!

Как в том, так и в другом стихотворении есть мысль изящно выраженная, за то
нельзя сказать этого о следующем стихотворении:

Выли⁸ бури, непогоды,

Да младые были годы!

В день ненастный, час гнетучий Грудь подымет вздох могучий;

Бойкой песнью разольется:

Скорбь невзгода распоеется!

А как век–то, век–то старой Обручится с лютой карой;

Груз двойной в⁹ груди усталой Уж не сбросит вздох удалой:

Не положишь ты на голос С черной мыслью белый волос!

8 В «Сумерках» – «Были».

9 В «Сумерках» – «с груди».

511

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

СУМЕРКИ. СОЧИНЕНИЕ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО.

МОСКВА, В ТИП. А. СЕМЕНА,

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО–ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

В 12–ю д. л. 88 СТР.10 11

В этой книжке содержатся стихотворения г. Баратынского, писанные им после
издания в двух томах собрания стихотворений в 1835 году. Эти, последние,
стихотворения были рассеяны в разных журналах: «Московском Наблюдателе»,
«Отеч.<ественных> Записках» и пр.; изданные теперь отдельно, они могут служить
дополнением к означенному собранию стихотворений г. Баратынского 1835 года. Это
обстоятельство дает нам повод поговорить в особой статье о всей поэтической
деятельности такого замечательного лица в русской литературе, как г.
Баратынский, – что мы и сделаем в одной из следующих книжек «Отеч.<ественных>
Записок».

П. А. ПЛЕТНЕВ

СУМЕРКИ. СОЧИНЕНИЕ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО.

В 12; 88 и II СТРАНА

В Литературе есть имена, есть таланты, есть сочинения, которые появлением своим
каждый раз вносят в душу читателя особый мир идей, образов, ощущений, и хотя на
мгновение облакают жизнь легкою, светлою радостью. Это те немногие из
художников, которые, постигнув свое призвание, ему одному оставались всегда
верны, любили искусство, потому–что в его только сфере чувствуешь дыхание чистой
красоты и высокой истины, не изменяли вечным законам творчества и, уклонившись в
обитель созерцательности и гармонии, не узнали о существовании изменчивых
приговоров толпы. При неожиданной встрече с собою, долго невиденный, каждый из
этих немногих вызывает на уста ваши приветствие Поэта:

10 Отечественные записки. 1842. Т. XXIV. № 9 (ценз. разр. 31 августа, вышел
4 сентября – Боград 1985. С. 170–171). Отд. VI: Библиографическая хроника.
Русская литература. Август. С. 1 (6–й пагинации).

11 Современник. 1842. Т. XXVII. № 3 (ценз. разр. 30 июня; ценз, билет 3
августа – Летопись. С. 387). Отд. II: Разбор новых книг. Новые сочинения. С.
96–101 (1–й пагинации).

512

Приди, о друг! дай прежних вдохновений,
Минувшею мне жизньию повеи!

Побудь со мной! продли очарованья!
Дай сладкого вкусить воспоминанья!

К числу поэтов, так действующих на образованного читателя, бесспорно принадлежит Евгений Баратынский, писатель, в котором глубокая истина идеи всегда равна простоте и точности выражения, писатель, столько же открывший новых воззрений на жизнь, новых картин, незамеченных до него оттенков в красках элегического рода, сколько Крылов в области аполога. Прочитайте в Записках Пушкина, что он говорит о Баратынском. Это приговор самого беспристрастного, самого сведущего и самого законного судьи. Давно мы расстались с поэтом. Он не мог разлучиться с поэзией, которая живет в душе его; но он не издавал ничего, кроме редко попадавшихся в Современнике небольших стихотворений. Теперь он собрал свои поэтические заметки минутных ощущений и дум – и напечатал их особою книжкою, назвав ее СУМЕРКИ. Всех стихотворений двадцать шесть. Чтобы читателям нашим доставить возможность поверить замечания наши о Баратынском, приводим здесь несколько строф из его Элегии: Осень.

VI.

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля!
И пред тобой во благостыне дней¹² является земная доля,
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды,
И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее собираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты!

VII.

Ты так же ли как земледел богат?
И ты как он с надеждой сеял;
И ты как он о дальнем дне наград Сны позлащенные лелеял...
язвительный, неотразимый стыд Души твоей обманов и обид!

¹² В «Сумерках» – «всей».

33 – 5341

513

Любуйся же, гордись воставшим им! Считаю свои приобретенья:
Увы, к мечтам, страстям, трудам мирским Тобой скопленные презренья,

VIII.

Твой день взошел – и для тебя ясна Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг, Сочувствий пламенный искатель, Блистательных туманов царь – и вдруг Бесплодных дебрей созерцатель,
Один... с тоской, которой смертный стон Едва твоей гордыней задушен.

IX.

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой из глубины сердечная возник Вполне торжественный и дикой:

Костями бы среди своих забав Содрохла ветренная младость; Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость Покинула б чело его навек,
И заживо б в нем умер человек.

X.

Зови ж теперь на праздник честный мир! Спешу, хозяин тароватый!
Проси, сажай гостей своих за пир Затеяливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!

Каким разнообразьем брашен Блистает он!.. Но вкус один во всех,
И, как могила, людям страшен:

Садись один и тризну соверши По радостям земным твоей души!

514

XI.

Какое же потом в груди твоей Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней Последнее вихревертенье –
Пусть в торжестве насмешливом своем Ум бесполезный сердца трепет Угомонит, и тщетных жалоб в нем Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад, Дар опыта, мертвящий душу хлад.

XII.

Иль, отряхнув видения земли Порывом скорби животворной,
Ея предел завидя невдали,
Цветущий брег за мглюю черной, Возмездий край благовестящим снам, Доверься чувствам¹³ обновленным,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
И бытия мятежным голосам,
В великом гимне примиренным, внимающий как арфам, коих строй Превыспренний, не
понят был тобой,
XIII.

Пред Промыслом оправданным ты ниц Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою, невидящей границ,
И утолненным разуменьем:

Знай, внутренней своей вовеки ты Не передашь земному звуку,
И легких чад житейской суеты Не посвятишь в свою науку;
Знай, горняя, иль дольная, она Нам на земле не для земли дана.
13 В «Сумерках» – «чувством».

33*

515

В. Г. БЕЛИНСКИМ

СУМЕРКИ. СОЧИНЕНИЕ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО. МОСКВА, 1842. СТИХОТВОРЕНИЯ ЕВГЕНИЯ
БАРАТЫНСКОГО. ДВЕ ЧАСТИ. МОСКВА, 1835ц

Пытливый дух исследования и анализа, по преимуществу характеризующий новейшую
эпоху человечества, проник в таинственные недра земли и по ее слоям начертал
историю постепенного формирования нашей планеты. Естествознание еще прежде,
через классификацию родов и видов явлений трех царств природы, определило
моментальное развитие духа жизни, от низшей его формы – грубого минерала, до
высшей – человека, существа разумносознательного. Все это богатство фактов,
добытых опытным знанием, послужило к оправданию априорных воззрений на жизнь
мирового духа и очевидно доказало, что жизнь есть развитие, а развитие есть
переход из низшей формы в высшую, и, следовательно, что не развивается, то есть
не изменяется в форме, пребывая в однообразной неподвижности, то не живет, то
лишено плодотворного зерна органического развития, рождаясь и погибая чрез
случайность и по законам случайности. Такое же зрелище представляют и
исторические общества, ибо и они или существуют по тому же вечному закону
развития, то есть пере- хождения из низших форм жизни в высшие, или вовсе не
существуют, потому что одно фактическое, одно эмпирическое существование, как
лишнее разумной необходимости, следственно, случайное, равняется совершенному
несуществованию: кто докажет теперь человеку непросвещенному и необразованному,
что Греция и Рим существуют? – а между тем для человечества они и теперь
существуют несомненно; кто не докажет всем и каждому, что Китай подлинно
существует? – а между тем Китай все-таки существует для человечества меньше, чем
китайский чай...

Внимательное исследование открывает, что и жизнь обществ, так же как и жизнь
планеты, на которой они обитают, слагается из множества слоев, из которых
каждый, в свою очередь, подобно разноцветным волнующимся лентам, отличается
множеством слоистых пластов. Пласты эти – поколения, из которых каждое,
удерживая в себе многое от предшествовавшего поколения, тем не менее и
отличается от него собственным колоритом, собственным характером, собственной
формой и собственной физиономиею. Каждое последующее поколение относится к
предшествующему, как корень к зерну, стебель к корню, ствол к стеблю, ветвь к
стволу, лист к ветви, цвет к листу, плод к цветку. Но это 14

14 Отечественные записки. 1842. Т. XXV. № 12 (ценз. разр. 30 ноября; вышел 1
декабря – Бюроград 1985. С. 178–179); Отд. V: Критика. С. 49–70 (3-й пагинации).
316

сравнение только относительно, только внешним образом верно и не обнимает
сущности предмета; дерево совершает вечно однообразный круг развития: выходя из
зерна, оно зерном вновь становится, чем и оканчивается вся органическая его
деятельность. По новейшим открытиям, жизненная сила и прототип каждого растения
заключаются не только в зерне, но и во всяком листке его: отпадая и разносясь
ветром, листья вновь являются деревьями, и через них нагие степи покрываются
лесами. Но от листа дуба и родится дуб, совершенно во всем подобный тому, от
которого произошел, и тем дубам, которые сам произведет в свою очередь. Стало
быть, здесь только повторение одного и того же типа во множестве одинаковых его
проявлений; здесь, стало быть, то или другое дерево – явления совершенно
случайные, а важна только идея рода дерева, который, возникши раз, вечно
повторяет себя через однообразный процесс органического развития. Не таково
общество: никто не помнит его исторического начала, теряющегося в туманной дали
бессознательного младенчества; никто не скажет, где конец его развития, ни того,
что будет с ним завтра, судя по вчера. И между тем, хотя его завтра и всегда
заклучено в его вчера, однако завтра никогда не походит на вчера, если только
общество живет историческою, а не одною эмпирическою жизнью.

Целый цикл жизни отжила наша Русь и, возрожденная, преображенная Петром Великим,
начала новый цикл жизни. Первый продолжался более восьми веков; от начала

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
второго едва прошло одно столетие: но, боже мой, какая неизмеримая разница в значении и объеме жизни, выраженных этими восемью веками и этим одним веком! Иногда в жизни одного человека бывает день такого полного блаженства и такого глубокого смысла, что перед этим днем все остальные годы жизни его, как бы многочисленны ни были, кажутся только мгновением какого-то темного, смутного и тяжелого сна. То же самое бывает и с народами; то же самое было и с Русью. Здесь мы опять должны сделать оговорку, чтоб добрые люди, любящие толковать навыворот чужие мысли, не вздумали буквально понять нашего сравнения: единственный человек (индивидуум) и народ – не одно и то же, так же как и счастливый день в жизни человека и великая эпоха в истории народа – не одно и то же. Подвиг Петра Великого не ограничился днями его царствования, но совершался и после его смерти, совершается теперь и будет бесконечно совершаться в грядущих временах, и все в более громадных размерах, все в большем блеске и большей славе... И до Петра Великого текло время, и поколения сменялись поколениями; но эта смена состояла только в том, что старики умирали, а дети заступали их место на арене жизни, а не в живой последовательности живых идей. Поколение сменялось поколением, а идеи оставались все те же, и последующее поколение так же походило на предшествующее, как один листок

517

походит на тысячи других листьев одного и того же дерева. Правнук венчался в нарядном кафтане прадеда, а внучка в той же телогрейке, в которой венчалась ее бабушка, и все те же тут свахи, те же дружки, те же пиры и проч... Ход времени измерялся круговращением планеты, ее вечною весною, за которою всегда следовали лето, осень и зима, да еще лицами и именами, а не идеями, – случайными фактами, а не стройным развитием. Война или потрясла на время внешнее благоденствие государства, или укрепляла и расширяла его извне, а внутри все оставалось неизменным... Явился исполин преобразователь, привил к плодородной и девственной почве русской природы зерно европейской жизни, – и с небольшим в столетие Русь пережила несколько столетий. Развитие Руси и доселе носит на себе отпечаток могучего характера ее преобразования: она растет не по дням, а по часам, как ее сказочные богатства. Из многих сторон возьмем ближайшую к предмету нашей статьи – литературу по отношению к обществу: давно ли завелась она у нас, а уже сколько слоев осталось на дне ее недавнего прошедшего, сколько поколений резко обозначилось в сфере ее движения! И теперь еще на Руси есть целая публика, хотя и небольшая, которая от всей души убеждена, что Ломоносов «наших стран Малерб и Пиндару подобен», что Херасков – «наш Гомер, воспевший древни брани, России торжество, падение Казани», что Сумароков в притчах победил Лафонтена, а в трагедиях далеко оставил за собою и Корнеля, и Расина, и господина Вольтера, и что с этими тремя поэтами кончился цветущий век российской словесности. Поклонники Державина уже холоднее к ним, хотя все еще высоко ставят их в своем понятии: известно, что Державин с горестью признавался, «сколь трудно соединить плавность Хераскова с силою стихов Петрова». Вообще, до Карамзина особенно трудно проследить изменение литературных понятий в поколениях; но с Карамзиным начинается совершенно новая литература и совершенно новое общество: к стукотне громких од до того прислушались, что уж больше писали и хвалили их (и то по преданию), чем читали; плакали над «Бедною Лизою», твердили нежные стихи ее творца: «Пой во мраке тихой рощи, нежный, кроткий соловей», «кто мог любить так страстно» и пр.; зачитывали до лоскутов книжки умно, ловко и талантливо составленного им «Вестника Европы»; в умных, прекрасно, по своему времени, обработанных стихах Дмитриева думали видеть бездну поэзии... Литературное поколение до Карамзина было торжественное: парад и иллюминация были неисчерпаемым источником его вдохновений, его громких од. Остроумный Дмитриев метко и ловко характеризовал это поколение в своей прекрасной сатире «Чужой толк». Следовавшее затем поколение было чувствительное: оно охало, проливалось токи слезны и воздыхало в стихах и прозе. Любовь заменила славу, миртовые венки вытеснили лавровые, горлицы своим томным воркованием заглушали громкий клет

518

орлов. Права на любовь состояли в нежности, в одной нежности. Счастливый любовник восклицал своей Хлое: «Мы желали – и свершилось!» Несчастный, от разлуки или от измены, кротко и умиленно говорил милой или жестокой:

Две горленки укажут Тебе мой хладный прах,

Воркуя томно, скажут:

«Он умер во слезах!»

Нравственность при всем этом не забывалась и шла своим путем. Для доказательства этого стоит только упомянуть о стократы-знаменитой песне: «Всех цветочков боле», которая оканчивается следующей сентенцией:

Хлоя, как ужасен Этот нам урок!

Сколь, увя, опасен Для красы порок!

В этом чувствительном периоде русской литературы есть, конечно, своя смешная сторона, и над нею довольно посмеялись последовавшие затем периоды, воспроизводя его в «Эрастах чертополоховых» и тому подобных более или менее остроумных, более или менее плоских сатирах, как он сам в «Чужом толке» зло подтрунил над предшествовавшим ему торжественным периодом. Это круговая порука: в том и состоит жизненность развития, что последующему поколению есть что отрицать в предшествовавшем. Но это отрицание было бы пустым, мертвым и бесплодным актом, если б оно состояло только в уничтожении старого. Последующее поколение, всегда бросааясь в противоположную крайность, одним уже этим показывает и заслугу предшествовавшего поколения, и свою от него зависимость, и свою с ним кровную связь, ибо жизненная подвижность развития состоит в крайностях, и только крайность вызывает противоположную себе крайность. Результатом сшибки двух крайностей бывает истина; однакож эта истина никогда не бывает уделом ни одного из поколений, выразивших собою ту или другую крайность, но всегда бывает уделом третьего поколения, которое, часто даже смеясь над предшествовавшими ему торжественными и чувствительными поколениями, бессознательно пользуется плодом их развития, истинною стороною выраженной ими крайности; а иногда, думая продолжать их дело, творит новое, свое собственное, которое само по себе опять может быть крайностью, но которое тем выше и превосходнее кажется, чем больше воспользовалось истинною стороною труда предшествовавших поколений. Так, Жуковский – этот литературный коломб Руси, открывший ей Америку романтизма в поэзии, повидимому, действовал, как продолжатель

519

дела Карамзина, как его сподвижник, тогда как в самом деле он создал свой период литературы, который ничего не имел общего с карамзинским. Правда, в своих прозаических переводах, в своих оригинальных прозаических статьях и большей части своих оригинальных стихотворений Жуковский был не больше, как даровитый ученик Карамзина, шагнувший дальше своего учителя; но истинная, великая и бессмертная заслуга Жуковского русской литературе состоит в его стихотворных переводах из немецких и английских поэтов и в подражаниях немецким и английским поэтам. Жуковский внес романтический элемент в русскую поэзию: вот его великое дело, его великий подвиг, который так несправедливо нашими аристархами был приписываем Пушкину. Но Жуковский, несколько не зависимый от предшествовавших ему поэтов в своем самобытном деле введения романтизма в русскую поэзию, не мог не зависеть от них в других отношениях: на него не могла не действовать крепость и полетистость поэзии Державина, и ему не могла не помочь реформа в языке, совершенная Карамзиным. Карамзин вывел юный русский язык на большую ровную дорогу из дебрей, тундр и избитых проселочных дорог славянизма, схоластизма и педантизма; он возвратил ему свободу, естественность, сблизил его с обществом. Но связь Карамзина и его школы (в которой после него первое и почетное место должен занимать Дмитриев) с Жуковским заключается не в одном языке: пробудив и воспитав в молодом и потому еще грубом обществе чувствительность, как ощущение (sensation), Карамзин, через это самое, приготовил это общество к чувству (sentiment), которое пробудил и воспитал в нем Жуковский. Как ни бесконечно неизмеримо пространство, отделяющее «Бедную Лизу», «Остров Борнгольм» Карамзина, его же и Дмитриева нежные и чувствительные песни и романсы от «Эоловой арфы», «Кассандры», «Ахилла», «Не узнавай, куда я путь склонила», «Орлеанской девы» Жуковского; но общество не поняло бы последних, если б не перешло через первые. И этот переход был тем естественнее, что у самого Жуковского были пьесы посредствующие для такого перехода, как-то: «Людмила», «Светлана», «Двенадцать спящих дев», «Пустынный», «Алина и Альсим» и т. п. Новый элемент, внесенный Жуковским в русскую литературу, был так глубоко знаменателен, что не мог ни быть скоро понят, ни произвести скорых результатов на литературу, и потому Жуковского величали балладником, певцом могил и привидений, – а подражатели его наводняли и книги и журналы чудовищными кладбищенными балладами, – в чем и заключается смешное этого периода русской литературы. Впрочем, Жуковский так же виноват в смешном этого периода, как Шекспир в уродливых и нелепых немецких трагедиях Грильпарцера, Раупаха, Шенка и подобных им. Кроме того, надо заметить, что смысл поэзии Жуковского обозначился для общества позднее, уже при Пушкине, а до тех пор, особенно при начале по

520

прища Жуковского, литература русская представляла собою смешение разных элементов, новое и старое, дружно действовавшее: Капнист допевал свои длинные элегические рассуждения в стихах; Озеров сделал из французской трагедии все, что можно было сделать из нее для России, и в лице его французский псевдоклассицизм совершил на Руси полный свой цикл, так что Озеров был у нас последним даровитым его представителем; Крылов продолжал создание народной басни; Пушкин (Василий) считался одним из знаменитейших поэтов; Батюшков, как талант сильный и

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский, самобытный, был неподражаемым творцом своей особенной поэзии на Руси; князь Вяземский был творцом особенной, так называемой светской поэзии и по справедливости почитался лучшим критиком своего времени, блестящим, живым и не связанным классическою схоластикою, которая так много повредила критическому влиянию Мерзлякова на общество. С появлением Пушкина все изменилось, и новое поколение резче чем когда-либо отделилось от старого. Между прочими элементами начал проникать в русскую литературу элемент исторический и сатирический, в котором выразилось стремление общества к самосознанию. Пользуясь этим направлением времени, некоторые ловкие литературщики с успехом пустили в ход разные нравоописательные, нравственно-сатирические и исправительно-исторические романы и повести, которые будто бы изображали Русь, но в которых русского было – одни собственные имена разных совестралов и резонеров. Но тут были и достойные уважения исключения, из которых самое яркое – романы и повести талантливого, но не развившегося Нарезного. В Гоголе это направление нашло себе вполне достойного и могучего представителя.

Но мы здесь пишем не историю русской литературы, а только слегка обозначаем моментальную последовательность общественного развития, которое в каждом поколении имело своего представителя. Еще и теперь есть люди, которые с восторгом повторяют монологи из «Дмитрия Самозванца» и «Хорева» и даже печатают восторженные книжки о поэтическом гении Сумарокова: эти люди – утлые остатки некогда юного, живого и многочисленного поколения: в их хриплом старческом голосе, в их запоздалых восторгах слышится голос невозвратно прошедшего для нас времени. Другие вздыхают о «Титовом милосердии», «Рославле» и «Сбитеньщике» Княжнина, говоря про себя: «Что теперь пишут – и читать нечего!» Третьи со слезами на глазах, но уже не споря, говорят равнодушному новому поколению о том, что после «Эдипа», «Дмитрия Донского», «Поликсены» и «Фингала» незачем и ездить в театр. Есть люди, для которых русская поэзия умерла с Ломоносовым и Державиным и которые хотя не оспаривают заслуг Жуковского, однако и неохотно говорят с ними. Есть люди, которые не иначе могут восхищаться Жуковским, как отрицая всякое поэтическое достоинство в Пушкине. Но сколько теперь таких, которые, юношами

521

встретив первые опыты таланта Пушкина, остановились на Пушкине, не в силах ни на шаг двинуться вперед, и откровенно признаются, что не видят ничего особенного и необыкновенного в Гоголе. Другие же, которых первые создания Гоголя застали еще в поре юности, в поре живой и быстрой восприимчивости впечатлений и способности умственного движения, – высоко ценят и Пушкина и Гоголя; но даже и не подозревают существенного значения Лермонтова. Это, впрочем, не значит, чтоб они не признавали в Лермонтове таланта: нет, кто от поэзии Пушкина перешел через поэзию Гоголя, тот уже поневоле видит дальше и глубже людей, остановившихся на Пушкине, и не может не восхищаться опытами Лермонтова; но восхищаться поэтом и понимать его – это не всегда одно и то же... И все эти поклонники разных мнений живут в одно и то же время, разделяясь на пестрые группы представителей и прошедших уже, и проходящих, и существующих еще поколений... И их существование есть признак жизни и развития общества, в котором царственный преобразователь-зидатель вдохнул душу живу, да живет вечно!., и чем больше количество, чем пестрее разнообразие представителей прошедших вкусов и мнений, тем ярче и поразительнее выказывается жизненность общественного развития. Отсталые могут возбуждать сожаление и сострадание, как люди заживо умершие, как дряхлый старец, окруженный одними могилами милых ему существ, живущий одними воспоминаниями о невозвратно прошедшей поре счастья, чуждый и холодный для всех надежд и обошений, которыми кипят не родные ему новые поколения; но едва ли справедливо было бы презирать этих отсталых, а тем более обвинять их. Благо тому, кто отличенный Зевеса любовью, неугасимо носит в сердце своем прометеев огонь юности, всегда живо сочувствуя свободной идее и никогда не покоряясь оцепеняющему времени или мертвящему факту, – благо ему: ибо эта божественная способность нравственной подвижности есть столько же редкий, сколько и драгоценный дар неба, и немногим избранным ниспосылается он! Прочувствовать великого поэта, вполне выразившего собою момент общественного развития, – это значит пережить целую жизнь, принять в себя целый, отдельный и самобытный мир мысли, следовательно, дать своему нравственному существованию особенную настроенность, отлить дух свой в особую форму. И потому только слишком глубокая и сильная натура способна бывает принимать в себя все, ничем не переполняясь, и носить в груди своей целые миры, всегда жаждая новых. По-большей-части, людям трудно отрываться от того, что раз наполнило их, раз овладело ими, и они враждебно, как на ересь, смотрят на то, что наполняет и владеет уже чуждыми им поколениями. Всякая литература не без живых примеров в этом роде. Так иной пожилой критик, си- devant поборник высших взглядов и новых идей, а теперь отсталой обскурант, так же точно и теми же словами нападает на нового великого

522

тателей, как некогда нападали люди старого поколения на прежнего великого поэта и его почитателей... Он и не подозревает, что он повторяет жалкую роль тех самых людей, которых некогда, может-быть, он первый заклеил именем «отсталых», что он теперь бросает в молодое поколение тою же грязью, которою некогда швыряли в него классические парики, и что, подобно им, он только себя марают эту грязью... Такое зрелище может возбуждать лишь болезненное сострадание – больше ничего.

На такие мысли навела нас маленькая книжка г. Баратынского, названная им «Сумерками». Все, сказанное нами – нисколько ни отступление от предмета статьи, ни вступление с яиц Леды: нет, эти мысли возбудила в нас поэтическая деятельность г. Баратынского, и под влиянием этих мыслей хотим мы рассмотреть ее критически. Кто скоро едет, тому кажется, что он стоит, а все мимо его мчится: вот почему России и не заметен ее собственный ход, между – тем, как она не только не стоит на одном месте, но, напротив, движется вперед с невероятной быстротою. Эта быстрота движения выразилась и в литературе. Голова кружится, когда подумаешь о расстоянии, которое разделяет предпрошлое десятилетие (1820–1830) от прошлого (1830–1840); а прошлое десятилетие от этих двух протекших лет настоящего! Подлинно скажешь:

Свежо предание, а верится с трудом!

Давно ли было это наводнение альманахов, которое затопило-было все библиотеки; давно ли издавался «Телеграф», которого мнения были так новы и глубоки, и который так справедливо величался своим чрезвычайным расходом, опираясь на 1200 постоянных подписчиков? Давно ли литература наша гордилась таким множеством (увы! забытых теперь) знаменитостей, которые были потому велики, что одна написала плохую романтическую трагедию и дюжину водяных элегий; другая – издала альманах, третья – затеяла листок, четвертая напечатала отрывок из неоконченной поэмы, пятая тиснула в приятельском журнале несколько невинных и довольно-приятных рассказов?... Давно ли Марлинский был гением? Давно ли повести не только г. Полевого, – но и г. Година считались необходимым украшением и альманаха и журнала? Давно ли на «Ивана Выжигина» смотрели чуть-чуть не как на гениальное сочинение? Давно они наводят на грустную думу о непостоянстве сего тревожного мира...

Нет; еще один вопрос! Давно ли г. Баратынский, вместе с г. Языковым, составлял блестящий триумvirат, главою которого был Пушкин? А между – тем, как уже давно одинокою стоит колоссальная тень Пушкина, и, мимо своих современников и сподвижников, подает руку поэту нового поколения, которого талант застал и оценил Пушкин еще при жизни своей!... Давно ли каждое новое

523

стихотворение г. Баратынского, явившееся в альманахе, возбуждало внимание публики, толки и споры рецензентов?... А теперь тихо, скромно появляется книжка с последними стихотворениями того же поэта – и о ней уже не говорят и не спорят, о ней едва упомянули в каких-нибудь двух журналах, в отчете о выходе разных книг, стихотворных и прозаических... Да не подумают, что мы этим хотим сказать, что дарование г. Баратынского не значительно, что оно пользовалось незаслуженною славой: нет, мы далеки от подобного мнения; мы высоко уважаем яркий, замечательный талант поэта уже-чуждого нам поколения, и потому именно, что уважаем его, хотим, в обозрении его поэтической деятельности, показать, почему его произведения, будучи и теперь изящными, как и всегда были, уже не имеют теперь той цены, какую имели прежде.

Такие явления всегда имеют две причины: одна заключается в степени таланта поэта, другая в духе эпохи, в которую действовал поэт. Никто не может стать выше средств, данных ему природою; но исторический и общественный дух эпохи или возбуждает природные средства действителя до высшей степени свойственной им энергии, или ослабляет и парализует их, заставляя поэта сделать меньше, чем бы он мог. Отношения поэта к его эпохе бывают двояки: или он не находит в ее сфере жизненного содержания для своего таланта; или, не следя за современным духом, он не может воспользоваться тем жизненным содержанием, какое могла бы представить его таланту эпоха. В каждом из этих случаев результат один – безвременный упадок таланта и безвременная утрата справедливо-стяжанной славы. Открытие причин такого печального конца блестящим образом начатого поприща, не принесет пользы поэту, о котором идет дело; но уроки прошедшего полезны для настоящего и будущего, – и одна из обязанностей основательной критики – обращать внимание на такие уроки.

Было время, когда русская критика состояла из заметок об отдельных стихах. «Какой гармонический стих! как удачно воспользовался поэт звукоподражанием: в этом стихе слышен рокот грома и завывание ветра! Но следующий затем стих

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский оскорбляет слух какофониею, и притом, после отрицательной частицы не поставлен винительный падеж вместо родительного. А вот в этом стихе и ударения неправильны и усечения многочисленны; конечно, поэтические вольности дозволяются стихотворцам, но они должны иметь свои границы. Как удачно, вот в этом стихе, выражена нежность пастушки, и сколько простодушия и невинности в ее ответе!» Так, или почти-так критиковали поэтов наши аристархи доброго старого времени. С двадцатых годов текущего столетия стали критиковать иначе. Вместо филологических, грамматических и просодических замечок, вместо похвал или порицаний отдельно-взятым стихам, стали делать эстетические замечания на отдельные места поэтического произведения: такой-то характер выдержан, а такой-то не выдержан, такое-то место

524

поразительно своим драматизмом, или своим лиризмом, а такое-то слабо, и т. п. Эта критика была большим шагом вперед; но теперь и она неудовлетворительна. Теперь требуют от критики, чтоб, не увлекаясь частностями, она оценила целое художественного произведения, раскрыв его идею и показав, в каком отношении находится эта идея к своему выражению, и в какой степени изящество формы оправдывает верность идеи, а верность идеи способствует изяществу формы. Если же дело идет о целой поэтической деятельности поэта, то от современной критики требуют не восклицаний вроде следующих: «сколько души и чувства в этой элегии г. N., сколько силы и глубокости в этой его оде, какими поразительными положениями изобилует его поэма, как верно выдержаны характеры в его драме!» Нет, от современной критики требуют, чтоб она раскрыла и показала дух поэта в его творениях, проследила в них преобладающую идею, господствующую думу всей его жизни, всего его бытия, обнаружила и сделала ясным его внутреннее созерцание, его пафос.

Если мы скажем, что преобладающий характер поэзии г. Баратынского есть элегический, то скажем истину, но этим еще ничего не объясним, ибо характер чьей бы то ни было поэзии еще не составляет ее сущности, как физиономия не составляет сущности человека, хотя и намекает на нее. Чтоб объяснить то и другое, должно раскрыть идею и в ней найти причину и загадку характера и физиономии. Что такое элегический тон в чьей бы то ни было поэзии? – грустное чувство, которым проникнуты создания поэта. Но чувство само-по-себе еще не составляет поэзии: надо, чтоб чувство было рождено идеею и выражало идею. Бессмысленные чувства – удел животных; они унижают человека. К чести г. Баратынского должно сказать, что элегический тон его поэзии происходит от думы, от взгляда на жизнь, и что этим самым он отличается от многих поэтов, вышедших на литературное поприще вместе с Пушкиным. Рассмотрим же идею у которой проникает собою создания г. Баратынского и составляет пафос его поэзии. Возьмем для этого одно из лучших, хотя и позднейших его произведений – «Последний Поэт». В этой пьесе поэт высказался весь, со всею тайною своей поэзии, со всеми ее достоинствами и недостатками. Разберем же ее всю от слова до слова.

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.

Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопчут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

525

По этой энергии и поэтической красоте стихов уж, тотчас видно, что поэт выражает свое profession de foi, передает огненному слову давно-накипевшие в груди его жгучие мысли... Настоящий век служит исходным пунктом его мысли; по нем он делает заключение, что близко время, когда проза жизни вытеснит всякую поэзию, высохнут растленные корысти и расчетом сердца людей, и их верованием сделается «насущное» и «полезное»... Какая страшная картина! Как безотрадно будущее! Поэзии более нет. Куда же девалась она? – исчезла при свете просвещения... И так, поэзия и просвещение – враги между собою? И так, только невежество благоприятно поэзии? Не-уже-ли это правда? Не знаем: так думает поэт – не мы... Впрочем, поэт говорит не о поэзии, но о ребяческих снах поэзии, а это – другое дело! Но посмотрим, как разовьется далее мысль поэта.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
В ней опять цветут науки,
Дышит роскошь, блещет вкус;

Но не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит! Суров и бледен человек:

Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, берега лазурных рек;

Цветет Парнас! пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струею бьет;
Нежданный сын последних сил природы,
Возник поэт: идет он и поет.
Теперь любопытно, о чем он поет; любопытно потому особенно, что в его песне ясно
должна высказаться мысль автора этой пьесы.
Воспеваает простодушный Он любовь и красоту,
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету;
Мимолетные страданья,
Легкомыслием целя,
Лучше, смертный, в дни незнанья.
Радость чувствует земля!

526

А, вот что! теперь мы понимаем! Наука ослушна (то есть непокорна) любви и
красоте; наука пуста и суетна.. Нет страданий глубоких и страшных, как
основного, первосущного звука в аккорде бытия, страдание мимолетно – его должно
исцелять легкомыслием; в дни незнания (т. е. невежества) земля лучше чувствует
радость!..

Это стихотворение написано в 1835 году от Р. Х.!..

Как жаль, что люди не знают языка, на-прим.<ер>, птичьего: какие должны быть
удивительные поэты между птицами! Ведь птицы не знают глубоких страданий – их
страдания мимолетны, и они целят их не только легкомыслием, но даже и
совершенным безмыслием – что для поэзии еще лучше; а о науках птицы и не
слыхивали, стало-быть, и понятия не имеют о пустоте и суете наук; что же
касается до незнания – птицы ушли дальше его, – они пребывают в решительном
невежестве... Какие благоприятные обстоятельства для поэзии, и как жаль, что, по
незнанию птичьего языка, мы незнакомы с птичьей поэ- зией!..

Но, полно, прав ли поэт в своей основной мысли? Полно, невежеством ли сильна
поэзия? По-крайней-мере до-сих-пор известно всему грамотному свету, что
сильнейшее развитие изящных искусств совершалось только у просвещеннейших
народов мира – Греков, Римлян, Итальянцев, Англичан, Французов и Немцев, – а не
у Чукчей, Коряков и Самоедов...
Поклонникам Урании холодной Поет, увы! он благодать страстей:

Как пажити Эол бурнопогодный,
Плодотворят они сердца людей;
Живительным дыханием развита,
Фантазия подымлетя от них,
Как некогда возникла Афродита Из пенистой пучины волн морских.
И зачем не предадимся Снам улыбчивым своим?
Жарким сердцем покоримся Думах хладным, а не им?
Верьте сладким убеждениям Вас ласкающих очес И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!

Какие чудные, гармонические стихи! Не грех ли заставить их выражать такие
неосновательные мысли? И удивительно ли, что –

527

Суровый смех ему ответом; персты Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста вещать полуотверсты (?),

Но гордыя главы не преклонил:

Стопы свои он в мыслях направляет В немую глушь, в безлюдный край; но свет Уж
праздного вертепа не являет,
И на земле уединенья нет!

Сила грустного чувства словно молния проблеснула в последних стихах этого
куплета: видно, что мысль стихотворения явилась в скорбях рождения! Видно, что
она вышла не из праздно-мечтающей головы, а из глубоко-растерзанного сердца... И
тем не менее все-таки она – ложная мысль!

Человеку непокорно Море синее одно:

И свободно и просторно И приветливо оно;

И лица не изменило С дня, в который Аполлон Поднял вечное светило В первый раз
на небосклон...
Эти стихи так хороши, так хороши, что напоминают собою строфы, переведенные

Жуковским из стихотворений Шиллера, посвященных древнему миру.
Оно шумит перед скалой Левкада.

На ней певец, мятежной думы полн, Стоит... в очах блеснула вдруг отрада: Сия

скала... тень Сафо!., голос волн... Где погребла любовница Фаона Отверженной
любви несчастный жар, Там погребет питомец Аполлона Свои мечты, свой бесполезный
дар!

Именно – бесполезный дар!..

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын и по-прежнему блистает Хладной роскошью свет: Серебрит и позлащает Свой безжизненный скелет;

528

Но в смущение приводит Человека глас морской,
И от шумных вод отходит Он с тоскующей душой!

Опять повторяем: какие дивные стихи! Что, если бы они выражали собою истинное содержание! О, тогда это стихотворение казалось бы произведением огромного таланта! А теперь, чтоб насладиться этими гармоническими, полными души и чувства, стихами, надо сделать усилие: надо заставить себя стать на точку зрения поэта, согласиться с ним на-минуту, что он прав в своих воззрениях на поэзию и науку; а это теперь решительно невозможно!.. И от-того впечатление ослабевает, удивительное стихотворение кажется обыкновенным...

Бедный век наш – сколько на него нападок, каким чудовищем считают его! И все это за железные дороги, за пароходы – эти великие победы его, уже не над материею только, но над пространством и временем! Правда, дух меркантильности уже чересчур овладел им; правда, он уже слишком низко поклоняется златому тельцу; но это отнюдь не значит, чтоб человечество дряхлело и чтоб наш век выражал собою начало этого дряхления: нет, это значит только, что человечество, в XIX веке, вступило в переходный момент своего развития, а всякое переходное время есть время дряхления, разложения и гниения. И пусть за этим дряхлением последует смерть – что нужно! Человечество совсем не то, что человек: умирая, человек уже не существует более на земле; но человечество, как идеальная личность, составляющаяся из миллионов реальных личностей, которые если и убывают, зато и прибывают, – человечество старым и дряхлым умирает на земле для того, чтоб на земле же воскреснуть юным и крепким. Уже не раз оно было и младенцем, и юношею, мужем и старцем, умирало и воскресало, подобно фениксу, из собственного своего пепла. Разве последние дни древне-языческого мира, дни от царствования Августа почти до царствования Августула, не были днями разложения, гниения и смерти, и разве за ними не последовало воскресения и нового младенчества человечества?

Разве последовавшие потом девять столетий не были эпохою пылкой юности человечества, а с пятнадцатого века не вступило оно в свой возраст мужества? Восемнадцатый век был веком его старости... А сколько было частных смертей, означивших собою эпоху перелома и возрождения? И разве не были эпохами смерти – крестовые походы, когда вся Европа в ужасе ожидала страшного суда, и все народы ее двинулись в Азию, чтобы в своей колыбели найти и свой гроб; или тридцатилетняя война, когда выжженная, обгорелая Германия походила на разграбленный стан?.. И так, думать, что человечество когда-нибудь умрет, и что наш век есть его предсмертный век, – значит не понимать, что такое человечество, значит не иметь высокой

34 – 5341

529

веры в его высокое значение... Если наш век и индустриален по-преимуществу, это нехорошо для нашего века, а не для человечества: для человечества же это очень-хорошо, потому-что через это будущая общественность его упрочивает свою победу над своими древними врагами – матернею, пространством и временем. При этом не худо не забывать, что наш индустриальный век гордо называет своими сынами Гёте, Бетховена, Байрона, Вальтера Скотта, Купера, Беранже, и многих других художников. Не-уже-ли же это – все последние поэты?.. Много же их!.. Мы еще понимаем трусливые опасения за будущую участь человечества тех недостаточно-верующих людей, которые думают предвидеть его погибель в индустриальности, меркантильности и поклонении тельцу златому; но мы никак не понимаем отчаяние тех людей, которые думают видеть гибель человечества в науке. Ведь человеческое знание состоит не из одной математики и технологии, ведь оно прилагается не к одним железным дорогам и машинам... Напротив, это только одна сторона знания, это еще только низшее знание, – высшее объемлет собою мир нравственный, заключает в области своего ведения все, чем высоко и свято бытие человеческое, все, что составляет достоинство и величие имени человеческого, все те великие вопросы, которые присущны самой натуре человека, с которым он родится и которые носит в груди своей... Кроме математики и технологии, есть еще философия и история – одна как наука развития в мышлении довременных и бесплотных идей, другая – как наука осуществления в фактах, в действительности, развития этих довременных идей, таинственных и первосущных матерей всего сущего, всего рождающегося и умирающего и, несмотря на то, вечно живущего!..

Нам, может-быть, скажут, что стихотворение не есть философская система, и что особенно по одному стихотворению нельзя заключать о мыслительном воззрении поэта на мир. На первое мы дадим ответ ниже; вместо же ответа на второе перейдем к другим стихотворениям г. Баратынского: они ответят за нас.

Пока человек естества не пытал Горнилом, весами и мерой;

Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ея знаменья с верой;
Покуда природу любил он, она любовью ему отвечала
О нем дружелюбной заботы
полна,
Язык для него обретала.
Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье:
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.
530

На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подъявля щетину,
Победу пророчил: и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.
Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала:
В пустыне безлюдной он не был одним,
Не чуждая жизнь в ней дышала.
Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний!

Коротко и ясно: все наука виновата! Без нее, мы жили бы не хуже Ирокезов... Но хорошо ли, но счастливо ли живут Ирокезы без науки и знания, без доверенности к уму, без суеты изысканий, с уважением к чувству, с томагоуком в руке и в вечной резне с подобными себе? Нет ли и у них, у этих счастливых, этих блаженных Ирокезов, своей суеты испытаний, нет ли у них своих понятий о чести, о праве собственности, своих мучений честолюбия, славолубия? И всегда ли вран успевает предостерегать их от беды, всегда ли волк пророчит им победу? Точно ли они – невинные дети матери-природы?.. Увы, нет, и тысячу раз нет!.. Только животные бессмысленные, руководимые одним инстинктом, живут в природе и природою. Дикарь-человек татуирует свое тело, пронзает свои ноздри и уши (в последнем недалеко ушел от него и просвещенный Европейец, по-край-ней-мере, в лице своего прекрасного пола, – знак, что еще много ему работы для освобождения себя от первобытного варварства), пронзает свои ноздри и уши, чтоб украшать их блестящими привесками: варварство и грубость – без сомнения; но уже этим самым варварством он стоит выше животного. Животное рождается готовым; чего не вырастет на нем, того не приделает оно себе искусственно; оно не может сделаться ни лучше, ни хуже того, каким создала его природа. Человек бывает животным только до появления в нем первых признаков сознания; с этой поры, он отделяется от природы и, вооруженный искусством, борется с нею всю жизнь свою. Это мы видим на дикарях: они те же люди, что и просвещенные Европейцы, и существенное их различие от последних заключается только в том, что их искусственность неразумна: озарите их светом разума, и они свое татуирование заменят одеждой, т. е. ложную искусственность заменят истинною. Нов самых дикостях и нелепостях этих несчастных детей природы видно уже порывание выйти из оков природы, порывание от инстинкта к разуму. В XVIII веке величайшие умы были склонны видеть в дикарях образец неиспорченной человеческой природы; тогда эта мысль, вызванная крайностию гни-

34*

531

шего в ложной искусственности европейского общества, была и нова и блестяща. В XIX веке эта мысль и стара и пошла:

Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!

О жрец ее! Тебе забвенья нет;

Все тут, да тут, и человек и свет,

И смерть, и жизнь, и правда без покрова.

Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!

Есть хмель ему на празднике земном!
ь Но пред тобой, как пред нагим мечом,

Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная!

И это понятие об отношении мысли к искусству совершенно гармонирует с понятием г. Баратынского об отношении ума к чувству, науки к жизни. Что такое искусство без мысли? – то же самое, что человек без души, – труп... И почему разум и чувство – начала враждебные друг другу? Если они враждебны, то одно из них – лишнее бремя для человека. Но мы видим и знаем, что глупцы бывают лишены чувства, а бесчувственные люди не отличаются умом. Мы видим и знаем, что преимущественное развитие чувству насчет ума делает человека, самым счастливым образом одаренного от природы, или фанатиком-зверем, или старую бабю,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
суеверною и слабоумною; так же, как один ум без чувства делает человека или
безнравственным существом, эгоистом, или сухим диалектиком, безжизненным
педантом, который во всем видит одни логические формальности, и ни в чем не
видит души и содержания. Очевидно, что разум и чувство – две силы, равно
нуждающиеся друг в друге, мертвые и ничтожные одна без другой. Чувство и разум –
это земля и солнце: земля в своих таинственных недрах скрывает растительную силу
и все зародыши плодов своих; солнце возбуждает ее растительную силу – и радостно
рвутся на свет его из темной орковой страны зеленеющие стебли ее порождений...
Так в груди человека – в этом подземном царстве темных предчувствий и немых
ощущений, скрываются, словно в земле, корни всех наших живых стремлений и
страстных помыслов; но только свет разума может и развивать, и крепить, и
просветлять эти ощущения и чувства до мысли, – без него они остаются или
животным инстинктом, или дикими страстями, черными демонами, устроителями гибели
человека... Чувство, в свою очередь, есть действительность разума, как тело есть
реальность души: без чувства идеи холодны, светят, а не греют, лишены
жизненности и энергии, неспособны перейти в дело. И так, полнота и
В «Сумерках» – «мирском».

332

совершенство человеческой природы заключается в органическом единстве разума и
чувства. Горе дому, который разделяется сам на себя; горе человеку, в котором
чувство восстанет на разум, или разум восстанет на чувство! И, однакож, это горе
неизбежное, необходимое, и мертв, ничтожен тот человек, который не испытал его!
Чувство, по натуре своей, стремится к положению, любит останавливаться на
положительных результатах; разум контролирует положения чувства и, если не
найдет их основательными, отрицает их. Отсюда происходит мука сомнения. Но без
этого сомнения, человек, остановившись раз на известном положении, и закозвел бы
в нем, не двигаясь вперед, следовательно, не развиваясь, – не делался бы из
младенца отроком, из отрока юношей, из юноши мужем, из мужа старцем, но до
смерти своей оставался бы младенцем. Дух сомнения гонит человека от одного
определения к другому, – и благо тому, кто сомневался в известных истинах, не
сомневаясь в существовании истины, ибо истины преходящи, но истина вечна!
Помнится нам, г. Баратынский где-то сказал что-то вроде следующей мысли:
положение поэта трудно потому, что в одно и то же время, он находится под
противоположным влиянием огненной творческой фантазии и обливающего холодом
рассудка. Мысль, не скажем несправедливая, но не точная: обливающий холодом
рассудок действительно входит в процесс творчества, но когда? – в то время,
когда еще поэт вынашивает в себе концепирующееся свое творение, следовательно,
прежде, нежели приступит к его изложению, ибо поэт излагает уже готовое
произведение. Разумеется, здесь должно предполагать высшие таланты, потому- что
только низшие сочиняют с пером в руке, еще не зная сами, что сочиняют они; или
затрудняются в выражении собственных идей. Истинный поэт тем и велик, что
свободно дает образ каждой глубоко прочувствованной им идее, выражает словом
постижимое для одного ума и невыразимое для каждого, кто не поэт.
Этот несчастный раздор мысли с чувством, истины с верованием составляет основу
поэзии г. Баратынского, и почти все лучшие его стихотворения проникнуты им. В
одном из них ему предстает, в горькую минуту, истина, и обещает успокоить путем
холодного бесстрастия. Она говорит поэту:

Пускай со мной ты сердца жар погубишь,
Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный, разлюбишь и ближних и друзей.
Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой,
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой.

533

Поэт в трепете отказывается от страшного дара неземной гостыи; но в-заклю- чение
просит его у ней так:

Когда мое светило
Во звездной вышине Начнет бледнеть, и все, что сердцу мило,
Забуть придется мне,
Явись тогда! открой мне очи¹⁶,
Мой разум просвети,
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель ночи Безропотно сойти.
Так, в другом стихотворении, поэт окрыляет надеждами оболъщений безумную юность,
но, обращаясь к знающим, говорит:
Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету надежд, печали власть,
Вы, знание бытия приявшие себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный;
Так! доживайте жизнь в тиши,
И берегите хлад спасительный Своей бездейственной души.
Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхвы словами пробужденные,
Встанут со скрежетом зубов;
Так вы, согрев в душе желанья,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

Большое, отличающееся превосходными стихами стихотворение «Последняя смерть» есть апофеоза всей поэзии г. Баратынского. В нем вполне выразилось его мирозерцание. Поэт представляет, в яркой картине, кипящий жиз- нию мир; потом, в другой картине, увядание мира, а в третьей –
Прошли века, и тут моим очам Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалась живущая судьбина.

16 в Изд. 1835: «Явись тогда! раскрой тогда мне очи» (ч. I. с. 18).

534

Где люди, где? скрывались в гробах!
Как древние столпы на рубежах Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям заглухнувшим блуждали Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье:
Мне слышалось их гладное бляенье.
И тишина глубокая во след Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор (?)
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло;
Но на земле ничто его восходу Произнести привета не могло:
Один туман, над ней синевя, вился И жертвою очистительной дымился.
Великолепная фантазия, но не более, как фантазия! И главный ее недостаток заключается в том, что она везде является черным демоном поэта. Жизнь как добыча смерти, разум как враг чувства, истина как губитель счастья, – вот откуда проистекает элегический тон поэзии г. Баратынского, и вот в чем ее величайший недостаток. Здание, построенное на песке, не долговечно; поэзия, выразившая собою ложное состояние переходного поколения, и умирает с тем поколением, ибо для следующих не представляет никакого сильного интереса в своем содержании. Мало того: сделавшись органом ложного направления, она лишается той силы, которую мог бы сообщить ей талант поэта.
Конечно, этот раздор мысли с чувством, явился у поэта не случайно, – он заключался в его эпохе. Кто не знает и не помнит пушкинского Демона? Пушкин, как первый великий поэт русский, которого поэзия выходила из жизни, первый и встретился с демоном. «Печальны были наши встречи!» восклицает он о своем демоне.

Его улыбка, чудный взгляд, Его язвительные речи, Вливали в душу холодный яд.

535

Неистошимый клеветою Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел –
И ничего во всей природе Благословить он не хотел.
В-самом-деле, это страшный демон, особенно для первого знакомства! Впрочем, он опасен не тем, что он на-самом-деле, а тем, чем он может показаться человеку. Люди имеют слабость смешивать свою личность с истиною: усомнившись в своих истинах, они часто перестают верить существованию истины на земле. Вот тут-то демон и бывает опасен, тут-то он и губит людей. От него может спасти человека только глубокая и сильная, живая вера. Пусть он во всем разочаровался, пусть все, что любил и уважал он, оказалось недостойным любви и уважения, пусть все, чему горячо верил он, оказалось призраком, а все, что думал знать он, как непреложную истину, оказалось ложью, – но да обвиняет он в этом свою ограниченность, или свое несчастье, а не тщету любви, уважения, веры, знания!
Пусть самое отчаяние его в тщете истины будет для него живым свидетельством его жажды истины, а его жажда – живым свидетельством существования истины: ибо чего

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский, о том несродно страдать человеческой натуре. Пусть прошло для него время познания истины, и он отчаится навсегда узреть ее обетованную землю, но пусть же не смешивает он себя с истиною, и не думает, что если она не для него, то уже и ни для кого. Но как же, скажут, верить, если вся действительность есть отрицание всякой веры?.. Действительность? – Но что такое действительность, если не осуществление вечных законов разума? Всякая другая действительность – временное затмение света разума, болезненный витальный процесс, – а разве может быть вечное затмение солнца, разве солнце не является после затмения в большем блеске и большей лучезарности; разве страдание, претерпеваемое младенцем при прорезывании зубов, бывает продолжительно и не составляет необходимого временного зла для продолжительного добра? Скажут: младенцы часто умирают от процессов физического развития. Правда, умирают – младенцы, которые подчинены необходимо болезненным процессам органического развития и которые смертны, но не человечество, которое подчинено болезненным процессам исторического развития, и которое бессмертно. Надо уметь отличать разумную действительность, которая одна действительна, от неразумной действительности, которая призрачна и преходяща. Вера в идею спасает, вера в факты губит, Есть люди, которые отрицают добродетель и достоинство

536

женщины, потому-что случай сводил их все с пустыми и легкими женщинами, потому-что они не знали ни одной женщины высшей природы. И это безверие, как проклятие, служит достойным наказанием безверию, ибо в душе благодатной должен заключаться идеал женщины, – в действительности же должно искать не идеала, а только осуществления идеала; найти или не найти его, это дело случая. То же можно сказать и о людях, которых разложение и гниение элементов старой общности, продажность, нравственный разврат и оскудение жизни и доблести в современном – заставляют отчаиваться за будущую участь человечества... Здесь, очевидно, демон губит их на факте, за которым они не видят идеи, не понимая, что умирает и гниет только отжившее, чтоб уступить место новому и живому. Еслиб вместо того, чтоб испугаться демона, они испытали его – он указал бы им на последнее время умиравшей древности, которая в амфитеатрах своих тешилась кровавым зрелищем, как звери терзают христиан, и которая, в слепоте своей, не подозревала, что этою победою над мучениками она сама была побеждена с своими уже опошлившимися богами... Тогда они поняли бы, что смерть старой истины еще не означает смерти истины вообще... Демон, по своей демонической натуре, зол и насмешлив. Он презирает бессилие и веселится, терзая его; но он уважает силу и сторицею воздает ей за временное зло, которым ее терзает. Он служит и людям и человечеству, как вечно движущая сила духа человеческого и исторического. То страшный и мрачный, то веселый и злой, он, как Протей, неистощим в формах своего проявления, как Антей, неистощим в своих средствах. Он внушал Сократу откровения его нравственной философии и помогал ему дурачить софистов их же обоюдо-острым оружием. Он внушал Аристофану его комедии; он нашептывал риторике Лукиану его «Диалоги богов»; он помог Колумбу открыть Америку; он изобрел порох и книгопечатание; он продиктовал Ульриху Гуттену его злую сатиру «Epistolae obscurorum divorum <так!>»; Бомарше – его «фигаро», и много философских сказок и сатирических поэм продиктовал он Вольтеру; он уничтожил ошейники вассалов и рыцарские разбои феодальных баронов, священную инквизицию и благочестивое ауто-да-фе. Гёте схватил его только за хвост в своем Мефистофеле, а в лицо только слегка заглянул ему. За то, колоссальный Байрон не трепеща смотрел ему в очи, и гордо мерялся с ним силою духа, и как равный равному, подал ему руку на вечную дружбу. Из русских поэтов, первый познакомился с ним Пушкин, и тягостно было ему его знакомство, и печальны были его встречи с ним... Он не пал от него, но и не узнал, не понял его... И не удивительно: ничто не делается вдруг. Зато другой русский поэт, явившийся уже по смерти Пушкина, не испугался этого страшного гостя: он знаком был с ним еще с-детства, и его фантазия с любовью лелеяла этот «могучий образ», для него:

537

Как царь немой и гордый, он сиял Такой волшебной-сладкой красотою,
что было страшно...

Он был избранным героем пламенного бреда его юности, и ему посвятил он целую поэму, где, за все утраченные блага жизни, этот страшный герой сулит открыть «пучину гордого познания»...

Человек страшится только того, чего не знает; знанием побеждается всякий страх. Для Пушкина, демон так и остался темною, страшною стороною бытия, и таким является он в его созданиях. Поэт любил обходить его, сколько было возможно, и потому он не высказался весь и унес с собою в могилу много нетронутых струн души своей; но, как натура сильная и великая, он умел, сколько можно было, вознаградить этот недостаток, тогда-как другие поэты, вышедшие с ним вместе на

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский поэтическую арену, пали жертвою неузнанного и неразгаданного ими духа, и для них навсегда мысль осталась врагом чувства, истина – бичом счастья, а мечта и ребяческие сны поэзии – высшим блаженством жизни...

Из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место бесспорно принадлежит г. Баратынскому. Не смотря на его вражду к мысли, он, по натуре своей, призван быть поэтом мысли. Такое противоречие очень-понятно: кто не мыслитель по натуре, тот о мысли и не хлопочет; борется с мыслию тот, кто не может овладеть ею, стремясь к ней всеми силами души своей. Эта невыдержанная борьба с мыслию, много повредила таланту г. Баратынского: она не допустила его написать ни одного из тех творений, которые признаются капитальными произведениями литературы, и если не навечно, то надолго переживают своих творцов.

Взглянем теперь на некоторые стихотворения г. Баратынского со стороны мысли. В послании к Г-чу поэт говорит:

Враг суетных утех и враг утех позорных,
Не уважаешь ты безделок стихотворных,
Не угодит тебе сладчайший из певцов Развратной прелестью изнеженных стихов:
Возвышенную цель поэт избрать обязан.

Затем, он объясняет Г-чу, почему не может принять его вызова – оставить мирный слог и, едкой жолчию напитывая строки, Сатирию восстать на глупость и пороки.

538

И чем же? – тем, что сатирию можно нажать себе врагов, а благодарность общества – плохая благодарность, ибо он, поэт, не верит благодарности. Вот заключение этого стихотворения:

Нет, нет! разумный муж идет путем иным,
И снисходительный к дурачествам людским,
Не выставляет их, но сносит благоданно,
Он не пытается, уверенный забавно Во всемогуществе болтанья своего,
Им в людях изменить людское естество,
Из нас, я думаю, не скажет ни единый Осине: дубом будь, иль дубу: будь осиною;
Меж-тем – как странны мы! – меж-тем любой из нас Переиначить свет задумывал не раз.

Подобные мысли, без сомнения, очень благоразумны и даже благоданны, но едва-ли они поэтически-великодушны и рыцарски-высоки... Благоразумие не всегда разумность: часто бывает оно то равнодушием и апатиею, то эгоизмом. Но вот еще несколько стихов из этого же стихотворения:

Полезен обществу сатирик беспристрастный,
Дыша любовью к согражданам своим,
На их дурачества он жалуется им:
То укоризнами восстав на злодеянье,
Его приводит он в благое содраганье,
То едкой силою забавного словца Смиряет попыхи надменного17 глупца;
Он нравов опекун и вместе правды воин.

Сличив эти стихи с приведенными выше, легко понять, почему такое стихотворение, даже если бы оно было написано и хорошими стихами, не может теперь читаться...

«На смерть Гёте» есть одно из лучших между мелкими стихотворениями г. Баратынского. Стихи в нем удивительны; но стихотворение, не смотря на то, не выдержано и потому не производит того впечатления, какого бы можно было ожидать от таких чудесных стихов. Причина этого очевидна: неопределенность идеи, неверность в содержании. Поэт слишком-много и слишком-бездоказательно приписал Гёте, говоря, что

17 в Изд. 1835 – «надутого» (ч. I. с. 58).

539

...ничто не оставлено им
Под солнцем живым без привета;
На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа:

Крылатую мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел он предел18.

Прекрасно сказано, но не справедливо! Не было, нет и не будет никогда гения, который бы один все постиг, или все сделал. Так и для Гёте существовала целая сторона жизни, которая, по его немецкой натуре, осталась для него terra incognita. Эту сторону выразил Шиллер. Оба эти поэта знали цену один другого, и каждый из них умел другому воздавать должное. Обидно видеть, как люди, не понимая дела, все отдают Гёте, все отнимая у Шиллера... Если уж надо сравнивать друг с другом этих поэтов, то, право, еще не решенное дело – кто из них долее будет властвовать в царстве будущего; – и многие не без основания

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын догадываются уже, что Гёте, поэт прошедшего, в настоящем умер развенчанным царем... Вместо безотчетного гимна Гёте – поэту следовало бы охарактеризовать его, – и он сделал это только в четвертом куплете, в котором довольно-удачно схвачен пантеистический характер жизни и поэзии Гёте:

С природой одною он жизнью дышал:

Ручья разумел лепетанье,

И говор древесных листов понимал И чувствовал трав прозябанье,

Была ему звездная книга ясна,

И с ним говорила морская волна.

Следующие за тем заключительные куплеты слабы выражением, темны и неопределенны мыслию, а потому и разрушают эффект всего стихотворения. Все, что говорится в пятом куплете, так же может быть применено ко всякому великому поэту, как и к Гёте; а что говорится в шестом, то ни к кому не может быть применено за темнотою и сбивчивостию мысли.

Теперь обратимся к поэмам г. Баратынского. В них много отдельных поэтических красот; но в целом ни одна не выдержит основательной критики.

Русский молодой офицер, на постое в Финляндии, обольщает дочь своего хозяина, Чухончку Эду – добродушное, любящее, кроткое, но ничем особенным не отличное от природы создание. Покинутая своим обольстителем, Эда умирает с тоски. Вот содержание «Эды» – поэмы, написанной прекрасными стихами, исполненной души и чувства. И этих немногих строк, которые сказа

18 в Изд. 1835 – «нашел ей предел» (Ч. I. С. 213).

540

ли мы об этой поэме, уже достаточно, чтоб показать ее безотносительную неважность в сфере искусства. Такого рода поэмы, подобно драмам, требуют для своего содержания трагической коллизии, – а что трагического (т. е. поэтически-трагического) в том, что шалун обольстил девушку и бросил ее? Ни характер такого человека, ни его положение, не могут возбудить к нему участия в читателе. Почти такое же содержание, на-пр., в повести Лермонтова «Бэла»; но какая разница! Печорин – человек, пожираемый страшными силами своего духа, осужденного на внутреннюю и внешнюю бездейственность; красота Черкешенки его поражает, а трудность овладеть ею раздражает энергию его характера и усиливает очарование ожидающего его счастья; холодность Бэлы еще более подстрекает его страсть, вместо того, чтоб ослабить ее. Но когда он упился первыми восторгами этой оригинальной любви к простой и дикой дочери природы, он почувствовал, что для продолжительного чувства мало одной оригинальности, для счастья в любви мало одной любви, – и его начинает терзать мысль о гибели милого, хотя и дикого, женственного существа, которое, в своей естественной простоте, не умело ни требовать, ни дать в любви ничего, кроме любви. Трагическая смерть Бэлы, вместо того, чтоб облегчить положение Печорина, страшно потрясает его, с новою силою возбуждая в нем вспышку прежнего пламени, – и от его дикого хохота содрогаются сердце не у одного Максима Максимыча, и становится понятно, почему он, после смерти Бэлы, долго был нездоров, весь исхудал и не любил, чтоб при нем говорили о ней... Это не волокита, не водевильный дон-Хуан, вы не вините его, но страдаете с ним и за него, говоря мысленно: «О горе нам, рожденным в свет!» Для некоторых характеров не чувствовать, быть вне какой бы то ни было духовной деятельности – хуже, чем не жить; а жить – это больше чем страдать, – и вот является трагическая коллизия, как мысль неотразимой судьбы, достойная и поэмы и драмы великого поэта...

Гораздо-глубже, по характеру героини, другая поэма г. Баратынского – «Бал»:

Презренья к мнению полна, Над добродетелию женской Не насмехается ль она,

Как над ужимкой деревенской? Кого в свой дом она манит;

Не записных ли волокит,

Не новичков ли миловидных? Не утомлен ли слух людей Молвой побед ее бесстыдных И соблазнительных связей?

541

Но как влекла к себе всесильно Ее живая красота!

Чьи непорочные уста Так улыбались умильно?

Какая бы Людмила ей,

Смирясь, лучей благочестивых Своих лазоревых очей И свежести ланит стыдливых Не отдала бы сей же час За яркий глянец черных глаз, Облитых влагой сладострастной, За пламя жаркое ланит?

Какая фея самовластной Не уступила б из харит?

Как в близких сердцу разговорах Была пленительна она!

Как утолительно нежна!

Какая ласковость во взорах У ней сияла! Но порой Ревнивым гневом пламеня,

Как зла в словах, страшна собой, Являлась новая Медея!

Какие слезы из очей Потом катилися у ней!

Терзая душу, проливали В нее томленье слезы те:

Кто б не отер их у печали.

Кто б не оставил красоте?

Страшись прелестницы опасной, Не подходи: обведена Волшебным очерком она; Кругом ее заразы страстной Исполнен воздух! Жалок тот, Кто в сладкий чад его вступает: Ладью пловца водоворот Так на погибель увлекает!

542

Беги ее: нет сердца в ней!

Страшись вкрадчивых речей Одуревающей приманки;

Влюбленных взглядов не лови:

В ней жар упившейся вакханки,

Горячки жар – не жар любви.

И этот демонический характер в женском образе, эта страшная жрица страстей,

наконец, должна расплатиться за все грехи свои:

Посланник рока ей предстал.

Смущенный взор очаровал,

Поработил воображение,

Слиял все мысли в мысль одну И пролил страстное мученье В глухую сердца глубину.

В этом «посланнике рока» должно предполагать могучую натуру, сильный характер, – и в-самом-деле портрет его, слегка, но резко-очерченный поэтом, возбуждает в читателе большой интерес:

Красой изнеженной Арсений Не привлекал к себе очей:

Следы мучительных страстей,

Следы печальных размышлений Носил он на челе: в очах Беспечность мрачная дышала,

И не улыбка на устах –

Усмешка праздная блуждала.

Он не задолго посещал Края чужие; там искал,

Как слышно было, развлеченья,

И снова родину узрел;

Но видно, сердцу исцеленья Дать не возмог чужой предел.

Предстал он в дом моей Лаисы,

И остряков задорный полк Не знаю как пред ним умолк –

Главой поникли Адонисы.

Он в разговоре поражал Людей и света знаньем редким,

Глубоко в сердце проникал Лукавой шуткой, словом едким,

543

Судил разборчиво певца,

Знал цену кисти и резца,

И сколько ни был хладно-сжатым Привычный склад его речей,

Казался чувствами богатым Он в глубине души своей.

Нашла коса на камень: узел трагедии завязался. Любопытно, чем развяжет его поэт,

и как оправдает он, в действии, портрет своего героя. Увы! все это можно

рассказать в коротких словах: Арсений любил подругу своего детства и приревновал

ее к своему приятелю; на упреки его Ольга отвечала детским смехом, и он, как

обиженный ребенок, не понимая ее сердца, покинул ее с презрением... Воля ваша, а

портрет неверен!.. Что же потом? – Потом Нина получила от него письмо:

Что ж медлить (к ней писал Арсений)

Открыться должно... небо! в чем?

Едва владею я пером,

Ищу напрасно выражений.

О, Нина! Ольгу встретил я;

Она поныне дышит мною,

И ревность прежняя моя Была неправой и смешною.

Удел решен. По старине Я верен Ольге, верной мне.

Прости! твое воспоминанье Я сохраню до поздних дней:

В нем понесу я наказанье Ошибок юности моей.

Несмотря на трагическую смерть Нины, которая отравилась ядом, такая развязка

такой завязки похожа на водевиль, вместо пятого акта приделанный к четырем актам

трагедии... Поэт, очевидно, не смог овладеть своим предме том... А сколько

поэзии в его поэме, какими чудными стихами наполнена она, сколько в ней

превосходных частностей!..

«Цыганка», самая большая поэма г. Баратынского, была издана им в 1831 году под названием «Наложница», с предисловием, весьма-умно и дельно- написанным.

«Цыганка» исполнена удивительных красот поэзии, – но опять- таки в частностях; в

целом же не выдержана. Отравительное зелье, данное старую Цыганкою бедной Саре,

ничем не объясняется и очень похоже на deus ex machina для трагической развязки

во что бы то ни стало. Через это ослабляется

544

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский, эффект целого поэмы, которая, кроме хороших стихов и прекрасного рассказа, отличается еще и выдержанностью характеров. Очевидно, что причиной недостатка в целом всех поэм г. Баратынского есть – отсутствие определенно-выработавшегося взгляда на жизнь, отсутствие мысли крепкой и жизненной.

Кроме этих трех поэм, у г. Баратынского есть и еще три: «Телема и Макар», «Переселение душ» и «Пирь». Первых двух – признаемся откровенно – мы совершенно не понимаем, ни со стороны содержания, ни со стороны поэтической отделки. «Пирь» собственно не поэма, а так – шутка в начале и элегия в конце. Поэт, как-будто только принявшись воспевать пирь, заметил, что уже прошла пора и для пиров и для воспевания пиров... У времени есть своя логика, против которой никому не устоять... В «Пирах» г. Баратынского много прекрасных стихов. Как мила,

например, эта характеристика нашей доброй Москвы:

Как не любить родной Москвы!

Но в ней не град первопрестольный,

Не золоченые главы,

Не гул потехи колокольной,

Не сплетни вестницы-молвы Мой ум пленяли своевольный.

Я в ней люблю весельчаков,

Люблю роскошное довольство Их продолжительных пиров,

Богатой знати хлебосольство И дарованья поваров.

Там прямо веселы беседы;

Вполне уважен хлебосол;

Вполне торжественны обеды;

Вполне богат и лаком стол. –

и прочее. Г. Баратынского за эту поэму некогда величали «певцом пиров»: мы

думаем, что за этот отрывок его следовало бы называть «певцом Москвы»...

Как хороши эти стихи в «Пирах»:

Любви слепой, любви безумной Тоску в душе моей тая,

Насилу, милые друзья,

Делить восторг беседы шумной Тогда осмеливался я.

35 – 5341

545

Что потакать мечте унылой,

Кричали вы, смелее пей!

Развеселись, товарищ милый,

Для нас живи, забудь о ней!

Вздыхнув рассеянно послушный,

Я пил с улыбкой равнодушной;

Светлела мрачная мечта,

Толпой скрывались печали,

И задрожавшие уста

«Бог с ней!» невнятно лепетали...

Говоря о поэзии г. Баратынского, мы были чужды всяких предубеждений в-отношении

к поэту, которого глубоко уважаем. Не скрывая своего мнения и открыто, без

уклончивости, высказывая его там, где оно было не в пользу поэта, мы и не

старались, в пользу нашего мнения, скрывать его достоинства, и выписывали только

такие отрывки из его стихотворений, которые могли дать высокое понятие о его

таланте. Стих г. Баратынского не только благозвучен, но часто крепок и силен.

Однакож, говоря о художественной стороне поэзии г. Баратынского, нельзя не

заметить, что он часто грешит против точности выражения, а иногда впадает в

шероховатость и прозаичность выражения. Вот несколько примеров:

Снять поспешила как-нибудь Дня одеяния неловки.

Что знаменует сей позор (вм. зрелище),

Хотело б сердце у нее Себе избрать кумир единый,

И тем осмыслить бытие.

<...>

Какое же потом в груди твоей Ни водворится озаренье,

Чем дум и чувств ни разрешится в ней Последнее вихревертенье.

Кроме стихотворений, на которые мы уже ссылались, в сборнике г. Баратынского

особенно достойны памяти и внимания еще следующие: Финляндия; Завыла буря; Я

возвращуся к вам, поля моих отуов; Лета; Падение листьев; Глупуы не чужды

вдохновенья; Когда печалью вдохновенный; Тебя из тьмы не изведу я; Идиллик новый

на искус; Элизийские поля; Когда взойдет денниуа золотая; Когда исчезнет

омраченье; Напрасно мы, Дельвиг,

546

мечтаем найти; Не бойся едких осуждений; Разуверение; Старик; Притворной

нежности не требуй от меня; Болящий дух врачует песнопенье; Череп; О, мысль,

тебе удел цветка; Наяда; Мудрецу; На что вы, дни!; Осень и проч.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
Нельзя вернее и беспристрастнее охарактеризовать безотносительное достоинство поэзии г. Баратынского, как он сделал это сам в следующем прекрасном стихотворении;

Не ослеплен я музою моею,
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею влюбленную толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором,
Ни склонности у ней, ни дара нет,
Но поражен бывает мельком свет Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой,
И он, скорей чем едким осужденьем,
Ее почитит небрежной похвалой.

Не берем на себя тяжелой обязанности определять поэтическое достоинство г. Баратынского относительно к другим поэтам и в-отношении историческом, т. е. в-отношении к выраженной им эпохе, к настоящему и будущему положению и значению его в русской литературе. Скажем только – и то, чтоб чем-нибудь закончить нашу статью, а не для какого-нибудь поучительного вывода, – скажем, что все поэты, по нашему мнению, разделяются на два разряда. Одни называются великими, и их отличительную черту составляет развитие: по хронологическому порядку их созданий можно проследить диалектически- развивающуюся живую идею, лежащую в основании их творчества и составляющую его пафос. Неподвижность, т. е. пребывание в одних и тех же интересах, воспевание одного и того же, одним и тем же голосом, есть признак таланта обыкновенного и бедного. Бессмертие – удел движущихся поэтов. Если и прошли навсегда интересы их времени, – их поэзия непреходяща именно потому, что представляет собою памятник эпохи: так вечна история, написанная великим историком, хоть она и содержит в себе давно-прошедшие дела и интересы. Другие поэты более или менее могут приближаться к первым, особенно, если они выразили своими созданиями то, что было в их эпохе существенно-исторического, а не одни ее недостатки. Для таких поэтов всего невыгоднее являться в переходные эпохи развития обществ; но истинная гибель их таланта заключает –

35*
547

ся в ложном убеждении, что для поэта довольно чувства... Это особенно-вредно для поэтов нашего времени: теперь все поэты, даже великие, должны быть вместе и мыслителями, иначе не поможет и талант... Наука, живая, современная наука, сделалась теперь пестуном искусства, и без нее – немощно вдохновение, бессилен талант!..

В. Г. БЕЛИНСКИМ
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В 1842 ГОДУ 19 20 <ОТРЫВОК>
<...>

«Сумерки», маленькая книжка г. Баратынского, заключающая в себе едва- ли не последние стихотворения этого поэта, тоже принадлежит к немногим примечательнейшим явлениям по части поэзии в прошлом году. По поводу ее, мы в последней книжке «Отеч.<ественных> Записок» обозрели всю поэтическую деятельность г. Баратынского. Теперь же, прибавим только, что едва-ли это и действительно не последние стихотворения знаменитого поэта: вот пьеса из «Сумерок», доказывающая это:

На что вы, дни? юдольный мир явленья Свои не изменит!
Все ведомы и только повторенья Грядущее сулит.

Не даром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Бессмертная²¹ душа!

И тесный круг подлунных впечатлений Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений Ты дремлешь; а оно

19 Отечественные записки. 1843. Т. XXVI. № 1 (ценз. разр. 31 декабря 1842; вышел 2 января 1843 – Бюро 1985. С. 182). Отд. V: Критика. С. 16 (3-й пагинации).

20 В «Сумерках» – «Безумная душа».

548

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя;
Как в мрак холодный вечер канет^{21 22},
Венец пустого дня!

Страшно чувство, которым внушено это выстраданное стихотворение! не обещает оно новых и живых вдохновений; и лучше совсем не писать поэту, чем писать такие, напр.<имер>, стихотворения:

Сначала мысль воплощена В поэму сжатую поэта,
Как дева юная темна Для невнимательного света;
Потом осмелившись, она Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена,
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, за тем Она, подьемля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной Давно уж ведомое всем.
Что это такое? не-уже-ли стихи, поэзия, мысль?..

С. П. ШЕВЫРЕВ

КРИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ЗА 1842 г.22 <ОТРЫВОК>

<...>

Поэзия стихотворная предходит в истории всем прочим произведениям словесности:
потому и начнем с нее. Здесь всего более обращает внимание наше книжка
маленькая, едва заметная по наружности в груди книг прошлого

21 В «Сумерках» – «Как в мрак ночной бесплодный вечер канет».

22 Москвитянин. 1843. ч. I. № 1 (ценз. разр. 10 января; вышел 12 января –
объявление о раздаче подписчикам: Московские ведомости. 1843. № 4. 9 января. С.
28). Критика. С. 280.

349

года: это Сумерки Баратынского. Поэт принадлежит к поколению Пушкина, и по связи
особенной с Музою Жуковского и Батюшкова, может быть назван даже старшим его
товарищем. Всего более поражает в Сумерках Баратынского чудное изменение, в нем
происшедшее: глубокая, сосредоточенная меланхолия, – плод опыта жизни – удалила
все прежние, легкие, светлые мысли и чувства, покрыла самую черную тенью живой
образ его возмужалой Музы, и воцарилась на нем одна, без спутников, без всякого
иного окружения. Такая метаморфоза в одном из сверстников Пушкина есть событие
весьма замечательное и достойное изучения: мы к нему возвратимся и постараемся
разгадать ей причину.

<...>

О. И. СЕНКОВСКИЙ (?)

СТИХОТВОРЕНИЯ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО.

ДВЕ ЧАСТИ. МОСКВА, В ТИП. А. СЕМЕНА, 1835, в-8, СТР. 240,183.

СУМЕРКИ. СОЧИНЕНИЕ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО.

МОСКВА, В ТИП. А. СЕМЕНА, 1842, СТР. 8823.

< ОТРЫВКИ >

Недавно под небом Италии скончался один из русских поэтов: Евгений Абрамович
Баратынский. Он умер в Неаполе, куда переехал-было для поправления своего
здоровья. Имя «Баратынского» давно известно в русской литературе как имя друга
Пушкина, поэта, явившегося с ним в одно время; оно, вместе с именем Дельвига,
было произносимо некогда каждый раз, когда хотели указать на современников
Пушкина, вызванных его могучим дарованием. Великое почти нигде и никогда не
является одиноким, но окруженное спутниками. Так и поэты, если бы мы захотели
выражаться сравнениями, всегда почти являются перед современниками не одинокою
звездю, но созвездием, составленным из большего, или меньшего числа светил. О
причинах таких собирательных явлений надобно бы много говорить. По-крайней-мере,
явления неоспоримы. Лет за двадцать пять, повторим, говоря о Пушкине, и
исчисляя надежды свои, мы указывали на Баратынского с Дельвигом, как на одну из
надежд самых блестящих. В какой степени исполняются наши надеж

23 Библиотека для Чтения. 1844. т. 66. № 9 (ценз. разр. 31 августа; вышел 1
сентября – объявление о выходе: Северная пчела. 1844. № 200. 4 сентября. С.
800). Отд. V: Критика. С. 1–22 (3-й пагинации); без подписи.

330

ды, нельзя решать, пока люди, возбуждавшие их, остаются еще между нами. Могила
разгадывает задачу окончательно. Тут прекращаются и расчеты и надежды. Остается
одно исполненное, оправданное жизнью, и во всяком случае, совершились или нет
ожидания, современникам поучительно остановиться, прощаясь с усопшим братом,
благословить тихий сон его до радостного пробуждения, и передать надежды свои
его преемникам, потому что надежды никогда не умирают, ни у человека, ни у
людей.

Многие не верят суду современников. Не говорим о споре нашего личного самолюбия.
Оно никогда не соглашается с решением современным, и всегда грозит апелляциею к
потомству. И кому потомство не было отрадным словом – и великому человеку, в
минуту сознания несправедливого приговора судьей, и мелкому самолюбию, обиженному
неумолимою правдою, и пишущему челобитную о том, что оно дарование непонятое и
неузнанное современниками! Но в самом деле, суд современников нельзя не
оставлять в сильном подозрении, и совсем не потому, чтобы он всегда был внушен

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский умышленным пристрастием с той, или другой стороны, при осуждении, или при похвале, не всегда осуждение бывает подсказано насмешливою злостью, или похвала слепым предубеждением. Одна из истин, в которой опыт удовлетворит каждого, что люди совсем не так злы как уверяют желчные сатиры, и особливо новейшие романы, хоть, правду сказать, люди опять и не такие добродушные Аркадцы, как уверяли нас классическая идиллия и сентиментальный старинный роман. Суд современников такое же смешение правды и неправды, ошибки и истины, добра и зла, как многое другое на свете. А суд потомства? Неужели он осуществляет идеал беспристрастия? Потомство! Оглянитесь на себя – разве мы не потомство, и – каких предков! А между-тем вернее ли, справедливее ли говорим мы, нежели говорили прежде нас? Личных отношений между нами и подсудимыми никаких нет, а пристрастие остается, и переживает личные отношения, льнет к правде, как ржавчина к железу, остается при истине, как тень при свете, и каждое поколение пересуживает решения своих отцов, и спорит против справедливости их суждения. Право, беспристрастие потомка такая же задача, как беспристрастие современника. По-крайней-мере, при современном суде есть сильные оправдания, если и находятся противоречия против уложения истины. Прежде всего вмешивается наша личность: зная поэта, например, мы знаем в нем и человека, а это мешает взаимно. С другой стороны является память впечатлений: вы хвалите, вы восхищаетесь, не догадываясь, что в вас остается впечатление не поэта, но вас самих, вашего прошедшего, вашей юности, чувства, какое передала вам нечаянность ваших первых впечатлений. Как отрешиться от всего, что соединено с нашею природою? Остается допустить современный суд, по-крайней-мере, как важный акт в критическом

551

судопроизводстве, даже для будущего. Пусть жалуются на него подсудимые. Он всегда будет любопытен даже потому, что послужит для потомства поверкой поэту и веку, а такое обстоятельство довольно важно.

Если бы теперь забрать все выписки суда и мнения современников о Баратынском, что мы найдем? Суд современников делится на три различия. Сперва современники смотрят на первые опыты поэта, и тут почти всегда они судят благосклонно, даже слишком снисходительно. И не мудрено: не говоря о том, что начало не оскорбляет ни чьего самолюбия, не возбуждает ни чьей зависти, тут берет верх доброе основание нашей человеческой природы: кто без участия, без чувства приязни смотрит на дитя, его беспечность, его доверие к жизни? Далее обстоятельства изменяются. Обман возбужденных надежд оскорбляет негодование обманутых судей. Осуществление их расшевеливает злое основание нашей природы. Самую блестящую победу найдутся охотники оспаривать, а между-тем никакой подвиг не удовлетворяет ожиданий, потому что каждый возбуждает новые, и непрерывно более и более, когда каждый проигрыш взыскивается чем более, тем строже. И не только проигрыш, но замедление новых успехов, остановка после выигрышу, потому что не приобретая вновь, мы уже проигрываем, потому что все вокруг нас движется, идет, и идет вперед, а назад не пятится, и не дожидается нас, пока мы сидим на одном месте, не спрашивает даже готовимся ли мы отдыхом на новый подвиг, или чувствуем свое бессилие, и не можем подняться с того места, где сели. Наконец приходит время расчета окончательного – костлявою рукою стучится общий наш кредитор, не дает никакой отсрочки, и просит идти за ним, не спрашивая о том, заплатили ль мы здесь долг свой с процентами, как Гёте, требуем ли зачета в уплату тем, что успели заплатить, как Пушкин, или вовсе ничего не заплатили, довольствуясь одним обещанием, как Веневитинов. Тогда люди, при виде могилы человека, еще так недавно бывшего между ними, поэта, который сам надеялся, заставлял надеяться других, люди, при мысли, что все для него кончилось безвозвратно... Да, тогда люди не оскорбляют усопшего собрата – злость мирится, зависть молчит, участие скорбит, суд современников бывает снисходительнее, и едва-ли не правдивее всех, не только предшествовавших, даже следующих за ним суждений, потому что посылка на отношения поэта к его веку, на условия, ограничивавшие бытие его здесь, явны и близки современникам. Они знают и общие условия своего века, своего общества, чего не могут хорошо знать потомки.

Не знаем, что скажут теперь современники, когда для Баратынского все кончилось в здешнем мире. Обращаясь к общности мнений при жизни его, можем сказать с полною уверенностью, что если, как мы уже говорили, с великими надеждами встречен был Баратынский, до конца его земного по

552

прища сохранено было к нему современниками почтительное внимание, хотя ожидания от него уже давно прекратились. Что ж? Разве он кончил свою деятельность, отказался от своего призвания? Нет, показав первые прекрасные опыты своего дарования около 1820 года, Баратынский издал в 1842 году собрание своих новых стихотворений, и после того стихотворения его, хотя изредка, мелькали в листочках журналов, но уже не возбуждали ничего, и даже не производя никаких

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский. Впечатлений. Слушали стихи его, как нечто давно знакомое, осуждая иногда с снисходительным упреком, но всего более соблюдали ласковое молчание. Следственно первоначальные надежды не были оправданы поэтом? Вопрос затруднительный, и гораздо вернее можно говорить о том, что исполнил поэт, соединяя замечания наши об нем самом с взглядом на все, им созданное. Начнем библиографическим отчетом. В двух книгах «второго издания» Стихотворений Баратынского, напечатанных в 1835 году, в Москве, помещены были сто тридцать одно мелких стихотворений, и шесть небольших поэм, как называли их. В «первом издании», напечатанном также в Москве, в 1828 году, было семьдесят три пиесы. Последнее собрание стихотворений своих Баратынский назвал Сумерками (напечатано в Москве, в 1842 году); здесь было помещено двадцать шесть мелких пиес. Таким образом деятельность Баратынского, в течение двадцати-пяти лет, ограничилась полутораста пиесами – и много, и мало: много, мы знаем, что наши русские поэты за десяток стихотворений просятся в храм Музы и Мнемозины, и мало, если показанным числом ограничилась четверть века деятельности того, кому литература не была мимоходом занятим, но у него обнимала она всю жизнь, все время. Главное тут однако ж, что число никогда не говорит ни в пользу, ни против поэта. Томы Бавия только свидетельство его пустоцветного многоплодия и несколько листков истинного поэта перевешивают груз его тяжеловесных творений. Гораздо любопытнее заметить, что по хронологическому расчету семьдесят три пиесы Баратынского относятся к времени до 1827 года, времени юности и изгнаннической жизни его, в течение семи лет; в половину менее создал он потом; впрочем к этому периоду жизни относятся его поэмы. Наконец в последние семь лет еще на половину уменьшилась его деятельность – рассматривая с этой точки зрения, как-будто видите перед собою всю жизнь Баратынского.

<...>

Для публики всегда оставался Баратынский добрым, старым знакомым, а сам он искал развлечения в семействе и в свете, и год-от-году реже и холоднее обращался к забываемой им Музе. Свет и отношения жизни овладели им, и здесь еще доказательство, что поэзия была у Баратынского случайностью, а не увлечением непобедимым. Пушкина также схватили жизнь и свет, но по

553

смотрите на борьбу поэта-Пушкина в жизни Пушкина-человека, прислушайтесь к сердечной скорби, выражающей его страдания в битве с самим собою, рассмотрите величие и разнообразие последних, недоконченных им созданий. Не так поступал Баратынский. Спокойно продолжал он изобретать мысли, обстановкаливал их обработанными стихами, переправляя прежнее, и допевал эпилог своей поэзии. Вот чем заключил он свои стихотворения в 1835 году:

Бывало, отрок, звонким кликом....

Лесное эхо я будил,

И верный отклик в лесе диком Меня смятенно веселил.

Пора другая наступила,

И рифма юношу пленила,

Лесное эхо заменя.

Игра стихов, игра золотая!

Как звуки звукам отвечая Бывало не жили меня!

Но все проходит. Остываю я и к гармонии стихов,

И как дубрав²⁴ не окликаю,

Так не ищу созвучных слов.

Так ли прощается поэт истинный с тем, что было ему дороже жизни? Пленяющая звуками рифма, ответ звука звуку, созвучные слова – вот все, о чем помнит поэт! Прочтите эпилоги Шиллера, Жуковского, сличите их, и вы все поймете без дальнейших изъяснений. И вот что говорит, наконец Баратынский, думая, что мир разлюбил поэзию, потому что его стихи плохо читали:

А ныне кто у наших лир Их дружелюбной тайны просит?

Кого за нами в горный мир Опальный голос их уносит?

Меж нас не ведает поэт Его полет высок иль нет.

Сам судия и подсудимый,

Пусть молвит: песнопевца жар Смешной недуг, иль высший дар?

Решит вопрос неразрешимый,

Среди безжизненного сна,

Средь гробового хлада света...

24 В изд. 1835 – «дубров» (ч. I. с. 240).

554

Опять скажем: прочтите негодование против людей и света, выражаемое Пушкиным – вот он, высокий гнев поэта, вот как высказывается его поэтическое вдохновение, крепкое уверением, и в святое призвание свое, и в могущество сил своих! Здесь, в сказанном нами отношении Баратынского к поэзии, был источник той

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский, какую любил изображать Баратынский, но его изображения всегда принадлежали описательной поэзии, введенной в моду в прошедшем веке французскими стихотворцами. Это рисовка ландшафтов, писанные акварелью красивые пейзажи, а не образы природы, чудесно отразившиеся в волшебном зеркале поэзии. Отсюда также и дидактическое направление некоторых стихотворений Баратынского, особенно в последнее время. Здесь также источник легких небольших стихотворений Баратынского, которые не есть произведения антологические, но принадлежащие к мадригальной, светской поэзии, к стихотворениям гостиных, как принадлежит им светское искусство разговаривать (causer). Здесь, где требуется иногда немножко мысли, иногда только изысканная ловкость оборота, Баратынский был превосходен – прочтите его: Когда б избрать возможно было мне – Желанье счастья в меня вдохнули боги – Перелетай к веселью от веселья – Мила, как грация – В дорогу жизни снаряжая – Нет, обманула вас молва – Как много ты в немного дней – Храни свое неопасенье – Выдь, дохни нам упоением – Не знаю, милая, не знаю – Очарованье красоты, и прочая. Заметим, однако ж, что многие из этих прелестных безделок были подражание французскому.

Избави Бог подумать, что нас укорят в неуважении к памяти поэта, когда едва могила сокрыла его. Мы хотим только оправдать ту холодность, какую видел Баратынский при жизни своей, особенно в последнее время, от русских читателей. И при жизни его мы говорили ему истину откровенно, хотя совесть не укорит нас в несоблюдении уважения к поэту. Он предпочитал советам искренности пустую хвалу пристрастных друзей, и людей ослепленных, или корыстно действовавших. Истина всегда должна быть выше всего и прежде всего. И надобно же нам приучаться к истинному взгляду на предметы, к отдаче самим себе отчета в наших впечатлениях! Долго ли еще будем мы забывать наши прошедшие опыты, увлекаться безотчетно, и потом грустно разочаровываться до нового увлечения. Увеличится ли заслуга и достоинство литератора, если мы поставим его на подмостки похвал незаслуженных? Виноват ли кто, если он не выполнил того, чего не завещала ему природа при рождении? Нет, и не будем требовать, чего требовать нельзя и не должно, благодарая за то, что кто мог и успел сделать.

<...>

555

Перечитайте наконец все те пиесы Баратынского, где заключается какая-нибудь мысль, и вы изумитесь однообразию и безотчетности их, если не удивитесь чему-нибудь более. <...>

Вот одна тема, на которую разыгрывались все вариации поэзии Баратынского. В самой лучшей из пиес своих: На смерть Гёте, пиесе писанной прекрасными стихами – мысль всё одна и та же, и ее не изменило сильное впечатление при известии о смерти человека, о котором сам поэт говорит:

Творца оправдает могила его.

Такая поэзия не может найти ни чьего сочувствия, и к чему доводит она самого поэта? Здесь замечательны две пиесы Баратынского: Последняя смерть и Последний человек. Не выписывая их, мы выпишем одно из последних стихотворений Баратынского, в его Сумерках – здесь эпилог всей жизни, и всей поэзии его: На что вы, дни? Юдольный мир явленья...

Свои не изменит

Все ведомы, и только повторенья

Грядущее сулит.

Не даром ты металась и кипела Развитием спеша,

Свой подвиг ты свершила прежде тела,

Безумная душа!

И тесный круг подлунных впечатлений Сомкнувшая давно,

Под веяньем возвратных сновидений Ты дремлешь, а оно –

Бессмысленно глядит, как утро встанет,

Без нужды ночь сменя,

Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,

Веней, пустого дня!

Бессильная грусть младенца трогает нас, но сознание бессилия мужа – чуждо нашей душе: оно оскорбляет ее, по-крайней-мере, оно губит очарование поэзии, если и вся поэзия в самом деле обман....

Мы хотели привести в ясность несколько идей, которые возбуждают творения Баратынского, важные для нас тем, что он был товарищ Пушкина, и, бесспорно, первый из его товарищей, но не думали оскорбить памяти поэта осуждением. Нет! не осуждать собрата, но поучаться исследованием об его жизни и деле его жизни должны мы, прибавляя таким образом еще одну лепту в сокровищницу

556

вишницу, собираемую опытом времен и поколений. Мы все вкладчики в нее – один менее, другой более. Блажен, кому было дано много, и много отдано им, но

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынское благословение и тому, кто приложил не многое, не скрыл малого, данного ему. Имя Баратынского не умрет на листах летописей нашего просвещения, и всегда останется оно подле имени Пушкина, как спутник звезды, следующий за летучим путем ее.

А. Д. ГАЛАХОВ

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

(Посвящается князю В. Ф. Одоевскому)25 < Отрывки >

Баратынский оригинален, ибо мыслит.

Он мыслит по-своему, правильно и независимо, между-тем, как чувствует сильно и глубоко.

А. Пушкин (Соч., том XI).

Гамлет- Баратынский.

А. Пушкин (Череп. Послание кД.).

Баратынский принадлежит к числу тех писателей, о которых говорили у нас много, но сказали мало. При первом известии о его смерти, фельетонист «Северной Пчелы» пришел в недоумение, от-чего прежде восхищались поэтом, а в-последствии почти забыли его, и тут же решает трудный вопрос очень- просто: «от-того, что прежде хвалили его не по заслугам». Глубокомысленный критик мог бы не краснея прибавить: «а после не хвалили его по заслугам». Направление же поэзии Баратынского высказал он коротко и ясно: «Стихотворения его носят знаменья души светлой (!), думы сердечной, стиха своенравного, но проникнутого чувством, если не мыслью поэтической». Такой отзыв был бы совершенно-удовлетворителен, еслиб на деле не выходило совершенно-противное, т. е., что в стихотворениях Баратынского есть всегда мысль, хотя не всегда в них есть чувство.

Отечественные записки. 1844. Т. XXXVII. № 12 (ценз. разр. 30 ноября, вышел 1 декабря – Бюград 1985. С. 232). Отд. II: Науки и Художества. С. 83–104 (2-й пагинации); подпись: Сто-один.

337

За двадцать лет Пушкин писал: «Пора занять Баратынскому на русском Парнассе место, давно ему принадлежащее»; – в 1844 году, газетный трибунал гонит Баратынского с русского Парнасса. Вот как у нас произносятся панегирики и пишут эпитафии. Сначала, громкий привет, не вполне заслуженный, потом легкомысленный приговор, еще менее заслуженный. Мы и встречаем неосторожно, и провожаем неблагоприятно...

Что значит наша похвала прежде, наше забвение после? Ошибка, прибавленная к ошибке! Заключение о достоинстве писателя по одной, видеть его недостойнство в другом – значит обаяние минутного успеха принимать за истинное торжество, а равнодушие к заслуге считать законным приговором.

Вспомним, как мы тогда судили и рядили без твердых оснований критики. Сам Пушкин, которого так любила публика, презирая анафемы староверов – чем особенно ей нравился? Не «Борисом Годуновым», не «Каменным Гостем», не «Моцартом и Сальери», но «Кавказским Пленником», «Бахчисарайским Фонтаном», «Братьями-Разбойниками». А эти любимые пьесы – чем особенно поражали? Не поэтическим развитием глубокой мысли, не богатством внутреннего, многим невидимого содержания, а внешней своей формой, языком, картинностью описаний, отдельными местами. И в стихах его – на что обращали внимание? не на художественность их строения, а на звонкую рифму, да на блистательный эпитет. Давно ли, кажется, в последний, более-зрелых пьесах поэта, «Телескоп» видел его упадок, и сравнивал его Кавказ с Кавказом В. Теплякова, не во вред последнему? Ведь и теперь еще мы помним слова Гоголя: «По справедливости ли оценены последние его поэмы? Определил ли, понял ли кто «Бориса Годунова», это высокое, глубокое произведение, заключенное во внутренней неприступной поэзии, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа?»

Общими, неопределенными чертами изображен Баратынский в «Северных Цветах» 1828 года: «Точность слога, краткость речи, разнообразие периодов, переливы тонов, отчетливость мыслей, элегическое направление» суть такие принадлежности Баратынского, которыми он на одних поэтов походит очень много, на других нисколько. Критик и не мог, на сей раз, представить другой характеристики, приняв за начало своего воззрения – «Полное собрание сочинений М. Н. Муравьева». Суждение Пушкина (том XI) отзывается также общими местами: «Верность ума и чувства, точность выражения, вкус, ясность, стройность, простота, прелесть рассказа, живость красок, мастерски означенные характеры, гармония стихов»... все это необходимая дань времени. Но поэт выкупил ее, назвав Баратынского Гамлетом и отличив в нем оригинальность самобытной мысли. Эти

558

два замечания до того верны, что каждый последующий критик поэзии Баратынского должен начать ими статью свою, как я и сделал.

Когда критика утвердилась на других основаниях, тогда многие повершенные дела

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын
приняли новое решение. На писателей стали смотреть с высоты идеи, которая может
быть строгою, но никогда не бывает низкою. Литературный судья награждал усердных
ее служителей и поражал дерзновенных, оскорблявших ее величие. Имея
исключительное дело с тою стороною поэта, которую он соприкасается идее, критика
впадала иногда в односторонность, против которой запрещено вооружаться: если
похвально идти на добровольное заклятие во славу великого, то не укорительно
быть его насильственной жертвой; кто понес наказание за одну вину, тому в
утешение остаются достоинства, которых не удостоила взглядом идея, занятая своим
стремлением. Такого рода критика помещена была в «Отечественных Записках».
Наконец, «Библиотека для Чтения» помянула умершего поэта исчислением а Иа
Villemain обстоятельств его жизни, думая читать в них объяснение элегического
направления, и грустной мыслию о скоропостижности земной славы, сопрягая с ней
понятие об утрате собственной известности. Баратынский осужден и за язык и за
содержание произведений: в языке критик видит отсутствие поэтического дара, в
содержании – гибель поэзии. Но какое нам дело до здоровья и жизни поэзии, если –
как думает критик – суждено ей умереть по выходе стихотворений Баратынского?..
Пусть гибнет мир – лишь бы осталась истина!

В этой статье я не всходил на высоту идеи, откуда много может показаться мелким,
не спрашиваю совета у собственных ощущений, при которых многое может казаться
великим, но просто выговариваю мысли и чувства, лежащие в стихотворениях. Скажу
более: статья как-бы продиктована Баратынским; моя собственность – только
упрощение поэтического выражения, да развитие мест, где краткость,
дозволительная поэту, предосудительна критику. Анализ, независимый от любимых
идей и задушевных чувств, имеет то преимущество, что мысль поэта развивается из
самой-себя, выходит из-внутри, а не оглядывается извне, часто искажаясь
приложением чуждых ей материалов. И потому, процесс моих суждений и заключений
очень-прост: я читаю стихотворения и, увлекаемый ими, становлюсь посредником
между ими и читателями. Если последние назовут меня верным докладчиком поэта,
они могут ошибиться или сказать правду, но не могут придумать лучшей похвалы.

<...>

559

Но от-чего из спокойной гряда поэта часто вырывается болезненный,
напрасно-сдерживаемый вздох? Во многих стихотворениях его так много печали, и
эта печаль, пробиваясь на свет, тем больше возбуждает участия, чем более она
сознательна, чем меньше исцелима. <...>

Прочтите «Истину» (Ч. I, стр. 16), «Я возвращаюсь к вам, поля моих отцов» (стр.
12), «Мне с упоением заметным» (стр. 40), «Судьбой наложенные цепи» (стр. 189),
«Весна, весна, как воздух чист» (стр. 223), «Отрывок» (стр. 233), и вы пожалеете
поэта, как пожалели бы всякого, кто,

О счастья с младенчества тоскуя Все счастьем беден...

Поэт, в своем мирозерцании, доходит даже до того, что видит бесполезность
жизни, хотя и не видит пользы преждевременной смерти:

На что вы, дни? Юдольный мир явленья Свои не изменит!

Все ведомы, и только повторенья Грядущее сулит.

Не даром ты металась и кипела Развитием спеша,

Свой подвиг ты свершила прежде тела,

Безумная душа!

И тесный круг подлунных впечатлений Сомкнувшая давно,

Под веяньем возвратных сновидений Ты дремлешь: а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет Без нужды ночь сменя;

Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,

Венец пустого дня! («Сумерки», стр. 49 и 50)

Но нигде нет такой тягостной насмешки над блаженством нашим, как в пьесе Осень,
которая вся дышит горькой иронией. Поэт, переходя от земледельца к человеку,
говорит:

А ты, когда вступаешь в осень дней,

Оратай жизненного поля!

И пред тобой во благостыне всей Является земная доля;

560

Когда тебе житейские бразды,

Труд бытия вознаграждая,

Готовятся подать свои плоды И спеет жатва дорогая,

И в зернах дум ее собираешь ты,

Судеб людских достигнув полноты, –

Ты также ли, как земле дел богат?

И ты как он с надеждой сеял:

И ты как он о дальнем дне наград Сны позлащенные лелеял...

Любуйся же, гордись воставшим им!

Считай свои приобретенья!..

Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским тобой скопленные презренья, язвительный, неотразимый стыд Души твоей обманов и обид!

Твой день взошел и для тебя ясна Вся дерзость юных легковых; Испытана тобою глубина

Людских безумств и лицемерий.

Ты, некогда всех увлечений друг,

Сочувствий пламенный искатель, Блистательных туманов царь, и вдруг Бесплодных дебрей созерцатель,

Один с тоской, которой смертный стон Едва твоей гордыней задушен.

Но если бы негодованья крик,

Но если б вопль тоски великой Из глубины сердечных возник

Вполне торжественный и дикой: Костями бы среди своих забав

Содроглась ветренная младость, Играющий младенец, зарыдав,

Игрушку б выронил, и радость Покинула б чело его на-век,

И заживо б в нем умер человек!

Зови ж теперь на праздник честный мир!

Спеши, хозяин тароватый!

Проси, сажай гостей своих за пир Затейливый, замысловатый!

36 - 5341

561

Что лакомству пророчит он утех!

Каким разнообразьем брашен Блится он!.. Но вкус один во всех,

И как могила людям страшен:

Садись один и тризну соверши

По радостям земным твоей души!

Какое же потом в груди твоей Ни водворится озаренье,

Чем дум и чувств ни разрешится в ней Последнее вихревертенье:

Пусть в торжестве насмешливом своем Ум бесполезный сердца трепет,

Угломнит и тщетных жалоб в нем Удушит запоздалый лепет,

И примешь ты, как лучший жизни клад,

Дар опыта, мертвящий душу хлад.

Иль, отряхнув видения земли

Порывом скорби животворной,

Ея предел завидя неведали,

Цветущий брег за мглою черной, Возмездий край, благовестящим снам Доверясь

чувством обновленным И, бытия мятежным голосам

В великом гимне примиренным, Внимающий как арфам, коих строй

Превыспренний, не понят был тобой, –

Пред промыслом оправданный²⁶ ты ниц Падешь с признательным смиреньем,

С надеждою не видящей границ И утолненным разуменьем:

Знай, внутренней своей во веки ты Не передашь земному звуку И легких чад

житейской суеты Не посвятишь в свою науку:

Знай – горняя, иль дольная она,

Нам на земле не для земли дана.

26 В «Сумерках» – «Пред Промыслом оправданным».

562

Вот буйственно несется ураган

И лес подымлет говор шумной,

И пенится и ходит Океан,

И в берег бьет волной безумной:

Так иногда толпы ленивый ум Из усыпления выводит Глас, пошлый глас, вещатель

общих дум И звучный отзыв в ней находит,

Но не найдет отзыва тот глагол,

что страстное земное перешел. («Сумерки», стр. 12–81).

Какая глубокая, невыносимая печаль!.. От-чего она?

Мы находим тому не одну, а две причины: ложное убеждение и неполноту уверения.

Философия Баратынского, установив жизнь, не кончила еще всего дела. Оставалось

решить главнейшую задачу: определить характер явлений в жизни установленной. Что

она такое, эта жизнь? Бесперывное совершенствование, которое тоже может быть

предначертанным, или оконченное дело? движение вперед или определенное

круговращение? ежемгновенная перемена явлений, которые никогда не бывают

одинаковыми, или периодический возврат явлений, которые всегда одни и те же?

Решение Баратынского совершеннопротивоположно теории прогресса, во всем и всегда

видящей успех. Для него – жизнь есть не только круговращение, но и волнение, не

только волнение, но и постепенное унижение.

Жизнь для волнения дана: жизнь и волнение одно («Сумерки», стр. 40).

Прошли века, и тут моим очам Открылася ужасная картина:

Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалась живущего судьбина.
Где люди? где? скрывались в гробах!
Как древние столпы на рубежах
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям загложнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада.
И тишина глубокая во след
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась. (ч. I, стр. 203 и 204).

36*

563

Итак, отдаленные потомки наши будут свидетелями тех же явлений, которые волнуются в нас и около нас, приближаясь к роковой године смерти. Новые поколения встанут на старое и неизбежно-стареющее зрелище. Вот первая причина скорби для человека, который, получив от природы чуткий слух и зоркое зрение, узнал заблаговременно возвратные явления мира, прежде окончания своей жизни изведать жизнь. Ему, конечно, мало охоты жить и действовать. Богатый рабскою преданностью настоящему, в котором пребывает своим, еще живущим, телом, он не питает привязанности к будущему, в котором уже отжил душу. Как подёнщик, принявший плату за все труды, выходит он на ежедневную работу, без мысли оплодотворить ее надеждой, заработать новую плату. Он так же мало радуется крепости сил, как мало жалеет о силах скудеющих. «Все измерено и взвешено» думает он. «Там, в туманной дали, Геркулесовы- Столбы; за ними нет Америки!». У Гамлета становились дыбом волосы при рассказе отца его о посмертных мучениях; Баратынский называет стократно- благим закон, запечатлевший молчанием уста черепа (ч. I, стр. 187): это молчание красноречивее рассказа, и слова поэта страшнее угроз небывалой тени. Между-тем, сходство Баратынского с Гамлетом верно подметил еще Пушкин: в обоих, энергия жизни, восторженность, страсти, желания умерщвлены тем анализом, который, последним своим заключением, приходится к развалинам; в обоих скорбь питается мыслию, и эта скорбь в обоих одинакового свойства: тихая, создающая свое начало, невидящая себе конца.

Если «установленность» природы водворяет в ней спокойствие, которому часто завидует человек, то «неполная установленность мысли» поражает мыслящего прежде тревогой, потом грустной апатией. Жизнь требует полноты служения кому-нибудь или чему-нибудь. Это – древнее капище, где лики богов, суровые или благодетельные, приемлют дары молящихся, отзываясь на их стремления. Но когда прежние боги сошли с своих подножий, не уступив места новым, дотоле-неведомым богам, тогда храм есть образ жизни, опустошенной, но вновь-незаселенной. И потому поэт-философ прав, жалуясь на не вполне- совершившееся разуверение души:

Но для чего души разуверенье свершилось не вполне?

Зачем же в ней слепое сожаленье живет о старине?» (ч. I, стр. 18).

«Неполное разуверение» или, определеннее, «неполное уверение» – вторая причина его страданий. Он живет болезненно в новом, затем, что не совсем еще умер в старом. Различные периоды жизни – то же, что заколдованные

564

круги: до-тех-пор счастлив в одном, пока не приближался к черте другого. Сила очарования влечет тогда порывисто – надобно скорее переступить черту, чтоб жить без страха новой жизни, без печального воспоминания о прошлой. Хорошо тому, кто всеми стремлениями души и всеми нервами тела держится за старых друзей своих: за наследство отца и матери, за предания старины, за привычку. Но если ты уже выучился проводить целые годы с ними в разлуке, если удалился от них на такое расстояние, на котором утихают родные голоса и теряет свою власть чудовище-привычка, если это солнце, заходящее до завтра, не говорит тебе «надейся» – тогда подними скорее другое солнце и в прощальных лучах его читай ежедневное обетование надежды. Новая жизнь немедленно полюбит нас, когда мы ее полюбим. В стихотворении «Ахилл» («Сумерки», стр. 51) поэт говорит человеку, «сыну купели новых дней», что он невредим, если одною пятою стал на «живую веру». Для чего не мог он сам исполнить своего прекрасного совета? он именно стоит в середине – мучительной, а не блаженной. Оттуда открытый вид на запад прежнего счастья, на восток новой мысли. По дальнему небосклону, озаренному вечерней зарей, гуляют остатки розовых облаков, готовых скрыться: вон они, светлые спутники первых лет – беспечное неведение, сладостный покой, тихая уверенность... все, что было в нас когда-то. Сличая непосредственное наслаждение чувством бытия, которое радостно сказывалось ему желаниями и надеждами, с тем круговоротом явлений, где исчезли надежды и нет новых желаний, он тоскует и волнуется, он поминает надгробным рыданием отошедшие радости. И кто из нас не уносился порою в тот край, далекий и прекрасный, где цвели луга, на которых мы бегали? кто из тьмы воспоминаний не выводил первых лет,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
проведенных в доме родительском, под надзором любви и дружбы, – когда солнце так приветно освещало сад, раскинутый под нашими окнами, когда ветви душистой черемухи просились в комнату, осеняя лицо беззаботно-спящего, беззаботно-встающего? Кто теперь, под гнетом нужд или забот, в вечном рабстве у мысли, лишенной сил отвязаться от самого-себя, не молил самозабвения, одной минуты самозабвения?..

Прости мне, читатель, что я при мысли о новых благах, к которым так медленно спешу, вспомнил старое счастье, которым так жадно упивался! Трудно молчать, когда говорит сердце. Мы все немощны, все до одного.

В тесном кругу возвратных явлений тесно человеку. Если поэт, который думал исчерпать жизнь, увидел в жизни развитие, путь, на котором нет ни ночлегов, ни полуденных отдыхов, – эта мысль спасла бы его, указав ему пожизненный труд. При таком убеждении, нет возможности осудить себя на бездействие: кто остановился, тот уже отстал. На границах прожитого, решенного для духа, новая жизнь задает новые вопросы. И между-тем, как он придумывает

565

ответы, его сопровождает, на безграничном поприще знания, вера в неизменное совершенствование человечества, – та живая вера, на которой должен остановиться каждый, пришедший в мир.

Мы не упрекаем поэта за воззрение, противное нашему, но показываем только, где источник его внутренних страданий. Одно из этих страданий так важно, что требует особенного указания. Поэт часто говорит о нем, как о болезни, отравляющей жизнь новых людей и неизвестной людям прежним. Мы разумеем перевес мысли над чувством, столь сильный избыток одной, что другое гложет и почти уничтожается. Когда человек довольствовался простым, непосредственным ощущением бытия, тогда печаль и радость его являлись искренними и полными. Электрическим потрясением пробегало по нем принятое от природы или от самого-себя влияние, сладость которого заключалась в забвении всех прочих влияний. Мысль не присутствовала при рождении чувства; не шла по пятам его, когда оно уже родилось. Таков был человек древних времен, при благостном посещении земли небожителями; таков бывает каждый мыслящий в первый период своего развития, ласкаемый бессознательным вкушением земных благ; такими навсегда остаются люди, для которых затворены врата глубокого сознания. Но теперь – другое дело:

Чувство презрев, он доверил уму («Сумерки», стр. 21).

Он слишком-мало слушается одного, слишком-часто спрашивается другого. Наступим ли ногою на цветочную головку – мы тотчас думаем, к какому классу растений принадлежите цветок и как его имя, забывая, что малейшая былинка есть проявление всемирного духа, и потому доступнее отвлеченного образа, важнее искусственного названия. Увидим ли прекрасное лицо женщины? мы сами ослабляем впечатление прекрасного, думая возвысить дар природы душевными достоинствами, как-будто красота сама-по-себе не есть уже достоинство. Возникнет ли радость? мы искажаем редкое счастье желанием знать его начало и конец, указать ему место в психологической системе. Когда из глаз стыдливой девы польются горестные слезы, которые Байрон запрещал даже любовнику отирать страстным лобзаньем – у нас готовы утешительные средства. Восторг при наступлении желанного свиданья охлаждается тою мыс- лию, что

дни печали

Быть может, поздно миновали (ч. I, стр. 49).

На утре дня померкают пред нами вещественные явления природы, при задумчивом вопросе: «Что же совершится в будущем с природой?» Самый

566

кинжал, направленный в тоскующую грудь – что останавливает? Мысль, «что будет там, в той стороне, откуда нет пришлецов?» Наблюдая за каждым движением тела, анализируя каждый трепет сердца, человек убивает чрез это целую половину своего существования, а другою рассуждает о самоубийстве и смерти. Мания мысли овладела и литературой, как зеркалом жизни. Поэзия перестала изображать предметы, а занялась действием предметов на душу: вместо страшного, она описываете страх, вместо отвратительного – отвращение. Такой сильный перевес одного элемента к крайнему ущербу другого заметил Гёте и противодействовал ему многими произведениями, в которых видно не только сочувствие наивной простоте древнего искусства, но и блистательное его воспроизведете, а Баратынский, более других преданный мысли, наконец вооружился против нее открыто:

Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!

О жрец ее! тебе забвенья нет;

Все тут, да тут и человек и свет,

И смерть, и жизнь, и правда без покрова.

Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком

К ним чувственным, за грань их не ступая!

Есть хмель ему на празднике мирском!

Но пред тобой, как пред нагим мечом,

Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная. («Сумерки», стр. 63 и 64).

Всегдашний надзор мысли в развитии чувства, борьба их, в которой чувство, омраченное мыслию, теряет свою напряженность и свежесть, прекрасно выражена следующими, полными глубокого значения стихами:

Не даром ты металась и кипела,

Развитием спеша,

Свой подвиг ты свершила прежде тела,

Безумная душа. («Сумерки», стр. 49 и 50).

Вот где корень болезни: в спешном развитии души, в задержке или остановке развития телесного. Жорж Занд (в романе «Жак») называет такое губительное состояние человека столкновением юности чувств с умственной старостью. Лермонтов отпел несчастных похоронной Думой. Как же выйдти из ужасной коллизии?

Уравновешиванием сил, полученных свыше. Новые забыли необходимое условие счастья: *mens sana in corpore sano*. Довольно уже было гонений на тело, презрения к земному: пора земле занять принадлежащее ей место в жизни, как давно занимает она почетное место в солнечной системе.

567

Тело, как хранилище чувства, и ум, как источник мысли, враждуя между собою, полагают вражду между наукой, стремящейся к мысли, и поэзией, стремящейся к чувству. Поэзия (так рассуждает Баратынский) есть очарование; она любит тайну, и сама является облеченной в волшебное покрывало. Чем меньше, следовательно, изведаль человек, тем восприимчивей его душа, тем больше верит он чудесным силам природы, тем скорее засыпает под напевы чувства и сказки фантазии. Первые поэты отважною мыслью пускались в моря, где не гулял еще корабль, населяли предполагаемые острова, садились под тень девственного леса, к которому не подходил человек. Им нравился полусвет с мелькающими в нем смутными образами смутных существ. Но

Исчезнули при свете просвещенья

Поэзии ребяческие сны. («Сумерки», стр. 15)

Аполлон на-веки отпряг пламенных коней своих; розоперстая Аврора уже не выведет на восток сияющего утра; рыдая, ушли Дриады из очарованных лесов, и боги оставили Олимп, на котором пасутся теперь козы. Мир покорился человеку, прежнему поклоннику мира, поэзия отлетела. Что делать последнему поэту?

Стопы свои он в мыслях направляет в немую глушь, в безлюдный край; но свет ужь праздного вертепа не являет,

И на земле уединенья нет. («Сумерки», стр. 18).

Понятие о вражде поэзии с наукой последовательно вытекает из понятия поэта о жизни не развивающейся, а волнуемой. Но поэзия, как и все в мире, развивается, не умирая. Можем видеть, что прежняя поэзия отлична от новой, потому-что не могла, при новой жизни, сохранить старую форму, остаться на старом месте; но не заключим отсюда, что поэзии нет никакой. Исчез или ослаблен вид, как исчезнут, может-быть, многие ее виды; сохраняется род, воплощаясь в те или другие формы. Не место здесь показывать различие между разными проявлениями поэзии; скажем только, что опасения Баратынского решительно напрасны. Чего он боится? Открытий, опытов, короче: науки, переводящей неизвестное в известное? Если согласимся даже – неизвестность, один из элементов первобытной поэзии, принять за существенное и потому всегдашнее основание всех поэтических произведений, то и в этом случае мнете Баратынского ошибочно.

Во -первых, каждая истина, открытая наукой, гораздо-способнее возбудить творческая силы, фантазию и чувство, чем все ребяческие сны, все выдумки неведения. Известное, представленное умом, выше неизвестного, представ

568

ляемого воображением. Для греческих философов, солнце было величиною с Пелопонез. Что же это солнце значит пред землею, которая в тысячи раз более Пелопонеса, пред истинным солнцем, которое в миллионы раз больше земли, пред теми еще невиденными светилами, которых свет, пробегающий в секунду триста тысяч верст, не дошел еще до нас от сотворения мира? Что все чудовища мифологического мира: Сцилла и Харибда, Цербер и гарпии, сфинкс и циклопы пред миром допотопных животных, открытых Кювье, пред миром инфузорий, открытых Эренбергом?.. Пиры и колесницы богов – для нас самые обыкновенные вещи; советы Минервы не удивили бы теперь мальчика. Если от физического перейдем к нравственному, то увидим, что и здесь новый человек имеет справедливое право гордиться. С-тех-пор, как женщина ходит без покрывала и живет без страха под одной кровлей с мужчиною, – целый мир особенных, прекрасных чувств, закрытой гордостью и силой, предстал душе нашей. Мы выучились отказываться от приобретенной и временем укрепленной власти; живя собственной жизнью, умеем переживать отжитое веками. В постепенном развитии,

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский показали мы такие свойства человеческой природы, которые осуждены недальновидностию, потому-что она осуждает все, чего не видывала прежде, принимая разнообразие за искажение. А мир общественный с его стремлениями к лучшему, совершеннейшему?... Я только исчисляю некоторые преимущества, не имея надобности исчислять все преимущества и входить в подробное объяснение каждого. Во-вторых, всякое знание, завоевывая часть вселенной, раздвигает мир, задает новую работу мысли, показывает необходимость нового знания. Следовательно, неизвестное всегда остается, хотя иногда не в прежнем виде представляется. Ограниченность, невежество думают в своем знании видеть знание всех и всего, но Сократ сказал: я только-то знаю, что я ничего не знаю. Новый философ, менее-скромный и столь же справедливый, может сказать: «я знаю, что мне и будущим векам остается нескончаемое знание, ибо развитие мысли беспредельно». Где же та исчерпаемость, при которой погибает поэзия? Здесь оканчиваю статью свою. Мы старались определить характер мысли, которой служила поэзия Баратынского, – ее философское развитие и приложения, оставляя в стороне вопрос о поэтическом представлении этой мысли. Предметом нашим был Баратынский, как мыслитель: пускай другие рассмотрят Баратынского, как поэта или не-поэта. Может-быть, в последнем отношении, он станет ниже многих предшественников и современников, но в первом он стоит высоко. Такой искренней, верной и вместе страдальческой преданности одной идее не было ни у Пушкина, многостороннего и вселюбящего, ни у Дель

569

вига, страстного жреца изящных искусств: только Лермонтов блистательно показал, как можно жить для одной еще более возвышенной идеи, соединяя в себе мыслителя и поэта. Говорю только, потому-что, кроме этих двух писателей (да еще Жуковского, в прежнее время), так много занятых своею мыслию, все прочие были заняты всем или ничем. Не думайте, чтоб поэт набросил на себя печаль и вздумал прославиться оригинальностью: нет, «его грусти не рассеивал веселый шум пиров; он тщетно хотел жить вне себя» (ч. I, стр. 25). Он же, в другом месте, говорить:

На грудь мне дума роковая

Тяжелой насыпью легла. (ч. /, стр. 120).

В этих словах – полная исповедь его души, весь он.

Как любопытно было бы узнать не формулярный список поэта, заслуживающего истинное уважение и соучастие, а подробности его общественной и семейной жизни! Она явилась бы свету или спасительным уроком, или важной психологической задачей.

Из круга ведомых тебе явлений перешедший к истинам, известным гробу – спокойно тлей, поэт! Что бы ни ожидало тебя за гробом – Творца оправдает твоя могила: удел твой было волнение – ты волновался...

Мы все можем страдать и волноваться, испытывая на себе суд Божий. Немногие встанут чистыми, как Иов; но в каждом из нас оправдается Бог!

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Алмазов 1854 – [Алмазов Б. Н.] Современник. 1854 года, №№ X и XI // Москвитянин. 1854. № 23. отд. IV. С. 113–125 (подпись: Б. А.).

Анненков 1855–1857 – Пушкин А. С. Сочинения. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч. / Издание П. В. Анненкова. Т. 1–7. СПб., 1855–1857.

Балакин 2007 – Балакин А. Ю. Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома / Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 189–208.

БАН – Библиотека Российской Академии наук.

Баратынские 1993 – Баратынские (I. Генерал Абрам Баратынский; II. Воспоминания Н. В. Путяты о Е. А. Баратынском; III. Письмо из Марселя; IV. «Ду- шинька моя Попинька»; V. Chere Sophie. VI. Каймары. Мемориальная записка К. Н. Алексеевой) / Публ. Е. Э. Ляминой, Е. Е. Пастернак, А. М. Пескова // Лица. Биографический альманах. [Вып.] 2 / Ред.-сост. А. А. Ильин – Томич. М., СПб.: феникс: Atheneum, 1993. С. 206–268.

Белинский 1845 – [Белинский В. Г.] Русская литература в 1844 году // Отечественные записки. 1845. Т. 38. № 1. Отд. V. С. 1–42.

Белинский 1953–1959 – Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. / Ред. коллегия: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953–1959.

Благой 1923а – Благой Д. Д. Тургенев – редактор Тютчева // Тургенев и его время. Первый сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. М.; Пг.: ГИЗ, 1923. С. 142–163.

Благой 1923б – Благой Д. Д. Тургенев – редактор фета / Печать и революция. 1923. кн. 3. С. 45–64.

Блинчевская 1964 – Блинчевская М. Я. Стихотворения Баратынского / Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский
571

- И. С. Тургенева / Редколлегия: М. П. Алексеев (глав, ред) и др. Вып. 1. М.; Л.: Наука, Ленигр. отд-ние, 1964. С. 239.
- Боград 1985 – Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки», 1839–1845: указатель содержания. М.: Книга, 1985.
- Бодрова 2010 – Бодрова А. С. Поздняя лирика Е. А. Боратынского: источниковедческий и текстологический аспекты: Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2010.
- Бодрова 2010а – Бодрова А. С. О журнальных замыслах, чуткой цензуре и повседневном быте московских цензоров: из истории раннего «Москвитянина» // Пермьяковский сборник / Ред.-сост. Н. Мазур. Ч. 2. М.: Новое издательство, 2010. С. 350–371 (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 7. Ч. 2).
- Бодрова, Велижев 2009 – Бодрова А. С., Велижев М. Б. И. С. Тургенев – издатель Баратынского, или Русские второстепенные поэты в 1854 году // Тыняновский сборник. Вып. 13. XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 119–147.
- Боратынский 2002 – Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1: Стихотворения 1818–1822 годов / Ред. А. Р. Зарецкий, А. М. Песков, И. А. Пильщиков. М.: Языки славянской культуры, 2002; Т. 2. Ч. 1: Стихотворения 1823–1834 годов / Ред. О. В. Голубева, А. Р. Зарецкий, А. М. Песков. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Боратынский Л. Е. 1869 – Боратынский Л. Е. Баратынский, Евгений Абрамович // Портретная галерея русских деятелей / Изд. А. Мюнстера. Т. 2: Сто биографий. СПб.: Тип. А. Мюнстера, 1869. С. 70–73.
- Брюсов 1899 – Брюсов В. Я. О собраниях сочинений Е. А. Баратынского // Русский архив. 1899. Кн. III. № 11. С. 437–446.
- Брюсов 1901 – Брюсов В. Я. Эпиграммы и пародии на Е. А. Баратынского // Русский архив. 1901. Кн. I. № 2. С. 347–349.
- Бухштаб 1956 – Бухштаб Б. Я. Адресат эпиграммы Баратынского // Труды Ленинградского гос. библиотечного института им. Н. К. Крупской / Ред. коллегия Н. Н. Житомирской и др. Т. 1. Л.: [Изд. Лен. госуд. библиотечного ин-та им. Н. К. Крупской], 1956. С. 233–235.
- Ваууро 1914 – Ваууро В. Э. Списки послания Е. А. Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л.: Наука, 1974. С. 55–62.
- Ваууро 1975 – Ваууро В. Э. Мнимое четверостишие Баратынского // Русская литература. 1975. № 4. С. 154–156.
- Ваууро 1979 – Ваууро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 3–56.
- 572
- Ваууро 1989 – Ваууро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М.: Книга, 1989.
- Верховский 1908 – Верховский Ю. Н. Отчет о поездке летом 1908 г. // Известия императорской Академии наук. VI серия. 1908. № 16. С. 1202–1210.
- Верховский 1935 – Верховский Ю. Н. Гранки примечаний к изданию: «Е. А. Боратынский. Полное собрание сочинений, в двух томах / Подгот. текста и коммент. Ю. Н. Верховского. Статьи Ю. Н. Верховского и В. В. Гиппиуса» // Научный архив музея-усадьбы «Мураново», шифр Б 35/86 кп.
- Верховский 2008 – Верховский Ю. Н. Автобиография // Верховский Ю. Струны. Собрание сочинений / Сост., ст., коммент. В. Калмыковой. М.: Водолей Publishers, 2008. С. 728–738.
- Винокур 1927 – Винокур Г. О. Критика поэтического текста. М.: ГАХН, 1927 (Гос. Акад. Худож. наук. История и теория искусства. Вып. 10).
- Витберг 1903 – Витберг Ф. А. Кто автор стихов «цапли»? // Литературный вестник. Издание Русского Библиологического Общества. 1903. Т. VI. Кн. 7–8. С. 245–247.
- Гаевский 1853 – Гаевский В. П. Дельвиг. Статья вторая // Современник. 1853. Т. 39. № 5. Отд. III. С. 1–66.
- Галахов 1844 – [Галахов А. Д.] Е. А. Баратынский // Отечественные записки. 1844. Т. 37. № 12. Отд. II. С. 83–104 (подпись: Сто-один).
- Гербел 1861а – Стихотворения Пушкина, не вошедшие в полное собрание его сочинений. Дополнение к 6 томам петербургского издания / [Под ред. Н. В. Гербеля]. Берлин: Издание Р. Вагнера, 1861.
- Гербел 1861б – Стихотворения Пушкина, не вошедшие в полное собрание его сочинений / [Под ред. Н. В. Гербеля]. Берлин: Р. Вагнер, под липами, 1861.
- Гербел 1870 – Стихотворения Пушкина, не вошедшие в полное собрание его сочинений / [Под ред. Н. В. Гербеля]. 2-е изд. Берлин, 1870.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын Гербел 1876 – Гербел Н. В. Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина // Русский Архив. 1876. Кн. III. № 10. С. 205–244.

Гоголь 1952 – Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. Т. 12. Письма, 1842–1845 / Ред. изд.: Н. Ф. Бельчиков, Б. В. Томашевский; Ред. тома Г. М. Фридендер. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1952.

Гофман 2004 – Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Часть I (1904–1921) / Публ. Т. И. Краснобородько, при участии В. Р. Гофмана // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 180–238.

Грот, Плетнев. Переписка – Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. С прил. портр. Грота и Плетнева / Изд. под ред. К. Я. Грота. Т. 1–3. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ., 1896.

573

Дельвиг 1912 – Дельвиг А. И. Мои воспоминания / [Предисл.: хранитель Г. Георгиевский]. Т. 1–4. Москва: Моек. публ. и Румянцев, музей, 1912–1913.

Дельвиг 1930 – Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига. 1820–1870 / Ред. и вступ. ст. С. Я. Штрайха; Предисл. Д. О. Заславского. Т. 1–2. М.: Л.: Academia, 1930.

Дельвиг 1934 – Дельвиг А. А. Полное собрание стихотворений / Ред. и прим. Б. В. Томашевского; Вступ. ст. И. Виноградова и Б. Томашевского. [Л.]: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.

Дельвиг 1986 – Дельвиг А. А. Сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Э. Вацуро. Л.: Худож. лит: Ленингр. отд-ние, 1986.

Долгополова, Тархов 1989 – Долгополова С. А., Тархов А. Е. История тютчевского мемориального собрания // Литературное наследство. Т. 97: Ф. И. Тютчев. Кн. II. М.: Наука, 1989. С. 600–609.

Ефремов 1819 – Ефремов П. А. Александр Сергеевич Пушкин. «Моя родословная» по подлинной рукописи // Русская старина. 1879. Т. 26. № 12. Декабрь. С. 729–737.

Ефремов 1903 – Ефремов П. А. Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб.: [Типография А. С. Суворина], 1903.

Изд. 1835 – Стихотворения Евгения Баратынского. Ч. 1–2. М.: Тип. А. Семена при Имп. Мед.-хирург, акад., 1835.

Изд. 1869 – Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. С портр. авт., снимк. его почерка, его письмами и биогр. о нем сведениями: Сверено с преж. изд. М.: Тип. Грачева и К°, 1869.

Изд. 1884 – Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. С портр. авт., снимк. его почерка, его письмами и биогр. о нем сведениями. 4-е изд. Казань: В университетской типогр., 1884.

Изд. 1894 – Полное собрание сочинений Евгения Абрамовича Баратынского: С портр. авт., его письмами и биогр. о нем сведениями / Ред. изд. И. Н. Бо- жерянова. Т. 1–2. СПб.: М. К. Ремезова, 1894.

Изд. 1900 – Стихотворения Евгения Абрамовича Боратынского. Ч. 1. Лирические стихотворения, элегии, послания и эпиграммы: С подстроч. вариантами; [Ч. 2. Поэмы]. Казань: Типо-лит. И. С. Перова, 1900.

Изд. 1914–1915 – Полное собрание сочинений Е. А. Боратынского / Под ред. и, с примеч. М. Л. Гофмана. Т. 1–2. СПб.: Разряд изящ. словесности Имп. Акад. наук, 1914–1915. (Академическая библиотека русских писателей. Вып. 10–И).

Изд. 1936 – Баратынский. Полное собрание стихотворений / Ред., коммент. и биография, статья Е. Купреяновой и И. Медведевой; Вступ. ст. Д. Мирского. Т. 1–2. [Л.]: Сов. писатель, 1936 (Библиотека поэта. Большая серия).

574

Изд. 1945 – Баратынский Е. А. Стихотворения / Ред. ст. и примеч. И. Н. Медведевой. М.: Гослитиздат, 1945.

Изд. 1951 – Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма / Вступ. ст. К. Пигарева; Подгот. текста и примеч. О. Муратовой и К. Пигарева. М.: ГИХЛ, 1951.

Изд. 1951 – Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. Н. Купреяновой. Л.: Сов. писатель, 1957 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Изд. 1982 – Баратынский Е. А. Стихотворения; Поэмы / Изд. подгот. Л. Г. Фризмана. М.: Наука, 1982 (Литературные памятники).

Изд. 1987 – Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Сост. С. Г. Бочарова; Вступ. ст. Л. В. Дерюгиной; Примеч. Л. В. Дерюгиной и С. Г. Бочарова. М.: Правда, 1987.

Изд. 1989 – Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина; Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Л.: Сов. писатель, Ленигр. отд-ние, 1989. (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.).

Изд. 2000 – Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Е. В. Невзглядовой и Л. Г. Фризмана; Сост., подгот. текста и примеч. Л. Г. Фризмана.

- инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратын. СПб.: Академический проект, 2000 (Новая Библиотека поэта).
- Каллаш 1902 – Каллаш В. В. Историко-литературные мелочи: I. «Цапли» Баратынского // Литературный вестник. Издание Русского Библиологического Общества. 1902. Т. IV. Кн. 7. С. 197.
- Каллаш 1907 – Каллаш В. В. К литературной истории двух мнимых стихотворений Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 5. СПб., 1907. С. 110–116.
- Каталог 1925 – Е. А. Боратынский. Каталог выставки в ознаменование 125-летия со дня его рождения (1800–1925) / Сост. Н. И. Тютчев. Музей имени поэта Ф. И. Тютчева в Муранове, 1925.
- Киреевский 1845а – [Киреевский И. В. Введение к отд. «Библиография»] // Москвитянин. 1845. Ч. 1. № 1. Отдел «Библиография». С. 1–5.
- Киреевский 1845б – [Киреевский И. В.] Стихотворения Баратынского // Библиотека для воспитания. 1845. Ч. 3. Отд. I. С. I–VI (подпись: И. К.).
- Клепиков 1959 – Клепиков С. А. Филигранные штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959.
- Лернер 1911а – Лернер Н. Эпиграмма Пушкина и Баратынского // Речь. 1911. № 9 (1605). 10 января. С. 3.
- Лернер 1911б – Лернер Н. [О.] Заметки о Пушкине. IV. Из псевдо-пушкинианы // Русская старина. 1911. Т. 148. № 12. декабрь. С. 667–669. 575
- Лернер 1913 – Лернер Н. О. Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 16. СПб., 1913. С. 19–76.
- Лернер 1915 – Лернер Н. О. Сочинения Боратынского. [Рец. на: Полное собрание сочинений Е. А. Боратынского. Т. II. Под редакцией и с примечаниями М. Л. Гофмана] // Речь. 1915. № 225 (3248), 17/30 августа. С. 3.
- Летопись – Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / Сост. А. М. Песков; Текст подгот. Е. Э. Лямина и А. М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
- Летопись Тургенева 1995 – Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. [Т. 1] (1818–1858) / Сост. Н. С. Никитина. СПб.: Наука, 1995.
- ЛН. Т. 58 – Литературное наследство. Т. 58: Пушкин, Лермонтов, Гоголь М.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Лонгинов 1864 – Лонгинов М. Н. Материалы для полного собрания сочинений Баратынского // Русский архив. 1864. № 1. Стлб. 110–118.
- Лонгинов 1869 – Лонгинов М. Н. Библиографический список напечатанных стихотворений Баратынского в хронологическом порядке // Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. М.: Тип. Грачева и К°, 1869. С. 374–385.
- Лотман 1971 – Лотман Л. М. Тургенев и Фет // Тургенев и его современники / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука, 1977. С. 25–47.
- Лютня II – Лютня. II. Потаенная литература XIX столетия / Издание Э. Л. Каспровича в Лейпциге 1874 г. Третье издание. Berlin: J. Ladyschnikow Verlag. G. m. b. H.
- Мазур 2002 – Мазур Н. Еще раз об адресате эпиграммы Баратынского «Увы! Творец непервых сил!..» // Вып. И: Девятые Тыняновские чтения. М.: ОГИ, 2002. С. 285–300.
- Майков 1899 – Майков Л. Н. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. С приложением портрета Пушкина. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1899.
- Манн 1984 – Манн Ю. В. В поисках живой души. «Мертвые души»: Писатель – критика – читатель. М.: Книга, 1984 (Судьбы книг).
- Манн 2004 – Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. 1809–1845. М.: Аспект-пресс, 2004.
- Материалы 1916 – Е. А. Боратынский: Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских / С введением и примеч. Ю. Н. Верховского. Пг.: Тип. Импер. акад. наук, 1916.
- Медведева 1968 – Медведева И. Н. Последний день Помпеи. Картина К. Брюллова в восприятии русских поэтов 1830-х годов // Annali dell'Instituto Universitario Orientale. Sezione Slava. 1968. Т. XI. P. 119–120. 576
- Медовой 2007 – Медовой М. И. Кто автор хвалебной песни К. Брюллову // Русская литература. 2007. № 3. С. 116–120.
- Межевич 1844 – Межевич В. <Некролог Е. А. Боратынскому> // Северная Пчела. 1844. № 183. 12 августа. Смесь. С. 731.
- Модзалевский 1907 – Дельвиг и Пушкин: (Письмо А. П. Марковой-Виноградской (Керн) к П. В. Анненкову) / Публ. и коммент. Б. Л. Модзалевского // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 5. СПб., 1907. С. 140–137.

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский. ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
ОРК НБ СПбГУ – Отдел редких книг Научной библиотеки Санкт-петербургского государственного университета.
ОРКИР МГУ – Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета.
Осват 1980 – Осват А. Л. «Как слово наше отзовется...»: о первом сборнике Ф. И. Тютчева. М.: Книга, 1980 (Судьбы книг).
Отчет ИПБ 1892 – Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1893.
Павлицhev 1890 – Павлицhev Л. Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. М.: Университетская тип., 1890.
ПД – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом).
Песков 2002 – Песков А. М. Е. А. Боратынский. Очерк жизни и творчества // Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1: Стихотворения 1818–1822 годов. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 22–70.
Пигарев 1935 – Пигарев К. В. Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева // Литературное наследство. Т. 19–21. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. С. 371–418.
Пигарев 1948 – Пигарев К. В. Мураново. М.: Моек, рабочий, 1948.
Плетнев 1844 – Плетнев П. А. Евгений Абрамович Баратынский // Современник. 1844. Т. 35. № 9. С. 298–329.
Полевой 1888 – Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. Санкт-Петербург: А. С. Суворин, 1888.
Поэты 1790–1810-х – Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; Подгот. текста М. Г. Альтшуллера; Вступ. заметки, биографии, справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. [Л.]: Советский писатель, 1971. 37 – 5341
577
Поэты 1820–1830-х – Поэты 1820–1830-х годов / Биографии, справки, сост., подгот. текста и примеч. В. С. Киселева-Сергенина; Общ. ред. Л. Я. Гинзбург. Т. 1–2. [Л.]: Сов. писатель, 1972.
Пушкин 1887 – Сочинения А. С. Пушкина. Издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым / Под ред. и с объяснительными примеч. П. О. Морозова. Т. 1–7. СПб., 1887.
Пушкин 1903–1905 – Пушкин А. С. Сочинения / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903–1903. Т. 1–8. СПб., 1903.
Пушкин 1903–1906 – Сочинения и письма А. С. Пушкина / Критически проверенное и дополненное по рукописям издание, с биографии, очерком, вступ. ст., объяснит, примеч, и худож. приложениями, под редакцией П. О. Морозова. Т. 1–8. СПб.: Просвещение, 1903–1906.
Пушкин 1907–1915 – Пушкин А. С. [Собрание сочинений] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., Пг: Изд. Брокгауза-Ефрона, 1907–1915 (Библиотека великих писателей).
Пушкин 1937–1959 – Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
Пушкин 2004 – Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 2. Стихотворения. Кн. 1: Петербург. 1817–1820 / Редакторы тома В. Э. Вацуру, Е. О. Ларионова. СПб.: Наука, 2004.
Пушкин в воспоминаниях 1998 – Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. / Вступ. ст. В. Э. Вацуру; Сост. и примеч. В. Э. Вацуру, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. Т. 1–2. СПб.: Академический проект, 1998 (Пушкинская библиотека).
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
Рейтблат 1998 – Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтבלата. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
Сенковский 1844 – [Сенковский О. И.?] Стихотворения Евгения Баратынского. Две части... Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского // Библиотека для чтения. 1844. Т. 66. № 132–133. Отдел V. С. 1–22 (5-й пагинации).
Смирнова 1888 – А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская старина. 1888. Т. 60. № 10. С. 125–147.
Снегирев 1904 – Дневник Ивана Михайловича Снегирева / С предисл. А. А. Титова. Т. 1–2. М.: Унив. тип., 1904–1905.
Соболевский 1912 – Соболевский С. А. Эпиграммы и экспромты / Под ред. [и с предисл.] В. В. Каллаша. М.: С. Г. Мамиконян, 1912.
578

инений и писем. Том 3. Часть 1. «Сумерки» Стихотворения 1835 – 1844 годов. Евгений Абрамович Баратынский и Пётр Иванович Соболевский 1927 – Беляев М. Д. Соболевский о Пушкине // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 31/32. Л., 1927. С. 33–48.
Справочный том – Е. А. Боратынский. Авторская книга лирики: В 4 кн. / Науч. ред. А. М. Песков. [кн. 4]: Справочный том. М.: Пашков дом, 2003. Сумерки – Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского. М.: Тип. А. Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1842.
Татевский сборник 1899 – Татевский сборник С. А. Рачинского. С приложением портрета А. С. Хомякова. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1899. Томашевский 1928 – Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии Л.: Прибой, госуд. типогр. им. Ив. Федорова, 1928.
Тургенев 1854 – XV стихотворений Е. А. Баратынского // Современник. 1834. Т. XLVII. № 10. Октябрь. Отд. I. С. 147–160 (1-й пагинации).
Тургенев 1961 – Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Т. 2. Письма, 1831–1856 / Тексты подгот. и прим. сост. А. И. Батюто и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Ленингр. отд-ние, 1961. Хетсо 1964 – Хетсо Г. Анастасия Львовна Баратынская о своем муже // Scando-Slavica. 1964. Т. X. P. 5–22.
Хетсо 1973 – Хетсо Г. Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Oslo; Bergen; Tromso, 1973.
ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы.
Цявловская 1961 – Цявловская Т. Т. Новонайденный автограф Пушкина (эпиграмма на Булгарина) // Русская литература. 1961. № 1. С. 120–133. Цявловский 1936 – Из пушкинианы П. И. Бартенева / Публикация и комментарии М. Цявловского // Летописи Государственного литературного музея. Кн. 1. Пушкин / Редакция М. Цявловского. М.: Журнально-газетное объединение, 1936. С. 491–562.
Шапошников 1928 – Шапошников Б. В. Письма Е. М. Языковой о Пушкине (Из архива Музея Сороковых Годов) // Искусство. 1928. Т. IV. Кн. 1–2. С. 153–168.
Шубин 1985 – Шубин В. Ф. Поэты пушкинского Петербурга. Л.: Лениздат, 1985.
Шубин, Файбисович 1982 – Шубин В. Ф., Файбисович В. М. К литературной жизни пушкинского Петербурга // Русская литература. 1982. № 3. С. 149–159.
Эпиграмма и сатира – Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX° века. Т. 1. 1800–1840 / Сост. В. Орлов. М.; Л.: Academia, 1931.
Barratt 1969 – Barratt C. R. A. L. Baratynskaja and P. A. Pjeshëv: Correspondence // Scando-Slavica. 1969. Т. XV. P. 35–45.
Pacini Savoj 1959 – Pacini Savoj L. Documenti. E. A. Boratynski // Annali dell'Istituto Universitario Orientale. Sezione Slava. 1959. Т. II. P. 201–203.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://baratynsky.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!